

михай фёльдеш

СЕВЕРНЫЕ ВОРОТА

михай фёльдеш

СЕВЕРНЫЕ ВОРОТА

РОМАН

Авторизованный перевод
с венгерского
С. ФАДЕЕВА

Ордена Трудового Красного Знамени
Военное издательство
Министерства обороны СССР
Москва — 1981

FÖLDES MIHÁLY

AZ ÉSZAKI KAPU

ZRÍNYI KATONAI KIADÓ
BUDAPEST

Фёльдеш М.

Ф39 Северные ворота: Роман/Авторизованный пер. с венг. С. Фадеева. — М.: Воениздат, 1981.—336 с.

В пер.: 2 р.

Роман крупного венгерского прозаика, произведения которого не раз публиковались в Советском Союзе, посвящен героическому прошлому венгерского народа.

В остросюжетной форме автор воссоздает картину Северного похода, совершенного венгерской Красной армией летом 1919 года для защиты молодой республики, вставшей на путь Великого Октября.

Книга предназначена для массового читателя.

$Ф\frac{70304-199}{068(02)-81}$ 175.81.4703000000.

ББК 84. 4Ви
И (Венг.)

1

Утро 30 октября 1918 года.

В тот день в военной тюрьме, расположенной на улице Конти, пятеро дезертиров венгерской королевской армии, приговоренных к смертной казни, ожидали помилования. До этого они никогда прежде не видели друг друга. Спустя час после того, как они оказались в одной камере, туда вошел капитан Рек, начальник тюрьмы. Его сопровождали военный судья поручик Шольц и два охранника, вооруженные винтовками. Шольц зачитал список дезертиров. Он явно торопился.

— Мартон Балаго. Рядовой. Сорока одного года. Гражданская специальность — подмастерье сапожника. Дезертировал из первого пехотного полка.

— Есть.

— Карой Фертиг. Рядовой. Тридцати трех лет. До армии — ярмарочный зазывала. Дезертировал из третьего пехотного полка.

— Тут.

— Ференц Касаш. Тридцати трех лет. До армии — землепашец. Дезертировал из двести сорок шестого пехотного полка.

— Присутствует.

— Янош Марош. Рядовой. Девятнадцати лет. Гражданская специальность — каменщик. Дезертировал из тридцать второго пехотного полка.

— Есть.

— Деметр Мунтеа. Рядовой. Сорока шести лет. Пастух. Дезертировал из двадцать четвертого пехотного полка.

— Так точно.

Шольц с удивлением уставился на румынского пастуха, у которого был поразительно низкий голос. Офицеру показалось, что он видит перед собой растрепанного бурого медведя.

— Всем вам в помиловании отказано, — продолжал он. — Завтра, тридцать первого октября, утром, приговор будет приведен в исполнение. Однако перед казнью вы можете высказать свое последнее желание.

Всех пятерых солдат потрясло сообщение военного судьи.

— Господи помилуй! — ошалело воскликнул Мунтеа.

Касаш и Марош застывшим взглядом продолжали смотреть на офицеров. Фертиг, завсегдатай ярмарок, в полном соответствии со своим легкомысленным характером лишь пожал плечами. «Коль уселся в картишки перекинуться, — подумал он, — то уж не вопи, если тебе капут настанет». Балаго горько усмехнулся.

— Вы все поняли? — холодно спросил военный судья.

Ответа не последовало.

— Повторяю, если у кого из вас есть последнее желание, то выкладывайте!

Никакого ответа. Поручик по очереди оглядел с ног до головы всех приговоренных к смерти.

— У вас есть последнее желание? — обратился он к Балаго. Его раздражала улыбка этого солдата.

— Есть.

— Мы слушаем.

— Катись ты ко всем чертям, кусок дерьма! Вот мое желание. Чтобы ты сдох, сволочь этакая! Чтоб ты копыта откинул вместе со всеми судьями, генералами, подлецом Тисой, королем Карлом, королевой Зитой и со всей подлой сворой господ свиней!

Рек был поражен. Он много слышал о развале дисциплины в армии, но это превзошло все его ожидания. Он вопросительно посмотрел на судью. Шольц был

удивлен не меньше начальника тюрьмы. В замешательстве он поправил съехавшее с носа пенсне.

Наступила напряженная тишина. Осужденные застыли на своих местах. Все ждали: что-то будет. Шольц уже потянулся было к кобуре револьвера, но через секунду все-таки взял себя в руки.

— У этой скотины от страха, видимо, помутился рассудок, — сказал он, обращаясь к начальнику тюрьмы.

По мнению Река, случившееся следовало рассматривать как бунт, и он бы с огромным удовольствием тотчас же казнил Балаго.

— Грязная свинья! Завтра тебя вздернут! — заорал он в порыве бессильного гнева.

Шольц, демонстрируя свое хладнокровие и полное презрение, театрально поднес руку с часами к глазам, довольно долго всматривался в циферблат, словно советуясь с ним, а затем нарочито членораздельно произнес:

— Ну что ж, теперь пеняйте на себя. Я кончил!

Повернувшись на каблуках, он удалился вместе с Реком и охранниками. За ними с грохотом захлопнулась входная дверь. Балаго сплюнул на пол и уселся на топчан. Мунтеа упал на колени и начал бить себя в грудь. Он рыдал, беспрестанно повторяя «Господи помилуй!». Касаш почти без сознания свалился на топчан. Он неподвижно уставился на грязный потолок камеры, с которого кое-где свисали вниз, плавно покачиваясь, черные полоски паутины. Вспомнил Серег, родную деревню, свою жену Юли и трех детей. Марош почувствовал лишь парализующую волю усталость. Последние дни он жил в постоянном страхе. Теперь же нервы окончательно сдали. Его тело била мелкая дрожь. Один Фертиг сохранял присутствие духа. Перед его мысленным взором промелькнули картины его прошлой жизни.

Лавочники всегда неплохо оплачивали ремесло базарных зазывал. Без него не могли обойтись ни бородатая женщина с подмостков балагана, ни глотатель огня, ни человек-змея. С зазывалами мог соперничать, пожалуй, только имитатор женщин Шари Динье. Фертиг неплохо зарабатывал за сезон, зимой играл в карты, и всегда находилась женщина, которая готова была приютить его. Жил Фертиг легко, не задумываясь над

смыслом своего существования. И сейчас он довольно быстро справился с собой.

— Здорово ты отделал этого судью-гаденыша, браток! — восхищенно произнес Фертиг, обращаясь к Балаго. — Честное слово, у меня от радости аж печенка екнула. Ты прав, теперь нам уж все равно. Раз уж они решили нас вздернуть... По крайней мере, ты хоть душу отвел... Видел бы ты только, как побледнела рожа у этого альфонса-офицера, когда ты ему все выпалил... Я подумал, он выхватит револьвер и застрелит тебя на месте. Но он не посмел... Смерть — гнусная штука, и все едино — от пули ли, или от верёвки... Хотя черт его знает: говорят, повешенные часто от страха под себя делают, когда их вздергивает палач...

Гнев Балаго уже улетучился. Теперь он бы с удовольствием закурил. Он машинально опустил руку в карман френча, хотя и знал, что там даже щепотки табаку не найдется. В камере резко пахло карболкой. В стране свирепствовала эпидемия испанки — страшной болезни, которая тысячами отправляла людей на кладбище.

Фертига же явно тянуло на разговор.

— Страшно? — спросил он у Мароша, пожалев его. — Да у тебя ни кровинки в лице. Возьми себя в руки. Посмотри на меня: разве я дрожу? Конечно, кабы можно было винцом или палинкой глотку промочить, было бы легче. Когда этот слюнтяй спросил, есть ли у нас последнее желание, я чуть было не сказал ему, что хотел бы еще разок переспать с Луизой. Я имел дело со многими девками, но то, что она умеет, если ей хочется, а-а-а, парнишка, это высший класс, можешь уж мне поверить.

Мунтеа снова вскрикнул и ударился лбом об пол:

— Господи помилуй!

Фертиг, рассвирепев, набросился на него:

— Молчи, скотина ты несчастная! — Потом повернулся к Касашу и спросил: — Ты сам-то откуда родом?

— Из Серега.

— А сколько у тебя земли?

— Всего три хольда.

— Жена? Дети? — И тут же расхохотался: — Такие, как ты, впрочем, размножаются, как кролики. Задирают бабам юбку, и вот уже готов новый Янчи. О чем ты все думаешь?

Касаш в это время думал о своей жене Юли, которой исполнилось только тридцать лет, хотя все руки у нее в каких-то пятнах, а ноги сильно опухают. Ей так хотелось заполучить еще три хольда к их имеющимся трем. Тогда у них было бы целых шесть хольдов и жить стало бы намного легче. Из-за этого и сам он истязал себя работой. Когда жена провожала его по мобилизации на железную дорогу, она знала, что им уже никогда не видеть этих шести хольдов. Юли все время плакала и твердила: «Ты там и останешься, Фери, навсегда. Я это чувствую». Он ей тогда ответил: «Найдешь себе кого-нибудь». У нее дернулись уголки губ: «С тремя-то детьми?» Касаш же ответил: «С тремя хольдами земли...» Да, эти три хольда... Он никогда больше не увидит, как на них колосится рожь. Вот о чем он думал.

— Неотесанный ты мужик, — сделал вывод Фертиг.

— Оставь его в покое, — заступился за Касаша Балаго. — Лучше его не задирать.

— Ты мне нравишься, парень. Я вижу, ты на все плюешь. Что ты обо всем этом думаешь? А? — обратился Фертиг к Балаго.

Балаго ответил как бы самому себе:

— Пропала моя жизнь ни за понюшку табаку. Последние пять лет работал я на обувной фабрике «Унио», на улице Дохань. Ежедневно по десять—двенадцать часов страшного мучения. Вонючий сапожный клей, рот вечно забит деревянными гвоздями, и стучишь молотком, стучишь... А ради чего? Харч — дрянь, одежонка — ветхая, спишь — на кровати с клопами. А если когда и поймаешь шлюху за пять крон, так она еще целый час допытывается, а не болен ли ты чем-нибудь этаким.

— Да, это уж действительно гнусная житуха, — понимающе согласился с ним Фертиг.

— Я очень хотел машинистом стать: как-никак эти пыхтуны кое-что видят на белом свете. А меня из сиротского дома отдали в ученики к сапожнику. Притерпелся, правда. Потом все-таки ушел от хозяина, вступил в профсоюз. Там мне объяснили, что скоро жизнь рабочих изменится к лучшему. Но разве она стала легче? Черт бы побрал всех тех, кто еще в это верит. В сентябре девятьсот пятого года мы еще могли кое-чего добиться, ведь тогда все улицы города принадлежали нам. В девятьсот седьмом — тоже. Мне тогда

двадцать два года было. Мы весь город кверху дном перевернули. В девятьсот двенадцатом тоже было здорово: мы все ломали и крушили, били стекла, переворачивали трамваи и даже палили из пистолетов. Когда появились полицейские и жандармы, мы пошли стенка на стенку. Началось кровопролитие, а закончилось все в конце концов событиями четырнадцатого года. — Балаго заметно помрачнел. — Чего-то мы, видать, недоглядели. Знать бы только чего? Теперь я догадываюсь, но уже поздно. Правы были русские рабочие. Они-то поняли, что надо делать... Мне и теперь, в последний день моей жизни, не дает покоя мысль: почему мы все-таки так и не смогли ничего добиться? Почему, черт подери, почему? Может, мы хуже, чем они? Или над нами нависло проклятие какое-то, а может, просто по глупости? Получить бы ответ на этот вопрос.

Мунтеа еще раз прокричал свое очередное «Господи помилуй!».

— Если он не замолчит, я сейчас размозжу башку этой скотине! — разозлился Фертиг. — Слушать его мочи нет.

— Оставь его. Таким лучше. Он, по крайней мере, во что-то верит. А я во что верю? Или ты?

Фертиг утихомирился.

— Я, конечно, не умнее тебя. Но все-таки голова у меня кое-что варит. На кой черт мне надо было совершать эту глупость? Знаешь, когда я дезертировал, то сначала жил за городом, в Ракошпалоте, у одной бородатой женщины. Без бороды она выглядела вовсе недурно. Она-то меня и укрыла. Я у нее как сыр в масле катался. Жил себе припеваючи. А потом словно рассудка лишился: мне во что бы то ни стало захотелось встретиться с толстушкой Луизой. Ходили слухи, что война уже закончилась, никто больше дезертиров не ищет, что в городе идет настоящая гульба и потому нет никакого смысла дальше прятаться. Словом, я взял курс на улицу Зилка, где живет Луиза. Деньги у меня тогда были, а карточки — хлебные, мясные и прочие — меня не интересовали, так как Луиза все могла достать. Но только дело в том, что мою Луизу предал какой-то фрайер, меня у нее схватили, и вот я здесь. — Он заскрипел зубами. — А ты знаешь, что самое гнусное во всем этом? Меня завтра вздернут, а в городе идет разудалая жизнь. В свое удовольствие живут миллионеры,

разбогатевшие на войне, кутят растратчики-чиновники, грассируют шлюхи, гуляют напропалую великосветские дамы, а многочисленные умники и ловкачи успешно промышляют на черном рынке. У кого голова на плечах, все как-то устроились. Удивляюсь, как я еще от злобы не лопнул.

Он немного помолчал, а потом сказал, обращаясь к Балаго:

— Глянь-ка на этого сопливца. Он уже нюни распустил.

Балаго посмотрел в сторону Яноша Мароша, затем сел рядом с ним на топчан, обнял за плечи.

— Возьми себя в руки, браток, — сказал он, стараясь хоть немного приободрить юношу. — Расскажи-ка нам обо всем по порядку. Тебе нужно основательно выговориться, и тогда сразу же станет легче... Где тебя схватили?

— В Пеште, на улице Коппань, на квартире у старшего брата. На меня донесли...

— А кто?

— Хефлерне Нуши.

— Ага... — захихикал Фертиг. — И тебя тоже предала какая-то мерзкая шлюха. Кто такая эта Хефлерне, эта Нуши?

— Молодая баба. Ей тридцать лет, но она пылкая, как двадцатилетняя. Муж у нее работал кондуктором трамвая, погиб на русском фронте в самом начале войны. Вот тогда-то Хефлерне меня и окрутила. Я был тогда совсем молодым...

— Таковы уж эти военные шлюхи, — рассудительно заметил Фертиг. — Знаю я их подлую натуру.

— А потом что случилось? — не отставал Балаго.

— Вскоре меня призвали в армию. За семь недель обучили — и марш на фронт. На второй день после прибытия в часть меня ранило. Попал в госпиталь. Поначалу в Клагенфурт, а после в Вену. Когда я поправился, мне дали отпуск по болезни, и в часть я больше уже не вернулся.

— Это Хефлерне уговорила тебя дезертировать?

— Да нет, что ты. Это сделали Илона и мой старший брат.

Фертиг, довольный, заржал:

— Илона? Опять баба. По крайней мере, кто она такая?

— Младшая сестра жены брата. Она в типографии укладчицей работает. На год старше меня. Хефлерне мне очень скоро осточертела, я полюбил Илону: у нее от меня ребятенок будет. Они сказали, что война вот-вот кончится и мне можно дезертировать. Мой старший брат работает токарем на оружейном заводе. Он — уполномоченный профсоюза. А Хефлерне, или, как я ее еще называю, Нуши, мне отомстила: донесла на меня. — Марош немного помолчал, а затем срывающимся от волнения голосом продолжал свой рассказ: — Мне бы, дураку, сообразить, что нельзя оставаться на улице Коппань. Я, скажем, мог бы преспокойно отсидеться у Виктора, старшего брата Илоны, который живет на улице Губачи. А я этого не сделал...

Фертига явно заинтересовала история Мароша, и он спросил:

— Значит, у Илоны от тебя будет ребенок и она старше тебя на год? Великолепно! Ты на ней женат?

— Нет, ведь я же прятался.

— Ага. А до этого? Ее величество никем не интересовалась?

— Она была обручена.

— А где ее жених?

— Погиб в Галиции.

— Грандиозно! — воскликнул Фертиг, явно потешаясь над наивностью Мароша. — Можешь себе пропеть песенку: «Жми, парнишка, на педали, тебе детку засандалят...» Старая история: так ребенку папашу находят. А ты уверен, что ребенок от тебя? Что ты сказал, сколько лет твоей божественной Илоне?

— Двадцать. Она на год старше меня.

— И на сто лет опытнее. Она тебя охмурила, чтобы у нее был хахаль по закону.

Марош сначала растерялся, а затем ответил:

— О, она не такая... Она совсем другая, не такая, как все...

Балаго решил перевести разговор на другую тему:

— Родители-то у тебя живы?

— Они оба уже давно лежат на кладбище в Ракоше. Отец на лесопилке работал, надорвался там. Затем устроился носильщиком на вокзале. Умер в пятьдесят лет от запоев. Мать скончалась от чахотки. Меня старший брат забрал к себе. Он — очень хороший человек,

на пятнадцать лет старше меня. А Мария, жена его, на консервном заводе работает.

— Ну а Виктор, о котором ты говорил?

— Он?.. Э... Он действительно живет по-своему...

— Понимаю... Можешь не продолжать. Ты родился пролетарием, жил на улице Копиань... Воспитывался у старшего брата, на твою беду, самцом тебя сделала военная вдовушка, а теперь...

Он хотел было добавить: «Теперь ты ждешь своего смертного часа... А тебе всего-навсего девятнадцать лет... Нечего сказать, замечательная у тебя доля...» Все то, о чем не сказал Янош Марош, можно было легко представить. В детстве учитель в школе бил, у станка мастер шпынял, насиловала вечно голодная до мужиков шлюха. На фронте такие горемыки разбегаются в разные стороны от шквального огня вражеской артиллерии, а во время атаки, словно испуганные блохи в блошином цирке, расползаются по окопу.

— Жалко мне Илону, — сказал Марош. — Что ей делать-то теперь с ребенком?

Фертиг его утешил:

— Не волнуйся ты об этом. Детишки на улице Коплань мрут штабелями. Их уносит дифтерит и скарлатина. Ну а твоя подружка Илона? Она еще молодая, со временем кого-нибудь себе найдет...

Под вечер в камеру пожаловали два священника в сопровождении дежурного охранника. Один из них был католическим, другой — протестантским. Оба были одеты в подобающие для данного случая сутаны. Протестантский выглядел значительно моложе своего собрата.

— Святые отцы пришли сюда, — разъяснил охранник, — чтобы исповедовать вас.

Балаго со зловещим спокойствием смерил взглядом обоих священников с головы до ног.

— Я не хочу исповедоваться! — решительно заявил он.

— Я тоже, — присоединился к нему Фертиг.

Протестантский священник спросил:

— Кто здесь из вас кальвинист?

Касаш почтительно привстал с топчана:

— Я. Но мне нет никакого дела до господа и до людей тоже. Ни до кого...

— Видите ли, — сказал Фертиг, — тут никому из нас не нужны духовники.

В разговор вступил католический священник:

— Братья мои, не будьте же такими жестокосердными. — Достав из кармана своей сутаны клочок бумаги, он по буквам, подслеповато щуря глаза, прочитал написанные на нем фамилии: — Балаго, Фертиг, Марош — вы же католики. Мунтеа — вы тоже христианин, только греко-католической церкви. Ваш священник болен, но я с готовностью заменю его.

Балаго с интересом уставился на священника. Тот показался ему простодушным и кротким человеком. В голосе Балаго прозвучали нотки снисходительности:

— Видите ли, святой отец, меня убеждать бесполезно. Не принимайте близко к сердцу то, что я вам скажу. Я — человек неверующий. В последний раз был в церкви еще подростком. Но даже тогда я не верил в бога. Когда же я побывал в аду под Добердо, то я окончательно порвал с ним.

Пожилой священник содрогнулся от этих слов. Он много слышал о вставшем с ног на голову мире, о распространении в нем безбожия и греха. С ужасом и душевным трепетом перечитывал он специальные письма епископов, в которых говорилось о всеобщем падении нравов, вызванном войной и распространением большевизма.

«Н-да, — подумал он, — грех овладел душами этих заблудших людей. Как изменился мир!» Он вдруг увидел себя во главе крестного хода, молодым и статным. В его памяти возникли веселые сцены крещения и торжественно-грустных похорон. И все это неотделимо друг от друга промелькнуло в сознании за несколько секунд... Но что же произошло с миром? Почему утратила силу христианская вера, куда делись набожные прихожане? Что стоит теперь человеческая жизнь, если мерой для нее является страдание?

— Да очнитесь же, братья мои! — заговорил он снова дрожащим от волнения голосом. — Человеку, который доживает последние часы жизни, необходимо позаботиться о спокойствии души. Я исповедую вас, отпущу вам грехи, и тогда души ваши возрадуются. О, чистота души — главное сокровище человека!..

Балаго несколько разоружила убежденность священника. Он повернулся к нему спиной. Фертиг же никак не хотел сдаваться.

— Святой отец, — довольно глумливо произнес он, — не раздражай нас своей мягкостью. Лично я утратил веру еще на итальянском фронте, а если уж вы действительно хотите меня как-то утешить, то приведите сюда Луизу с улицы Илка. Если я пересплю с ней в последнюю ночь, тогда на душе у меня будет полный покой.

Эти слова привели в неистовство молодого священника.

— Парень! — Его голос зазвенел от возмущения. — Попридержи-ка лучше язык!

Фертиг бросил на него презрительный взгляд.

— А вас кто-нибудь просил пожаловать сюда? — спросил он. — Если здесь отыщется хоть один дурак, который нуждается в вашем опиуме, так заберите его от нас в другую камеру.

— Негодяй! — заорал священнослужитель. — Я вижу, ты действительно заслужил веревку.

Несколько успокоившись, он повернулся к Касашу:

— Сын мой, я надеюсь, ты-то понимаешь, чем обязан господу. Хотя ты и тяжко согрешил, но я считаю тебя честным венгром. Так выслушай же слова утешения и смирись.

Касаш вздохнул.

— Я думаю, святой отец, — тихо проговорил он, — моей жене больше нужны слова утешения. Я-то скоро расстанусь со всеми своими заботами и тяготами, а вот она останется с детишками одна-одинешенька. От этого у меня очень тяжко на сердце.

— Сын мой, об этом тебе следовало бы думать раньше.

— Прошу вас, святой отец, оставьте меня в покое...

Убедившись в том, что ему нечего больше делать в этой камере, молодой служитель культа молча, словно побитый, удалился.

Фертиг прокричал ему вслед:

— Одним святошей меньше!

Пожилой пастырь осенил себя крестным знамением.

— Сын мой, не теряй человеческого облика, — обратился он к Фертигу, — как можно слуг божьих называть святошами?

— А кто же они такие? — продолжал паясничать Фертиг. — Как-никак в писании есть заповедь «Не убий!». Или нет такой? А коли есть, тогда почему же

служители божьи освящают оружие солдат? И что вы думаете о том, когда на фронте один солдат-христианин убивает другого солдата, тоже христианина? Положа руку на сердце скажите: что же это за господь, который допускает подобное? Так протрите же глаза, святые отцы, и поймите, что простой народ перестал быть стадом послушных овец. Он понемногу соображать начал.

Духовник отвернулся от Фертига: с ним все ясно. Он приблизился к Марошу. Погладил по щеке. Ему стало жаль юношу.

— Дитя мое, — начал он заученно, — жизнь мирская — это одно сплошное заблуждение... Мир там, внизу, в долине плача... Смерть страшна только тем, кто считает ее окончанием своего существования. Однако физическая смерть знаменуется началом новой жизни для того, кто через нее освобождается от всего мирского, а душа его обретает крылья и на них перелетает в вечную обитель. Готовься же к этому великому путешествию и не оплакивай своего земного существования.

— Но я жить хочу! Жить! Жить! — истошно закричал Марош.

Балаго подошел к священнику и оттащил его от Мароша:

— Оставьте в покое несчастного парня. Вы же видите, что он никак не может примириться с мыслью о смерти. Вы ему сулите царствие небесное, а ведь он и здесь, на бренной земле, неплохо себя чувствовал. Этот бедняга связан обязательствами с женщиной, которая ждет от него ребенка. И тут все ваши утешения напрасны. Их не смогут понять те, у кого нет ни малейшего понятия об аде окопной жизни. А святые отцы как раз и относятся к числу таких людей.

Громко, с негодованием духовник заговорил:

— Человече, не оскорбляй слуг господних. Целое войско молодых священнослужителей находится сейчас на фронте, и ни один из них не боится за свою жизнь. Они так же терпят лишения и страдают, как любой солдат нашей армии. Но помимо этого они еще и служат мессу в перерыве между атаками, причащают и исповедуют. Они отпускают умирающим грехи, утешают больных, раненых и молятся за то, чтобы поскорее наступил мир.

— Молятся?! — взорвался Балаго. — Чего они этим добиваются? Они бы по-настоящему служили богу тогда, если он вообще существует, когда прокляли бы тех, кто развязал эту войну. Пусть проклянут Тису, короля, генералов, поставщиков, фабрикантов оружия. Тогда я, может быть, и поверю вам. Слышал я на фронте, как один святоша проповедовал, желая заставить солдат поверить в то, что они страдают и умирают во имя дорогой отчизны. Но для кого эта родина дорога и любима? Только не для меня, потому что у меня нет родины!

— Милосердный боже! — изумился священник. — Как же у тебя нет родины, ведь ты же венгр?!

— Венгр? Да. Но родина есть только у того, кому в ней неплохо живется. Конечно, и у меня, и у таких, как я, могла бы быть родина, если бы мы вовремя поняли, куда нам надо стрелять. Но тогда в этой стране уже давно не было бы и духу господ-кровопийцев!

— Замолчи! — закричал священник. — Не сквернословь, ты, сатанинское отродье! Твоя душа погибла, и место твое в геенне огненной! Сгинь!..

Он хотел было добавить еще что-то, но силы его покинули, он пошатнулся. Стражник подхватил его и вытащил из камеры.

Касаш тихо проговорил:

— Не нужно было ссориться со стариком. С господами, святошами и злыми собаками лучше не связываться.

Мароша до глубины души поразило поведение Балаго. Ему показалось, что тот чем-то похож на его старшего брата, который тоже говорил что-то подобное.

Мунтеа не интересовало происходящее вокруг. Молитвами он довел себя до состояния полной прострации. Фёртигу же слова Балаго пришлись по сердцу.

— Здорово ты отделал старого сутанника, — сказал он. — Да у нас на ярмарке народ бы себе животики надорвал от хохота, глядя на него. — И уже более серьезным тоном добавил: — Интересно, что о нас эти ханжи думают... Бьюсь об заклад, что они натравят на нас начальника тюрьмы. Но нам-то теперь уже нечего бояться, не так ли? Повешенному нечего бояться расстрела...

— А старику священнику и вправду плохо стало, — заметил Касаш. — Может, с ним что серьезное стряслось?

— Стряслось! Черта с два, — засмеялся Фертиг. — Вольют ему в глотку добрую порцию палинки, и он быстро оклемается...

2

В кабинете начальника тюрьмы с удивлением встретили едва державшегося на ногах старого священника. В это время Рек, военный судья Шольц и протестантский священник слушали поручика Эгона Рентца, офицера связи местного гарнизона, который доставил начальнику тюрьмы опечатанное, строго секретное письмо. Демонстрируя свою необыкновенную осведомленность, он глубокомысленно рассуждал о положении на фронтах.

Священника быстро привели в чувство, дав выпить коньяку, после чего старик поведал присутствующим о том, что произошло в камере.

— Я потрясен безбожием этих людей, — проговорил он, тяжело вздохнув.

— До чего мы дошли, — произнес молодой священник, — душевная анархия распространяется, как эпидемия испанки.

Военный судья нахмурился:

— Что же с нами будет в конечном итоге? Ведь в одном Будапеште в настоящее время больше ста тысяч дезертиров.

— Как к этому относится Лукачич? — спросил Рек у офицера.

Рентц никогда не был на фронте, всю войну он провел в тылу, но любил показать себя сведущим в военных вопросах кадровым офицером. И теперь он высокомерно процедил сквозь зубы:

— Лукачич считает, что в наши дни все может произойти, даже революция.

— Господи боже мой, — встрепенулся старый священник.

— Ну не надо так пугаться, — улыбнулся Рентц, — вчера Лукачич решительно заявил: «Любой мятеж я подавлю!» А все, кто его хорошо знают, могли убедиться, что он умеет держать свое слово... Конечно, многое зависит от ситуации на фронте.

— Что, собственно говоря, вы имеете в виду? — поинтересовался пожилой священник,

— Видите ли, — проговорил Рентц, — когда Тиса заявил, что мы проиграли эту войну, я, признаюсь, не поверил ему. Лукачич тоже придерживается иной точки зрения. По его мнению, мы сможем выстоять, несмотря на хаос, царящий на фронте. Очень многое зависит от Германии. Если здесь сохранится какой-то порядок, остальное мы исправим с помощью надежных частей, возвратившихся с фронта.

— Но есть ли они, надежные части?

— Об этом сейчас рассуждает весь город, — заметил Рек, — мы слишком обескровили себя на итальянском фронте.

— Это так, — согласился Рентц, — цвет нашей армии, лучшие части были перемолоты в двенадцати сражениях под Ишонзо. Теперь личный состав наших дивизий не достигает даже самого минимального числа. И все-таки, по мнению Лукачича, у нас достаточно солдат для того, чтобы заключить вполне почетный мир.

Рек предложил всем присутствующим сигары.

— Только бы не позор, какой мы пережили при Пьяве.

— А что же там такое произошло? — поинтересовался молодой священник. — Ходит столько разных слухов, что совершенно невозможно ничего понять. Я абсолютный профан в военных вопросах, но считаю, что наступление было ошибкой.

— Лукачич же думает иначе, — возразил ему Рентц, — он с самого начала был целиком и полностью согласен с начальником генерального штаба Арцем. Следовало довести до конца то, что еще в бытность Конрада на посту начальника генерального штаба было так тщательно подготовлено. Надо было поставить на колени Кадорну, потому что еще одну зимнюю кампанию мы бы не смогли выдержать. Арц сознавал, что наши части находятся в критическом состоянии. Положение усугубляется трудностями снабжения, а также отсутствием резервов. Именно поэтому Арц и принял решение о генеральном наступлении...

— Я считаю, — перебил его судья, — что мы для этого не располагали достаточным количеством сил и средств.

— Вы заблуждаетесь, — покачал головой Рентц. — Правда, Арц мог противопоставить пятидесяти восьми дивизиям Кадорны сорок восемь. Однако наши солдаты

значительно превосходят по боевым качествам итальянцев, особенно в рукопашных схватках. Арца более всего тревожило преимущество итальянцев в воздухе, однако общее наступление он считал совершенно необходимым. Он был вынужден пойти ва-банк. Однако это вовсе не было безответственным шагом. Мы занимали в то время весьма удобные для наступления позиции. Имели две хорошо укрепленные линии обороны, проходившие от западных вершин Тироля до побережья Адриатического моря. Одну из них курировал Конрад, другую — Бороевич. Конрад на правом фланге располагал восемью дивизиями, а Кробатин на левом фланге — пятнадцатью дивизиями. На участке Бороевича, от Пьяве до морской лагуны, великий эрцгерцог Йожеф и Вурм имели в общей сложности пятнадцать дивизий.

Рентц бросил внимательный взгляд на священников.

— Вы успеваете следить за ходом моей мысли, господа? — спросил он. — На столе у Арца лежало четыре варианта плана наступления. В соответствии с ними Конрад мог атаковать неприятеля с четырех направлений. Из этих четырех планов в конце концов родился еще один — пятый, а потом и шестой, согласно которому и надлежало действовать и Конраду, и Бороевичу.

Тут Рентц снова обратился к священникам:

— Вам все понятно, господа?

Те дружно, но как-то не очень уверенно закивали. Рек сидел с непроницаемым видом, лицо военного судьи тоже ничего не выражало.

Рентц продолжил свой монолог. Говорил он менторским тоном, который был принят в кадетских училищах, слова одно за другим так и слетали с языка.

— Лукачич считал, что поначалу наступление развивалось успешно. На солдат Кадорны обрушился ураганный огонь нашей артиллерии. На каждый квадратный метр позиции противника упало не менее пятидесяти килограммов металла. Подобное до сих пор имело место лишь на западном фронте. После такой обработки мы, по идее, должны были прорвать оборону Кадорны. Но, увы, хитрый итальянец обвел нас вокруг пальца. Он быстро отвел своих солдат с первой и второй линий обороны, а когда артподготовка закончилась, те в темпе вернулись на свои позиции и открыли по нашим наступающим частям такой ураганный огонь, которого мы, разумеется, не ожидали. Бороевич при-

казал начать отступление, но к этому времени Пьяве сильно разлилась. Мы потеряли сто пятьдесят тысяч солдат...

— Боже милосердный, — словно про себя, тихо вымолвил пожилой священник. — Просто невозможно представить себе столько мертвецов...

Однако Рентц продолжал свой рассказ с холодным безразличием:

— Потеряли столько техники, боеприпасов, всевозможного снаряжения и продовольствия, что этот урон невозможно восполнить даже в течение года.

— Об этом ужасно даже слышать, — заметил молодой священнослужитель.

— Да, ужасно, — согласился с ним Рентц. — Но беда, как говорится, не приходит одна. Фортуна на фронте отвернулась от нас, господа. Нашу судьбу усугубило положение на западном фронте, где противнику удалось разгромить Гинденбурга. Болгария уже была не способна к активным действиям, военные силы Турции — тоже. Людендорфу не оставалось ничего другого, как требовать мира, но этому активно противился Гинденбург. То, что в настоящее время происходит на берегах Пьяве, назвать иначе, как агонией нашей армии, нельзя.

— А Лукачич по-прежнему настроен оптимистично? спросил Рек.

— Да. И его точку зрения разделяет весь генералитет.

— Тогда что же нам остается делать?

— Задача, стоящая перед нами, предельно ясна. Мы должны, собрав все силы, не допустить, чтобы с королем Карлом произошло то, что случилось в свое время с русским царем Николаем. Мы не должны допустить, чтобы у нас произошел переворот, не говоря уже о большевистских бесчинствах. В стране должны царить тишина и спокойствие.

— Но есть ли у нас реальные шансы? — встревоженно осведомился Шольц.

— Лукачич утверждает, что мы создадим специальную армию устрашения и будем стрелять, стрелять... И не надо ничего бояться... А деревянные виселицы не будут бесполезно сохнуть...

— Как это надо понимать? — У Река даже глаза загорелись.

— В полученном вами письме с грифом «Совершенно секретно», которое вы можете вскрыть только после специального приказа, сказано, что вы облекаетесь всеми необходимыми полномочиями. В кризисной ситуации вы получите право провести генеральную чистку. Раздавленный клоп не способен кусаться, не жалит и змея с отрубленной головой. — Он посмотрел прямо в глаза начальнику тюрьмы: — Надеюсь, теперь вам все понятно?

Рек с удовлетворением кивнул:

— Более чем ясно...

В этот момент военный судья Шольц счел подходящим продемонстрировать присутствующим всю глубину своей осведомленности.

— Как мне кажется, — начал он, — положение Векерле очень трудное. В Туросентмартоне словаки требуют предоставления им независимости. В Трансильвании агенты королевской Румынии тоже отравляют атмосферу. Хорватия, если честно говорить, никогда не признавала своей принадлежности Венгрии. Что же это будет за мир, если такие огромные территории будут отторжены от страны? Я считаю заявление Векерле совершенно абсурдным. Он же утверждает, что, отдав две-три области, мы спасем страну и трон Карла. Я проклинаю этого человека за столь неслыханное легкомыслие. Я никак не могу понять, почему он по сей день занимает свой пост, хотя вот уже пять дней, как он потерпел поражение в парламенте...

— Ему просто не могут найти достойного преемника, — перебил его Рентц. — Действительно, кто бы сейчас мог занять его кресло?

— Говорят, что Каройи.

— Да сохранит нас небо от него! — ужаснулся пожилой священник. — Ведь он заигрывает не только с евреем Яси, но и с социалистами Якоба.

— Чертовски все запутано, — махнул рукой военный судья.

— Солдаты скоро наведут у нас полный порядок, — заявил Рентц.

Рек, соглашаясь с ним, кивнул:

— Время пришло. Ведь и у нас уже появились какие-то рабочие советы, солдатские советы и, сам черт не разберет, какие еще там советы. Меня это очень тревожит.

— Зря, — махнул рукой Рентц. — Лукачич сказал, что у нас более ста тысяч офицеров, каждый из которых лично заинтересован в том, чтобы Карл усидел на троне. Из них-то и будет организована карательная армия, о которой я уже говорил.

— Я вот только одного не понимаю, — вздохнул молодой священник, — почему мы до сих пор посылаем маршевые роты на фронт?

Рентц загадочно улыбнулся:

— Оставьте, прошу вас. Отчего вы так уверены, что роты отправляются на фронт?.. Просто Лукачич считает, что эти ненадежные, частично составленные из бывших военнопленных части надо как можно скорее удалить из Будапешта. Понимаете?

Настроение присутствующих после этого пояснения явно улучшилось.

— Понимаем, — заявил Рек, — еще как понимаем...

Вскоре все разошлись. Хорошо проветрив свой кабинет, Рек отпил большой глоток из бутылки с коньяком и с удовольствием развалился на кожаном диване. Приблизительно в восемь часов вечера к нему пришла его любовница, этакая дама полусвета, чувствовавшая себя рядом с начальником тюрьмы как за каменной стеной и в личный бюджет которой немало перепадало от щедрот господина капитана. Рек расстался с дамой в десять часов. Он опять основательно приложился к бутылке с коньяком и только тогда вспомнил о камере с приговоренными к смерти.

Рек приказал, чтобы в камеру смертников принесли установку для подвешивания.

Он никак не мог отделаться от мысли о том, что Рентц приукрасил действительное положение вещей. Но в одном он был согласен с офицером связи гарнизона: только безжалостный террор может спасти страну. Такова была его личная точка зрения.

Когда установку для подвешивания внесли в камеру смертников, Фертиг продолжал изводить румына с его «Господи помилуй». Наконец великан румын не выдержал. Он выпрямился во весь рост, вытянул руку и,

ткнув указательным пальцем в грудь Фертига, дико закричал:

— Ты настоящий дьявол!

Затем он снова опустился на колени возле своего топчана и погрузился в молитву..

Измученный тяжелыми мыслями, Марош спал. Во сне он видел огромный тюремный плац, на котором он ожидал приведения в исполнение смертного приговора. Он долго и внимательно вглядывался в виселицу, потом бросился бежать. Пролез под проволочным ограждением. Оказавшись на свободе, он полетел будто на крыльях, все дальше и дальше удаляясь от места казни. В конце концов он оказался на огромном лугу, поросшем лиловой травой. Янош посмотрел в сторону горизонта. Там бесконечной вереницей маршировали солдаты. «Ветер дует сильный, матушка...» — пели они. От их грустной песни у Мароша защемило сердце. Он понимал, что должен стать в строй, что его место там. Но как ни старался, догнать колонну он не мог, она удалялась все дальше и дальше, а песня звучала все тише.

Проснулся Марош, когда фельдфебель громко заорал: «Встать!». Марош, еще не отошедший ото сна, попытался было протестовать:

— Оставьте меня в покое! Я хочу спать!

— Молчать! — заорал на него один из тюремщиков и ударил в грудь.

Остальные охранники кинулись на Балаго и Фертига, связали им руки за спиной.

— Ну, пташки вы мои! — злорадно взвизгнул фельдфебель. — Теперь-то уж вы свое получите! Подвесить каждого на два часа — таков приказ. Ну-с, Балаго, ну-с, Фертиг... Теперь вы сможете показать, что вы за парни!..

Первым к установке подвели Балаго. Ему связали руки, накинули на них петлю, а затем за руки на веревке подтянули его вверх, так, что ноги едва касались пола. Так он должен был висеть до тех пор, пока силы не оставят его. Балаго уже наказывали так на фронте. Через некоторое время все тело наливается свинцовой тяжестью и начинается ужасная боль. Фертиг же видел такое в первый раз.

— Вы не имеете права! — прокричал он в гневе.

Фельдфебель изо всей силы ударил его прямо в

лицо. Остальных смертников охранники выстроили перед висящим Балаго:

— Смирно! Стоять словно вы оглоблю проглотили! Можете любоваться своим наглым дружком. Что, не нравится? Это ждет каждого, кто будет много болтать языком.

— Подлые живодеры! — выкрикнул Фертиг.

Его опять принялись бить. Причем на этот раз сильнее и дольше, чем прежде. Балаго упрямо молчал. Он знал, что ему надо делать. Самое тяжелое наступало тогда, когда у человека уставали ноги и он терял опору. Поэтому Балаго сначала опирался на носок одной ноги, потом — на носок другой. Но два часа? Бесконечно медленно тянется время, когда висишь в такой петле. Мышцы его, казалось, вот-вот готовы были лопнуть от напряжения, все тело было в поту, а голова раскалывалась. По телу Балаго время от времени пробегали судороги, несмотря на все его ухищрения, пол ускользал у него из-под ног. Он потерял сознание.

— Господи, отче наш! — невольно вырвалось у Мароша.

— Господи помилуй! — пробормотал румын заикаясь.

Мунтеа никто никогда не наказывал. В тот день, когда он дезертировал из части, ему во сне приснился родной дом. И он, исполнительный и дисциплинированный солдат, поддался искушению. Его смутили весенний ветер, яркие лучи солнца, внезапно пробившиеся сквозь тучи, изумрудная зелень лугов на склонах гор. И он прямо из госпиталя «Валерия» направился домой. Он шел словно во сне, находясь в каком-то сомнамбулическом состоянии. На Мишкольцком шоссе его схватили. Сейчас он вдруг подошел к фельдфебелю, ткнул его пальцем в грудь и выпалил, как незадолго до этого Фертигу:

— Ты настоящий дьявол!

— Молчать! — заорал на него тот и со всей силы наступил румыну на ногу. — Подвесить и этого! — приказал он.

Касаш в эти минуты вспоминал о том, как он, взвалив на плечи солдатский рундучок, брел на станцию. По дороге он все время рассматривал свои сапоги, то правый, то левый. Сапоги были старыми, от долгой носки глянец слез с них, кожа порыжела. Однако он

все же бережно спрятал их в рундучок, когда призывников из гражданского переодевали в военную форму. Теперь Касаш все время думал об этом рундучке. «Где-то он теперь.. Уцелел ли? Отослали ли его домой, Юли? Ладный был рундучок, выкрашен в зеленый цвет...»

Балаго уже с полчаса мучался в петле, когда в камеру вошел капитан Рек. Он был явно пьян. Китель на нем был расстегнут, в руке он держал стек, во рту дымилась сигарета. После выпитого коньяка он почувствовал новый прилив сил. Фельдфебель застыл перед ним по стойке «смирно» и громким, отрывистым голосом доложил обстановку. Рек отмахнулся от него. Потом молча приблизился к Балаго, совсем близко, почти вплотную. Его насыщенное парами коньяка, одеколона и никотина дыхание ударило прямо в лицо Балаго. Рек ждал, не заговорит ли солдат. Про себя капитан решил, что если тот заговорит, то он ударит его, но Балаго молчал. Его тошнило от запаха, исходившего от капитана. Если бы у него были силы, он плюнул бы офицеру в физиономию. Но теперь он был лишь в состоянии бросить в его сторону взгляд, полный ненависти и презрения.

Охваченный неприятным чувством, какого ему еще никогда не доводилось испытывать, офицер поежился, невольно подумав о том, что же произойдет с окружающим миром и с ним самим, если взбунтуются эти плебеи, если эти канальи осуществят свои замыслы. Как безжалостно они отомстят за все те страдания, которые им пришлось терпеть на фронте! Если прогноз Рентца верен и армия действительно стоит накануне полного развала, смогут ли сдержать их пусть даже хорошо обученные карательные войска? И кто же тогда окажется у власти в стране? Рек невольно вспомнил рассказы очевидцев о недавних событиях в России. А вдруг нечто подобное произойдет и в Венгрии? Куда канули добрые старые времена? А какая судьба ждет тех приятных дам, с которыми он водил знакомство? А что будет с господами офицерами? Неужели их власть и авторитет будут точно так же растоптаны, как это случилось в России с офицерами царской армии? Какой будет тогда новая армия, возьмут ли его туда?

«Ведь для меня это вопрос жизни и смерти», — подумал Рек. И он, никогда не знавший страха и гор-

дившийся этим, теперь с ужасом смотрел в глаза Балаго, которые пылали ненавистью. Внутренний голос подсказал: «Лекарством против ненависти может быть только ненависть. Да еще решительные меры. Надо лить кровь, как можно больше крови. Черни нет и не может быть никакого прощения. В них нужно стрелять. Лукачич прав. Он — герой нашего времени...» И капитан поднял стек, чтобы нанести удар. Однако, сам не зная почему, он так и не ударил. Его взгляд на миг остановился на позолоченной рукоятке стека, и ему показалось, что он услышал далекую мелодию популярного в то время вальса «Сувенир из Геркулесфюрде». Почему он вспомнил вдруг мелодию этого вальса?

Был чудесный жаркий летний день 1914 года, когда он, отдыхая на модном курорте, скакал на коне бок о бок с кокетливой супругой старшего советника. Дама, попросив у него хлыст, взяла его в свою прелестную руку и стала размахивать им в воздухе, который был наполнен ароматом цветов. С той поры он хранил этот стек, как талисман. И что же теперь? Замарать его о кожу этого грязного негодяя? Рука его бессильно опустилась.

Всякий раз, когда Рек вспоминал последнее предвоенное лето, так счастливо и весело проведенное, то неизменно чувствовал глухую боль. Как давно все это было! А ведь именно тогда началась медленная агония монархии. Капитана внезапно охватило такое смятение, что он почувствовал непреодолимое желание забыться. Он вспомнил, что в кабинете в шкафу у него еще стоят две непочатые бутылки коньяку. Ему ужасно захотелось выпить, и он вышел.

Как только за капитаном захлопнулась дверь камеры, Балаго опять потерял сознание. Фертиг давно растратил свой цинизм. Он, как Марош, Касаш, Мунтеа, предался воспоминаниям. Рыночный зазывала вспомнил время, когда он прощался с уходящим сезоном, когда холодный ветер уже начинал свистеть между лотков и палаток с аттракционами, а в воздухе кружились желтые опавшие листья. Позже наступала пора снегопада, зимнее времяпрепровождение в корчмах, бесконечные карточные баталии, буйные объятия толстухи Луизы и других женщин.

На этом его воспоминания прервались, так как дошла очередь до него.

Фертиг довольно быстро лишился чувств. Он пришел в себя, когда в коридоре началась стрельба. Все время раздавались чьи-то громкие крики, открываясь, гремели двери камер, а затем кто-то громко прокричал у Фертига над самым ухом:

— Вы свободны!..

3

Марош добрался домой, на улицу Коппань, рано утром. Ему пришлось долго звонить у ворот, пока наконец открыли. Он очень удивился, когда Бучек, муж привратницы, постояв некоторое время с разинутым от удивления ртом, вдруг спросил:

— Да ты, никак, живой, Яни! А ты, часом, не привидение?

Бучек работал на бойне. Родился он в Чехии, но давно переехал в Венгрию, где и женился. Его толстуха жена обходилась с ним довольно сурово, а иногда даже поколачивала, если он возвращался домой слишком пьяным. Бучек и сейчас был несколько навеселе.

— Все считают тебя погибшим, — объяснил он. — Болтают о том, что Хефлерне даже отслужила по тебе панихиду.

Хефлерне, женщина лет тридцати, со смуглой кожей и крутыми бедрами, буквально с ума сходила по мужчинам. Она была соломенной вдовой и жила по соседству со старшим братом Яноша.

Янош поднялся наверх. Прошел мимо квартиры сплетницы Банконе, потом миновал квартиру Хефлерне, а в конце, в самом углу, находилась квартира его брата — Ференца Мароша.

Янош постучал в дверь. Через несколько секунд в кухонном окне показалось лицо Илоны, которая, приподняв занавеску, выглянула в коридор. Она была очень привлекательна. Вероятно, только теперь Янош по-настоящему оценил цвет ее волос, большие темно-голубые глаза, правильные черты лица.

— Яни! — вскрикнула Илона.

Она быстро открыла дверь и тут же заключила в объятия молодого солдата. Ноги ее сильно дрожали, колени подгибались, щеки запылали румянцем. Она все еще жадно целовала Яноша, когда из комнаты на шум выбежали Ференц и его жена Мария.

— Яни, Яни!.. — беспрерывно звали они.

Илона жила не в этой квартире, а этажом выше, снимая комнату у женщины по фамилии Фримне, которая на несколько дней уехала к сестре в Андьялфелдь, чтобы ухаживать за ней. Сестра недавно заболела испанкой. Илона же, воспользовавшись отъездом хозяйки, решила провести дезинфекцию, чтобы истребить клопов. Поэтому она и спала в квартире у сестры.

Всем семейством уселись они за обеденный стол. Илона была радостно возбуждена, грудь ее порывисто вздымалась, тайком она прижала под столом свою ногу к ноге Яноша. Ференц достал из шкафа бутылку наливки, разлил ее по рюмкам. Всем казалось, что над головой Яноша сияет ореол героя, хотя на самом деле их керосиновая лампа светила как обычно.

— Рассказывай! — попросил Яноша брат.

— Ты получил помилование? — спросила Мария. — Это просто какое-то чудо!

Илона же молчала. Она взяла Яноша за руку и начала гладить ее, пожимать.

— В городе — революция, — начал рассказывать Янош. — Солдаты ворвались в тюрьму и освободили всех заключенных...

При этих словах Ференц Марош так и подскочил.

— Ты говоришь, началась революция? — воскликнул он. — А я в это время спокойненько себе спал?

Он начал торопливо одеваться, жена помогала ему. Она понимала, что сейчас ей никакими силами не удержать мужа дома.

Янош остался с двумя женщинами.

— Слава богу, что ты здесь, Яни, — радостно заметила Мария. — Смотрю на тебя и глазам своим не верю.

Илона сидела в объятиях Яноша.

— Я даже передать тебе не могу, — сказала Илона, — что я почувствовала, когда тебя забрали жандармы. Узнав о приговоре, я думала, что не переживу случившегося. И лишь потом... я начала думать о маленьком... О том, кто должен появиться на свет благодаря тебе и остаться со мной... Тогда я поняла, что должна жить... Но я представить себе не могу, что чувствовал ты...

— Я просто боялся, — искренне признался Янош. — Все время боялся...

Мария попыталась его успокоить:

— В подобной ситуации любой бы перепугался.

Янош положил руку на бедро Илоны, погладил его.

— Ица, — тихо произнес он, — когда я забывал о страхе, то все время думал только о тебе. Во сне я часто видел тебя. Когда я вчера узнал, что не получу помилования, то упал духом. Это был не просто страх смерти. Нас пятеро сидело в одной камере. Один, по фамилии Балаго, оскорбил военного судью и священников, которые пришли нас исповедовать. Я с ужасом смотрел, как его подвесили...

Илона закрыла ладонью Яношу рот:

— Замолчи, — попросила она, — я не могу слушать дальше!

Юноша поцеловал теплую ладонь любимой, но тут же отвел ее и продолжал свой рассказ:

— А когда я совсем было потерял всякую надежду на спасение, дверь камеры вдруг распахнулась. В здании послышалась перестрелка, отовсюду доносились громкие крики, а через несколько секунд к нам ворвались вооруженные солдаты. Возглавлял их капрал по фамилии Картал. На меня он произвел очень сильное впечатление: как-никак вроде бы он спас мне жизнь, это было похоже на какое-то чудо. А внешне этот Картал, вы только представьте себе, был низеньким, коренастым мужчиной, лет тридцати пяти. Он недавно вернулся на родину из русского плена. Меня он сразу же попытался привлечь на свою сторону: «Браток, у тебя есть возможность с лихвой отплатить всей этой банде буржуев. Вот винтовка, бери ее, и пошли вместе с нами бить толстосумов!» Винтовок у них было предостаточно: они ведь разоружили тюремную охрану.

— И что же ты ответил этому Карталу? — спросила Мария.

— Всего-навсего: «Я теперь ни за что на свете не возьму больше в руки оружие!» Заключенные построились, и все вышли на улицу. Балаго, которого первым подвесили в нашей камере, и еще один смертник, по фамилии Фертиг, которого тоже мучали охранники, так оба они даже идти не могли, пришлось им помогать. Было нас всего человек сорок—пятьдесят.

Из тюрьмы мы направились в управление жандармерии, что на улице Ориаш. Но там уже располагались не полицейские, а какой-то солдатский совет. Перед зданием собралась порядочная толпа. Балаго не мог пове-

рить, что война кончилась. Фертиг заявил, что ему нужна винтовка, чтобы с небес сшибить старика бога. Все были сильно возбуждены. Тут из толпы вышел молодой прапорщик. От имени солдатского совета он обратился к нам: «Война кончилась. Вильгельм и Карл проиграли ее, линии фронта больше не существует. Но всякая сволочь, вроде Тисы, все еще пытается удержаться в седле». Он так и сказал, а затем добавил, что мы должны позаботиться о том, чтобы они поскорее из этого седла вылетели, правда, это будет не так-то легко сделать. Потом он откровенно заявил, что стрельба будет, да еще какая, пока все окончательно не образуется так, как того требуют интересы революции. Завтра утром еще одна маршевая рота отправляется на Восток, и мы должны помешать погрузке солдат в вагоны. В конце своей речи он обратился к нам с призывом — взять в руки оружие и дружно встать под знамена революции.

— А ты? — спросила Илона.

— Я, конечно, ничего не имею против революции, но оружие брать не стал. Тогда ко мне подошел Картал и спросил, почему я не хочу воевать за революцию, которая спасла мне жизнь.

— И что же ты ему ответил? — поинтересовалась Мария.

— То, что думал. Сказал, что никогда больше не возьму оружие в руки, что, видит бог, я сыт войной по горло и что я навсегда ее возненавидел. Сказал, что хочу пожить в свое удовольствие, безо всяких там капралов и фельдфебелей, что у меня есть жена, которая ждет ребенка, что хотя бы ради семьи мне обязательно надо остаться в живых...

— И этот коренастый успокоился? — спросила Илона.

— Что ты! Он еще долго со мной возился. Потом подошел Балаго и стал ему помогать. Но когда оба они убедились, что все их старания напрасны, то сказали мне, чтобы я убирался ко всем чертям. Фертиг, который это слышал, все время довольно ржал. А потом сказал: «Эх ты, бабник. Видать, некоторым фрайерам юбка дороже революции». Сам он согласился защищать революцию, заявив: «Винтовка нужна человеку, когда он хочет заглянуть революции в самое нутро». Прежде чем я ушел, Картал успел мне шепнуть: «Если ты все-

таки передумаешь, то найдешь меня в рабочем совете. Спросишь Иштвана Картала. Хотел бы я еще раз с тобой свидеться...»

Немного помолчав, Янош спросил у Илоны:

— А ты разве считаешь, что мне надо было иначе поступить?

После некоторого раздумья молодая женщина ответила:

— Ты сделал все так, как надо...

Яношу показалось, что в голосе Илоны просквозило недовольство, что она что-то недоговаривает. Однако Янош быстро отогнал от себя эту мысль. Он положил свою руку на колено Илоны. Мария заметила это и тактично вышла из комнаты на кухню, чтобы приготовить молодым людям завтрак.

Они пили жалкое подобие чая, заедая этот напиток кашей из проса.

Потом Мария сказала, что ей непременно надо заглянуть на консервный завод, чтобы узнать, что там происходит. Ференц домой так и не вернулся. Проведя вдвоем несколько часов, Янош и Илона решили пройтись по городу. Молодые люди чувствовали себя довольно бодрыми, хотя оба почти совсем не спали в эту ночь.

Когда они проходили мимо квартиры Хефлерне, Илона заметила:

— С той поры, как тебя забрали, я эту женщину так и не видела... Говорят, она здесь живет, чтобы сохранить за собой квартиру... Но, наверно, только по ночам домой возвращается...

— Мне и думать-то о ней не хочется, — признался Янош.

Только что прошел дождь. Землю окутало туманом, было сыро и слякотно, время от времени накрапывало. Трамваи не ходили. Молодые люди пешком направились в сторону проспекта Ференца. Илона зябко поеживалась, плотнее запахивая свое старое, выгоревшее пальто. Обеими руками она обхватила руку Яни, тесно прижалась к нему. От его шинели все еще пахло карболкой. На улице Мештер они увидели большое скопление людей, да и во всем городе царило необычное оживление. Люди расхаживали по тротуарам, толкались, что-то обсуждали.

— Как все это странно, — заметил Яни.

— Неужели это и есть революция? — задумчиво спросила Илона.

Молодые люди уже почти дошли до проспекта Ференца, когда со стороны скотобойни по рельсам прогромыхал, отчаянно звеня, желтый трамвай. Он был битком набит людьми, размахивающими красными знаменами. То и дело со всех сторон раздавались крики: «Да здравствует революция!»

В самом начале проспекта появились автомашины с солдатами, они как-то странно гремели на булыжной мостовой. Оказывается, вместо резиновых шин на колеса автомашин были надеты специальные железные обручи. Изобретение военных лет. Солдаты, сидевшие в кузовах, тоже размахивали флагами и время от времени стреляли из винтовок в воздух. Гулко и раскатисто им вторило эхо. Из окон домов высовывались люди и приветливо махали солдатам.

— Все это, — сказала Илона, — похоже на гулянье в Ференцвароше, когда призывники перед отправкой в армию жгут бенгальские огни и взрывают пороховые хлопушки.

— Точно, — согласился с ней Яни, — но только это революция, которой я обязан жизнью.

Он жадно наблюдал за всем, что происходило вокруг. Однако это было не праздное любопытство, а любопытство человека, недавно пережившего смертельную опасность. Его внимание привлекали самые обычные вещи. Раньше он вряд ли бы заметил, как медленно кружатся, опадая с деревьев, осенние листья, как они прилипают к мокрому асфальту, образуя на нем причудливые узоры. Ему казались странными серые стены домов по обе стороны улицы, в которых светились окна. Его забавляло громкое чириканье воробьев. Иногда они в испуге взлетали всей стаей и с криком переносились на другое дерево.

Когда Илона и Янош дошли до пересечения Бульварного кольца с улицей Юллеи, их догнал небольшой отряд вооруженных солдат. Со стороны казармы Марии-Терезии к центру города двигалось еще несколько групп солдат. Вдруг один из них подбежал к Илоне и, вытащив из своей фуражки торчащую за кокардой крупную астру, сунул ее в руку девушки со словами:

— Вставь ее в петлицу, малышка! Такая красивая

девушка, как ты, не должна ходить по улице без цветов!

Только тогда Янош и Илона обратили внимание, что повсюду, куда ни глянь, можно было увидеть астры.

Смеющиеся девушки срезали погоны с офицера, и он хохотал вместе с ними. Шаловливые подростки носились прямо посредине мостовой, размахивали красными флажками и хором кричали:

— Да здравствует революция!

— Что же это за революция такая? — задумчиво спросила Илона. — На страницах «Ердекуйшаг» я видела как-то фото времен русской революции. Там на мостовой валялись трупы, люди со всех ног куда-то бежали. Я и вообразить не могла те ужасы, какие там происходили. А у нас здесь спокойно ходят и веселятся люди, висят красные флаги, национальные знамена. Разве это революция?

— Революция, а что же еще! — рассудительно заявил Янош. — Если бы это не было революцией, меня бы уже давно вздернули.

На углу улицы Ракоци и Бульварного кольца у стенда газеты «Немзети» собралась толпа. Слушали оратора.

— Господа разбежались, как крысы, в которых кидают горящими головешками! Революция победила! Конец войне! — выкрикивал оратор. — Скоро кончится голод, долгое стояние в очередях, никто уже не будет больше получать похоронки о «геройски погибшем на войне». Заводы прекратили работу. Рабочий класс вышел на улицы города. Отряды рабочих повсюду присоединяются к восставшим! По поручению Национального совета Каройи формирует новое правительство. Повсюду народ срывает гербы Габсбургов. Карл и Зита наконец-то лишились трона! Да здравствует демократическая Венгрия!..

Пожилой господин, стоявший рядом с Илоной, недовольно пробормотал:

— Ну-ну, надо еще конца песни дождаться...

Илона и Янош вместе с толпой направились к кабаре «Аполлон», которое находилось рядом со скульптурой Тиноди. Стоя на ступеньках здания, выступал какой-то мужчина. Однако звуки его голоса едва долетали до стоящих на большом удалении от здания

людей. Поэтому в толпе то и дело спрашивали друг у друга: «Что он говорит? Что он сказал?»

Через несколько минут над улицей загремело:

— К «Астории»! К «Астории»!

— К Восточному вокзалу! К Восточному вокзалу!

Илона потащила Яноша к «Астории».

На пересечении улиц Кошута, Ракоци и Малого Бульварного кольца чернела огромная толпа. С балкона «Астории» какой-то человек произносил речь, однако слов его почти не было слышно. Это был высокий, стройный мужчина в черном сюртуке. Кто-то рядом с Илоной произнес:

— Это сам Каройи!

Янош собрался было спросить, кто такой Каройи, но тут же услышал ответ:

— Этот человек совершил революцию.

Другой голос не согласился с ним:

— Революцию совершил не он, а народ!

В это время в толпе запели гимн. Потом «Воззвание». И все двинулись по улице Ракоци в сторону площади Барош. Там тоже митинг.

— С сего момента ни один поезд не отправится ни в Вену, ни в Грац, — говорил выступающий. — Железнодорожники не хотят, чтобы верные королю части были доставлены в Будапешт для подавления народного восстания. В наших руках золотой запас Национального банка. В руках народа все вокзалы города, все казармы, учреждения, телефонный узел. На улице Йожеф в жандармском управлении заседает рабочий совет. Лукачич арестован и содержится в тюрьме. Генералы ударились в бега. Эрцгерцог Йожеф предложил свои услуги в качестве представителя короля, но нам этого не нужно. Революция не собирается торговаться. Вена тоже бурлит. Нам нужна республика! Республика!

Толпа подхватила лозунг:

— Республику! Республику!

Илона спросила у Яноша:

— Республика? А что это может означать на деле?

— Очень многое, — ответил Янош, — у всех будет работа, хлеб, человеческие условия жизни. Мы получим все то, что принадлежит нам по праву...

— Это же здорово! — с воодушевлением воскликнула Илона, еще крепче прижимаясь к Яношу.

Почти одновременно они оба почувствовали приступ голода. Молодые люди решили вернуться домой на улицу Коппань, где Илона могла бы что-нибудь приготовить. Когда они подошли к площади Бакач, то заметили неопрятно одетую женщину, которая вместе с мальчиком-подростком тащила большую бельевую корзину, наполненную до краев мукой.

— Откуда эта мука? — спросила у женщины Илона.

— Склады грабят. Бегите скорее к мельнице, тогда и вам тоже достанется.

Янош и Илона, не сговариваясь, бросились бегом по улице Шарокшары. Правда, пока они добежали до мельницы, там уже все было растащено. Куда ни посмотри — на мостовой и на тротуаре, — всюду виднелись следы рассыпанной муки. Это зрелище вызвало у Яноша неожиданный гнев. На углу улицы Халлер они заметили горку рассыпанной муки. Илона развязала платок и собрала в него муку.

— Сейчас это настоящее сокровище, — пояснила она.

В воротах своего дома они столкнулись с семейством Бучек, которые несли огромный бак для стирки, доверху наполненный жиром.

— Бегите на бойню! — посоветовала им Бучекне. — Все хватают там мясо, жир.

— Яни, пошли! — скомандовала Илона.

С ведром и самой большой кастрюлей, которая нашлась в доме, молодые люди поспешили на бойню. Оттуда вереницей шли мужчины, женщины, дети: все что-то несли. На складе в больших железных бочках хранился жир. Когда Янош с Илоной подошли к бойне, толпа как раз очищала очередной бокс. Илона наполнила жиром ведро, а Янош — кастрюлю. Тяжело отдуваясь, мокрые от пота, они вернулись с добычей домой.

— Пойдем еще раз? — предложил Янош.

Но пока они ходили домой, склад был совершенно опустошен, а толпа желающих захватить даром продукты заметно выросла. Все, что было съедобного на складе, мгновенно расхватали. Яношу и Илоне на этот раз ничего не досталось.

Вдруг неподалеку от них кто-то закричал:

— Айда на сортировочную! Там наверняка есть стоящие вещи!

Илоне идти на железнодорожную станцию не хоте-

лось, но Яноша охватила страсть к легкой наживе. Весть о том, что на сортировочной станции в вагонах полно палинки, сигарет, обуви, шинелей, всевозможной солдатской амуниции, привела молодого человека в неописуемое возбуждение. Он словно обезумел. Схватив Илону за руку, Янош потащил ее за собой. От бойни до станции они добежали буквально за несколько минут. Огромная толпа запрудила сложный лабиринт железнодорожных путей.

— Господи, да что же тут делается! — невольно вскрикнула Илона.

Группа мужчин тащила в тюках кожу. Рядом какие-то люди волокли ящики, наполненные неизвестно чем. Кое-кто вез «добычу» в колясках или на тележках.

По путям бежала женщина. Она держала в каждой руке по авоське, набитой консервными банками. Когда какая-нибудь банка вываливалась, женщина останавливалась, поднимала ее и быстро засовывала обратно.

Янош и Илона увидели старика, державшего в руке бутылку с шампанским. Он уже отбил горлышко у бутылки, ударив ею по краю рельса, и начал жадно пить. Старик совершенно не обращал внимания на то, что острые края бутылки до крови оцарапали ему губы.

Стайка ребятишек тащила коробку с сигаретами, которые фронтовики презрительно называли «гробовыми гвоздиками». Кое-кто уже успел присмотреть себе мебель: один тащил кресло, другой — зеркало, третий — занавески или ковер. Больше всего Илона удивилась, когда заметила пожилую женщину, несущую на спине гроб.

— Видно, мы уже опоздали! Черт бы их всех побрал! — выругался Янош.

В южной части сортировочной станции горело несколько вагонов, ветер сносил дым в сторону. Вскоре Янош и Илона наткнулись на вагон, который был загружен солдатским эрзац-кофе. Этот сорт «кофе» приготовлялся из подслащенного цикория. Янош вытащил один пакет. Почувствовав приступ голода, он разорвал обертку и откусил кусок сладковатой массы. Вагоны, в которых были сигареты, толпа уже успела разграбить. Отдельные пачки сигарет валялись между рельсами. Янош стал набивать ими карманы. С удивлением и отвращением смотрел он на подростков, которые тащили из вагонов винтовки. Илона же, не найдя более подхо-

дящей «добычи», наполнила авоську солдатским эрзац-кофе. На соседних путях стояло восемь—десять вагонов, загруженных костылями, инвалидными колясками, какими-то запасными частями аэропланов, а также черными гробами.

— Пошли-ка лучше домой, — посоветовала Илона, — тут уже ничего хорошего нет... Да и гадко все это...

— Пошли, — согласился Янош.

Уже пройдя часть пути и направляясь в сторону Эперешэрде, они увидели, что люди тащат из вагонов куски солдатского сукна. Янош полез было в вагон, но тут заметил, что на соседних путях стоят вагоны с поросятами. Каждый встречный-поперечный, заметив их, загорался желанием разжиться живым поросенком. Несчастные животные так и летели из вагонов, ломая себе ноги. Стоявшие же внизу люди ловили их и безжалостно кололи кто штыком, кто ножом. Илоне стало дурно, когда Янош не без гордости показал ей ведро, наполненное свежей свининой.

— Вот теперь пошли отсюда! — приказал он.

Они вовремя покинули пределы станции, потому что со стороны города послышалась ружейная пальба. Вероятно, на станцию прибыла какая-то воинская часть, чтобы навести тут порядок. Огромная туча дыма, поднимавшаяся от горящих вагонов, распласталась над опустошенной станцией.

4

Домой Ференц Марош вернулся только к ужину.

К своему неудовольствию, он увидел за столом младшего брата Марии и Илоны с женой Ирмой. Виктор Барта родился в Ференцвароше. Выучился на маляра. Недавно ему в корчме выбили глаз, однако это обстоятельство отнюдь не мешало ему мастерски плутовать, играя в карты. Его жена Ирма была женщиной довольно привлекательной, ей удавалось, не опускаясь до уровня обыкновенной проститутки, умело обирать зажиточных мужчин. Виктор для своих сестер был настоящим бедствием, в семье его считали паршивой овцой. Сестры очень редко навещали его дом, расположенный на улице Губачи.

Сегодня он приволок с собой множество бутылок с

вином. На столе аппетитно дымилось жаркое из свинины. Воздух в комнате был наполнен ароматом жареного мяса.

— Что это здесь происходит? — спросил Ференц с плохо скрытым раздражением. — Уж не свадьба ли?

— Она очень скоро будет, — ответил Янош. И поцеловал Илону в шею.

Ференц решил не портить собравшимся настроения. Он хорошо знал о прокатившейся по городу волне погромов и грабежей и до глубины души был возмущен случившимся. Виктор догадался, о чем думает его шурин.

— Не сердись, — сказал он, посмеиваясь. — Мы взяли только то, что нам причиталось. «Вот держи свое дерьмо...» Песня старая, а верная. В нашей стране уже давно все грабежом промышляют. За исключением дураков, разумеется, которые позволили Тисе превратить себя в мертвецов, погибших-де «геройской смертью на фронте»...

Заметив в глазах Ференца зловещие огоньки, Ирма перебила мужа:

— Да бросьте вы наконец, поговорим о чем-нибудь другом. Давайте-ка лучше есть и пить.

Ференц решил, что читать проповедь сейчас вряд ли уместно. Без особой охоты он уселся к столу.

— Не сердись, Фери, — начала Илона бархатным голосом, решив честно во всем признаться. — Это мы достали жир и мясо. А Виктор преподнес нам кусок хорошего солдатского сукна. Зимой пригодится. В деревне сукно в любое время можно обменять на муку или другие продукты...

— Если говорить по правде, Фери, — перебил Илону Виктор, — сейчас все в городе что-нибудь да тибрят. Было бы настоящим свинством самим о себе не позаботиться. Ты бы видел, как одичал народ. Все словно ума лишились. Представь себе, я видел одного скота, который был в таком рубище, что походил скорее на огородное пугало, чем на человека. И как ты думаешь, что стащил этот тип, а? — Тут Виктор расхохотался. — Крест деревянный! Какие ставят обычно на солдатских могилах.

— Может, у него вся семья преставилась от испанки... — перебила мужа Ирма. — Ужас сколько людей эта эпидемия унесла в могилу.

— Я видела, — сказала Илона, — как ребятишки растаскивали оружие. Винтовка в руках ребенка?! Что же с нами со всеми в конце концов будет?

Ференцу слишком жирное мясо пришлось не по вкусу. Положив нож и вилку, он заговорил. Его глубокий, слегка надтреснутый голос звучал как-то скрипуче:

— В рабочий совет поступили сведения о том, что на железнодорожных путях было разграблено семнадцать вагонов с «манлихерами» и пулеметами. Исчезли боеприпасы из десяти вагонов. Вряд ли все это сделали дети. Совет настаивает, чтобы повсеместно проводили обыски.

Виктору слово «обыски» явно не понравилось, и он сразу же попытался перевести разговор на другую тему.

— Я слышал, как горланила огромная толпа на улице. Все орали, словно пьяные, требуя республику.

— Правильно они кричали, — высказала свое мнение Ирма. — Республика — дело стоящее. Все будет общим. Жизнь хорошая наступит...

— Многие сейчас считают республику каким-то чудесным средством, помогающим от всех бед, — сказал Ференц. — Чем-то вроде мази Баша, которой торгуют в турецких аптеках от чирьев и вшей.

— А на что мы теперь можем рассчитывать? — спросила Мария у мужа.

Лицо Ференца приняло озабоченное выражение. Он пожал плечами:

— Об этом, мне кажется, и Каройи хотел бы знать... Революция произошла неожиданно для многих... На самом деле мы ее просто проспали... А теперь из-за нее у нас забот полон рот...

Настроение у присутствующих заметно ухудшилось. Виктор и Ирма решили идти домой. Янош и Илона тоже поднялись из-за стола, собираясь уходить. Забрав остатки мяса, Илона сложила его в кастрюлю и сказала:

— На первое время у нас еды хватит...

На следующий день, в пятницу, было это первого ноября, на улицах города по-прежнему царил многоцветный вихрь. В те дни в вечерней газете один молодой поэт писал: «Весь город пропах ароматом от астр и хризантем...» Плакаты взывали к прохожим: «Народ

Венгрии: солдаты, крестьяне, рабочие и буржуазия взяли власть в свои руки...» Однако Яноша политика совсем не интересовала. Провожая Илону в типографию, он попросил:

— Скажись больной. Проведем несколько дней вместе. С утра и до вечера, с вечера до самого утра — все время будем вместе...

Илона с радостью согласилась.

На улице толпа струилась водоворотами. Никто не работал. Все только ходили по городу и слушали выступающих. Эти ораторы за несколько дней стали настолько популярными, что потом долгое время не выходили из моды. Возле здания Национального театра один рядовой громко выкрикивал:

— Нас, солдат двадцать пятого полка, хотели на фронт отправить. Так мы и пойдем, держи карман шире! Хватит с нас! Конец! Весь полк с оружием в руках перешел на сторону революции. Многие из нас присоединились к рабочему совету. Видели бы вы рожу нашего полкового командира, когда мы ему заявили: «Хватит с нас — навоевались!..» Он, как трусливая собака, хвост под брюхо и — бегом...

Многие ораторы цитировали слова нового министра обороны Белы Линдера, который заявил: «Я не хочу видеть ни одного солдата». Министром шумно восхищались: «Такой министр нам и нужен!»

Яноша заинтересовал молодой человек в темном сюртуке, очень серьезный на вид, который о бурных днях революции говорил следующее:

— Король Карл, сидя в Гёдёле, водил Каройи за нос. Он хоть и сулил ему пост премьер-министра, но это было только обещание. А на самом деле главой правительства король намеревался сделать графа Хадика вместо Векерле, который окончательно скомпрометировал себя. Карл надеялся, что Хадик вместе с генералами нанесет по революции упреждающий удар. Он страшно боялся, что у нас произойдет то же самое, что случилось в России. Вот тогда он и заманил Каройи в Вену, чтобы тот не мог оттуда отдавать распоряжения на родину. Карл передал свои полномочия эрцгерцогу Йожефу, наказав замещать его в Будапеште. Однако Каройи догадался о замыслах короля и прибыл в Будапешт вместе с эрцгерцогом. Встречала их обоих огромная толпа народа. Таким образом, Каройи стал

премьером отнюдь не по милости короля, а по воле народа. И, следовательно, теперь все должны оказывать ему полную поддержку!..

Выступающий на соседней улице комментировал смерть Тисы. Мнения в толпе разделились. Одни жалели убитого премьера, другие выражали сожаление, что он не предстал перед судом. Большинство же с радостью вопило: «Так ему и надо! Он того заслужил! Долой тиранию! Долой войну! Да здравствует революция!»

Ференц возвращался домой только поздно вечером. Целыми днями он пропадал на оружейном заводе, а вечерами занимался в кружке. Он был неплохо осведомлен обо всем происходящем. Как-то Илона пристала к нему с вопросом:

— Что могут ждать рабочие от Каройи?

Ференца удивил интерес к политике его свояченицы. И он с удовольствием стал объяснять:

— Данч говорит, что пока повсюду царит невероятная неразбериха. Никто, вообще-то, толком не знает, что именно происходит в стране.

— А кто такой этот Данч?

— Молодой журналист из газеты «Непсава». Он умен и хорошо осведомлен о происходящем. Он встречается с нами, рабочими оружейного завода, раз в неделю в ресторане Штегера. По его мнению, Каройи охотно пойдет на коалицию с радикалами и социал-демократами. Гарами и Кунфи уже вошли в правительство и во всем поддерживают Каройи, однако ситуация по-прежнему остается сложной. Склады и магазины пусты, никто нигде не работает. И слишком много огнестрельного оружия находится на руках у населения, бог знает, у кого его только нет. Только из арсенала на улице Тимот было похищено около пяти тысяч винтовок вместе с боеприпасами. А с фронта домой возвращается все больше и больше совершенно разложившихся солдат...

— Линдер же заявил, что он не желает больше видеть никаких солдат, — перебила его Илона.

— Да, он так заявил, — согласился с ней Ференц. — Однако Данч утверждает, что в Северной Венгрии, в

Трансильвании и Хорватии Национальные советы заняты совсем противоположным: там вооружаются.

Тут Илона сказала нечто такое, чем привела своего деверя в еще большее замешательство:

— Собственно, кто такой этот Каройи? Граф. И с кем он сейчас снюхался? С буржуазией. А правильно ли, что рабочая партия доверяет ему?

— Откуда ты все это знаешь? — раздраженно заметил Ференц. — Каройи — личность, его хорошо знают в странах Антанты. Он пользуется авторитетом. Это политик, который способен спасти нашу страну от полного распада. Гарами и Кунфи верят ему. Их поведение я считаю вполне правильным.

— У меня дурные предчувствия, — с тревогой произнесла Мария. — На заводах почти везде прекратили работу. В стране слишком много безработных. Что ты по этому поводу думаешь? А у вас, на оружейном, разве работают?

— Да. У нас никто и не заикнулся о том, чтобы остановить станки. Сырья у нас достаточно, хватит на целый год.

— Меня сейчас другое волнует, — сказал Янош, — будет ли вестись строительство? Если да, то все в порядке! Мы с Илоной заработаем на все необходимое. Будем экономить: ведь скоро у нас появится маленький!

— Я считаю, — задумчиво покачал головой Ференц, — вряд ли сейчас много будут строить...

— Тогда провались эта республика ко всем чертям! — вырвалось у Яноша.

— Оставь республику в покое, формально она пока еще не существует.

— Но что же тогда со всеми нами будет? — испуганно спросила Мария.

— Спрошу-ка я совета у Виктора, — решил Янош. — Он-то знает, что к чему.

— Виктора лучше вообще сторониться, — запротестовала Илона. — Лучше с ним не связываться. Виктор всегда любил обделывать темные делишки, так же, как, впрочем, и Ирма. Я не удивлюсь, если узнаю, что в наши трудные времена он по горло погряз во всяких гнусностях.

Мария целиком и полностью согласилась с мнением сестры:

— Виктора действительно надо избегать. Он очень безответственный человек.

— Пока не началось строительство, — обратился Ференц к Яношу, — тебе надо чем-то заняться, куда-то устроиться работать.

— Но куда?

— Ну, например, запишись в национальную гвардию. Только не гримасничай, Яни. Как временное занятие — это дело вполне неплохое. Ты только подумай: платят по тридцать крон в день. В наше время это большие деньги. Шахтер и тот зарабатывает не более двадцати крон, а то и меньше.

— Опять из меня солдата собираешься сделать? — возмущенно спросил Янош.

— Всего лишь национального гвардейца. Тем более что тебе не нужно будет идти на фронт.

— Пойми меня, Фери! — с чувством воскликнул Янош. — Я решил больше никогда не брать в руки оружие! Даже ради брата! Я не желаю, чтобы мной опять кто-то командовал, будь он офицер, фельдфебель или же капрал. Я считаю своим личным врагом каждого, кто хочет всучить мне в руки оружие!

— Не кричи, дурак! — возмутился Ференц. — И ты смеешь называть меня своим врагом! Меня? Я же тебе добра желаю! Так послушай же разумного совета!

— Разумного совета? Ты однажды уже желал мне добра, но из-за этого меня чуть было не отправили на виселицу!

Ференц презрительно пожал плечами и замолчал. Мария взяла Яноша за руку и крепко сжала ее.

— Яни, ну что ты говоришь! Стыдись! — выпалила она.

— Ты слишком труслив, — презрительно бросил ему Ференц.

— Ну и что? Лучше уж трусом жить, чем подохнуть храбрецом.

Они спорили еще долго. Илона и Яни только около полуночи отправились домой. Когда они проходили мимо квартиры Хефлерне, то заметили, что сквозь щель в двери просачивается свет. Янош внезапно остановился и с гневом произнес:

— Глянь-ка! Вернулась-таки шлюха.

— Не обращай внимания, — произнесла Илона приказным тоном.

Она еле оттащила Яноша от двери Хефлерне. Марош за одно мгновение вновь пережил все те мучения, которые выпали на его долю по вине этой женщины. Он поклялся, что отомстит ей за все. Илоне с трудом удалось его успокоить.

— Не вздумай руки пачкать об эту дрянь, — просила она. — Только себе хуже сделаешь... Да еще мне... и малышу...

На следующий день, рано утром, в дверь к молодым людям постучался племянник хозяйки — мальчик-подросток. Илона хорошо знала его. Он сказал, что тетушка заразилась испанкой и лежит теперь больная, просит передать с ним ночные сорочки и еще кое-какие мелочи. Илона все это собрала и передала мальчику, попросив сказать хозяйке, чтобы та поскорее поправлялась.

— Старуху здорово прихватило, — почему-то засмеялся паренек.

Илона выбрала момент и без ведома Яноша спустилась в каморку привратницы Бучекне.

— Поговорите, пожалуйста, с Хефлерне, — попросила она. — Мой муж страшно зол на нее. Скажите ей об этом. Будет лучше, если она какое-то время не станет здесь показываться. Передайте ей, что Янош даже может посягнуть на ее жизнь. Я сама на нее не сержусь, хотя то, что она сделала с Яношем, больше чем отвратительно.

Бучекне с явным удовольствием выслушала просьбу Илоны. Пообещала все устроить.

— О, я все сделаю. Действительно, Хефлерне лучше некоторое время здесь не показываться, пока Яни не придет в себя и не успокоится. У Хефлерне сейчас новый ухажер есть, господин Вирт, ее начальник с мыловаренного завода Мейстера...

Несколько дней Илона не ходила на работу в типографию. Вместе с Яношем они целыми днями бродили по городу. Одного за другим они обходили знакомых Яноша — мастеров-каменщиков. Но повсюду им говорили: «Сожалеем, но работы у нас сейчас нет... Строительство теперь нигде не ведется... Никто не знает, начнется ли оно когда-нибудь. Положение совершенно неопределенное...»

Однажды они услышали, как один оратор на площади Ракоци говорил:

— В настоящий момент наша страна нуждается в порядке и спокойствии! Я говорю от имени правительства. Внутреннее положение страны очень тяжелое. Очень! Если осуществится то, чего добиваются радикалы, вся эта шантрапа, нас ждет настоящая катастрофа, а радикалом можно считать каждого, кто не согласен с точкой зрения правительства. Мы же не позволим клеветать на наше правительство!

Выступающего сменил солдат с винтовкой на плече. Слушали его очень внимательно.

— Хотя революция и победила, — начал он, — но мы еще далеки от идеального положения вещей. Сегодня утром на Чепеле, да и на всех других заводах, рабочие провели митинги, состоялись они и на заводах боеприпасов, и на авиационном заводе в Альбертфалве, и в Кишпеште на заводе «Липтак». Митингуют сейчас и на заводе «Шлик», и на «Ганце», и на «Вольфнере». И повсюду рабочие требуют провозглашения республики. Однако Национальный совет затягивает принятие такого решения. Большинство членов правительства придерживаются такого же мнения. Каждый из нас должен понять, что в правительстве практически нет ни одного министра, который бы стремился побыстрее провозгласить республику! Поэтому мы все вместе должны решительно заявить: трону Габсбургов место в аду! Гнать их всех ко всем чертям вместе с их многочисленными царедворцами, сановниками, аристократами, епископами и генералами! Нам нужна республика! И сейчас же! Да здравствует республика!

Последние слова оратора потонули в восторженных криках «ура!».

— Все на улицу Конти! — раздались крики. — «Непсава» обязана напечатать наши требования! Вперед, во имя республики!

Янош и Илона вместе со всеми направились на расположенную поблизости улицу Конти. На узенькой улочке скопилась огромная масса людей. У здания социал-демократической партии и типографии газеты «Непсава» началась давка, а люди все прибывали и прибывали. Толпа громко скандировала:

— Хотим слушать Гарами! Хотим слушать Кунфи!

— Мы требуем провозглашения республики!

Наконец в одном из окон здания ЦК партии появи-

лась фигура Шандора Гарбаи. Жестом руки он попросил тишины.

— Я смело назову лжецом каждого, кто попытается выдавать себя за большего революционера, чем я. Свою жизнь я посвятил борьбе против всех форм деспотизма, произвола и бесправия! Всем должно быть ясно, что руководство нашей партии и каждый социал-демократ в отдельности хотят скорейшего провозглашения республики. Однако нам далеко не все равно, каким образом и когда мы добьемся осуществления своих чаяний! Нам необходимо набраться терпения! Само время работает на нас! Обращаясь к вашему разуму, хочу подчеркнуть, что в вопросе государственного устройства нам следует ориентироваться отнюдь не на настроения толпы. Этот вопрос должно решать Национальное собрание, которое будет избрано путем свободного волеизъявления народа.

— Долой! — заревела толпа.

Кто-то зычным голосом прокричал:

— Йожеф намерен снова сесть нам на шею! А Карл и его мерзкая Зита все еще находятся у власти!

— Это заблуждение! — выкрикнул Гарбаи. — Послушайте меня!

— Слушаем! Слушаем! — отозвалась толпа.

— Эрцгерцог Йожеф больше уже не «гомо регус», он присягнул Национальному совету в качестве обыкновенного гражданина!

— Нужна нам его клятва как собаке пятая нога! — опять завопил обладатель пронзительного голоса.

— Прошу внимания! — попытался продолжить Гарбаи. — Король Карл Четвертый освободил Каройи от клятвы на верность престолу. У нашего теперешнего правительства нет ничего общего с правившей династией. Надо набраться терпения. В свое время мы решим все наши проблемы!

Получилось так, что Янош и Илона через несколько часов услышали еще одно выступление. Долговязый мужчина в широкополой шляпе пронзительным голосом заявил о том, что час назад прочитал статью в газете «Вилаг» и теперь хотел бы пересказать ее содержание.

— Первая обязанность правительства Каройи, — продолжал он, цитируя газетную статью, — железной десницей восстановить порядок в стране и в Будапеште. Всем нам пора осознать, что не революция виновна

в теперешнем хаосе. Вина за развал экономики лежит на правительстве, которое управляло страной в годы войны.

Революция произошла потому, что невозможно было дальше терпеть разруху и всеобщий развал. Революция совершилась во имя порядка, мирного развития, во имя использования всех наших возможностей, во имя лучшего будущего. Смертельным врагом революции и Венгрии является каждый, кто пытается препятствовать этой самоотверженной работе во имя спасения родины! Нам действительно необходимо многое основательно переделать в нашей стране, но всякий, кто хочет уничтожить все то, что с таким трудом было создано до этого, — подлец и предатель! Из этого нам и надо исходить! Итак, правительству Каройи прежде всего следует навести порядок внутри страны.

— Да здравствует Каройи! — закричали в толпе.

Человек в широкополой шляпе продолжал:

— В настоящее время Венгрия находится в смертельной опасности! Наши войска на итальянском фронте вынуждены вести бои, перемирие до сих пор так и не заключено. У южной границы созданные в Хорватии банды угрожают вторжением. Как ни печально, но границу с Румынией мы тоже вынуждены считать под угрозой. От милости всемирной коалиции, военной мощи которой мы не можем противостоять просто физически, зависит территориальная целостность нашей страны. В то же самое время на протяжении последних десятилетий мы делали все для того, чтобы восстановить против себя соседние с нами народы: румын, словаков, с которыми мы могли бы жить в мире и полном согласии. Война сильно ослабила наше государство, обескровила его, разрушила нашу экономику. Хозяйство страны находится в упадке. Откуда, спрашивается, правительство возьмет силы, чтобы навести порядок, чтобы спасти все то, что еще можно спасти?..

— Надо создать революционную армию! — выкрикнул кто-то из толпы.

Человек в шляпе в гневе махнул на него рукой:

— Вновь хотите воевать? Нет и еще раз нет! Мы хотим того, что уже зафиксировано в документах. Правительство Каройи — это революционное правительство. И дело не только в том, что от него ждут революционных мер. Мы уже были свидетелями революционных

по своему духу свершений в нашей стране, но неизменно плодами революции пользовались те, против кого она была направлена. Новая революция не должна стать горьким историческим курьезом. Правительству Каройи в нашей стране следует провести мирные, но смелые реформы. Об этом и думать не приходится со старым бесчестным парламентом, который уже девять лет был проклятием Венгрии. Прежде всего необходимо ввести в стране всеобщее и полное избирательное право. Женщины тоже должны голосовать! Земля должна принадлежать тем, кто ее обрабатывает! Должны быть национализированы те промышленные предприятия, которые уже созрели для этого. Мира! Порядка! Мы хотим видеть оправляющуюся от ран и недугов, процветающую и крепнущую день ото дня Венгрию!

После того как оратор сошел с импровизированной трибуны, Илона спросила Яноша:

— Ну, что ты на это скажешь?

— Ничего, — равнодушно ответил он, — одни кричат об одном, другие — о другом. Но те и другие сладко поют, сулят золотые горы, но верить им глупо.

— То, что он говорил о равноправии женщин, меня очень заинтересовало, — призналась Илона.

— Это твое дело, Ица.

— Ладно, мое дело. Но я должна разобраться во всем этом. Мне хотелось бы знать, все ли так написано в газете, как говорил мужчина в шляпе.

Она тут же купила номер «Вилага» и отыскала статью. В ней было слово в слово то, о чем говорил оратор. Илону заинтересовала и другая статья — о политической ситуации в стране, сложившейся после смерти Иштвана Тисы.

— «На пути, ведущем к созданию новой Венгрии, покоится труп, — читала она. — В своей квартире неизвестными людьми убит Иштван Тиса. В скорбном трауре мы взираем на мертвое тело. Этого не желали покойному даже его политические противники...»

— Раньше надо бы этому Тисе концы отдать, — пробормотал Янош.

— «Национальный совет сделал все, — продолжала читать Илона, — чтобы охранить от всевозможных неприятностей тех, против кого, по его расчетам, мог быть направлен гнев толпы... Иштван Тиса был замечательным государственным деятелем, настоящим вождем

масс. В своем стальном кулаке он держал венгерский феодализм, но этот же кулак вогнал в гроб нашу страну...»

— Черт возьми! — вспылил Янош. — Зачем же тогда его оплакивают? Не читай дальше, меня это нисколько не интересует.

— Ну еще совсем немного, — попросила Илона. — Вот послушай: «До сих пор мы управляли Венгрией на удивление неразумно. Теперь нам требуется гораздо больше ума и дальновидности. Во-первых, достаточно кровопролития... Того, кто этого все еще не понимает, следует заставить понять. Причем любыми средствами...»

Янош вскочил со скамейки:

— Больше я не желаю слушать ни строчки!

Однако Илона упорно продолжала читать:

— «Революция была проведена не ради кровопролития, а во имя торжества идеалов мира, не для нанесения новых увечий, а для исцеления старых, не для предания Венгрии огню, а для спасения страны. Кто не хочет понять этого, тех следует заставить сделать это. Правительство Каройи может рассчитывать в своей созидательной работе на участие и поддержку всей страны...»

— Аминь, — глумливо оборвал ее Янош.

Илона поднялась со скамейки. Сложив газету, она сунула ее в карман шинели своего жениха.

— Глупо ты как-то рассуждаешь, — заметила она грустно. — Тебе хоть немного, но надо все-таки интересоваться политикой. Когда ты вступишь в профсоюз?

— Никогда. Что это мне даст?

— А вдруг там помогут тебе с устройством на работу?

— Их интересует только, чтобы членские взносы им исправно платили. — Тут он остановился и посмотрел Илоне прямо в глаза: — Скажи-ка мне, Ица, ты сама что-нибудь получила от своего профсоюза? Ну что? Давай говори, да побыстрее!

Лицо Илоны потемнело:

— Яни, запомни, что так со мной разговаривать нельзя! Пойми, я тебя люблю, но и у меня есть чувство собственного достоинства...

5

Молодые люди провели счастливую ночь.

Илона чувствовала себя так, будто это была их первая физическая близость. Ее удивила страстность Яноша. Она невольно вспомнила о Хефлерне: та ведь тоже была с ним, но тут же забыла обо всем, кроме ощущения блаженного счастья. Она знала, что красива и молода, что нравится мужчинам. Правда, ее немного тревожила мысль о том, что она на год старше Яноша.

— Знаешь, Ица, — сказал Янош, — ведь по-настоящему ты первая женщина в моей жизни.

— Что ты говоришь?

— До тебя я никого не любил. С тобой же я действительно счастлив... И теперь по-настоящему способен радоваться жизни... — Тут его голос стал печальным. — Только теперь я понимаю, чего мог лишиться, если бы приговор был приведен в исполнение...

— Не надо сейчас об этом думать...

— Ты права. Но меня такая злоба охватывает, когда я вспоминаю ту продувную бестию. Она еще свое получит.

Илона запустила руку в пышную шевелюру Яноша.

— Если бы ты меня по-настоящему любил, то не говорил бы так.

Янош довольно долго молчал. Когда же он снова заговорил, в голосе послышались холодные нотки:

— Скажи-ка, если бы я не вернулся... Если бы меня казнили... ты бы могла принадлежать другому? Ты обо мне все знаешь, Ица. Все на свете... А я разве много знаю о тебе? Я хотел бы все о тебе знать.

Илона зажала ладонью ему рот:

— Замолчи, пожалуйста!

Но Янош уже не мог остановиться. Он отодвинул руку Илоны и, посмотрев ей прямо в глаза, спросил:

— Ты понимаешь, что я имею в виду?

Янош вспомнил слова Фертига, который высказал предположение, что ребенок у Илоны мог быть и не от него. Разумеется, Илоне он ничего об этом не сказал и постарался облечь свои подозрения в более мягкую форму. Поэтому довольно нежно спросил:

— У тебя ведь был кто-то до меня?

— Я твоя.

— А до меня?

— Не сходи с ума, Яни, прошу тебя...

— У тебя же был жених, — упорствовал тот, — или нет?

— Да, был. Но что ты хочешь от меня, ведь он погиб.

— Знаю. Но до этого... Перед тем как он попал на фронт... между вами что-то было?

Яноша охватила сильная ревность, и он с трудом сдерживал себя.

Жених Илоны был отличным парнем. На пять лет старше ее. Это был смелый, мужественный человек, с сильной волей, честный и чистый. И духовно, и физически. Она любила его.

— Я хочу знать все, — заявил Янош уже более требовательно.

— Как все это нужно понимать? — спросила Илона, уже догадываясь, что он имеет в виду.

— Отвечай, ты была с ним?

Илона встала с постели, накинула на себя халат. Потом села к столу и немного привернула фитиль в лампе. Она знала, что когда-нибудь речь зайдет о ее прошлом. И уже приготовилась во всем признаться Яношу, но все как-то не было подходящего момента. Какое-то время над их отношениями словно бы витала тень Хефлерне. И вот теперь она наконец собралась с духом. Решила раз и навсегда прояснить все до конца.

— Отвечай, ты была с ним близка? — настаивал Янош.

— Да. Один раз, перед его отправкой на фронт.

Янош не думал, что откровенное признание любимой женщины так больно ранит его. Но он все-таки нашел в себе силы подавить охвативший его приступ ревности. Илона и сейчас казалась ему невероятно прекрасной и желанной.

— Теперь ты знаешь все, — тихо проговорила Илона. — Так тебе лучше? Ты сам этого добивался!

Она понимала, какую бурю подняла в душе Яноша своим признанием. Но не жалела об этом. Она чувствовала, что только полная откровенность может спасти их любовь. А если Янош все-таки не поймет ее, тогда им лучше будет разойтись.

— Видишь ли, Яни, он тогда страшно переживал. Он, как и ты, всей душой ненавидел войну, никак не

мог себе представить, что ему надо будет кого-то убивать. Он проклинал себя за то, что не женился на мне до того, как его призвали в армию. Что и говорить, меня тоже потрясло известие о том, что его отправляют на фронт. Мне было страшно жаль его. Тогда я была готова на все.

— Ты его любила?

— Да.

— Очень?

— Как тебе сказать? Ведь мне было тогда всего семнадцать лет. Я тогда думала, что люблю. Это был сильный человек во всех отношениях. Вероятно, профессия наложила отпечаток на его характер: он ведь работал сталеваром.

— И ты не смогла воспротивиться ему?

— Я не хочу тебя обманывать, Яни... Тогда мне и в голову не пришло сопротивляться... Я тогда думала своим глупеньким умишком, что если отдамся ему, то судьба будет милосердна к нему... Да и ко мне тоже... Я была уверена, что он вернется...

Наступила долгая пауза. Оба молчали. Вдруг в лампе зашипел керосин, и она сильно закоптила, пачкая абажур. Илона не переносила, когда лампа коптила. Она подумала о том, что надо бы подвернуть фитиль и, сняв стекло, почистить его. Однако не сделала этого.

— Но он погиб, — продолжала она. — Я даже не знаю, где он похоронен и поставлен ли крест у его изголовья. Я горько оплакивала его смерть и никогда не жалела о том, что наше прощание было таким... — Она чуть убавила фитиль. — Когда же я узнала о его гибели, то подумала, что чувствовала бы себя виноватой, если бы тогда оттолкнула его... Я и сейчас не могу тебе объяснить, почему я тогда так думала... В тот вечер я понимала, на что иду. И считала, что все так и должно быть...

— Должно? Так и должно быть?

— Да, мне казалось, что какая-то тайная сила хочет этого... Но проходили недели, месяцы, и однажды я поняла, что забыла его... Поначалу меня это очень удивило...

— Кто-то другой занял его место?

— Что ты, Яни!

— Женщины обычно быстро забывают своих мужей

или женихов, когда у них новый хахаль появляется. Верно, и с тобой такое же случилось?

Илона решительно встала из-за стола. Подойдя к Яношу, она притянула его к себе и нежно поцеловала. Янош несколько мгновений молчал. Потом осторожно высвободился из ее объятий.

— Говорят, — медленно произнес он, — что женщины никогда не забывают своего первого мужчину...

— А я забыла.

— Правда?

— Люди много чего говорят, но часто это оказывается ложью. Человека можно по-разному помнить... Страстно желать его или просто иногда думать о нем... Просто так... Это ведь ничего не значит... Раз уж об этом зашел разговор, ты сам разве не вспоминаешь свою первую женщину?

— Это совсем другое.

— Яни, милый, отчего же другое? Я не хочу никого оправдывать: ни себя, ни тебя. Я однажды прочитала очень интересную книгу. Там мужчина и женщина прекрасно понимали друг друга, хотя оба не скрывали своего прошлого.

— Жизнь — это не книга, Илона.

— Я знаю, но считаю, что никто из нас не виноват, если мы полюбили друг друга. Мне хочется, чтобы ты поверил мне: я счастлива с тобой, считаю тебя самым красивым на свете... С ним у меня ничего такого не было. Я готова тебе в этом поклясться.

— Не надо, Ица.

— Ты веришь мне или нет?

— Ты была с другим, и одно это меня уже бесит. Теперь ты мне кажешься другой, не такой, как прежде. Совсем другой, понимаешь...

— Яни, бог с тобой!

— Ты совсем другая! — в гневе закричал он. — Но я не могу без тебя жить!

До самого полудня они не выходили из дому. Илона приготовила обед. Чтобы сделать его праздничным, она решила купить вина и побежала в корчму, к Фюреди, расположенную неподалеку.

Владелец этой забегаловки сообщил ей сенсационную новость: правительство ввело в стране сухой закон, нарушителей которого строго наказывают.

— Только что вернулся из города мой сын, — рас-

сказывал корчмарь, — он говорит, что в районе Ракоша горят склады и целые железнодорожные составы. Их кто-то поджег. И что только за подлецы живут на белом свете? Чего, спрашивается, они этим добиваются? Может, это делают возвращающиеся с фронта пьяные солдаты? Но я ни за что в это не поверю. Тут что-то другое...

Фюреди все же взял у Илоны бутылку:

— Я налью вам один литр. В порядке исключения. Если у вас найдут вино, ради бога, не говорите, что вы его у меня купили. Вы меня понимаете, да?

Он наполнил бутылку под прилавком, предусмотрительно завернув ее в газету.

— Мой парень был на горе, — продолжал говорить корчмарь, — в крепости, вместе с другими конечно. Они там статую Хензи свалили, и правильно сделали. От таких поступков сердце прямо-таки ликует. Всю эту швабскую нечисть надо поскорее вымести из страны. Все, кто к нам из провинции приезжает, говорят, что там царит настоящий хаос, ужасная разруха. Крадут, поджигают, убивают. Быстро расправились с платежными книгами, где были записаны долги военных вдов. Не пощадили и похотливых сутанников, которые пользовались тем, что в деревнях сейчас мало мужиков осталось. — Тут он расхохотался. — Конечно, без обоюдного согласия тут дело не выгорит. Как говорится, легко танцевать с Кати, если она сама этого хочет... — Немного помолчав, он продолжал: — От одного железнодорожника я слышал, что солдаты возвращаются домой из Галиции ужасно озлобленными. Рассказывают страшные вещи о том, как их унижали там. У них отобрали все, что еще представляло мало-мальскую ценность. Что вы на это скажете?

— Ужасно.

— Поснимали с них сапоги, ботинки. Отобрали справную форму, а взамен сунули грязное, вшивое тряпье. Однако некоторые части отказались сдать оружие. Говорят, самое тяжелое положение царит в Лемберге и еще в Бучууйхее.

Передавая бутылку Илоне, корчмарь попросил:

— Спрячьте под пальто.

Он заломил за вино в два раза дороже, чем до введения сухого закона.

— Все сейчас дорожает, — пояснил он. — Цены бешено растут. Так уж, видно, повелось. Говорят, что солдаты, возвращающиеся с фронта, разворовывают магазины, склады, корчмы. Что с нами станет, если и в Будапеште такое начнется?

Фюреди осторожно выглянул на улицу.

— Вы можете идти, — сказал он Илоне. — Все спокойно. И передайте господину Марошу и вашему деверю, что у меня для них всегда найдется чего-нибудь выпить. Ну, всего хорошего...

Пока Илона ходила за вином, Яни принес от брата номер «Непсавы». Он быстро перелистал газету. Его внимание привлекла одна статья. Это была речь Кунфи, которую тот произнес на заседании Национального совета. Когда Илона рассказала ему о том, что услышала от владельца корчмы, Янош сказал:

— Сейчас во всем мире пахнет разбоем. Вот послушай. — Он взял в руки газету. — Я тебе сейчас кое-что прочитаю. Довольно любопытно: «Мы считаем врагом каждого, — заявил Кунфи, — кто не хочет в полной мере поддерживать наше правительство, правительство Каройи. Я прошу вас и жду от всех, чтобы каждый бил в колокола и, если потребуется, пошел бы по городам и селам, выступал бы в кафе, на собраниях, митингах, на уличных перекрестках, вселяя в людей веру в новое правительство. Каждый, кто на это способен, должен поехать в провинцию, в другие города и села, просвещать народ, объяснять, что мы ничего не требуем, кроме поддержки нас в течение шести недель... И хотя мне, как убежденному социал-демократу, нелегко об этом говорить, я все-таки заявляю: на эти шесть недель мы должны забыть о классовой ненависти и прекратить на время классовую борьбу. Мы просим всех забыть о религиозных разногласиях, просим помочь нам в нашем великом начинании». Вот что он заявил. — Янош бросил газету на стол. — Интересно, что на все это теперь Фери скажет. Он мне постоянно говорил о классовой борьбе, утверждая, что господа всегда останутся господами, а рабочие рабочими. А теперь пролетарии вступают в сговор с господами. Ничего себе шуточка, а?

— А я рада, — заявила Илона.

— Чему именно?

— Тому, что ты наконец заинтересовался политикой.

Выпив бутылку вина, Янош захмелел и стал задиристым. Заявил, что хочет встретиться с Виктором, чтобы попросить его совета, на какую работу сейчас можно рассчитывать.

— Нам не следует сейчас идти к Виктору, — упрашивала Яноша Илона. — Какой совет он тебе может дать? Он самому себе ничего посоветовать не может. Он всю жизнь только и делал что ловчил.

— Какое мне до этого дело? Я просто хочу с ним повидаться!

Внезапно Илона подумала о том, что, быть может, Яношу и есть смысл встретиться с Виктором, поскольку тот знает всех подрядчиков в районе. К тому же он может знать, не сдает ли кто комнату или квартиру в одном из многоквартирных домов, расположенных поблизости, на улице Кей. Илоне хотелось поскорее уехать из этого дома, где ее мысли невольно обращались к Хефлерне. Она боялась за Яноша.

— Ну что же, пошли, — согласилась она. — Но только ненадолго. Мне бы не хотелось, чтобы ты пил с Виктором.

Вечером, часов в восемь, они пришли на улицу Губачи, застроенную небольшими домиками. Виктор с Ирмой жили в доме напротив особняка, который занимала семья мясника Мразика. Ирма была в хороших отношениях с мясником, вела с ним какие-то дела: то что-то продавала ему, то что-то покупала у него, а иногда обменивала вещи, которые она обычно получала от солдат железнодорожной охраны.

Виктора дома не оказалось.

Ирма вышла к гостям в темном халате, вышитом красными цветами, на ногах у нее были сегедские тапочки. Волосы гладко зачесаны кверху и связаны в пучок. Она встретила Яноша и Илону с наигранным радушием, держась при этом довольно развязно:

— Хрюшки вы вонючие, — затараторила она, — наконец-то вы о нас вспомнили. Как Яни вернулся домой, вы к нам ни разу и носа не показывали. Хотя бы зашли из чувства благодарности за то солдатское сукно, которое мы вам с Виктором подарили. Он не раз вспоминал об этом.

— Мы его и вернуть можем, — отрезала Илона.

— Не валяй дурака! Не принимай близко к сердцу

чушь, которую Виктор городит, особенно когда он подшофе бывает. Ты же знаешь, как мы вас любим.

Обняв Илону, она поцеловала ее прямо в губы. Потом повисла на шее у Яноша, стараясь и его чмокнуть в губы, но он отвернулся, за что Ирма больно ткнула его в живот.

— Дурачок, — кокетливо проговорила она, — чего ты крутишь своей башкой. Я же не кусаюсь.

Илона с отвращением наблюдала за ее ужимками. Ей казался противным даже запах, исходивший от Ирмы, которая не только частенько попивала ликерчик, но и постоянно курила; душилась она духами с каким-то приторным ароматом. С Яношем она сразу повела себя так, будто находилась с ним наедине. Усадив его рядом с собой, Ирма начала ухаживать за ним. Принесла поднос и поставила его перед Яношем. На подносе были пироги с орехами, с маком и с творогом. Достала из серванта бокалы и початую бутылку вина. Заметив, что края бокалов были грязными, Илона тут же попросила:

— Раз уж ты собралась угощать нас, то достань, пожалуйста, чистые бокалы.

— Ты всегда говоришь то, что думаешь, — засмеялась Ирма. — Клянусь, я не страдаю никакими заразными болезнями. — Но все же протерла бокалы краешком скатерти, которая тоже отнюдь не блистала чистотой.

Ирма с радушием потчевала молодых людей:

— Ешьте, пейте, дорогие гости, один раз живем. — И постоянно подливала им в бокалы, особенно заботясь, чтобы бокал Яноша не был пустым. — Пей, пей, — подбадривала она его, — от этого напитка кровь только лучше становится.

Затем она поставила на стол никелированную коробку с сигаретами «Дама», одно время очень популярными.

Янош хотел отведать пирога, но все никак не мог решить, какой пирог ему попробовать. Наконец он взял кусок орехового. Илона выпила глоток вина, чтобы смыть со своих губ следы поцелуя Ирмы.

— А вы неплохо устроились, — заметила она.

— Неплохо? Да, удалось, — хвастливо проговорила та. — В наши дни люди, обладающие практическим складом ума, не голодают.

Ирма села рядом с Яношем, напротив Илоны, и под

столом безо всякого стеснения прижалась бедром к его ноге. Взяв с блюда кусок ватрушки, она буквально всунула его Яношу в рот, после чего плотоядно облизала пальцы.

— Съешь еще кусочек. Тебе не помешает. Ты ведь вернулся к жизни, можно сказать, из самого пекла, так что не должен ничем стеснять себя. — Она захихикала и, посмотрев Илоне прямо в глаза, заметила: — Завидую тебе, дорогая. Какого мужика себе отхватила!

Она затянулась сигаретой, а дым выдохнула прямо в лицо Яношу.

— Ты-ты-ты, — она кокетливо растягивала слова, — у тебя такая милая физиономия, хотя ты и корчишь из себя святого. Я теперь понимаю эту дохлятину Хефлерне, которая так и вцепилась в тебя. Ты того стоишь. Она просто рассудка лишилась, если пошла на такое свинство, чтобы выдать тебя! Нет, это не баба!

Тут Ирма заметила, что бокал Яноша опустел. Она снова наполнила его. И даже поднесла прямо к губам:

— Пей, золотко, радуйся жизни! Я, наверное, умерла бы со страха, если бы судья огласил мне смертный приговор. Представляю себе, что ты тогда пережил. — Она похлопала Яноша по спине, потом погладила его по волосам: — Ты уцелел, а это главное. Для тебя революция началась как раз вовремя. Ну-ка, дай свою головку, я ее поцелую.

Илоне не понравилось наглое ухаживание Ирмы. Она поднялась из-за стола, довольно сухо поблагодарив хозяйку за угощение, и сказала, что им пора идти. Но в этот момент пришел Виктор. Под мышками он держал два больших свертка. Увидев Илону и Яноша, он, широко осклабившись, громко воскликнул:

— Ай-яй-яй! Вы только поглядите! Кто у нас в гостях. Вот это да! — Он обнял Илону и осторожно погладил ее по животу: — Растет. Прекрасно. Кого ждете?

Ответ Илоны его нисколько не интересовал. Обменявшись с Яни рукопожатием, он отодвинул в сторону бутылку с вином и сказал:

— У меня есть кое-что получше, дружище, отборная сливовица. — И он достал из шкафа бутылку. Вытащив пробку, приложился к ней, потом ладонью вытер горлышко и передал Яношу: — Глотни-ка! Это напиток для настоящих мужчин. — Потом он бросил взгляд на Ило-

ну: — А ты что это стоишь? Садись! Насколько я тебя знаю, уж раз ты к нам сюда заглянула, то, верно, на это есть какая-то причина. Угадал?

— Да. Я хотела снять комнату на улице Кей, по возможности у пожилой одинокой вдовы. Ты не можешь мне помочь?

— Дорогая моя, прекрасная моя сестренка Ица, — восторженно заливался соловьем Виктор, — да ради тебя я на все готов. Ради тебя и твоего Яни. Скажи-ка, Янош, ты уже подыскал себе какую-нибудь работенку?

— Нет, Фери хотел, чтобы я поступил в национальную гвардию.

— И что же ты ему ответил?

— Что я больше не намерен брать в руки оружие...

Их перебила Илона:

— Но ведь национальным гвардейцам в день платят по тридцать крон.

— Да я и за сто крон никогда не встану в их ряды. — Янош скорчил кислую мину.

— Ну и глупый же ты, мой красавчик, — расхохотался Виктор. — Фери и вправду тебе добра желает. Ты лучше подумай. Вступишь для начала в национальную гвардию, получишь новехонькую форму: рубахи, исподнее, ботинки, шинель, шапку. Сразу перестанешь быть похожим на вахлака, а то ходишь в какой-то мешковине. К тому же... — Неожиданно замолчав, он вновь приложился к бутылке со сливовицей. Вытерев горлышко ладонью, сунул бутылку в руку Яношу: — Хлебника... Итак, что я еще хотел сказать?.. Ага, ходят слухи, что правительство собирается призвать в армию последние три предвоенных срока. А ты, между прочим, попадешь в их число. И скажи, мудрый ты человек, что же лучше: национальная гвардия или опять солдатчина? Если тебя опять заберут в солдаты — это два года службы, а если ты запишешься в национальные гвардейцы, то через шесть месяцев на законном основании можешь оставить их с носом. Уйдешь в резерв, станешь в кулачок себе посмеиваться и будешь свободен. А может, ты опять прятаться надумал? Ты уже однажды здорово заплатил за риск. Надеюсь, ничего подобного на этот раз тебе в голову не придет. — Виктор снова отхлебнул прямо из горлышка. — А ведь это чудесно — быть национальным гвардейцем. Потому как сейчас, дорогой куманек, одному богу известно, сколько создано

разных гвардий: народная, национальная, гражданская и еще бог знает какая. Кроме того, имеются еще полицейские и жандармы. И все они что-то охраняют. Одни — банки, другие — министров, третьи — железные дороги, одни за тем наблюдают, другие — за этим. Финансовые гвардейцы следят за строгим выполнением сухого закона, пограничники — за неприкосновенностью границ, а национальные гвардейцы следят за тем, чтобы никто другой, кроме них, ничего не стибрил. Понимаешь, откуда ветер дует, старина? Знаю я нескольких национальных гвардейцев. Это такие честные люди, такие!.. Ха-ха-ха! Это для тебя большая честь, коли они тебя к себе примут. Винтовки у них есть, это правда. Но они им нужны только для того, чтобы охранять имущество. Охранять и кое-что себе урывать. И чтобы никто не мог воровать там, где они сами этим успешно занимаются. Ну, словом... Что я хотел сказать?.. Ага... Есть среди них и у меня приятели. Хочешь, могу тебя им представить? .

Но Янош опять заупрямился:

— Не стану я заниматься делом, которое требует держать в руках оружие.

— Тем более если там, — добавила Илона, — обделываются разные темные делишки.

— А ты не суй нос в мужские дела! — прикрикнул Виктор на сестру. — Что ты в этом понимаешь? Терпеть не могу куриц, которые кукарекать пытаются. — И он хлопнул Яноша по плечу: — Послушай меня, парень. Мой тебе совет — вступай в национальную гвардию. Там тебе будет хорошо во всех отношениях. Все у тебя будет, что только душе твоей угодно, к тому же — это поможет тебе избежать нового призыва. Уж поверь, мне из надежного источника известно, что призыву подлежат мужчины тысяча восемьсот девяностого — тысяча девятисотого года рождения. А ты как раз попадешь под этот призыв.

Янош отрицательно покачал головой:

— Никто на свете не сможет заставить меня вновь взять в руки оружие. Зачем республике солдаты? Линдер же сказал, что он больше не желает видеть людей в военной форме.

Виктор закурил. Перекатывая сигарету из одного уголка рта в другой, он продолжал подсмеиваться над Яношем:

— Эх ты — невинный простак. Линдер не желает видеть тех солдат, которые норовят с господ шкуру спустить да брюхо им свинцом прошить. Зато ему очень даже нужны солдаты, которые будут стрелять туда, куда им разные графья укажут.

Илоне уже наскучила болтовня Виктора. Она довольно сухо попрощалась с братом и его женой.

— Если все-таки надумаешь, приходи сюда, — сказал на прощание Яношу Виктор.

Ирма проводила гостей до дверей. Подмигнув Яношу, она визгливо захихикала и пригласила:

— И правда, заходи как-нибудь к нам...

6

Фримне умерла от испанки.

Квартира осталась за Яношем и Илоной. Сестра умершей предложила молодым людям купить оставшуюся после старухи мебель, запросив за нее восемьсот крон. Виктор, которого Янош пригласил на эти торги, начал высмеивать корыстную старушенцию. Тут сестра покойной возмутилась:

— Ну уж нет! Ведь и квартира-то, собственно говоря, тоже не им принадлежит. Если хотят в ней остаться, пусть и за нее платят. Квартира стоит по крайней мере тысячу крон.

Тут уж Виктору пришлось призвать на помощь все свое красноречие.

— Тысячу крон за квартиру? — захохотал он. — Дорогая госпожа, да вы просто ничего не понимаете в нынешней жизни. Эта квартира по закону принадлежит демобилизованному солдату Яношу Марошу, который за храбрость на фронте награжден малой и большой медалями «За храбрость», а также золотым знаком отличия «За воинскую доблесть» и крестом короля Карла. Согласно специальному указу подобным ему отважным воинам квартира полагалась бесплатно. Так что получите триста крон за мебель и благодарите господа за прекрасно сделанное дельце.

После долгого торга старуха наконец уступила. Сошлись на четырехстах кронах. Довольная совершенной сделкой, жадная женщина убралась восвояси.

— Ну вот, теперь у вас есть своя квартира, — ска-

зал с удовлетворением Виктор. — Я вам ее отремонтирую.

И он сдержал свое слово. Хотя Виктор давно не работал по своей профессии, он прекрасно справился со своей задачей.

— Ну а теперь пусть и ребенок рождается. Только прежде вам нужно будет свадебную пирушку закатить. Я буду у вас свидетелем.

9 ноября Янош и Илона направились в отдел регистрации браков. Одним из свидетелей был Виктор, второго привел Ференц. Это был молодой журналист Бела Данч. Илона тщательно выстирала и выгладила старенький мундир Яноша к столь торжественному случаю. Сама она тоже оделась очень скромно. Хотя молодые люди и протестовали, свадебный обед за свой счет организовал Виктор. Ирма навела порядок в новой квартире. Ференцу и Марии все это не нравилось, однако Илона была вынуждена примириться, не желая огорчать Яноша, который очень привязался к Виктору и Ирме.

За праздничным столом кроме Илоны и Мароша собралось не так уж много народу, в основном родственники: Ференц, Мария, Виктор, Ирма, Данч да еще два приятеля Ференца, его коллеги по оружейному заводу. Данча как самого почетного гостя усадили во главе стола. Он прославился среди рабочих своей нашумевшей статьей в газете «Непсава», где он писал: «Имя Ленина — это целый новый мир, имя Ленина будет высечено на фасаде здания строящегося социалистического общества. Через потоки антибольшевистского злословия, через китайские стены злобной цензуры до нас все-таки доходят известия о том, что в России решается не только судьба рабочего класса, но и всего мира, в том числе и судьба венгерского пролетариата. Мы должны понять, что в России не просто создается новая демократия — там уничтожена частная собственность. Сбросив власть буржуазии, там приступили к строительству социализма, уничтожающего нищету и голод...» Данч не хвастался тем, что он является автором этой статьи, но посвященные люди знали, что он написал статью о русской революции. Ференц даже вырезал ее из газеты и очень часто цитировал в своих выступлениях.

Виктор был уверен, что после «основательной заправки», как он называл выпивку, гости затянут песню, поэтому прихватил с собой гармошку, которая, если верить рекламе Вагнера — короля музыкальных инструментов, обладала столь громким звуком, что даже мертвых могла поднять из гроба. Но там, где вместе оказались четверо сознательных рабочих, разговоры о политике совершенно заслонили все остальное. Как только они закончили обед и, несмотря на сухой закон, попробовали крепкого красного вина из запасов мадемуазель Балаж, речь сразу зашла о политике. Против этого отнюдь не возражали ни Мария, ни Илона.

— Говорят, — начал Ференц, — что Каройи противится провозглашению республики.

— Насколько мне известно, — сказал Данч, — Каройи считает, что выбор в пользу республики сделал уже сам народ. Однако он хочет, чтобы это решение одобрило Национальное собрание. На мой взгляд, тянуть с этим делом не следует, а то получается, что правительство защищает то, что уже отвергнуто революцией и народом.

— И что же дальше будет? — поинтересовался один из гостей.

— Буржуазные министры из правительства Каройи хотят, чтобы Национальное собрание, состоящее из сторонников Тисы, вместе с верхней палатой объявило о самороспуске. А потом будет создано новое Национальное собрание, состав которого определится на основе нового избирательного закона.

— И для чего только такую канитель разводить? — недовольно заметил Ференц. — Король сам отрекся от престола, путь свободен.

На губах Данча появилась улыбка.

— Увы, Карл схитрил. Он отрекся лишь «от ведения государственных дел» и теперь всячески пытается извлечь выгоду из этой формулировки. У него есть влиятельные сторонники в стране, которые ждут его возвращения на престол...

Виктор довольно неуклюже попытался вмешаться в разговор:

— Карл был просто-напросто альфонсом, он не пропускал ни одной юбки, будь то герцогиня, графиня, баронесса или содержанка-актрисочка — словом, любую дохлятину в юбке и с сумочкой, которая попадалась ему

на дороге. Ну а Зита? Это — корова для отела, которая без перерыва производила на свет великих герцогов и герцогинь, что твой заводной автомат.

— Виктор, — одернула его Мария, — подобный тон не годится для серьезного разговора Мы рассуждаем о важных вещах.

Данч взглядом поблагодарил Марию за помощь и продолжал:

— Да, положение создалось весьма напряженное. Надо внимательно следить за каждым шагом наших врагов, но в то же самое время стараться не умножать их числа. У нас нет ни угля, ни сырья, из-за чего встали многие предприятия. А с фронта домой возвращаются озлобленные, недовольные своей судьбой солдаты, которые требуют работы. В провинции бесчинствуют вооруженные банды грабителей. Они обчищают магазины, кабаки, табачные лавочки, грабят торговцев, мелких предпринимателей, землевладельцев, убивают людей, жгут все подряд. Забивают племенной скот, обворовывают элеваторы. Жандармы и национальные гвардейцы сбиваются с ног, но остановить грабежи они уже не могут. Провинция — в огне.

— Вот ведь беда какая! — воскликнула Илона.

— Все больше становится белогвардейских банд, созданных офицерами, — продолжал Данч. — Эти господа жаждут кровавой мести. Они пьют, бесчинствуют и убивают. В подобных диких сценах порой участвуют и озлобленные войной солдаты. Страна сейчас выглядит, как свеча, подожженная с обеих сторон.

— И что же в конце концов с нами будет? — спросила Мария.

— Кто знает? — задумчиво ответил Данч. — Недовольны крестьяне, недовольны рабочие, недовольны и буржуа. Каждый чего-то хочет, что-то требует, и никто не желает реалистически мыслить. Подобная ситуация выгодна прежде всего реакционным элементам, да сохранит нас от них господь.

— А кто они такие? — неожиданно для всех задала вопрос Ирма.

Данчу показалось несколько странным, что мужчины все время молчат, а вопросы задают женщины. Но он с готовностью ответил:

— Существует множество разновидностей реакционных элементов — это и джентри, и бывшие офицеры, и

разорившиеся чиновники, даже священники, вроде отца иезуита Белы Бангха. Есть и другая разновидность, например возвращающиеся из России военнопленные. Им явно не нравится то, что происходит у нас. Они хотят, чтобы в Венгрии все шло так же, как это происходило в России.

— Но кто же все-таки прав? — спросил один из друзей Ференца. — Что же надо делать, чтобы в стране все наладилось?

— Я бы тоже хотел это знать, — откровенно признался Данч. — Рабочие требуют работы, крестьяне — земли, буржуа — стабильности, фабриканты боятся потерять свое имущество, священники страшатся распространения безбожия, помещики дрожат за свою землю. Продолжать? Я понимаю, что положение у Каройи и вправду незавидное.

— Но надо же что-то делать, — заметил Ференц.

— Да. Надо действовать. И Каройи будет действовать. Он сейчас занят организацией Большого национального совета, состоящего из тысячи человек. Совет возьмет на себя роль конституционного Национального собрания. Он наведет в стране твердый порядок, провозгласит республику. Тогда мы выйдем на прямую дорогу. Только бы нам не попасть еще в какой-нибудь переплет. К сожалению, и это может случиться. Под угрозой распада находится то замечательное единство, которое во время октябрьской буржуазно-демократической революции объединило выступивших против монархии — буржуазию, рабочий класс, крестьянство, — всех венгров — сторонников республики. Если это единство будет подорвано, сами небеса не предскажут, что случится с нашей многострадальной страной...

Виктору надоел разговор о политике. Винные пары ударили ему в голову, и он начал возмущаться:

— Что ж это за свадьба? Разве мы не будем петь? — И, не дождавшись ответа, он загорланил песню, подыгрывая себе на гармонике:

Хватай вещи и беги,
Фараонов ты не жди,
Складывай все в кучу,
Зададим им бучу.

Ирма и Янош присоединились к нему. Они во весь голос затянули ставшую тогда популярной песенку уголовников:

Высоко летает ворон,
Пусть ослепнут фараоны.
Я не вижу в темноте,
Поджигай быстрей везде.

Подобных вечеринок Данч не выносил. Он тактично поблагодарил хозяев, попрощался с Марией, Ференцем, мило помахал рукой Виктору, Ирме и удалился. Два других гостя вскоре последовали его примеру. Ференц пошел их провожать. Виктор еще некоторое время без особого желания продолжал петь, но, видно, он сильно перебрал, поэтому Ирма решила поскорее увести его домой. Янош вызвался проводить их. На этом и завершился свадебный обед.

— Ох уж этот Виктор! — возмущалась Мария.

— Боюсь я за Яни, — со страхом проговорила Илона. — Ужасно, если он попадет под влияние Виктора.

Яни вернулся домой поздно ночью. Он был изрядно пьян. В руках держал какую-то бумажку. Заплетающимся языком он проговорил, что бумажка была нацеплена на дверную ручку. Повалился на кровать и тут же захрапел. Илоне было и жаль мужа, и противно. Она стащила с него ботинки, вынесла их на кухню. Потом прочитала записку.

«Ты сейчас счастлив? Думаешь, так будет всегда? Вспомни слова Архангела. Он тебе подскажет, что тебя ждет».

Илона еще раз перечитала написанное большими печатными буквами. Потом поднесла записку к керосиновой лампе, подожгла и долго смотрела, как бумага темнеет, сворачивается и превращается в пепел. Настроение окончательно испортилось. Она совсем иначе представляла день своей свадьбы. На душе было тревожно. Илону охватили дурные предчувствия.

На следующий день она сказала Яношу, что с понедельника выходит на работу в типографию. Серьезный разговор с ним она пока решила отложить. Однако на сердце у нее было тяжело.

На работе Илону встретили с радостью. Одна из подруг, Мария Ормаи, сразу же записала ее в женский комитет.

— Наступило время, когда мы, женщины, должны добиваться полного равноправия, — сказала она Илоне.

Получилось так, что с утра и до вечера Янош был предоставлен сам себе.

Янош понял, как отвратительно он вел себя в день свадьбы, мучался угрызениями совести. Попытался помириться с Илоной, но из этого ничего не вышло. Жена обходилась с ним вежливо, предусмотрительно, заботилась о нем. Готовила завтраки, ужины, терпеливо принимала его ласки, но прежнего восторженного чувства у нее уже не было. Илона тщательно продумала линию своего поведения, надеясь, что этот молчаливый урок приведет Яноша в чувство.

Янош целыми днями бесцельно слонялся по городу. Поначалу он пытался искать работу, а потом стал просто бродить по улицам. Слушал выступления уличных ораторов, читал многочисленные плакаты, наклеенные на стены зданий, слушал споры солдат и прохожих, наблюдал за суматохой, царящей на городских вокзалах. С праздным любопытством глазел на товары, которые продавали в различных ларьках. Иногда он покупал сушеные тыквенные семечки у уличных торговцев, набивал ими карманы.

Он ненавидел сам себя, был противен себе.

Тогда он попытался спасаться от скуки сном. Заваливался спать, хорошенько укрывался одеялом, так как в квартире было нетоплено. Проснувшись, подолгу смотрел в потемневший от наступивших сумерек четырехугольник потолка. В комнате было холодно, пусто и неуютно. Плита на кухне тоже была ледяной, рассыхаясь, тихо потрескивала старая мебель. Узоры на оконных занавесках наводили на странные размышления. Беспокойно тикал будильник на буфете.

Янош притворно-вежливо здоровался с соседями. Он чувствовал, что те шепчутся за его спиной. Он часто вспоминал своих фронтовых друзей. Подумывал отыскать Картала из рабочего совета или лучше Балаго. Но не знал, где того можно было найти. И он решил зайти к Виктору.

Чтобы застать того дома, отправился на улицу Губачи рано утром, но Виктора дома уже не было. Ирма встретила его в халате, который даже не был застегнут на груди. Увидев Яноша, она довольно засмеялась. В квартире было уютно и тепло, пахло чем-то приятным... Как только Янош вошел на кухню, Ирма тут же закрыла дверь на ключ. Она была в прекрасном рас-

положении духа, чему немало способствовала, очевидно, рюмка ликера. Она тут же задернула занавеску на окне и безо всяких церемоний втолкнула Яноша в комнату.

— Ну-ка, малыш, — проговорила Ирма, — теперь ты можешь показать, на что способен. Илона тебя очень затрепала? Смотри, как бы она тебя совсем не довела до ручки.

Внезапно скинув с себя халат, она предстала перед молодым человеком обнаженной. В следующее мгновение она с какой-то дикой необузданностью повалила Яноша на кровать. Ирма принадлежала к тому типу женщин, которым особую радость доставляет брать то, что принадлежит другой.

— А вдруг Виктор вернется домой? — всполошился Янош.

Но Ирма только рассмеялась:

— Ну и что? Не стоит из-за этого волноваться. Если он рано утром уходит, то возвращается поздно ночью, а то и на следующий день. И я всегда чувствую запах духов каких-то шлюх, которыми от него несет. Думаешь, он не знает, что я люблю поразвлечься? Мы оба любим пожить. Н-на-на! Итак, все в порядке!..

Ирма была человеком настроения. Порывы дикой страсти сменялись полнейшим равнодушием к нему. Однажды Виктор, когда Ирма с особым пренебрежением отнеслась к Яношу, сказал ему:

— Что же это? Видно, ты уже основательно надоел этой шлюхе?

Виктор стал частенько приглашать Яноша с собой в усадьбу Балаж, где находился пост железнодорожной охраны.

Усадьба Балаж находилась на улице Иллатош и занимала всего двадцать хольдов земли.

Основное здание было выстроено из камня. Весь второй этаж занимал шваб Тодор Балаж с дочерью и сыном. Там была богато обставленная пятикомнатная квартира. Внизу, на первом этаже, находился ресторан. Дальше, по улице Иллатош, под огромными развесистыми деревьями располагались одноэтажные строения под плоскими крышами: конюшни, каретные сараи, склады и жилые домики для прислуги. В одних из них жили кучера, а остальные занимали солдаты железнодорож-

ной охраны, которые несли службу на находящейся поблизости сортировочной станции.

Балаж из года в год засевал свои двадцать хольдов пшеницей. У него было десятка два лошадей. Он торговал всевозможной живностью, зерном, заключал разного рода сделки и даже играл на бирже. Его двадцатипятилетняя дочь Изабель с помощью поварихи и двух шинкарей вела ресторан. У нее были прекрасные черные волосы, стройная фигура, и, если бы не сильное косоглазие, она была бы очень красива. По этой причине она избегала того общества, в котором могла бы вращаться благодаря деньгам и знатному происхождению. Рестораном она управляла мастерски. В него регулярно заходили офицеры из расположенных поблизости казарм Лаудона, инженеры, конторские служащие с соседнего завода, а также пленные русские офицеры, которые тоже жили в казармах Лаудона и которым была сохранена свобода передвижения. Изабель (все ее почему-то называли мадемуазель Балаж) была дружна со многими русскими офицерами.

У Изабель была тесная связь с солдатами железнодорожной охраны. Их было человек тридцать. Под их контролем находились несметные по тем временам сокровища.

Виктор и Ирма могли бы много чего порассказать о торговых операциях, которые проворачивала мадемуазель Балаж с солдатами железнодорожной охраны.

Она имела дело с Мате Шерешем — молодым фельдфебелем железнодорожной охраны, которого даже в своем кругу называли продувной бестией. Он мастерски вел дела, прекрасно разбирался во всех спекулятивных махинациях.

Мате Шереш любил карты, но играл он исключительно ради самой игры, о жульничестве, крапленых картах в их компании никто и слыхом не слыхивал. Когда солдаты были свободны от дежурства, они пили и веселились в свое удовольствие.

По рекомендации Ирмы Мате Шереш очень любезно отнесся к Яношу. Хотя между ними и была разница в возрасте целых восемь лет, но жизнь приучила Мате не задирать кверху нос. Да и характер у него был довольно покладистый и ровный. Так началась вольготная жизнь Яноша под крылышком у Мате Шереша. Теперь он с нетерпением дожидался часа, когда Илона

уходила на работу, чтобы сразу же бежать на улицу Иллатош, в усадьбу Балаж.

Янош быстро пристрастился к вину, игре в карты и курению дорогих сигар. Сам Мате любил тоненькие сигарки под названием «Пальмитас» с очень приятным запахом. Их обычно курили высокопоставленные кадровые офицеры. Была у Мате привычка: во время карточной игры он пел. Особенно ему нравилась разухабистая песенка, которую распевали во всех публичных домах: «Мой милый мальчик, жду тебя в кафе...»

Илона все больше интересовалась политикой. Она активно включилась в борьбу за женское равноправие, регулярно слушала лекции, читала выступления Розы Беди-Швиммер. Домой она возвращалась поздно вечером. С мужем почти не разговаривала.

Хотя Янош перед приходом жены предусмотрительно приводил себя в порядок, Илона скоро заметила, что с мужем произошла какая-то перемена. И, как ни пыталась она скрыть свои чувства, в ее голосе прозвучала тревога:

— Куда это ты все ходишь в последнее время?

— Никуда. Ищу работу, брожу по городу.

— Ты выпиваешь? От тебя пахнет вином.

— Иногда встречаюсь со своими фронтовыми друзьями... Неудобно отказаться, когда предлагают опрокинуть стаканчик-другой.

— А как же сухой закон?

— Да на него все плюют... У кого деньжата водятся, может пить сколько влезет.

— Вы, наверно, и в карты играете?

— Да, но только не на деньги, а так просто... Да и откуда у меня деньги?.. Где мне их взять?..

Илоне ответы Яноша пришлись не по душе:

— Надеюсь, ты не встречаешься ни с Виктором, ни с его дражайшей половиной?

— Конечно нет. Какого черта я у них забыл?

Спать Илона легла в отвратительном настроении.

7

Мария тоже заметила перемену в поведении Яноша. Она очень тактично обратила на это внимание Илоны:

— Тебе надо понаблюдать за ним...

Утром следующего дня за окном был туман, начинал моросить мелкий дождь. У ворот Илону встретила Бучекне, которая доверительно сообщила:

— Ица, вчера твой муж пьяный был, шатаясь пришел домой... Он всегда приходит за час-другой до твоего возвращения. Видно, он частенько пьет, но только на какие деньги?

Илона в тот день вернулась домой пораньше, часа в четыре. Янош же появился только в пять. Он сильно удивился, что жена уже дома. Илона сразу почувствовала запах спиртного и потребовала ответа:

— Ты пил. На какие деньги?

— Отстань...

— Кто тебя поит? Виктор?

— А хотя бы и он?

Илона заглянула в нижний ящик платяного шкафа. Куска сукна, которое им подарил Виктор, не было. Илона помрачнела. Потом она заметила, что в баке стало меньше жира.

— А где сукно, что нам Виктор подарил? — спросила она.

— Виктор же спрашивал о нем. Я ему обратно и отдал его.

— Ты и жир брал?

Янош начал явно злиться:

— Что это? Ты меня допрашиваешь?

— Я просто спрашиваю: ты брал жир?

— Это ты его брала. Ты же сама его давала Ковачам с нижнего этажа. Ты думаешь, я не знаю?

Илона изумилась:

— Я им давала всего один раз и то неполную кружку. А не дать я не могла: Ковачне заболела, а у нее пятеро ребятишек на руках. Муж умер от испанки. Я просто пожалела несчастную женщину.

— Черт бы тебя побрал, какая же ты... Ну прямо-таки добрая фея! Пускай Ковачне в управлении социального призрения просит помощи.

— Неужели ты такой бессердечный?

— Каждый должен заниматься своим делом.

— Ты очень изменился за последнее время.

— Да, изменился, черт возьми! — закричал Янош, теряя самообладание.

— Бучекне видела, как ты пьяным возвращаешься домой!

— Она так тебе и сказала? Старая шлюха осмелилась клеветать на меня? Толстая, вонючая потаскуха!

— Не смей так обзывать порядочную женщину!

— А почему бы и нет? Ведь все бабы — шлюхи!

— Яни, что ты говоришь? Все женщины?! Может быть, и я тоже?

— Да, и ты тоже! Все вы одним миром мазаны!

— Ты с ума сошел?

— Да, сошел с ума, когда на тебе женился, а ты с другим себе ребенка приспала!

Маленькая, но крепкая рука Илоны внезапно поднялась и изо всей силы ударила Яноша по щеке. Все случилось так неожиданно, что поначалу даже сама Илона удивилась своей смелости.

Оба на миг застыли на своих местах. Янош замахнулся, чтобы ударить жену. Она не пошевелилась. Илона смело смотрела мужу прямо в глаза. И этот взгляд остановил его. Янош еще никогда не видел Илону такой. Он не выдержал ее взгляда и отвернулся.

Силы покинули Илону. Она упала на кровать и зарыдала. Что-то в душе подсказывало ей, что потерянного уже не вернуть. Перед ней словно разверзлась пропасть, и не было надежды на спасение. Что же будет дальше?

Янош тоже задавал себе этот вопрос. Он молча смотрел на рыдающую Илону и никак не мог решить, что ему делать.

«Что же ты медлишь, заканчивай начатое!» — нашептывал ему бес. Другой внутренний голос говорил: «Упади на колени перед Илоной, обними ее и моли о прощении».

Янош надел шинель и вышел из дому. В лицо ему ударил влажный ветер. Газовые фонари тускло освещали проспект Шарокшары. Откуда-то из Буды, со стороны Ладьманьошского озера, повеяло холодом. Янош проковылял мимо старого здания школы с наглухо закрытыми окнами, башен нефтеперегонного завода, обогнул здание новой школы на улице Иллатош, в которой лечили больных сифилисом офицеров, заразившихся во время войны.

К Виктору он пришел уже совсем отрезвевшим:

— Господи, — с удивлением воззрилась на него Ирма, — что с тобой стряслось?

— У тебя вид человека, который только что рехнулся, — заметил Виктор.

Ирма стащила с Яноша шинель и усадила к столу. Виктор тут же влил ему в рот солидную порцию палинки. Потом постепенно они вытянули у него признание о происшедшем. Виктор счел случившееся забавным и долго смеялся, приговаривая:

— Ну, заварил же ты кашу, парень! Ну и заварил...

Ирма шутливо похлопывала его по щекам, кокетливо гнусавя:

— Ах ты жеребец взбалмошный, ты, ты, ты... — Она схватила Яни за нос, подергала, потом, хихикая, проговорила. — И что же теперь с вами будет? Насколько я знаю Илону, она так просто не простит твое скотство.

— Илона — очень добрая женщина, — заметил Виктор. — Она со временем утихнет, забудет. Но она простила бы еще быстрее, если бы получила от тебя добрую затрещину. Побитая баба сразу добрее делается. Это истина, как дважды два...

До полуночи они пили, разговаривали, играли в карты. Ирма уговорила Яноша остаться ночевать:

— Вот раскладушка, ты на ней вполне уместишься... Илона пусть покуда немного придет в себя, подобреет. Может, теперь она поймет, кто является главой семьи.

Наутро проснулись в состоянии похмелья. Виктор тут же приступил к «лечению»: он выпил стакан палинки. Ирма одну за другой опрокинула несколько рюмок ликера. Потом, нисколько не смущаясь присутствия мужчин, вылезла из постели в ночной сорочке. Янош с удивлением уставился на нее. Вняв совету Виктора, он тоже приложился к бутылке. Ирма тем временем поджарила мясо. Все трое позавтракали, а затем наметили план действий на предстоящий день.

— Мне надо сходить на улицу Лилиом, — зевая, проговорила Ирма. — Одна шлюха дала мне знать, что там кое-что интересненькое продается. Я хочу посмотреть.

— А я загляну к мадемуазель Балаж, — сказал Виктор. — Мате Шереш демобилизуется и всю свою шайку расформировывает, обещает пристроить нас к другому делу. Мне надо с ним покалякать. — Взглянув на Яноша, Виктор ухмыльнулся: — Пойдем и ты со мной. Посмотришь, что за акула эта мадемуазель Балаж. Таких замечательных баб ты в жизни не видел!

Она превзойдет все твои ожидания. Вот если бы только не ее косоглазие... Но черт побери! Что есть, то есть.

Ирма презрительно заметила, обращаясь к Виктору:

— А тебе не терпится к ней подобраться, а? Но такие заморыши от нее ничего не дождались. По-моему, даже Мате Шереш и тот с ней ни разу не спал, хотя он парень что надо.

— Ну, собирайся, Яни, пошли, — начал торопить Виктор.

— Послушай меня, дуралей, — посоветовала Ирма Яношу, — отправляйся-ка лучше домой да успокой свою Илону. Приголубь ее, и от ее строптивости не останется и следа. Правда, таким мужикам, как ты, нужна жена с сильным характером.

— Подавись ты своими советами! — возмутился вдруг Виктор. — Яни со мной пойдет. Решено!

Через несколько минут они уже были в усадьбе Балаж. В маленькой комнатушке за столом сидели мадемуазель Балаж и Мате Шереш. Очевидно, они решали деловые вопросы, потому что Шереш держал в руках лист бумаги, а мадемуазель Балаж — маленькую записную книжечку в синем кожаном переплете.

Шереш всегда нравился Яношу молодостью и широтой натуры, а мадемуазель Балаж сразу же покорила юношу своей красотой. Правда, глаза у нее и на самом деле очень сильно косили. Виктор довольно оригинально представил ей Яноша:

— Господин Марош. Мой родственник и компаньон. Прославился тем, что был приговорен Лукачичем к смертной казни за дезертирство. Вероятно, бедняга так бы и погиб, если бы в последний момент не грянула революция.

Мадемуазель Балаж смерила Яноша внимательным взглядом. Правда, при этом трудно было понять, куда она смотрит. Изабель интересовалась каждым симпатичным мужчиной.

— Чем вы занимаетесь? — спросила она.

Вместо Яноша ответил Виктор:

— Он каменщик. Профессия — что надо. Особенно в наши дни... — Виктор, по своему обыкновению, осклабился: — Не найдется ли у вас, мадемуазель, для него работы? Парень он крепкий, ведет себя разумно, не привередливый, готов справиться с любой работой.

Балаж захлопнула свою книжечку и кистью руки начала легонько постукивать по переплету.

— Итак, Мате, — сказала Балаж Шерешу, — в таком случае мы с вами в расчете. Я, право, очень сожалею, что наш союз распался.

— И я тоже! — вздохнув, произнес Мате. — Я пока, мадемуазель, даже представить себе не могу, чем стану заниматься на гражданке.

Изабель, которая совсем было уж собралась выйти из комнаты, вдруг остановилась. Было заметно, что она с удовольствием отвечает на вопрос Шереша:

— Видите ли, Мате, вы умный человек и вам не нужно длинное разъяснение. Только что подписан указ правительства о том, что оно имеет право реквизировать или конфисковывать имущество. Национальный совет да, кажется, и солдатский совет решили наконец навести в стране порядок. Мой отец узнал из достоверного источника, что социал-демократ Бем, после того как его назначили государственным секретарем по делам обороны, собирается создать особую партийную гвардию. Мне кажется, в таких отрядах найдут себе работу люди, подобные вам, временно оказавшиеся не у дел. Вы меня понимаете? Правда, Фридрих противится осуществлению планов Бема и обратился к итальянскому генералу Диазу с просьбой до поры до времени не отпускать домой венгерских военнопленных, а ведь в Италии находится триста тысяч венгров. Из них-то и собирался создать свою партийную гвардию Бем. В конечном итоге он своего добьется. Словом, милый мой Шереш, вам надо куда-то пристроиться. И если вы еще не вышли из членов социал-демократической партии, то срочно попытайтесь воспользоваться своим членством. Вот все, что я могу вам посоветовать.

Мадемуазель Балаж спрятала свою записную книжку в карман и спросила:

— Значит, ваша фамилия Марош? Правильно ли я расслышала? Что ж, загляните ко мне через несколько дней. Быть может, мне и удастся помочь вам с работой.

Повернувшись к мужчинам спиной, она величаво направилась к двери. Виктор и Шереш дружно прокричали ей вслед «Целуем ручки!». Яноша поразила странная, подпрыгивающая походка мадемуазель.

Шереш вытащил из кармана толстую пачку банкнот,

отсчитал несколько купюр и протянул их Виктору со словами:

— Возьми, они твои. И мы в расчете.

Виктор, не считая, спрятал деньги в карман, скорчив при этом довольно кислую мину. В эти минуты он выглядел непривычно угрюмым.

— Итак, — произнес он, — выходит, железнодорожную охрану на самом деле расформировали?

— Да. Распустили.

— Что передать Ирме?

— Сколько веревочка ни вейся...

Они вошли в зал, примыкавший к ресторану. Шереш заказал три рюмки рому и три пачки сигарет. Старший официант Лайош спросил у Шереша, подойдет ли ему «Дриттезорт». При этом он почтительно констатировал:

— Сделаны из лучших сортов контрабандного табака.

Шереш купил целый блок. Угостил Виктора и Яноша. Мужчины закурили. Лайош услужливо поднес горящую спичку к сигарете Шереша и произнес с сожалением:

— Мне очень жаль, Мате, что ты уходишь. Я был к тебе так привязан. Чем теперь думаешь заняться?

— Если бы я сам знал.

— Ты парень толковый, быстро сообразишь, что к чему.

Они выпили. Шереш за всех расплатился. Затем все трое направились к ближайшей трамвайной остановке. Было прохладно. Медленно падал снег. Над полями, засеянными озимыми, кружили и каркали вороны. Перед тем как сесть в трамвай, Шереш сказал Виктору:

— Ты ведь знаешь, где я живу? Всегда сможешь меня найти дома. Улица Надьтемплом. Ирме передай, что она получит все, что я ей обещал.

Когда Шереш уехал, Виктор сунул Яношу в руку несколько мелких банкнот:

— Пусть и у тебя какая-никакая мелочишка будет. — Он снова ухмыльнулся: — Послушай меня, дорогой мой родственничек, ты заметил, как мадемуазель Балаж на тебя пялилась? Она хоть и лощеная дамочка, а все равно как кошка-сластена. Заранее невозможно угадать, куда ее потянет, куда ей аппетит дорогу укажет. Я же со своим одним глазом, да еще в таком виде; и смотреть-то на нее не осмеливаюсь. Курочка что

надо, но не для меня. Эх ма, я бы такую с превеликим удовольствием...— Тут в голову ему пришла новая мысль: — Ирме смотри не проговорись, что я деньги получил... Послушай,— вдруг сказал он,— я знаю одного торговца с рынка. Фамилия его — Геллер. Разыщешь его и скажешь, что это я тебя прислал. Ему постоянно нужны надежные фрайера.

— Для чего?

— Не суетись. Ему требуются ребята, чтобы разносить по нужным адресам привезенную в город картошку. Работенка — не бей лежачего, но зато тот, кто за нее берется, хорошие деньги огребает.

Яни пообещал, что разыщет Геллера, хотя в душе и не собирался с ним связываться. Он направился в город, ощущая в кармане шелест крон.

Погода немного улучшилась, снег теперь пошел большими хлопьями.

Дойдя по Бульварному кольцу до проспекта Ракоци, он свернул на улицу Лайоша Кошута. Шел медленно, с видом праздного гуляки. Трамваи глухо позванивали, катясь по покрытым снегом рельсам. На специальных остановках длинными вереницами стояли извозчики. Пассажиров у них почти не было. На проспекте Музеум Янош заметил толпу. Люди слушали молодого человека в солдатской шинели. Янош подумал, что в армии он, вероятно, был прапорщиком. Слушали его главным образом молодые люди, по-видимому студенты университета. Они не просто слушали, но и активно реагировали на его выступление. Иногда они соглашались с оратором, иногда бурно протестовали. Настроение у них было довольно боевое.

— Все сейчас пошло шиворот-навыворот,— говорил оратор.— Через границу на нашу территорию проникают шайки грабителей. У нас нет армии, ибо то, что осталось от нашего войска, армией никак уже не назовешь. Линдер ушел, на его место пришел Барта, но от перемены мест слагаемых сумма, как известно, не меняется. Ничего не изменилось и здесь. Затаив дыхание, мы ждем, как решит Антанта судьбу нашей страны. Как же безгранична наша глупость! А нам бы не хныкать надо, а накапливать силы. А где их взять? Линдер был плохим военным министром, теперь его поставили во главе мирной делегации. Думаете, в новом качестве он лучше себя зарекомендует? Покажите мне того наивно-

го человека, который в это поверит? Куда ни посмотришь, везде полный хаос. Надо решительно поставить перед правительством вопрос об охране государственных границ. Что произойдет с провозглашением республики? Начнется ли раздел господской земли? Черным замыслам реакции нет числа. Всех интересует, примем ли мы позорные условия перемирия. Надо дать решительный и определенный ответ командующему Балканской армией Антанты Франше д'Эспере. Старые господа теперь ждут какого-то чуда. Они — сторонники прежнего режима и мечтают о реставрации бывших порядков.

Янош немного послушал оратора, но вскоре ему это наскучило. И он направился домой. Снег шел уже без перерыва, толстый белый ковер покрыл мостовые и тротуары, крыши зданий, деревья. Город пребывал в каком-то странном зимнем настроении. Янош толкнул дверь квартиры, но она оказалась запертой. Вчера впопыхах он забыл взять с собой ключ. Пришлось пойти к Ференцу. Дома оказалась Мария. Свояченица встретила его не слишком любезно:

— Где это ты шлялся ночью?

Янош промолчал.

— Что у вас стряслось с Ицей? Конкретно она мне ничего не сказала, но выглядела ужасно... Я тебя предупреждаю: ты потеряешь Илону, если не помиришься с ней. — Она поставила перед ним миску с ломтиками поджаренной тыквы. — Ешь. — Налила стакан чаю. — Видишь ли, Яни, я понимаю, что у тебя многое не ладится... Ты все еще не можешь найти себе работу... Поэтому, видимо, нервничаешь, дергаешься... Но я тебе вот что скажу: ты же мужчина, ты обязан быть сильным...

Янош отказался от еды и, попросив ключ, молча ушел.

Войдя в квартиру, он огляделся и зажег лампу. На кухне и в комнате было чисто, все стояло на своих местах. Перед печкой лежала охапка дров. Немного постояв посреди комнаты, Янош почувствовал, что очень хочет спать. С трудом разделся и, забравшись под одеяло, тут же заснул, даже забыв потушить лампу.

8

Илона вернулась домой поздно вечером. Она часто задерживалась в женском комитете, где с большой охотой выполняла общественную работу.

Она не стала будить Яноша и, взяв клочок бумаги, написала ему записочку:

«Ужин и завтрак ты найдешь на кухне. Я сплю у Марии, так как Фери по заданию профсоюза уехал в провинцию, а Мария одна боится ночевать в квартире. Утром я хотела бы с тобой поговорить».

На следующий день утром, прежде чем отправиться на работу, Илона зашла домой. Янош все еще спал. Записка по-прежнему лежала на столе, а жаркое осталось нетронутым. Ей стало от души жаль Яноша, хотя она вовсе не собиралась так быстро его прощать. Илона растормошила его.

— Несколько дней я буду ночевать у Марии, — сказала она. — Фери уехал в провинцию. Завтрак и ужин я буду тебе готовить. А теперь мне надо идти.

Янош уселся на кровати, молча уставившись на Илону. Его обидел равнодушный и холодный тон жены.

— Подумай как следует, Яни, — продолжала она, — какой ты представляешь нашу дальнейшую совместную жизнь. — Проговорив это, она направилась к выходу, но вдруг остановилась: — Ребенок у меня от тебя. И будь что будет, но я его сохраню. — И она вышла.

Янош опять улегся в постель и проспал еще по крайней мере час. Проснувшись, он прочел записку, которая лежала на столе. Обнаружив в кастрюле еду, позавтракал. Потом спустился к Марии. Там выпил напиток, который по тем временам считался чаем.

— Чего Илона-то хочет? — спросил он Марию, закончив чаепитие.

— Просто несколько дней она будет ночевать у меня, а об остальном ты сам у нее спроси.

— Она очень сердится?

— Ты, вероятно, сильно ее обидел.

— Но я же не хотел!

— Ты ей сказал что-то гадкое, насколько я поняла.

— Что же мне теперь делать?

— И ты у меня об этом спрашиваешь? Если ты ее действительно любишь, то сердце должно подсказать, как тебе поступить, а не ждать совета от других. Скажу

дно: прежде всего ты должен во что бы то ни стало айти себе работу. Должен вступить в профсоюз. Там, оворят, дают теперь пособие по безработице. Ты знаешь, где находится твой профсоюз?

— Знаю.

— Сходи туда и запишись. Это наверняка понравится Илоне. И Фери тоже. Да и мне. Тебе давно бы следовало это сделать. Что же касается Илоны, то будь ласковым... тихим, веди себя спокойно, с достоинством, и она снова станет к тебе относиться, как прежде...

Янош ушел от Марии в подавленном состоянии.

Туман висел над заснеженными улицами, по которым плыли толпы демонстрантов, выкрикивающих различные лозунги... Будапешт словно задыхался под толстым снежным покрывалом. Снег никто не убирал, только дворники кое-где скидывали на мостовую снежную кашу. Янош зашел в помещение профсоюза, где его встретили довольно холодно. Старый каменщик-активист заявил:

— Что, товарищ, вспомнил и о нас? Но учти, пособия мы тебе сейчас дать не можем. И не жди. Сейчас каждый ветречный-поперечный спешит вступить в профсоюз и в партию. Каких только профсоюзов не существует сейчас! Скоро проститутки и те свой профсоюз создадут. Люди думают, что профсоюз спасет их от всех бед и забот...

После обеда Янош заглянул к Виктору.

Он застал супругов дома. Но в комнате было холодно, и Виктор с Ирмой сидели на кухне. Вид у обоих был довольно жалкий. Не осталось и следа от былого изобилия. Виктор щелкал тыквенные семечки, сплевывая кожуру в ладонь.

— Пусть все летит в тартарары! — недовольно проворчала Ирма. — Если так и дальше пойдет, мы все просто-напросто с голоду подохнем.

Виктор насыпал перед Яношем семечек.

— Ешь, — подбодрил он молодого человека. И унылым тоном продолжал: — Я дважды зря проездил к Мате Шерешу. Вчера нашел записку, где он просит меня завтра снова к нему заехать. Это уже добрый знак. Видимо, Мате что-то надумал. Парень он башковитый и пронырливый, на него можно положиться. Пошли со мной, если хочешь.

На следующий день рано утром Виктор вместе с Яношем пришли к Шерешу на улицу Надьтемплом. Шереш в рубашке и солдатских подштанниках сидел у стола и ел солонину.

Он встретил гостей в самом добром расположении духа. Угостил палинкой, хлебом с солониной, нарезанной мелкими кусочками.

— Познакомился я тут с одним «принцем черного рынка», — со смехом сказал Шереш. — Он кое-какие вещицы возит из Вены в Будапешт. Например, сейчас самый ходовой товар — это сахарин. Если хотите, можете подключиться. Можно торговать кремнями для зажигалок. На этом вы оба можете неплохо подзаработать. Конечно, какой-то риск есть, все время надо быть начеку, вовремя смываться от фараонов. Эти ищейки теперь в штатском ходят, вынюхивают все и вся.

Виктор согласился без особого энтузиазма:

— Дельце-то, выходит, чепуховое! Я к другим масштабам привык.

— Эх, дружище, времена меняются, не было бы еще хуже. У нас пока выбора-то нет...

— И как же все это будет выглядеть?

— Получите каждый по пяти сотен пакетиков сахарина и по тысяче кремней. Сахара-то ведь сейчас в продаже нет, а спички из Швеции привозят. Словом, в вашем распоряжении будет самый ходовой товар. Будете расхаживать по проспекту Ракоци, толкаться у вокзалов да покрикивать: «Кремни, сахарин!» Вот и все.

— А фараоны, говоришь, в штатском ходят?

— Да у них у всех на рожах написано, кто они такие. Их нетрудно обвести вокруг пальца. Как распродадите первую партию, придете ко мне за следующей. Ну, подходит вам такая работенка?

— Что ж, попытаем счастья.

Два дня они действовали вполне успешно. Даже лучше, чем предполагали. За день продавали по четыре порции. Яни тоже научился торговать, хотя поначалу сильно стеснялся. А когда освободился от скованности, то даже почувствовал удовольствие от подобной работы. Он привык к улице. Вскоре Янош заметил, что почти в каждой подворотне на проспекте Ракоци совершаются торговые операции. Одни что-то продают, другие покупают, а третьи заключают разного рода сделки.

На оживленных перекрестках столицы прочно обосновались инвалиды. Кто играл на скрипке, кто — на губной гармошке, а кто даже на флейте. Один потешал народ тем, что хриплым пропитым голосом громко распевал: «Красотки, красотки, красотки кабаре...» Дальше он слов, видимо, не знал.

Спустя несколько дней Янош «погорел». Он забыл об осторожности, и двое шпиков в штатском выследили его. Карманы Яноша были набиты новой партией товара. Его отвели в управление полиции на улицу Харшфа, где Янош попал в лапы старшего советника по фамилии Шалаи, который никого из задержанных не выпускал на свободу, предварительно не избив до полусмерти. Получил свое и Янош.

Ему объяснили и показали, что продаваемый им сахарин наполовину состоял из обыкновенной соды, а среди кремней находилось много маленьких обрезков проволоки. Шалаи отправил его в тюрьму. Случившееся нанесло страшную рану самолюбию Яноша.

Через два дня его, правда, отпустили из-за недостатка мест в тюрьме.

Илону очень потрясло падение мужа, который поклялся ей, что никогда в жизни больше не станет заниматься «ничем подобным».

Каждый день он теперь ходил на биржу труда в надежде найти какую-нибудь работу, готов был взяться за любую, даже самую грязную. Однако пока он только приобрел опыт безработного. Его ошеломлял вид голодной толпы. Он слушал горестные жалобы безработных, проклятия, которыми они щедро пересыпали свою речь. Ежедневно перед биржей труда, казалось со всего города, собирались представители нищеты.

Но в толпе безработных звучали не только проклятия и жалобы, порой здесь велись жаркие разговоры о политике. Обсуждали императора Вильгельма, который сбежал в Голландию, не забыв прихватить с собой целый состав с золотом и серебром. Недобрым словом вспоминали крикливого социалиста Эберта, который провозгласил республику в Германии. Многие хорошо знали имена Масарика и Бенеша. Вовсю поносили Антанту, считая ее по своей политической безграмотности не союзом государств, а человеком, который пытается расколоть Венгрию на части и раздать огромные территории словакам, валахам, а область Бачку — сербам.

Вспоминали Иштвана Тису. «Он хоть и был порядочной свиньей, но при нем по крайней мере порядок был...»

С Илоной у Яноша по-прежнему оставались натянутые отношения. Янош надеялся — все изменится, как только он найдет себе работу. Тут он вспомнил о мадемуазель Балаж. Конечно, надо зайти к ней. Почему он раньше об этом не подумал! Янош привел себя в порядок, начистил сапоги, тщательно выгладил френч. Посмотрев в зеркало, решил, что выглядит совсем неплохо.

Мадемуазель Балаж он нашел за стойкой бара.

— Вы появились вовремя, — сказала она. — Садитесь, сейчас я вами займусь.

Янош уселся в пивном зале. Мадемуазель Балаж говорила с кем-то по телефону. После разговора она что-то пометила в своей записной книжке. Вспомнив наконец о ждущем ее молодом солдате, она провела его в комнату, находящуюся за рестораном, усадила на стул. Сама осталась стоять и некоторое время молча рассматривала Яноша.

— Вы должны, — наконец произнесла она, — съездить в Дьюлу, к дядюшке Тоту. Адрес я вам потом запишу. Вместе с ним вы отправитесь к владельцу виноградника Яличу. Погрузите на телегу две бочки с вином и привезете их сюда. Дядюшка Тот все знает и все устроит. Ваша же задача будет состоять в том, чтобы доставить груз сюда. Вы получите револьвер. На границе Эржебета вам следует опасаться нападения, так как там голодные подростки обыскивают каждую телегу. Но стоит только вам пригрозить им револьвером, как они испугаются и ничего страшного не случится. Ну как, беретесь?

Умение командовать, которым в совершенстве владела мадемуазель Балаж, совершенно обезоружило Яноша.

— Сколько я получу за эту работу?

— За каждую поездку по пятьдесят крон.

— А на сколько поездок я могу рассчитывать?

— Для начала на три.

— Что ж, согласен. Только револьвер мне не нужен!

— Боитесь? Я вас представляла совсем другим человеком.

И тут случилось нечто такое, о чем Янош и подумать не смел. Мадемуазель Балаж подошла к нему вплотную, с равнодушным бесстыдством вцепившись в волосы, оттянула его голову назад и страстно и безжалостно впилась ему в губы. Янош почувствовал, словно раскаленное железо обожгло губы, это зубы мадемуазель Балаж впились ему в рот. Он хотел было оттолкнуть ее от себя, но мадемуазель Балаж с неожиданной силой прижалась к нему. Приоткрыв дверь, в комнату вошел старший официант Лайош, который в этот момент показался Яношу настоящим ангелом-хранителем.

— Мадемуазель, телефон, — громко произнес Лайош.

Мадемуазель Балаж нимало не смутилась. Тогда Лайош повторил:

— Мадемуазель, вас к телефону. — Выждав несколько секунд, он пояснил: — Господин капитан Ланци просит вас к телефону. Говорит, дело очень срочное.

Только после этого мадемуазель Балаж отодвинулась от Яноша и, приведя себя в порядок, вышла в пивной зал. Весь рот у Яноша был в крови. Он вытер его носовым платком. Он весь дрожал от гнева. Янош больше ничего не собирался просить у мадемуазель Балаж. Он вышел из ресторана. На улице взял пригоршню снега и приложил к губам, пытаясь хоть немного приглушить боль.

— Гнусная шлюха, — возмущенно пробормотал он. — Грязная тварь!

Янош с раздражением подумал о Викторе, который свел его с мадемуазель Балаж. Он слышать больше не хотел и об Ирме, такой же потаскушке, как и мадемуазель Балаж.

После нескольких лет войны вся страна казалась ему теперь большим публичным домом. Тут он вспомнил об Илоне, которая была чиста и горда, вспомнил ее умение вести себя. И сразу же немного успокоился.

Янош решил, что больше никогда не будет встречаться ни с Виктором, ни с Ирмой. Он уже подумывал, не попросить ли ему Ференца, чтобы тот записал его в национальную гвардию. Несколько дней он мучался с пораненными губами. Илоне он сказал, что у него болят зубы. Потом губы наконец зажили. К этому времени вернулся домой из командировки Ференц. При

первой же встрече он спросил у брата, нашел ли тот работу.

— Если ты не хочешь идти в национальную гвардию, я могу тебе предложить временную работу. К тому же с национальной гвардией ты явно опоздал. Необходимое количество людей уже набрано, а некоторых даже переводят в запас. Мы же сейчас создаем специальную гвардию для охраны партийного центра и газеты «Непсава». Это необходимо из-за грязных происков разного рода темных людишек, наших политических противников. Пока особой опасности нет, но мы должны быть дальновидными. Берись за это дело.

— Надо будет носить оружие?

— Пистолет.

— Большое спасибо. Не хочу. Я еще раньше говорил, что никогда больше не возьму в руки оружие.

На следующий день, 16 ноября, рано утром на улице Коппань появился рабочий, громким голосом возвестивший:

— Братья пролетарии! Сегодня наступил день, когда решается наша судьба. Все мужчины, стар и млад, должны собраться на площади перед парламентом. Мы провозгласим народную республику! Все вы должны быть там!

Людей охватило необъяснимое волнение. Янош еще был в кровати, когда за окном послышались крики. Илона быстро собралась и заявила, что направляется в женский комитет. Янош неторопливо оделся. Постучался к Ференцу, но там никого не было. Тогда он вышел из дому и направился к центру города.

— К парламенту! К парламенту! — раздавались со всех сторон крики.

Словно ручейки, из разных районов города люди небольшими группами двигались по направлению к центру. Эти ручейки, сливаясь вместе, превращались в речушки, а речушки — в полноводные людские потоки, которые в свою очередь, слившись воедино, образовали огромное людское море, разлившееся перед зданием парламента. Время от времени сквозь облака на небе появлялось солнце. Солнечные лучи яркими пятнами расплывались на национальных флагах и красных знаменах. Стройными плотными рядами проходили колонны рабочих, в руках у многих были транспаранты и лозунги. Группа рабочих с завода «Шлик» тащила гроб, на

котором красовалась надпись: «Монархия». Во главе этой «траурной процессии» шел духовой оркестр, игравший похоронный марш. На многих транспарантах было написано: «Да здравствует республика!» или: «Да здравствует социалистическая республика!»

Собравшиеся громко скандировали:

— В петлю богачей, наживишхся на войне!

— Национализируем все крупные предприятия!

— Все богатства должны принадлежать народу!

Рабочие Чепельского комбината несли огромный плакат, на котором был нарисован мужчина, разбивающий об землю винтовку, текст под рисунком гласил: «Долой милитаристов!» На плакате, который несли студенты университета, была изображена женщина во фригийском колпаке. Она обеими руками душила двуглавого орла. Откуда-то донесся пронзительный крик:

— Конфисковать имущество у сбежавших за границу!

Яноша толпа оттеснила под аркаду, украшавшую вход в министерство сельского хозяйства. Он прислонился к железному столбу, на котором находился газовый фонарь, и стал с любопытством наблюдать за происходящим. Играло сразу несколько духовых оркестров. В разных местах огромной площади выступали ораторы. То там, то здесь раздавалось: «Да здравствует...» Однако речи ораторов тонули в гуле огромной толпы. Выступающих могли слышать лишь те, кто находился рядом с ними. Час проходил за часом, люди терпеливо чего-то ждали. Никто не расходился.

Янош от нечего делать уставился на небо, пытаясь за облаками отыскать солнце. Над площадью кружили голуби, ветер приносил с собой запах дунайской воды. Вдруг у главного входа в здание парламента началось движение. Кто-то произносил речь, обращаясь к народу. Из уст в уста передавалось:

— Каройи! Каройи!

И вдруг, подобно урагану, над площадью пронесся клич, вырвавшийся из сотен тысяч глоток:

— Да здравствует!..

— Провозглашена!.. Провозглашена!.. Да здравствует республика!

«Только-то и всего?..» — подумал Янош, почувствовав некоторое разочарование.

Он с трудом протолкался сквозь толпу и отправился на улицу Коппань. Многие тоже потянулись по домам.

Двор был уже полон звуков, из квартир слышались резкие голоса их обитателей. Янош заглянул на кухню, выпил кружку холодной воды, потом вошел в комнату и завалился на кровать. Квартира казалась ему совсем чужой. В ней чего-то не хватало. Но чего именно? Уныло тикал будильник, за стеной пели, в коридоре кто-то кричал. Начинался вечер, из квартиры напротив в комнату проникали световые блики.

«Итак, в Венгрии провозглашена народная республика. Вот оно, наступило. А что, собственно, переменилось?» — думал Янош.

Илона вернулась домой только поздно вечером.

— Представь себе, — затараторила она, едва переступив порог, — всех членов женского комитета пригласили в парламент. Я тоже попала в ту делегацию. Мы прошли по широкой бархатной дорожке, поднялись в Купольный зал. Там собралось множество людей. Мы немного подождали. Люди говорили, что старые депутаты отказываются сложить свои полномочия, не хотят выйти в отставку и члены верхней палаты. «Как бы беды какой не случилось, — произнес кто-то рядом со мной, — будут тянуть господа, пока народ свое слово не скажет». Другой мужчина заметил, что в Пеште достаточно фонарных столбов, чтобы вздернуть на них кого надо. Но тут наконец появились члены Национального совета. Они поднялись на небольшое возвышение. Священник Янош Хок произнес краткую речь, потом члены Национального совета провозгласили республику. Раздались громкие возгласы одобрения. Затем члены Национального совета отправились в зал заседаний. Старые депутаты были вынуждены сложить свои полномочия. Всех пригласили пройти на галерею. Это было так здорово! Яни, весь огромный зал был залит ярким светом. Выступил Каройи, затем — Кунфи. Оба говорили о том, что пришел конец четырехсотлетнему правлению династии Габсбургов. Венгрия стала современной страной, в которой народ получит то, что ему полагается по праву, то есть всеобщее избирательное право, свободу слова, суд присяжных, аграрную реформу и подлинную демократию. Ты бы видел, какое воодушевление царило вокруг. Кто-то рядом со мной ска-

зал, что это самый счастливый день в его жизни, что теперь все станет по-настоящему народным. Яни, наконец-то мы добились своего! — радостно воскликнула Илона и в порыве восторга поцеловала мужа.

9

Настроение у Илоны заметно улучшилось. Она стала ласковее с Яношем. Но былой физической близости между ними уже не было. Илона с головой окунулась в политику, стала настоящей фанатичкой, все свободное время проводила в женском комитете. Илона выступала на митингах, вербовала новых членов, распространяла газету, которая издавалась женским комитетом. Она все время была с людьми, помогала им, чем могла. Эта работа все больше и больше захватывала ее, хотя Илона все сильнее чувствовала свою беременность.

Однажды вечером она удивила Яноша, поведав ему о драме Бучекне:

— Представь себе, от Бучекне уходит муж. С тех пор как на бойне не стало работы, все переселившиеся из Чехии мясники начали возвращаться домой. Они-то и сманили мужа Бучекне. Он, конечно, забрал бы жену с собой, но ведь она по-чешски ни слова не знает. Словом, она вынуждена была остаться и стала вдовой при живом муже...

Как-то в другой раз она вошла в комнату к мужу с девочкой на руках:

— Ты только подумай! Ковачне умерла. Поначалу испанка сгубила ее мужа, а теперь и ее. Пятеро детишек остались сиротами. Бучекне обошла всех состоятельных жильцов, уговаривая их взять себе по ребенку, пока их не пристроит куда-нибудь опекунский совет.

Илона крепче прижала к себе маленькую девочку.

— Как тебя зовут? — спросил Янош малышку.

— Юлика.

— А сколько тебе лет?

Девочка внезапно расплакалась.

— Не приставай к ней... Ей всего четыре годика... — прикрикнула на мужа Илона.

Илона как следует вымыла ребенка, выстирала ее единственное платьице, которое было таким грязным, что буквально прилипало к тельцу ребенка. Юлика бы-

стро освоилась в чужой квартире. Она полюбила и Яноша, и Илону. Но по вечерам, засыпая, неизменно хныкала:

— К маме хочу, к маме...

Теперь Илона приходила домой пораньше. В ее отсутствие за ребенком присматривал Янош, а если и он уходил из дому, то Мария. Однако через несколько дней к ним явился представитель опекунского совета, чтобы забрать ребенка. Юлика отчаянно рыдала. Таких маленьких детишек обычно отдавали в деревню крестьянам, платили им за это очень мало, и большинство детей через несколько лет умирало от непосильного труда и постоянного недоедания.

— Я хочу остаться у вас! — кричала девочка. — Мне здесь хочется остаться...

Янош безуспешно продолжал поиски работы. Несколько раз он принимал участие в демонстрации безработных. Он теперь сам разделял гнев этих обездоленных людей. В нем стала накапливаться какая-то странная сила, хотя сам он не замечал в себе никаких перемен.

— Святые угодники! — кричал какой-то безработный. — Чего стоит республика, если она не дает нам работу!

— Обложить налогом нажитое на войне! Пособия требуем по безработице!

— У нас республика! Долой господ и буржуев!

Из-за нехватки топлива были закрыты школы. Останавливались все новые и новые предприятия. Было сокращено потребление газа. По вечерам на улицах зажигали лишь каждый второй-третий фонарь.

Однажды утром в доме Яноша, в подвальной квартире, кто-то из жильцов обнаружил труп дядюшки Чоки. Прозектор констатировал смерть от недоедания. Гроб установили во дворе, прибыл баптистский оркестр. Старика хоронили торжественно.

Илона и Ференц каждый день приносили домой свежие новости.

— Говорят, что Будапешт будет оккупирован французами, — сообщила Илона. — Женщины возмущены тем, что они вынуждены целыми днями стоять в длиннющих очередях за картошкой, а та, которую распреде-

ляет муниципалитет, — вся мороженая. Повсюду идет отвратительная спекуляция продуктами.

— Каройи обратился к гражданам республики с призывом сдавать лишнее белье. Вышел даже специальный указ: из четырех простыней одну необходимо сдать, из четырех пар туфель одна подлежит передаче в казну, из восьми комплектов белья — тоже один... Но на сборные пункты так практически ничего и не поступило, разве что никуда не пригодное рванье.

Газеты писали буквально следующее:

«Наше правительство обратилось с нотой к Антанте. Если страны Антанты не хотят полного развала страны, они должны снабжать Венгрию продовольствием, медикаментами, одеждой, топливом. Нам нужна немедленная помощь!»

Выступавшие ораторы из числа инвалидов-демонстрантов высказывали свои недовольства:

— Нам обещали, что родина нас не забудет, а теперь мы мерзнем в лохмотьях, более того, нам грозит голодная смерть.

Министерство здравоохранения опубликовало доклад, в котором были и такие строки:

«Нас губит испанка. Число заболевших все время растет. В больничных палатах — холод. Больницы переполнены. За выздоравливающими солдатами ухаживают из рук вон плохо. Раненых выписывают из госпиталей наполовину недолеченными. В больницах не хватает медперсонала, врачи ничего не могут поделать...»

Подавленный Ференц рассказывал Марии о том, что говорилось на заседании совета профсоюзов:

— Положение рабочих — на грани катастрофы. Кошельки у людей пусты: даже те, кто работает, мало что могут купить на заработанные деньги. Продовольствие, привозимое в город, продается в основном на черном рынке. Его могут покупать только богатые. Душераздирающие сцены происходят в ломбардах. Бедняки приносят туда свои пожитки, а оценщики тут же отправляют их обратно. Повсюду процветает мошенничество. За продукты люди готовы отдать все, вплоть до последней пары белья, и этим пользуются спекулянты. За колоду карт дают пяток яиц, за будильник — три кило картошки, за хорошее зимнее пальто — полтора кило жира. Йошка Шобри со своей бандой выглядит невинной овечкой по сравнению с этими подлецами...

На одной из встреч с рабочими оружейного завода журналист Данч так охарактеризовал обстановку в стране:

— Самое ужасное сейчас состоит в том, что ни правительство, ни руководство социал-демократической партии ничего не хотят знать. Но сознательное большинство пришло к выводу, что октябрь ничего не дал ни рабочим, ни крестьянам. Все здравомыслящие люди из среды пролетариата и крестьянства ищут новые пути решения вопроса. Политика консолидации, которую так упорно проводили Ловаси, Беринкеи и Барта и которую поддерживали Тивадар Баттьяни, Винце Надь и Буза Барна, окончательно провалилась. Хотя Гарами и Кунфи входят в правительство, но какой ценой пришлось заплатить за это социал-демократической партии! И все это напрасно, так как большинство простых людей уже не хотят довольствоваться одними обещаниями и всякими пошлыми сенсациями газет. В стране складывается благоприятная ситуация для действия крайних элементов. Среди ультрарадикалов имеются сторонники прежнего режима, стремящиеся реставрировать старые порядки, но есть и такие, которые хотят, чтобы наша революция развивалась по русскому пути. Конечно, о реставрации прежних порядков не может быть и речи. Что же касается русского пути, то признаюсь, что в октябре 1917 года я с воодушевлением бы принял его, но теперь у меня возникли кое-какие сомнения. Я считаю, что один рабочий класс, сам по себе, вряд ли сможет справиться с многочисленными бедами и несчастьями. По этому поводу я хотел бы привести цитату из статьи, напечатанной в «Непсаве»: «В настоящее время никакие «высшие» классовые интересы не могут требовать того, чтобы один-единственный класс нашего общества ценой неимоверных усилий попытался бы захватить и удержать в своих руках государственную власть. Мы не можем пойти на такую бесперспективную, кровавую попытку, ибо осуществление подобного плана привело бы к внешней интервенции и в конечном итоге к победе реакции...» По-моему, из этого все ясно. Кунфи и Гарами считают, что нам необходимо по-прежнему поддерживать коалиционное правительство. Ну а что для нас в настоящий момент главное? Нам позарез нужен уголь! Уголь! И еще раз уголь! Без него мы замерзнем, без него остановятся все заводы и фабрики.

Вот, собственно, почему мы в настоящее время направляем в угольные районы страны наших лучших агитаторов...

Илона с Жужей Чернуш и еще несколькими молодыми работницами поехала на неделю в Шальготарьян. Они должны были разъяснять женам шахтеров всю сложность нынешнего положения. Шахтеры в то время выдвигали два основных требования: улучшение снабжения и изгнание из шахтоуправления старого начальства. Илона уезжала на неделю, но отсутствовала две.

На следующий день после отъезда Илоны к Яношу зашел Виктор. Глаза его лихорадочно горели, он пребывал в столь возбужденном состоянии, что не говорил, а скорее кричал:

— Пошли скорее! Есть работа!

— Где?

— Толпа вырубает Эперешэрде. Шереш взял напрокат у мадемуазель Балаж три подводы. Уже и ребята подходящие подобрались. Мадемуазель Балаж согласилась припрятать древесину в своей усадьбе. Ну, единственный мой ненаглядный родственник, дело это — настоящее золотое дно. Пошли!

Янош согласился.

В компании Шереша, вышедшей на рубку леса, насчитывалось восемь человек, большинство из них отчаянные парни из бывшей железнодорожной охраны. Поначалу они начали рубить и валить деревья сами, но, быстро смекнув, что к чему, предоставили делать самую тяжелую работу другим, а сами перетаскивали деревья на телегу. За два дня огромная толпа людей буквально опустошила лес.

Тогда Шереш со своими людьми нашли для себя новую сферу деятельности, где-то в районе Фаркашвельде, в Буде. Шереш уже без малейшего зазрения совести выдавал себя за официального подрядчика.

Однако Яношу все это быстро надоело. Единственное, что ему нравилось, это когда они всей компанией вечером заваливались в ресторанчик мадемуазель Балаж, где в складчину кутили до утра. Однако в один прекрасный день Янош попросил у Шереша причитающуюся ему часть денег и покинул удалую компанию.

— Ну и глупая ты скотина, — посмеялся над ним

Виктор. — Здесь ты мог заработать денег столько, что хватило бы на всю зиму.

За несколько дней деньги растаяли. Две трети их он отдал Марии на питание, а на оставшиеся накупил себе вина и сигарет на черном рынке. И снова он был не у дел и целыми днями бродил по городу.

Все больше и больше солдат возвращалось с фронта домой. Прибывавшие из Австрии выгружались на вокзале в Келенфельде. Сдав оружие, они получали по котелку горячего гуляша, справку о демобилизации и совсем немного денег.

Улицы и площади в эти дни превратились в своего рода народный парламент под открытым небом. Много говорили о кровавой резне, которую якобы устраивают в провинции офицерские отряды особого назначения, о переговорах, которые вел с кем-то Каройи. Обсуждались помещаемые в газетах сообщения полиции. Начальник столичной полиции Шандор называл большевиками всех тех, кто, как он выразился, «возвращаясь на родину, везет с собой факел русской революции». Стали широкоизвестными новые имена: Клепко, Микулик, Хорошик. То и дело проводились облавы. Один иностранный журналист писал в те дни в репортаже для своей газеты: «Когда-то такая беспечная венгерская столица ныне выглядит как сумасшедший дом».

Достоверным и интересным документом той эпохи является дневник жительницы Будапешта по имени Анна Цилих, в котором она писала:

— *«Мы переживаем ужасное время. Я чувствую себя по-настоящему хорошо лишь тогда, когда читаю или слушаю музыку... Но и тогда меня преследуют странные ощущения... У нас теперь республика, но Венгрия агонизирует и очнулась перед гибелью, чтобы совершить что-то великое и ужасное... Судьба планеты — на кратере вулкана... Почему появились большевики из мирных горожан? Я тоже за революцию, но против неправедного греха, которым является террор, его я ненавижу так же, как и кровопролитие при монархии...»*

Как-то Янош рассказал Ференцу и Марии:

— Тысячи вернувшихся с фронта домой солдат слоняются по городу безо всякого дела, они предоставлены сами себе, у многих из них нет даже крыши над головой. По ночам они вповалку спят на вокзалах или же в конюшнях в Татерзале. Многие разместились в

поселке Эхман, где находятся русские военнопленные. Ночью они, как стаи голодных волков, бросаются в город. Полицмейстер Шандор получил от правительства разрешение на проведение беспощадного террора. Однако это почти не меняет положения. На оружейных заводах из рук в руки передаются листовки с таким текстом:

«Наши капиталисты американизируются. А почему выжидает правительство? Настало время национализировать заводы, фабрики, шахты и банки! Переселить во дворцы бездомных! Работу или пособие по безработице! Правительство должно позаботиться об инвалидах, о стариках и сиротах!»

Ференц только беспомощно развел руками:

— Что же тут поделаешь? Как можно из пустоты сделать нечто? Правительство хочет переложить долги старого режима на наши плечи. Чем же все это кончится? Что я видел у шахтеров в Тате! Господи, да это настоящий ад...

Спустя несколько дней после отъезда Илоны в провинцию Янош получил от нее открытку. В конце текста, после подписи Илоны, стояли еще две фамилии: Жужа Чернуш и Иштван Чернуш. «Почему они подружились с Илоной? Что у них общего?» — удивлялся Янош. Он по-прежнему целыми днями слонялся по улицам, понемногу начал разбираться в событиях, но одиночество нервировало его. Даже у Марии он чувствовал себя неуютно. И оставался у нее ровно столько времени, сколько требовалось для того, чтобы проглотить пищу. Его раздражали упреки, которыми она постоянно осыпала его: «Очень плохо, Яни, что ты по-прежнему болтаешься без дела...» Ференца же он просто-напросто избегал. Но однажды братья все-таки встретились. Ференц наморщил лоб:

— Словом, ты все еще не работаешь?

— Подобный вопрос сейчас ты мог бы задать сотням тысяч людей.

Спустя несколько дней вечером Ференц пришел к брату с новым предложением:

— Я договорился, чтобы тебя взяли распространителем «Непсавы». Утром ты должен являться в типографию, получать там газеты и продавать их на улицах. Если будешь стараться, с лихвой заработаешь себе

на жизнь. Ну? Может, тебе и такая работа не подходит? Продавцу газет вовсе не надо брать в руки оружие, хотя... В некоторых случаях газета тоже бывает оружием.

Янош не стал отказываться. «Вот я и стал разносчиком, — подумал он про себя. — И зачем я столько времени потратил, чтобы приобрести профессию каменщика?»

Однажды после обеда Янош пошел в кинотеатр «Кинижи», посмотрел фильм «Дети капитана Гранта». Уже смеркалось, когда он брел домой, и вдруг у кафе «Элеватор» его кто-то схватил за руку.

Перед Яношем стояла Хефлерне.

Своими пышными формами она привлекала к себе всеобщее внимание. Одета она была по последней моде, а в привлекательности могла бы сравниться со знатной дамой. По крайней мере, многие из жителей улицы Коппань так и считали. Янош, окаменев, уставился на женщину. Он невольно вдохнул аромат дорогих духов, исходивший от нее, и удивился: он не ощущал в себе ни малейшего желания мстить ей. Хефлерне неожиданно взяла его под руку, и они пошли по улице Халлер.

— Когда я заметила тебя на площади Бокач, — победно звучал ее голос, — то сразу же поняла, что снова наступил наш час. Давно я мечтала об этом, я ведь ни на минуту не могла тебя забыть...

Было холодно, но она шла без перчаток. Своей пухлой ручкой Нуши ласково поглаживала руку Яноша. Она умело разжигала огонь в его крови. Хефлерне вскользь очень ловко касалась щекотливых вопросов:

— Обо мне что только не болтали, в чем только не обвиняли меня, не так ли? Хочешь верь, хочешь нет, но ты всегда был для меня любимым и единственным, ты и сейчас самый дорогой и близкий мне человек.

Она потянулась к Яношу и поцеловала его. Запах ее духов он еще долго ощущал на своих губах. Невольно он вспомнил время, проведенное с этой женщиной, и эти воспоминания вновь разожгли ему кровь. Янош взял Хефлерне за руку и, стиснув ее, опустил в карман шинели вместе со своей рукой. Хефлерне поняла, что она одержала победу.

— Даже если бы я захотела, то все равно не смогла бы рассказать тебе, — тихо прошептала она, — что я почувствовала, когда ты вернулся домой. Когда я заходила в свою квартиру, то часто, стоя за занавеской, подстерегала тебя. После твоего возвращения у меня не было ни одной спокойной минутки. По ночам ты все время снился мне, днем я тоже не переставала думать о тебе. Мои подружки по заводу решили, что я даже тронулась. Я так много плакала из-за тебя, молилась, чтобы ты вернулся ко мне. — Она сжала руку Яноша. — И вот ты здесь...

Янош потерял контроль над собой. В его пылающем воображении уже рисовались картины необыкновенной бурной любви. Он потерял голову и сдался. Нуши мысленно ликовала: «Я победила, победила», со злорадством думая о том, как она теперь сможет отплатить той, другой, которая отняла у нее Яноша.

— Яни, милый, — промурлыкала она, — я пойду немного вперед. Входную дверь оставлю открытой, ты зайдешь ко мне. И никто тебя не заметит. Я натоплю в комнате, у меня кое-что вкусненькое есть, из дома недавно получила, винишко тоже имеется. Мы будем вместе, нам так о многом надо поговорить.

Янош согласился.

Они расстались у остановки пригородного поезда, в районе скотобойни, Хефлерне поспешила вперед. Янош невольно проводил взглядом ее влекущее, ритмично покачивающееся тело и на миг опять почувствовал аромат ее духов. Он сделал довольно большой крюк, пока добрался до дому, пытаясь навести порядок в своих мыслях, однако это ему так и не удалось.

И вот он стоит у двери хорошо знакомой ему квартиры. Хефлерне уже ждала его. Она обняла Яноша, начала целовать. Потом умело, не отнимая своих губ от его рта, прошептала:

— Я твоя, Яни, и всегда принадлежала только тебе одному. Я хочу, чтобы ты был со мной и ни на минуту тебя не отпущу...

Она произносила эти банальные слова, еще сильнее подогревая ими его чувственность. Усадив Яноша за стол, Хефлерне стала кормить его, потчуя вкусными домашними лакомствами. Ее родители владели в Альшенемеди пятнадцатью хольдами земли. Дочь была вынуждена уехать от них, так как на нее положил глаз

помощник секретаря сельской управы. По селу сразу же поползли сплетни, и родные сочли нужным отправить дочку в город, подальше от любопытных глаз и длинных языков.

— Ешь, Яни, пей...

Яни и ел и пил. Вкусная еда и комнатное тепло расслабили его. После трапезы Нуши затащила его в кровать.

После этого почти каждую ночь Янош проводил у Хефлерне. Он старался пробираться к ней так, чтобы никто из жильцов дома не заметил его визитов. Когда же Нуши почувствовала, что уже в достаточной мере властвует над мужчиной, снова попавшимся в ее коварные сети, она смело заговорила об их совместной будущей жизни.

— Зачем же нам прятаться от людей? — спросила она. — Мы можем жить иначе, совсем не так, как все...

— Как это? — удивленно спросил Яни.

— Одна моя приятельница живет в большом доме на улице Хонтош, знаешь, на углу с улицей Губачи... Я уже говорила с ней. Она с удовольствием поменялась бы со мной квартирами и... Конечно, она кое-что хотела бы за это получить из продуктов: жира, муки, того, сего... Все это мне из дома пришлют, а деньги у меня припасены на черный день... — Она уселась к Яношу на колени. — Знаешь, я жила очень экономно...

Тут она невольно вспомнила о господине Вирте, директоре мыловаренного завода «Мейстер». Старик уже давно ни на что не годился, а Нуши умела держать его под сапогом и всегда добивалась от него того, чего хотела, не давая иссякнуть его щедрости.

— Было бы здорово, — продолжала она, — если бы мы съехались. Я бы устроила так, чтобы ты получил работу на мыловаренном заводе, например укладчиком. Работа чистая, простая, приятная, да и платят хорошо...

Но от этих слов Янош словно протрезвел.

Он даже удивился, как он мог забыть об Илоне? И подумал, что по-настоящему любит только ее, и тут же содрогнулся от мысли, что может ее потерять. Он невольно сравнил двух женщин и убедился в том, что все, что ему нравилось в Илоне, в Хефлерне почти начисто отсутствует.

«Единственное, в чем она достигла совершенства, так это в любовных утехах, — подумал про себя Янош, —

а в остальном она настоящая пустышка...» Подумав об Илоне, он страшно испугался: а вдруг она узнает о его отношениях с Хефлерне.

— Видишь ли, дорогая, — медленно начал он, пересилив себя, — у Илоны от меня будет ребенок... А ты... мы долго были с тобой в хороших отношениях, и ты никогда не хотела, чтобы мы вместе жили... Прошу тебя, давай будем осторожными...

— Не бойся, никто ничего о нас не знает. В квартире напротив поселились беженцы. Им не до того, чтобы нас выслеживать...

Действительно, в квартиру мясников, уехавших с семьями обратно в Чехию, вселили беженцев из Трансильвании. Это были учителя, железнодорожники, почтальоны, писари сельских управ. Эти люди старались держаться на расстоянии от коренных жильцов дома. Они устраивали свои собственные собрания в гимнастическом зале старой школы. Лишь изредка приглашали на свои митинги «коренных» жильцов, да и то из числа более или менее зажиточных. На первом подобном собрании выступил один железнодорожник. Он сказал, что вместе со своими коллегами работал на линии между станциями Фогараш и Фелек.

— Мы знаем, — продолжал он, — что венгерское правительство заключило перемирие в Белграде. Но эта бумага стоит не больше закорючек старых знахарок, лечащих глупцов от холеры. Теперь со всех станций и полустанков прогнали железнодорожников-венгров, пощадили лишь тех, у кого жены румынки или сербки. Правда, и тем пришлось присягнуть на верность новому правительству. И вот теперь мы живем здесь, в Будапеште, в полной нищете, вдали от родных мест. И позвольте задать вам вопрос: что же все-таки собирается делать правительство в интересах возвращения Трансильвании?

За ним выступил священник — иезуит Бела Бангха. Опытный трибун-реакционер, он начал говорить уверенным, зычным голосом:

— Братья мои, с болью в душе замечаю я, что наше правительство все в большей степени придерживается западной ориентации. Однако ни румыны, ни сербы не соблюдают условий перемирия. Они плевать хотят на

принципы Вильсона, они пытаются захватить отделенные от Венгрии области и откусывают их одну за другой от нашей страны. Жаловаться? А кому? Ведь Клемансо, Вильсон, Ллойд-Джордж и Орландо сами развязали руки захватчикам. И пока мирного договора не существует, все кому не лень увечат нашу родину. Что же мы можем предпринять? Мы должны отдать наши сердца его величеству, королю Карлу Четвертому, господом богом ниспосланному нам монарху, который благодаря святой короне на своем челе сделает все то, на что не способна республика. Великая опасность ожидает нас, братья и единоверцы мои! Враг рвет наши границы, внутри страны у власти находится ни на что не способное правительство, которое позволяет, чтобы из России к нам проникала большевистская зараза. Говорят, что в Венгрии большевики уже создают свою партию. Наше государство находится в смертельной опасности! Мы все, как один, должны встать на защиту священной королевской короны!

Ференц Марош в тот же день слушал выступление Яси, который говорил от имени совета профсоюзов:

— Я с радостью констатирую, что в нашей стране родился первый народный закон. Это закон о всеобщем, полном и тайном голосовании. Наши мечты на протяжении последних десятилетий стали действительностью. Венгрия становится на путь подлинного парламентаризма. Важной гарантией осуществления этого закона является рабочий класс. Каждый день тысячи и тысячи новых граждан присоединяются к нам. Однако ни в коем случае нельзя допускать того, чтобы всякие левые типы сбивали нас с толку своими нелепыми фантазиями. Надо решительно отметать планы тех, кто хочет свернуть нас с пути реализма.

Это выступление произвело на Ференца сильное впечатление. Он был удовлетворен. Словно в луче прожектора видел он сияющие перед его мысленным взором славные даты: 1905, 1907 и 1912 годы. Итак, теперь становится явью то, о чем он так давно мечтал. Народ на свободных выборах наверняка одержит победу, а затем в скором будущем провозгласит социализм.

Илона услышала о новом законе в Шальготарьяне. Иштван Чернуш, сталелитейщик, талантливый молодой агитатор, который был ответственным за всю агитаци-

онную работу среди шахтеров этого района, с чувством объяснял ей и своей сестре:

— Что это за закон, который устанавливает возрастной ценз для мужчин в двадцать один год, а для женщин — в двадцать четыре года, к тому же правом голоса пользуются только лица, которые не менее шести лет являются подданными Венгрии, да и то лишь те из них, кто умеет писать и говорить по-венгерски? Где же настоящее равенство? Как ни прикидывай, а права женщин новый закон особенно сильно ущемляет.

Самолюбивая, исполненная чувства собственного достоинства, Илона пылко реагировала на эту новость.

— Где же тут женское равноправие?! — возмутилась она. — Мне пока только двадцать лет, выходит, я не имею права голосовать. Меня почему-то считают политически незрелой, между тем как здесь, в провинции, я выполняю важное политическое задание. Здесь, в Шальготарьяне, я познакомилась со многими умными женщинами, которые активно реагируют на происходящие события.

— Да, это, конечно, несправедливо, — решительно встала на сторону подруги Жужа Чернуш.

Иштван заявил, что министры социал-демократы Кунфи и Гарами обязаны были решительно протестовать против возрастного ценза в новом законе об избирательном праве. Он не удержался от сарказма:

— Вот как обстоят дела с нашей революцией! Кто же ее направляет: мы или либеральные буржуа? — Ласково взглянув на Илону, добавил: — Об этом стоит поразмыслить.

10

Янош, так неожиданно вновь попавший в любовный плен к Хефлерне, решил окончательно порвать с ней. Воспоминания о прежних счастливых днях, которые поначалу дарили ему радость, теперь стерлись и померкли.

Однажды Янош получил открытку от жены, в которой Илона писала, что в конце недели она возвращается в Будапешт.

«Что же теперь будет? Что случится, если Илона узнает о моей измене?» Янош мучался, и Хефлерне почувствовала это.

Она отнюдь не собиралась отказываться от симпатичного молодого мужчины, которого она по-своему полюбила. Она ясно отдавала себе отчет в том, что ей, тридцатилетней женщине, вряд ли легко удастся удержать рядом с собой двадцатилетнего мужчину, и потому всерьез решила заняться обменом квартиры, не задумываясь над тем, во сколько это ей обойдется: в конце концов, господин Вирт потом оплатит этот ее счет. В соответствии со своим «стратегическим планом» она позаботилась о том, чтобы первая сплетница в доме, привратница Бучекне, узнала о возобновлении ее связи с Яношем. Она устроила так, что Бучекне «догадалась», где ночует Янош Марош. Хефлерне была женщиной волевой и целеустремленной, к тому же достаточно хитрой. Она решила, что крупный скандал сделает невозможной совместную жизнь Яноша с гордячкой Илоной Бартой, которая отняла у нее этого привлекательного мужчину.

Илона сильно изменилась за две недели, проведенные в Шальготарьяне.

На нее очень большое влияние оказал Иштван Чернуш, сталелитейщик-агитатор, он как-то незаметно стал ей очень близок; полюбила она и его сестру, никогда не унывающую Жужу Чернуш, которая была хорошим оратором, умела быть упорной и находчивой, а когда требовалось, проявляла изобретательность и выдумку в беседе с женами шахтеров. Илона прониклась большим уважением к брату и сестре. С их помощью она многое узнала о жизни шахтеров, их нелегком труде.

Сильное влияние на рост самосознания шахтеров оказывало возвращение из русского плена их товарищей из числа неблагонадежных, которых администрация в свое время отправляла на фронт, а теперь они становились ярыми пропагандистами идей Октября у себя на родине. Илона слышала, как один из шахтеров, по фамилии Кробак, рассказывал товарищам, и поразилась его осведомленности:

— Заметьте, ветрогоны буржуа всей ордой влезли на телегу революции. И министры-капиталисты в правительстве это знают. Говорят, что Гарами пытался упросить его сиятельство министра внутренних дел графа Баттьяни, чтобы тот взял его к себе в качестве го-

сударственного секретаря. Но глубокоуважаемый господин граф и не подумал взять в свои заместители социалиста. Он предпочел иметь дело с Ландлером. Только слепые не видят, что полицейские и жандармы и сегодня остаются точно такими же живодерами, какими они были и до революции. Во всех учреждениях и министерствах притаились иностранцы. Как вы думаете, дорогие товарищи, кому служат бывшие милостивые государи, их превосходительства, их высокопревосходительства, их высокоблагородия? Мы требуем, чтобы старые господа отправлялись ко всем чертям и в стране всем управлял народ, чтобы все делалось в его интересах...

Но мало просто видеть несчастья и беды народа, — продолжал Кробак, — необходимо бороться с ними. Но кто это должен делать и как? Я считаю, что нам необходимо создать новую партию, вроде той, которую создали у себя русские. Говорят, что чешские войска, науськиваемые французами, собираются занять Тарьян. Разве можно такое допустить? Чтобы венгерских господ сменили чешские? Как говорят, из огня да в полымя?! Где же было венгерское правительство? Почему же до сих пор не создана революционная армия? Почему не отбирают оружие у эвакуируемых из Румынии немецких солдат? Почему позволяют, чтобы дивизии какого-то там Зикса или Викса входили в Будапешт? Кого и от кого они собираются защищать? У нас на это один ответ: нет, нет и нет! Мы этого не хотим!..

В тот день, когда Илона вернулась из Шальготарьяна, над столицей повисла огромная желтая туча. От этого казались желтыми и здания, и деревья, и лица людей. Это необычное явление природы длилось всего несколько часов.

В тот день юная жительница Будапешта Ц. А. записала в свой дневник:

«Я сижу у стола, охваченная желанием писать. Писать о том, что меня волнует... Вероятно, что-то мешает мне читать, я никак не могу сосредоточиться на содержании... Прочитав несколько страниц, я откладываю книгу, а газеты просматриваю более чем бегло. Когда я сижу дома, то ничего не делаю, порой валяюсь в постели, порой сижу, уставившись в потолок...»

Однажды капитан генерального штаба венгерской армии по имени Дьюла Гембеш вошел в кабинет воен-

ного министра Имре Барта и положил на стол свежий номер парижского «Тамп», в котором красным карандашом была обведена статья следующего содержания:

«Разбойничье господство правящего класса Венгрии в течение полувека не может вызвать у нас сейчас никакого сочувствия, хотя оно и замаскировано под народную республику. Наша первоочередная задача — освободить сербов, хорватов, словаков, румын и русинов — все народы, незаконно присоединенные когда-то к Венгрии... Готовятся мирные переговоры, но ни в предварительных, ни в основных заседаниях ни немецкие, ни австро-венгерские делегаты участия принимать не будут, мы им просто-напросто сообщим о принятых на Парижской мирной конференции решениях...»

Гембеш в сердцах ударил по столу рукой:

— Ваше высокопревосходительство, вот какую участь прочат нашей делегации на мирных переговорах! Да можно ли такое терпеть? Сто тысяч бывших офицеров королевской армии — это не так уж и мало. Из них мы хоть сейчас сможем создать сильную, боеспособную армию. Надо продемонстрировать этим сербам, словакам и прочим, что венгерский господин всегда будет управлять ими! Или мы так и будем сидеть сложа руки и смотреть, как у нас отбирают то, что по праву принадлежит нам?

Барта только махнул рукой:

— Милый друг, вы, безусловно, правы. Но я ведь уже ухожу со своего поста. Моим преемником будет граф Шандор Фештетич.

— Шурин Каройи?

— Да. Но он вовсе не сторонник Каройи, а наш человек. С ним вы и попробуете обсудить свой план...

Вернувшись из провинции домой, Илона почувствовала, что атмосфера в Пеште заметно изменилась. Молодая женщина настолько была захвачена происходящими событиями, что по-прежнему не могла уделить должного внимания Яношу. Рано утром она уходила из дому, а возвращалась только поздно вечером. Спала буквально по нескольку часов в сутки, что для нее было крайне утомительно из-за ее беременности. Через Иштвана Чернуша, который был вхож в руководство

социал-демократической партии, она узнавала о малейших изменениях во внутриполитической обстановке.

— Каройи считает, — сказал как-то Иштван Чернуш, — что профсоюзы должны более активно, чем прежде, участвовать во внутренней жизни страны. Однако министр внутренних дел Баттьяни и министр иностранных дел Ловаси всячески препятствуют этому, а министр юстиции Беринкеи играет им на руку. Эти господа хотят, чтобы Каройи порвал всякие сношения с Гарами и Кунфи. Новый министр обороны Фештетич, из королевских офицеров, намерен создать новую армию.

— А как это отразится на нас? — встревожилась Илона.

— Да уж не ахти как хорошо. Если осуществятся их планы, то тогда джентри из партии Тисы вновь окажутся в седле. К счастью, в нашей партии растет число людей, считающих, что правительство должно состоять из одних социал-демократов. И я в этом их полностью поддерживаю.

— И что же? Почему такое правительство не создается?

— Этому препятствуют сам Гарами и те, кто его поддерживает. Они считают, если буржуазия довела страну до полного развала, значит, она и должна все восстановить, а уж только потом настанет наше время.

Илона мрачно заметила:

— В конечном итоге тот Кробак из Шальготарьяна окажется прав. Если так дело и дальше пойдет, надо действительно новую партию создавать.

Чернуш кивнул:

— Да, в совете профсоюзов говорили, что один журналист, по имени Бела Кун, уже серьезно занимается созданием новой партии...

Янош перестал по ночам ходить к Хефлерне. Он усердно работал, распространяя «Непсаву», домой возвращался поздно. Но однажды Нуши все-таки подстерегла его. Она встретила его на улице и начала униженно умолять, чтобы он ее не бросал. Янош из-за своей нерешительности никак не мог твердо сказать, что между ними все кончено. А его малодушие вселяло в Хефлерне надежду.

В конце ноября уже весь Будапешт знал о том, что образована новая рабочая партия — Коммунистическая партия Венгрии.

Полиция начала против нее ожесточенную борьбу. С помощью контрпропаганды министерство внутренних дел всячески пыталось нейтрализовать влияние коммунистов. Но, несмотря на аресты, коммунисты выступали на улицах, площадях, призывали собравшихся к вступлению в Коммунистическую партию, рассказывали о ее программе.

Однажды в конце ноября между Илоной и Ференцем разгорелся яростный спор.

— Полицмейстер Шандор получил приказ, который развязывает ему руки в борьбе с коммунистами, — сообщил Ференц, — и я это одобряю, нам надо укреплять, а не ослаблять коалицию. Надо дать должную отповедь любому политическому авантюризму.

— Но, Фери, — запротестовала Илона, — посмотри, что кругом творится! Голод, холод, заговоры, контрреволюция. А наши почтенные господа и дамы устраивают как ни в чем не бывало ужины, на которые приглашаются члены делегаций стран Антанты, подливая этим самым масло в огонь.

— От кого ты все это слышала?! — удивленно вскричал Ференц. — Кто тебе наболтал такого? Не слушай ты их! Ты должна горой стоять за настоящих вождей пролетариата.

Илона решительно тряхнула головой:

— Наше правительство ни на что не способно. Народ его не поддерживает. И порядка не будет до тех пор, пока власть не перейдет в руки рабочих.

— Черт побери! — выругался Ференц. — Это же речи коммунистов! Может быть, ты уже в их партию вступила?..

— Не кричи, — хладнокровно перебила его Илона. — Пока еще нет. Но вступлю, если положение в стране останется без изменений, то есть по-прежнему будет ухудшаться день ото дня. Ты говоришь о коалиции, а я вижу, что в нашей стране у власти находится правительство, в котором каждый преследует свою цель, а это рано или поздно приведет нас к катастрофе.

Подобные разногласия нарушали порядок в семье. Ференц придерживался своей точки зрения, Илона — своей. Мария защищала то мужа, то сестру.

Но вскоре в семье разразился настоящий скандал.

Однажды после обеда, дело было уже в декабре, Янош решил в последний раз зайти к Хефлерне, чтобы сказать ей, что между ними все кончено.

В это время с работы домой вернулся Ференц. В воротах он столкнулся с Бучекне:

— А знаете ли вы, господин Марош, что ваш младший брат опять связался с Нуши? Он и теперь сидит у нее, я сама видела, как он к ней вошел. Разве можно так обижать нашу милую и добрую Илонку, так обращаться с нашим ангелом? И все из-за этой паршивой шлюхи! Правду пословица говорит: сколько волка ни корми, он все в лес смотрит...

Ференц был потрясен. Он тут же направился к Хефлерне. Постучав, нажал ручку двери. Она почему-то оказалась незапертой. Он вошел в квартиру, прошел в комнату и там обнаружил Хефлерне в объятиях Яноша. Несколько секунд, возмущенный до глубины души, Ференц стоял в дверях, жадно ловя ртом воздух. Потом, придя в себя, полным возмущения голосом рявкнул на брата:

— Оденься и — ко мне! Живо!

Яношу было очень неудобно. Хефлерне же, напротив, была довольна: она добилась того, что об их связи стало известно всему дому.

«Ференц так просто этого не оставит», — думала она. Она уже слышала о строгом нраве старшего брата Яноша и знала, что он не станет покрывать его. И не ошиблась в своих расчетах.

Не успел Янош подойти к двери, как Хефлерне обняла его и, крепко прижавшись к грубому сукну его солдатского френча, зашептала:

— Яни, теперь нам нечего скрывать!

Янош был подавлен и раздосадован, он безуспешно пытался освободиться от объятий Нуши. Но пылкая особа все сильнее прижималась к нему.

— Не уходи, Яни!

— Отпусти меня!

— Почему?

— Мне надо идти!

— Я тебя не отпущу! Ты — мой!

Наконец Янош оторвал Хефлерне от себя и выскочил в коридор. Нуши помчалась вслед за ним, не подумав даже прикрыть свою наготу.

— Яни! Мой Яни! Яни! — громко выкрикивала она.

Все жильцы дома высыпали во двор. Они привыкли к подобным «цирковым представлениям», всякого рода семейным сценам, но эта даже их поразила: полураздетая Хефлерне гонится за мужем Илоны Барты.

Ференц и Мария буквально сгорали со стыда.

Они были настолько потрясены увиденным, что даже не сразу обрели дар речи, когда Янош все-таки добрался до них.

Наконец Ференц взял себя в руки.

— Ты подлый негодяй! — закричал он. — Да как ты только посмел?! Как тебе не совестно?!

— Весь дом знает, что за тварь эта Хефлерне, — с возмущением говорила Мария. — Да ни в один бордель, если хочешь знать, столько мужиков не ходит, сколько у нее в квартире бывает. А в довершение ко всему на мыловаренном заводе Мейстера есть у нее один похотливый старикашка, который на женщинах совсем помешался, какой-то там господин Вирт. Если не веришь мне, можешь спросить у Банконе. Она все знает и расскажет тебе в подробностях...

Янош сел к столу, закрыл лицо ладонями. Мысли путались у него в голове. И только где-то в глубине сознания еще теплилась робкая надежда.

«Что было, то было. В конце концов не так уже все это страшно. В этом доме случались вещи и похуже. Обманутая женщина всегда какое-то время чувствует себя обиженной, а потом все забывает, прощает, и все идет, как прежде. Что же касается жильцов, то они поболтают-поболтают, да скоро обо всем и забудут. У всех свои заботы», — думал Янош.

— Вы обо всем расскажете Илоне? — спросил он, обращаясь к Марии.

— Ты что, недоумок, разве такое можно скрыть?! — не выдержал Ференц.

— Видишь ли, — пояснила Мария, — в доме все знают о том, что произошло. Яни, как ты мог допустить подобное свинство! — сокрушалась она. — Мне даже подумать страшно, что скажет Илона, узнав об этом. Она ведь гордая, самолюбивая, даже очень... А сейчас она к тому же совершенно помешалась на политике... Постоянно твердит о женском равноправии... Конечно, она права, в этом я с ней тоже согласна...

Марии стало жаль Яноша, и она предложила:

— Будет лучше, если ты сейчас же пойдешь домой. Я сама встречу Илону с работы и поговорю с ней. Попробую убедить, что ты очень жалеешь о случившемся. Ведь это так?..

— Я и правда очень жалею... — взмолился Янош. — Да у меня просто слов не хватает. Я себя самого ненавижу за такую подлость. — Он схватил Марию за руку: — Я очень прошу тебя, поговори с ней, скажи...

— Успокойся, все, что от меня зависит, я сделаю...

Янош отправился домой, а Мария, накинув на плечи большой черный вязаный платок, вышла на улицу. Илона в тот вечер опаздывала. Мария сильно продрогла. Наконец, когда она совсем уже было собралась уходить, показалась Илона. И пока они шли к дому, Мария рассказала младшей сестре без прикрас обо всем, что произошло.

— Яни сейчас страшно переживает, проклинает себя, рвет на себе волосы, даже плачет. Ица, я знаю людей. Подобные истории иногда бывают. Это, конечно, отвратительно и гадко, вне всякого сомнения. Я считаю, что Янош искренне переживает. Мне кажется, после случившегося он станет совсем другим человеком. Я чувствую, что любит по-настоящему он только тебя... Помни об этом, когда будешь с ним разговаривать... Я вовсе не считаю, что ты должна его простить и сразу же кинуться ему на шею... Я вовсе не это имею в виду... Но не забывай, что ты ждешь от него ребенка... Янош — отец твоего малыша...

Илона молча слушала. Она мысленно представила себе отвратительное зрелище. Она много слышала о похождениях Хефлерне, считала ее отвратительной самкой. Когда-то помогла Яношу освободиться от ее влияния. А теперь он опять вывалялся в грязи... На душе было отвратительно.

«Ребенок у меня от Яни. Да, ребенок, конечно, его. Кстати, подозрения Яноша в отношении ребенка уже однажды довели меня до отчаяния...» Она думала обо всем этом и по-прежнему молчала.

— Господи, — содрогнулась Мария, — прошу тебя, не делай глупости в ответ на глупость Яноша. Что ты собираешься предпринять?

— То, что следует, — с ледяным спокойствием ответила на вопрос сестры Илона.

— Подумай лучше о ребенке.

— Я подумаю о нем. Обещаю тебе.

Янош сидел в комнате и смотрел на свет лампы. Илона уселась на стул напротив него, не сняв ни пальто, ни шляпки. В квартире было холодно. Илона зябко поежилась, но продолжала молча смотреть на мужа большими грустными глазами. Янош казался ей жалким и совсем чужим.

— Я все знаю, — тихо произнесла она после долгого молчания.

— И?

— Никаких «и», Яни. Мы расходимся...

— Но ведь... Послушай... Я все тебе объясню...

— Не надо... Это лишнее... Тут слова не помогут. Если бы ты меня по-настоящему любил, то понял бы, что мое решение окончательное...

— Ты от меня уходишь?

— Это ты от меня уже давно ушел!

— Но я так жалею о случившемся...

— Ты меня уже однажды сильно обидел. И тогда тоже жалел. Теперь ты обидел меня вдвое сильнее. И опять заверяешь, что жалеешь. Нет, Янош, с меня хватит...

— Дай мне испытательный срок.

— В этом нет никакого смысла. Я тебя знаю. Ах, если бы я раньше поняла, какой ты бесхарактерный, что твоим словам нельзя верить...

— Ица, прошу тебя, не говори так! Прости меня! Не сердись!

— Да ты просто с ума сошел!.. Ты думаешь, что я на тебя сержусь?.. Я сержусь только на себя...

— Я очень тебя прошу... Будь милосердной... Ица, я же тебя люблю, люблю всей душой и клянусь, что никогда и никого, кроме тебя, не любил... Просто кровь у меня взыграла, на минуту я потерял голову, а ты была далеко...

— Словом, выходит, — тут голос у Илоны сорвался, — я же во всем и виновата? Не было дома жены, и любимый муженек ищет утехи на стороне. Ты так мыслишь? И это все, что ты можешь сказать мне в свое оправдание?

— Да, моему поступку нет никакого оправдания. Я просто тебя люблю. Люблю сильнее жизни!

— Оставь ты свои причитания. Это отвратительно!

— Подумай о ребенке! О нашем ребенке! О малыше, который скоро должен появиться на свет.

— Оставь его в покое. Он теперь принадлежит только мне. Прошу тебя, уходи.

— Куда?

Тут Илона потеряла самообладание:

— Убирайся к своей шлюхе! Я знать тебя больше не хочу!

Тогда разозлился и Янош:

— Я знаю, почему ты так говоришь! Знаю наверняка! Ты не была бы ко мне так беспощадна, если бы...

— Если бы?.. Ну, говори же!.. Если бы что?..

— Если бы у тебя никого не было...

— Стыдись!

Но Яноша уже охватил безудержный порыв гнева:

— Почему это я должен стыдиться? Уж не потому ли, что правду тебе в глаза сказал? Да, я уверен, что ты так жестока ко мне из-за этого Иштвана Чернуша. Ты с ним в Шальготарьяне снюхалась. Ты даже не постыдилась дать ему открытку подписать. Снюхалась с ним? Да?

Илоне хотелось кричать, протестовать, возмущаться. Но звуки застряли у нее в горле. Только спустя несколько секунд она пришла в себя и заговорила тихо и хладнокровно, почти спокойно:

— Ты не стоишь мизинца этого человека. Он простой, честный и чистый человек. Иштван хорошо знает, что делает и что всем нам надо делать. Я наблюдала за ним в Шальготарьяне. Он умел найти общий язык даже с толпой разгневанных шахтеров. И я не могу его не уважать. А ты? Что ты собой представляешь? С тех пор как тебя случайно освободила из тюрьмы революция, ты не живешь, а влачишь жалкое существование. Ты ни на что не способен! Ты бесхребетная и мягкотелая личность, паразит, игрушка в руках развратных женщин! С меня хватит! Я по горло сыта твоими поступками!

— Вот как? Видно, потому что он тебе нужен?

Илона презрительным взглядом смерила Яноша с ног до головы:

— Мне все равно, что ты думаешь, но у меня с ним ничего не было... Не нужна я ему с чужим ребенком в животе... — Она поднялась: — Выбирай: либо ты остаешься в этой квартире, либо я.

Янош тоже встал:

— Это твое последнее слово?

— Да, последнее.

Янош надел шинель, нахлобучил на голову фуражку и направился к двери, даже не взглянув в сторону Илоны. Он так и ушел, ничего не сказав. Илона подошла к двери и закрыла ее на ключ.

Переночевал он на Восточном вокзале. Вместе с такими же бездомными солдатами. Его устраивало их общество. Он находился в таком душевном состоянии, что ему хотелось раствориться, затеряться в их массе. Он считал, что Илона поступила с ним бессердечно. Где-то в глубине души у него проснулась строптивость и упрямство. «Если она со мной так, то я тоже...» — со злостью думал он. Он немного выпил. Пили прямо из фляжек, и все беспрестанно курили. Некоторые спали на скамейках, а большинство — прямо на полу, сняв сапоги и развязав грязные и вонючие портянки. Спали тяжело, ворочаясь и проклиная правительство и свою собачью жизнь. Говорили, что революцию необходимо продолжать. И что настоящая революция еще впереди.

Утром Янош как ни в чем не бывало отправился торговать «Непсавой».

11

За несколько дней внешний вид улиц Будапешта сильно изменился.

В городе стала выходить новая газета — «Вереш уйшаг» («Красная газета»). Разносчики «Вереш уйшаг» обычно за несколько минут распродавали свой товар.

Янош ежился от холода и от нападавшей на него сонливости.

В тот год холода наступили неожиданно, а в декабре уже начались настоящие снегопады, которые продолжались по нескольку дней. Снег покрыл тротуары, мостовые, крыши зданий. Правда, на дорогах он постепенно превращался в мокрую грязную кашицу. Трамваи на Большом Бульварном кольце то и дело застревали в местах, где рельсы заливала вязкая, жидкая грязь. Токосниматели часто выходили из строя, вагоновожатым приходилось лезть на крышу и колотить по ним ногой. Только после этого трамвай медленно двигался вперед.

— Вот так и надо лягать все, что отказывается двигаться, — услышал Янош чью-то ехидную реплику.

В те дни Янош в первый раз услышал на улице выступление коммуниста. Это был долговязый молодой человек. Со ступеней Западного вокзала он обращался к прохожим:

— Люди! Будапештцы! Слушайте меня внимательно! Враги революции вновь что-то замышляют! Кто именно? Это — фабриканты, помещики, банкиры, верные престолу генералы, епископы, а также множество простых обманутых ими людей. Я спрашиваю: почему правительство до сих пор не конфисковало миллионы у тех, кто нажился на этой войне? Почему правительство по сей день не национализирует заводы и шахты? почему оно допускает, чтобы банды белобандитов в провинции убивали и мучали ни в чем не повинных людей? Газета «Эшт» совершенно открыто пишет о том, что в Северной Венгрии владелец скаковых лошадей по фамилии Смречани собирает вокруг себя банды контрреволюционеров. Граф Бетлен и барон Борнемисса возрождают старую буржуазную партию. Монархисты снова хотят посадить нам на шею Карла и Зиту. А что делает правительство? Оно не предпринимает никаких шагов для радикального решения вопроса! Да что это за правительство, для которого сейчас главное — это сохранить на новом гербе страны королевскую корону? Начальник столичной полиции считает злостными смутьянами коммунистов, между тем как по всей стране бесчинствуют контрреволюционные банды!

В этот момент появилось несколько шпиков. Они направились к выступавшему, чтобы арестовать его. Только тогда Янош заметил, что тот был не один: его охраняли друзья. Они перерезали шпикам дорогу, а в это время молодой человек уже затерялся в толпе.

В тот же день Янош слышал, как другой оратор-коммунист призывал народ к действию:

— Граждане, мы не должны позволять правительству превращать нас в скотов. Наше правительство гордится тем, что оно отменило все сословия и ранги. Это, конечно, хорошо! Но ведь еще не решены тысячи более важных дел! Пора конфисковать имущество, нажитое на войне! Пора переселить всех бездомных во дворцы аристократов! Надо помешать капиталистам разваливать производство. Заводы необходимо передать рабо-

чим, которые хотят честно на них трудиться! Работу безработным! Материальную помощь демобилизованным! Создать специальные учреждения для помощи вдовам и сиротам! Пора проводить энергичную социальную политику! Пора создать сильную революционную армию! И сделать это необходимо в первую очередь! Необходимо помешать чешской и румынской буржуазии уничтожать революционные завоевания венгерского народа! Опасность, нависшая над нами, слишком велика! Наступило время действовать!

Мужчина в офицерском кителе, выступающий напротив Национального театра, говорил совсем о другом. Он называл Каройи то «красным графом», то «Соловьем-разбойником» и требовал прогнать его, как он выразился, с «узурпированного им места». Он кричал, что сделать это должны настоящие венгры. Большинство слушавших было настроено против офицера, однако в толпе нашлись и его сторонники. Началась драка.

Когда стемнело, Янош задумался о ночлеге и решил, что переночует у Виктора, а может, и поживет у него до тех пор, пока не снимет квартиру.

Встретила его Ирма, которая сказала, что Виктор на свалке Чери вкалывает вместе с Шерешем и всей его бандой. Они из мусора подрядились «добывать» сырье, пригодное для топлива. Работают с утра до ночи, но на то, что они зарабатывают, можно лишь с трудом прокормиться.

— Там они, как я знаю, на работу других нанимают, — заметил Янош.

— Дурачок ты, — ухмыльнулась Ирма. — Сейчас все кругом проныры. Все крадут и воруют. — Потом она уже более мягко спросила: — А чего это ты у нас ночевать собрался?

Янош откровенно поведал ей о случившемся.

— Ах ты, горемыка, простофиля ты несчастный! — захохотала Ирма. — Ну, теперь ты сполна все получил. Но ты, однако, и сам хорош. Ничего не скажешь, жестоко поступила твоя очаровательная Илона, черт бы ее побрал! Она тебя потому и выкинула, что себе какого-нибудь нового хахаля нашла...

— Неправда! — запротестовал Янош. — Она не такая!

— Глупец, что ты о нас, бабах, знаешь? Учти, что мы тебя только на одну ночь можем оставить... У нас

теперь живет Мате Шереш. Думаю, что ты ночку можешь переспать и на полу. Я тебе дам что-нибудь подстелить... А завтра я сама подыщу для тебя какую-нибудь комнатенку. Деньги-то у тебя хоть есть? Сможешь за квартиру платить?

— Смогу.

Поздно вечером вернулись Виктор с Мате Шерешем. Оба грязные, от обоих ужасно воняло. Они принесли несколько бутылок вина. Долго подсчитывали свою дневную выручку. В руках у них так и мелькали банкноты. Ирма приготовила ужин. Мате основательно помылся, а Виктор лишь вымыл руки.

Янош улегся на грязном полу, однако сон долго не шел к нему. Потом он все-таки заснул. Ему приснилась Илона в объятиях какого-то грязного безобразного мужчины.

Проснулся он рано.

Позавтракал в расположенном поблизости кафе. Потом пошел в типографию и, получив пачку свежих газет, начал продавать их. Около полудня, когда он распродавал последние экземпляры газеты, перед кафе «Нью-Йорк» кто-то внезапно схватил его за руку:

— Не узнаешь меня, дружище?

Лицо Яноша прояснилось: перед ним стоял Балаго. Он был чисто одет, свежевыбрит.

— Что, стал продавцом газет? — спросил Балаго.

— Да.

— Слушай, приходи-ка ко мне сегодня вечером. Я дам тебе адрес. — Он вырвал страничку из записной книжки и нацарапал на ней адрес. — Я живу на улице Сигонь, а ты где?

— А я как раз комнату себе ищу.

— Ну тогда тебе есть полный резон меня навестить. Вечером, часов в восемь, я буду уже дома.

— Ты о Картале что-нибудь слышал? — поинтересовался Янош. — Или о Фертиге?

Балаго громко рассмеялся:

— Фертиг вступил в национальную гвардию. Здорово, да?! Он — и вдруг защитник порядка! А Картал живет вместе со мной. О Мунтеа и Касаше, к сожалению, я ничего не знаю. А ты-то сам как поживаешь? Счастлив? Насколько я помню, ты ведь по профессии — каменщик. Конечно, строительство сейчас почти совсем

не ведется. Но ничего, скоро начнем строить, — многозначительно добавил он.

Янош без прикрас поведал ему о своей жизни. Балаго внимательно выслушал его, не перебивая, изредка покачивая головой... Расстались они на пересечении улиц Ракоци и Кенермезе.

Янош с нетерпением ожидал наступления вечера, чтобы вновь встретиться с Балаго. Он отыскал квартиру Балаго в старом многоквартирном доме с узким двориком. Вошел в чисто убранную кухню, где пожилая женщина готовила ужин. Она впустила его в комнату, в которой стояли четыре железные кровати, два шкафа, стол и несколько небольших ящиков. Балаго сидел за столом, на котором лежало несколько тетрадей. Он читал. Увидев Яноша, улыбнулся, пожал ему руку и усадил рядом с собой.

— Куришь?

Он подвинул к Яношу кисет с табаком, и они оба закурили.

— Я много думал над тем, что ты мне рассказал. Послушай, дружище, твоя жена — отличная женщина. Она действительно поступила так, как должна была поступить гордая женщина. Ты должен сделать все, чтобы она вернулась к тебе. — Балаго выпустил дым через нос. — Ты мне нравишься, паренек, и я хотел бы, чтобы ты остался с нами. — Он показал ему на одну из железных кроватей: — Вот эта койка сейчас свободная. На ней спал один из наших товарищей, который уехал на большой срок в провинцию. Пока ты можешь занять его место. Тут нет ни клопов, ни блох, ни других насекомых, так как наша домохозяйка следит за чистотой. Сама же она спит на кухне. Она нам и стирает и готовит. Ну как, остаешься?

— С удовольствием, — без колебаний согласился Янош.

— Вот и правильно, — кивнул Балаго. — Получишь у нас работу, более подходящую, чем распространение «Непсавы».

— А что это за работа?

— Будешь продавать нашу «Вереш уйшаг». Это по-настоящему боевая, революционная газета. Получать будешь столько же, как и в редакции «Непсавы», но тебе придется иногда помогать и в типографии.

Янош чувствовал себя, как потерпевший кораблекрушение пассажир, которого только что спасли, вытащив из морской пучины. Он с радостью принял предложение Балаго, так как его влекла романтика нового дела. У него появятся новые товарищи и друзья, вместе с которыми ему придется работать. Как только Балаго упомянул о «Вереш уйшаг», Янош уже сообразил, что Балаго — коммунист и, следовательно, друзья его тоже коммунисты.

— Столоваться будешь здесь, вместе с нами. Дома будешь завтракать и ужинать, а на обед в городе сам себе что-нибудь раздобудешь.

Балаго объяснил, что пока «Вереш уйшаг» выходит только два раза в неделю, но скоро она будет выходить три раза, если, конечно, удастся раздобыть для издания необходимое количество бумаги. Газета, хотя и считается легальной, все же подвергается преследованиям со стороны полиции, часто ее конфискуют прямо у уличных распространителей.

— Поэтому мы каждому распространителю даем в руки не больше десятка номеров газеты, с которыми он и выходит на улицу. Так мы водим за нос фараонов. Когда они хватают нашего товарища, у него отбирают всего-навсего несколько газет. Надеюсь, что тебе наша работа придется по душе.

— Попробую.

— И правильно сделаешь. Что касается нашей типографии, то она находится на улице Зици и пока плохо оборудована. Многое нам приходится еще делать вручную, так как наша печатная машина часто ломается. Она очень ветхая, но мы довольны, что хоть такую удалось достать. — Взяв со стола свежий номер «Вереш уйшаг», он протянул его Яношу: — Прочти передовицу. В ней есть все, что следует знать агитатору-коммунисту. Я, собственно, этим в основном и занимаюсь.

— Ты разве агитатор?

— Да. И надеюсь, что ты тоже скоро станешь им.

На это Янош ничего не сказал.

— Наша газета является по-настоящему революционным органом, — начал объяснять ему Балаго. — Она принципиально отличается от буржуазных газет. В тех ежедневно печатают какие-нибудь сенсации. К примеру, пятидесятишестилетний Аладар Сечени взял в жены двадцатичетырехлетнюю машинистку по имени Флора

Вислаи. Другая газета сообщает о том, что некий Кальман Порисальт перед двумя сотнями дам в консерватории разглагольствовал о том, что женщина тоже человек... «Будапешти хирлап», например, похваляется тем, что в христианско-социалистическую народную партию вступает множество университетских преподавателей, учителей, владельцев мельниц, адвокатов, чиновников, управляющих предприятиями, а также служащих графских поместий и судей. Та же газета с наигранным ужасом сообщает, например, что в настоящее время на черном рынке сигареты, которые еще недавно стоили по четыре филлера, теперь продаются по тридцать—сорок филлеров за штуку. Однако буржуазные газетчики почему-то не выражают негодования по поводу того, что владельцы акций сахарных заводов кладут в карман по пятьдесят крон с каждой облигации, а иногда и побольше. А одна венская газета сообщила, будто Каройи покончил с собой.

Янош засмеялся, а Балаго продолжал свои рассуждения:

— Во многих газетах широко рекламируется книга господина Белы Гонды «Хорошие манеры и светское общество». Вот, оказывается, что сейчас так необходимо голодающим венграм! Ну а светские господа с хорошими манерами пишут, что управление нашей страной следует передать странам Антанты. А какой-то иезуит, по имени Бела Бангха, проповедует в церкви на улице Марии о том, что надо вернуть на трон короля Карла, так как только он один способен спасти Венгрию. А уж то, что они пишут о Советской России, это вообще один треп. Все эти газеты помогают буржуазии обманывать народ, вводят его в заблуждение и всячески поносят Коммунистическую партию. Ты ведь знаешь об этом?

— Да, знаю. Мой старший брат тоже вас ругает.

— А ты не задумывался о том, кто ругает нас и почему? Враги пролетарской революции, вот кто. Вспомни-ка последние часы, которые мы тогда вместе провели в тюрьме. Меня тогда мучал вопрос: почему у нас революция не совершилась ни в девятьсот пятом, ни в девятьсот седьмом годах, ни в девятьсот двенадцатом? Ведь в те годы народ так жаждал революции. В тюрьме я еще не понимал, что пролетарская революция возможна лишь тогда, когда будет создана коммуни-

стическая партия. Мы боремся за то, за что не борется ни одна партия. Например, мы требуем создания революционной армии, без которой буржуазия может поработить наш народ и уничтожить завоевания нашей революции.

— Значит, опять воевать? — спросил Янош.

— Сынок, пойми ты, что война войне рознь... Я в свое время тоже дезертировал из армии, потому что ненавидел войну, которую вели господа. Теперь же я с радостью возьму в руки оружие во имя того, чтобы победила пролетарская революция. Понятно?

— Да, — сказал Янош. — Чего ж тут непонятного?..

Однако в голосе юноши Балаго уловил нотки нерешительности.

— Со временем, когда ты поближе с нами познакомишься, когда поработаешь вместе с нами, ты изменишь свои взгляды. Среди нас имеются замечательные люди. Есть, например, один русский, по фамилии Урасов. В свое время он попал в плен к венграм и теперь работает в типографии «Глобус». Кстати, он на телеге доставляет нам бумагу. Ну и хитер же он на выдумки. Он на базе так ведет дела, что все излишки бумаги попадают именно к нам.

Вскоре пришел и Картал.

Сначала он не узнал Яноша, но, когда Балаго напомнил ему историю их освобождения из тюрьмы, лицо его сразу же прояснилось.

— Мы о тебе частенько вспоминали, все гадали, как сложится твоя жизнь. Ты тогда казался нам таким несчастным, таким сиротой. Ты, помню, все время твердил, что никогда больше не возьмешь в руки оружие. Надеюсь, с той поры твои взгляды изменились? Или нет? — Заметив, что Янош почему-то медлит с ответом, он широко улыбнулся и добавил: — Молчи, молчи. Вижу, что изменились. Что ни говори, ужасное настало теперь время. Одних оно закаляет и делает тверже, других, наоборот, расслабляет, а третьи нюни распускают. Я лично уважаю тех, кто борется за правое дело...

Балаго перебил его, сообщив, что Янош тоже присоединился к ним. Будет жить с ними в одной комнате и заниматься распространением «Вереш уйшаг».

— Так-то оно лучше, дружище, — обрадовался Картал. — Только я тебя заранее предупреждаю, чтобы ты

не трусил. Против нас ополчился весь старый мир, а нас пока еще мало. Очень мало, хотя и теперь наша партия уже представляет собой большую силу. Недалек тот день, когда мы перевернем весь мир.

Янош попал к людям, которые оказали на него огромное влияние. Поначалу они показались ему просто фанатиками, но потом он убедился, что их интересует не только политика. Ничто человеческое им не чуждо. Он проникся к ним уважением, а потом по-настоящему полюбил. С удовольствием брался за любую работу: продавал газеты, помогал в типографии. Каждый день Янош жил теперь в каком-то приподнятом настроении, все вокруг стал видеть в другом свете. Он почувствовал себя равным среди равных, с удовольствием слушал споры и рассуждения о сложившейся политической ситуации. Янош стал и сам принимать участие в дискуссиях.

Правда, спать приходилось мало, но он не жалел об этом. Он считал бесполезно потерянным время, проведенное вне общества своих новых друзей. Когда наконец была исправлена наборная машина и отпала необходимость в ручном труде, Янош с удвоенной энергией принялся распространять газету. Частенько то один, то другой «красный разносчик» попадался в руки полиции. Янош же, как человек бывалый, инстинктивно чувствовал приближение опасности и без труда распознавал шпиков. По вечерам Балаго и Картал вели с ним длинные беседы.

— Настало время, — однажды сказал ему Картал, — приобщаться и тебе к обязанностям агитатора. Сегодня ты пойдешь со мной. Внимательно следи за тем, как и что я буду говорить. Пойми, что не боги горшки обжигают. В искусстве агитатора нет ничего сложного. Главное самому верить в то, что ты говоришь людям, но верить по-настоящему, до конца. Помни, люди воспринимают только те слова, которые идут от самого сердца.

Вот что говорил Картал в тот день:

— Нагло врут те, кто утверждает, что у нас в стране нет необходимых запасов продовольствия. Его вполне хватит, чтобы в течение нескольких месяцев никто не голодал. Просто нам надо искать склады, захватывать их и распределять продовольствие между нуждающимися. Нужно всячески препятствовать продаже

продовольствия на черном рынке. Надо прекратить контрабандный вывоз продуктов питания в Австрию. В Будапеште достаточно продовольствия, топлива, обуви и одежды. Просто всем этим сейчас распоряжаются мошенники. Сферу распределения необходимо передать под строгий контроль народа. Нужно конфисковать имущество нажившихся на войне миллионеров. На эти средства за границей можно купить все необходимое. Таким образом мы сможем разорвать кольцо экономической блокады, которое организовали наши враги. Я утверждаю, что с имеющимися в стране запасами продовольствия мы вполне можем дотянуть до нового урожая. Но для этого всех, кто погряз в коррупции, мы должны отправить прямиком в ад!

— Это подстрекатель! — завизжал кто-то в толпе.

— Заткни глотку, дурак! — хладнокровно крикнул тому в ответ Картал. — Я говорю правду. Даже буржуазные газеты пишут о том, что на тайных складах богатеи прячут ткани, обувь, кожу, консервы — все, что когда-то было закуплено генералами для нужд армии. И все это гниет там, в то время как в Будапеште дети и старики пухнут от голода!

— Имена назови! — опять прокричал тот же голос из толпы. — О каких это генералах ты говоришь?

— Достань записную книжку и записывай, — спокойно продолжал Картал. — Генерал Кевеш, генерал-полковник Терштянски. О них вы сами можете прочитать в газетах...

В этот момент на площади появились полицейские. Картал быстро соскочил со ступенек, махнул рукой Яношу, и они оба тут же затерялись в толпе.

У часовни Рокуш Картал повторил свое выступление; потом он говорил на пересечении Малого Бульварного кольца и проспекта Ракоци. Янош заметил, что очень многие в толпе согласны с Карталом, потому что слушали его с большим вниманием.

В течение дня Картал выступил еще шесть раз. Его речь звучала очень злободневно, так как затрагивала суть стоящих перед страной проблем. Янош наблюдал, внимательно слушал и учился. Когда улицы и площади города опустели, Картал повел Яноша на улицу Барош.

— Здесь живет один рабочий с оружейного завода, по фамилии Шухайда. Он все больше и больше нам

симпатизирует, но пока еще старые привычки берут верх. Кстати, он ровесник твоего брата.

— А ты разве знаешь Ференца? удивился Янош.

— Я всех доверенных лиц знаю на оружейном. Ты сегодня сможешь услышать мнение Шухайды о своем брате. Ты только сам не говори ничего. Сиди и слушай.

Шухайда оказался человеком средних лет, по профессии — токарь. Он даже внешне был похож на Ференца, только облысел раньше времени. Вместе с женой он радушно встретил гостей. Комнаты в его квартире блестели чистотой.

— Я тебя ждал, товарищ Картал, — сказал Шухайда, поздоровавшись, — не скрою, много думал над тем, о чем мы вчера с тобой говорили. И даже поспорил с ребятами на заводе.

— И правильно сделал, — одобрительно кивнул Картал.

— Многие мне не хотели верить, что Батяни был вынужден уйти в отставку из-за того, что Каройи всеми силами противился введению в стране осадного положения... А этот Винце Надь? Новый министр внутренних дел, он разве лучше старого?

— Вряд ли, — уверенно заявил Картал. — Этот Винце Надь показал свои клыки, когда выступил против солдат в защиту Барты. Правда, те прошли с пушками мимо министерства обороны. Что говорить, у них были весомые аргументы. После истории с Барту Фештетичу следовало бы сделать кое-какие выводы, но я уверен, что он этого не сделает.

— Но все же почему Каройи противился введению осадного положения? Как мне кажется, в наше смутное время...

— Ты прав, ситуация в стране чрезвычайно сложная. Однако введение осадного положения дало бы в руки честолюбивых, бонапартистски настроенных офицеров оружие. Я называю бонапартистами офицеров, которые готовы в любой момент вручить судьбу нашей страны в руки генерала-карателя с сильной волей.

— Понимаю. И такая опасность существует?

— Да, конечно. Хорошо бы ты это усвоил, а еще лучше, если бы помог понять другим рабочим на оружейном, с которыми у тебя хорошие отношения. Приглядись повнимательнее к происходящему. Неужели ты не видишь, что наша буржуазно-демократическая ре-

волюция, происшедшая в октябре, уподобилась снаряду: он пролетел, упал, но не разорвался. Рабочие осуществили революцию, а власть в стране попала в руки буржуазии.

— Но ведь Гарами и Кунфи вошли в правительство.

— Да, они стали министрами, но какие портфели им достались?! Кунфи стал министром народного благосостояния. Только где оно, спрашивается, ныне это народное благосостояние? И кого проклинает народ за все это? Кунфи! Гарами стал министром общественных работ. Только ведутся эти работы или нет? Сотни тысяч несчастных людей без дела слоняются по улицам и кого-то ругают. А кого же? Да Гарами! А кто у нас министр внутренних дел? Винце Надь. Кто министр обороны? Граф Фештетич. Кто министр юстиции? Денеш Беринкеи. Кто министр культов? Мартон Ловаси. Кто министр финансов? Пал Сенде. А кто все эти господа, вместе взятые? Отнюдь друзьями рабочих их никак не назовешь, это уж точно!

Шухайда задумчиво уставился в пустоту прямо перед собой. Его жена поставила перед гостями тарелку с жареными каштанами:

— Пожалуйста! Угощайтесь!

— Я очень прошу тебя, товарищ Шухайда, — продолжал Картал, — чтобы ты обратил внимание своих товарищей по профсоюзу на все эти факты. Действительно, что на деле изменилось с октября? Изменились классовые отношения? С точки зрения соотношения сил — да, с точки зрения того, в чьих руках находится власть, — нет. Правительство, которое в настоящее время находится у власти, стремится к консолидации. Ну и что из этого? У власти по-прежнему находятся капиталисты. Или, быть может, нет? Они во всю глотку орут о территориальной целостности Венгрии. Но разве они что-нибудь делают во имя защиты нашей страны? На словах они хотят защитить наши границы, однако боятся дать народу оружие, потому что понимают, как исстрадались люди, а получив оружие, кто знает, они могут распорядиться им по-своему...

Шухайда вздохнул.

— Думаю, что ты прав.

— Я ни на минуту не сомневаюсь в добрых намерениях Кунфи и Гарами. Они сторонники коалиционного

правительства. Но, черт возьми, что это за коалиция? Чего добиваются сторонники Каройи? Чего хотят либералы — сторонники Яси? Чего хотят буржуазные демократы? А что нужно простым людям? Мы вправе утверждать, что коалиция проводит политику отнюдь не в интересах рабочего класса. Гарами считает, что нам надо выиграть время. Но то же самое говорят и Бетлен, и вся свора реакционеров типа Яси. Ни для кого не секрет, что сторонники прежнего режима пытаются реставрировать старый порядок и вернуть короля Карла на трон. В таком случае кому будут принадлежать земля и заводы? Не думаю, чтобы фабриканты, помещики и офицеры добровольно отдали заводы рабочим, а землю — крестьянам...

Оба замолчали...

— Разве все это так трудно понять? — спросил наконец Картал. — Вероятно, это нелегко понять людям, которые поддались влиянию социал-демократической партии. Многие пожилые рабочие согласны с точкой зрения Гарами о мирном сотрудничестве классов. Но революционно настроенное меньшинство желает свершения новой революции, которая бы окончательно решила, какой именно класс будет стоять во главе страны. В защиту новой революции, в защиту идеи пролетарской революции мы можем привести в тысячу раз больше аргументов, чем это делает Гарами, отстаивая свою идею консолидации... — Картал стукнул ладонью по столу, словно желая этим подчеркнуть всю важность своих слов. — Необходимо навести порядок в стране! О чем мечтает сознательный рабочий? О том, чтобы пролетариат скорее пришел к власти! А крестьянин? Если у него нет земли, ему хочется ее получить. Если земля у него есть, то он хотел бы иметь ее побольше. Ну а кулак? Тот стремится заполучить побольше батраков. Выходит, крестьянин крестьянину — рознь! К чему стремится мелкий буржуа? Точно он этого и сам не знает, вот почему и мечется из стороны в сторону. Чего хотят «честные» буржуа, не желающие возвращения короля и политиков вроде Тисы? Они хотят, чтобы у нас была провозглашена демократическая республика, в условиях которой можно было бы красиво подрумянить капитализм. Вроде бы не такая уж плохая программа? Но ведь подобный «честный» буржуа в любой момент готов к тесному сотрудничеству с аристократией, с круп-

ными акулами капитализма, с кем угодно, а подобный союз означал бы гибель всех завоеваний революции, гибель республики. А есть ли сила, которая способна объединить нас всех? Есть! Это может сделать только рабочий класс!

— И откуда ты все это знаешь, товарищ Картал? — почтительно спросил у гостя Шухайда.

— Не в этом дело, — произнес Картал, — а в том, прав я или нет! Если я говорю верные вещи и если ты со мной согласен, тогда перескажи наш разговор своим друзьям на оружейном. Ты ведь прекрасно знаешь, что я — коммунист! Мне известно, что ты — старый член социал-демократической партии. И тем не менее мы прекрасно понимаем друг друга. Близится день, когда весь пролетариат Венгрии должен выступить единым фронтом. От вас, рабочих оружейного завода, мы ждем, чтобы ни одна винтовка не попала в руки наших классовых врагов...

Они еще долго обсуждали детали внутриполитической обстановки. Потом неожиданно и как бы между прочим Картал спросил, знаком ли Шухайда с Ференцем Марошем и каково его мнение об этом человеке?

— Марош — сознательный рабочий и серьезный человек, — задумчиво проговорил Шухайда. — Много раз, отстаивая интересы рабочих, он шел на конфликт с представителями военной администрации, хотя в военное время далеко не каждый на это отважился бы. Но Ференц, увы, сторонник курса Кунфи и Гарами и никогда не предпримет ничего такого, чего бы они не одобрили.

Через некоторое время, когда Картал и Янош уже шли по направлению к дому, Картал сказал:

— Ну вот ты и услышал мнение о своем старшем брате. Жаль, конечно, что он не с нами. Попробуй поговорить с ним. Вдруг он прислушается к твоим словам...

12

Картал не раз объяснял Марошу, что успех работы агитатора зависит от его собственной убежденности и способности убеждать других, а также от объекта агитации, времени и места. Разумеется, что практика имеет здесь первостепенное значение. Первая такая попытка

Мароша (Картал и Балаго находились неподалеку от него) поговорить с жителями прямо на улице оказалась удачной: его внимательно слушали, поддакивали. Первый успех окрылил Мароша, он уверовал в свои возможности и за несколько дней превратился в толкового уличного оратора.

Однако как бы Марош ни был занят работой, не было ни одного дня, когда бы он не вспоминал об Илоне. С каждым днем в нем росло непреодолимое желание поскорее увидеться с женой. В конце концов он не выдержал и решился пойти на улицу Коппань.

Случилось это за несколько дней до рождественских праздников.

В воскресенье под вечер (погода в тот день была сырой и туманной) он подошел к знакомому дому. В воротах случайно встретился с госпожей Бучекне, знавшей Мароша с детских лет.

— Ну вот и нашелся пропащий ребенок! — обрадованно воскликнула женщина. — Все-таки объявился, а? — И, уже не в силах больше сдерживаться, она начала выбалтывать все новости: — Ох и много же событий произошло в нашем доме с тех пор! Представь себе, госпожа Хефлерне уже не могла здесь больше оставаться и сменила квартиру. Вместо нее въехал сторож с бойни с женой и тремя сиротами-ребятишками, на которых они получают государственное пособие. Бедная мелюзга все время голодная бродит и орет как угорелая. В доме трое умерли: проклятая испанка не обошла своей милостью и нас. Ица не захотела жить здесь и уехала.

— А как же квартира? — с изумлением спросил Янош.

— Ее передали пожилому учителю. Судьба забросила его сюда из Кашши, где он до этого работал. Приехал вместе с женой, сыном, снохой и двумя внуками. Знаешь, оказывается, что чехи и Кашшу захватили. Ну, что же это на белом свете творится, а? Все жалуются, ругаются, жизнь такая тяжелая. Бучек прислал мне письмо из Праги. Хочет, чтобы я переехала к нему. Если верить его словам, там у них не жизнь, а малина. Чехи получают от Антанты все, что их душа пожелает. Однако мне такой жизни не надо...

С трудом отделавшись от Бучекне, Янош быстро зашагал к Ференцу.

Брата и Марию он застал дома. Правда, они встретили его довольно холодно.

— Пришел-таки наконец? — проговорила вместо приветствия Мария.

— Видишь ли...

— Не пытайся оправдываться, сколько недель прошло, а ты даже на минутку не заглянул к нам.

— А где Илона?

— Переехала на улицу Капистран.

— Куда-куда?

— К своей подруге, к Жуже Чернуш.

— Верно, что ты перемахнул к коммунистам? — мрачно поинтересовался Ференц.

— А тебе это откуда известно?

— Из редакции «Непсавы» ты ушел, более того, тебя видели, как ты продавал газету коммунистов — «Вереш уйшаг», даже слышали твои агитационные речи на улицах. Много берешь на себя!

Мария попыталась перевести разговор на другую тему:

— У Виктора ты когда был в последний раз?

— Давно. Я с ним никаких дел не имею.

— Ирма оставила его с носом и ушла к Мате Шерешу, ну да и Виктор не растерялся — сразу же нашел себе другую бабенку: он такой же гулена, как и его Ирма.

Однако Ференц снова повернул разговор на политику.

— Ну, ты, известный агитатор, — проговорил брат с некоторым ехидством, — какого мнения придерживаются твои друзья о создавшемся положении?

— Никакой тайны тут нет, — ответил Янош. — Наше положение в значительной степени осложняется тем, что правительство шатается из стороны в сторону, склоняясь то к революционному народу, то к контрреволюционной буржуазии. Одна рука у правительства связана крупными землевладельцами и капиталистами, а другую крепко держат радикалы, не говоря уж о клерикалах и о сторонниках монархии, которые висят у него на шее и сидят на спине...

Ференц был изумлен осведомленностью Яноша.

— Я вижу, тебя неплохо обработали, — съязвил он.

— Кое до чего я и сам дошел. Короче говоря, ясно то, что наше правительство не способно самостоятельно

решить все проблемы. Ему даже не помогает ориентация на страны Антанты, более того, с часу на час растет опасность, что они окончательно разорвут нас на куски. Вполне возможно, что от социал-демократического правительства было бы и больше пользы, но образования такого правительства не хотите вы. А почему, спрашивается?

— Потому, что мы не являемся сторонниками мессии; мы не можем делать вино из воды и накормить пятью рыбинами население всей страны.

— Это слова Гарами! И ты ему веришь?

— Верю, так как он прав. Гарами хочет создать атмосферу порядка и безопасности. От этого будет зависеть налаживание производства в самом широком смысле этого слова. Однако представителей капитала беспокоят известия, поступающие из России, а без капитала не может быть никакого производства. Это злит не только венгерских, но и зарубежных капиталистов. Не забывай, что венгерское машиностроение находится в руках иностранных капиталистов. Как ты думаешь, они что, разума, что ли, лишились, чтобы поддерживать нас, когда мы захотим отнять их капитал? — Немного помолчав, Ференц более убедительно продолжал: — В стране нет собственного угля, нет полезных ископаемых, а без этого разве можно наладить производство? Признай же ты наконец, что без помощи отечественного и зарубежного капитала собственными силами нам никак не удастся поставить страну на ноги. Вы говорите: «Нужно попытаться!» Но разве это реальное требование? Разве можно, взяв власть в свои руки, тем самым взвалить на свои плечи всю ответственность за хозяйство в целом? Гарами же говорит о том, что все заботы должен взять на себя капитал и возродить страну!

— Ну, а если и возродит, то ради кого, спрашивается? Может, ради рабочих? Я лично считаю, что прав мой друг Картал, который говорит, что независимо от имеющихся у нас серьезных трудностей рабочему классу необходимо самому установить порядок в стране, так как только в этом случае он сможет освободиться от эксплуатации.

— Это же мессианство! — категорично заявил Ференц. — Кто был ничем, тот станет всем, не так ли?

— Речь идет о том, будет ли в конце концов у рабочих родина или ее не будет, а если они откажутся от революции, то ее наверняка не будет.

— Это слова, одни пустые слова, Янош.

— То, что для тебя является пустыми словами,— оборвал брата Янош,— для меня — убеждение.

Ференц наигранно захохотал:

— Ну ты и даешь, дружище! А не слишком ли рано ты вылез из люльки?! Еще вчера, можно сказать, ты был желторотым птенцом, жил как придется, бегал по бабам, а сегодня уже заговорил о каких-то там убеждениях. Говорить-то ты говоришь, но только не о том, что у тебя на уме, а о том, что тебе другие в голову вбили.

— Ты ненавидишь коммунистов.

— Речь совсем не об этом. Коммунист-рабочий остается рабочим, и я не могу ненавидеть его, но я хочу совсем другого, чем вы, а кто из нас прав, покажет время.

Янош не собирался продолжать спор, который он считал бессмысленным, к тому же целью его визита сюда была Илона, а не старший брат.

Попрощавшись с Ференцем и Марией, он заторопился на улицу Капистран. Янош разыскал нужный дом, но в подъезде было темно, и он не нашел списка жильцов. Пришлось обратиться к привратнице, которая ему все объяснила.

Найдя нужную дверь на втором этаже, Янош остановился. Из-за двери доносились звуки аккордеона. Играли что-то такое печальное, что он даже вздрогнул. Янош постучал раз, потом еще раз, и только после этого кто-то отодвинул занавеску на двери. Это был пожилой мужчина.

— Вам нужна Ица?

— Да.

Впустив Яноша в кухню, старик помог ему снять шинель, повесил ее на вешалку, затем пригласил пройти в комнату. Взору Яноша представилось довольно просторное помещение, дверь из которого вела в соседнюю комнату, похожую, если судить по оборудованию, на портновскую мастерскую. Там стояли две швейные машины, манекен, стол для глаженья, на котором лежали различные портновские принадлежности. Посредине комнаты стоял еще один стол, над которым висела газовая лампа под зеленым абажуром.

Илона сидела рядом с мужчиной в военной форме, напротив них — красивая молодая девушка. В помещении было тепло и пахло запахами швейной мастерской.

Увидев Яни, Илона спокойно поднялась и представила мужа присутствующим. Оказалось, что старика звали Петером Чернушем, молодого солдата — Иштваном Чернушем, а девушку — Жужей Черныш. Держалась Илона непринужденно, зато на лицах девушки и солдата застыло выражение ожидания.

Старик с улыбкой усадил Яноша на стул и оживленно залепетал:

— Выходит, вы и есть бывший муж нашей Ицы?.. Вот это неожиданность! Хотите чашечку чаю или пирожное?..

— Пожалуйста, не отказывайтесь, — поддержала отца Жужа.

Янош наблюдал за солдатом, молодым и красивым. Он-то и играл до его прихода на аккордеоне.

На столе стоял голубой эмалированный чайник и поднос с мелким домашнего приготовления печеньем. Жужа тут же принесла из кухни чайную чашку, налила Яношу чая.

— Твой приход неожиданность, Яни, — спокойно заметила Илона.

— Да, конечно, — с трудом вымолвил Янош, а сам в это время думал о том, что правильным было бы сейчас встать и, поблагодарив хозяев, удалиться. Ситуация была яснее ясных, да и поведение самой Илоны подтверждало догадку Яноша. Сидя рядом с молодым солдатом, она как бы признавалась в любви к нему.

«Они уже принадлежат друг другу, — решил про себя Янош. — Вот и старик назвал Илону «нашей Ицей»... Все еще не решив, как же ему поступить, Янош, чтобы хоть нарушить мучительную тишину, проговорил:

— Шел вот мимо... — И, еще не закончив фразы, он уже пожалел, что так по-глупому начал было объяснять свой приход.

С каждой минутой он чувствовал бесполезность своего присутствия здесь. И уже думал, как бы ему уйти отсюда. Его угнетала неизвестность, но в то же время ему не хотелось показаться смущенным. Илона, подобно Яношу, старалась держаться спокойно, хотя ей это плохо удавалось.

— Я о тебе с тех пор ничего не слышал, — сам того не желая, проговорил он.

— А я о тебе слышала много, — сказала Илона.

— Это от кого же?

— Фери знает о твоих делах...

— Я и Ица как-то видели вас в «Октогоне» и даже слушали вашу речь, — перебила Илону Жужа.

Янош невольно покраснел.

— Мне понравилось, как вы говорили.

Вслед за дочкой в разговор вмешался и старый Чернуш:

— Если бы вы знали, что все мы хотим того же самого, что и вы. И все мы очень рады, что у нашего общего дела есть такой энергичный защитник. Если бы только таких, как вы, побольше было! Да поскорее бы люди умнели! — Он выпрямился и уже совсем по-стариковски похвастался: — Когда русские рабочие одержали победу в Петрограде, я сразу же понял, где мое место. Вот тогда-то я и сказал сам себе: «Вот это да! Вот как нужно делать!» Как только представится случай, нам нужно бить в самый центр! Вот и придет время, когда рабочий люд станет господином своей судьбы. Поверьте мне, я счастлив, что в этой квартире все до одного так думают...

Жужа начала угощать Яноша печеньем.

— Расскажи лучше что-нибудь о себе. Как живешь? — спросила Илона.

Однако Янош сразу же почувствовал, что в ее просьбе не было настоящей заинтересованности, и все же он начал сначала сбивчиво рассказывать о самом себе, а затем перешел на политику. Но скоро почувствовал, что здесь, в стенах этой квартиры, он как-то неуклюже объясняет то, что так хорошо знал.

«Долдоню, словно ученик, вызубривший урок», — подумал он. Когда же Янош выговорился, Илона сказала:

— Я очень рада...

— Чему?

— Тому, что ты нашел свое место в этом мире, и потому желаю, чтобы ты был счастлив...

Марош встал и решительно заявил, что ему пора идти. Ему стало неприятно, что у молодого солдата Иштвана Чернуша не нашлось для него ни одного слова.

К немалому удивлению Яноша, Иштван Черну тоже поднялся и сказал, что проводит его до ворот.

— Знаете ли, — объяснил он Яношу, — наша привратница в праздники рано запирает ворота, а ключ вешает на гвоздь; если у кого засиделись гости, хозяева сами их провожают.

Дойдя до ворот, где сильно сквозило, Чернуш сказал:

— Я рад, что вы зашли к нам, а то бы я сам разыскал вас.

— А зачем?

— Вам нужно знать правду, — спокойно продолжал Чернуш, — Илона и я... Вы меня, конечно, понимаете?..

— Понимаю, — глухо вымолвил Янош.

— Вот это я и должен был сказать вам.

Янош, еще как только вошел в комнату Чернуша, все сразу понял. Однако сказанное солдатом больно ударило его.

Чернуш отворил дверь, но у Яноша, казалось, не было сил выйти на улицу, а солдат не торопил его.

— Илона все мне рассказала.

— Все? — удивился Янош.

— Да, все.

— И о том тоже?

— Да, и о том, что она ждет ребенка.

— Значит, вы живете вместе?

— Вместе.

— Ну, будьте...

— Однако нам нужно будет поговорить о вашем разводе, при случае конечно... Я запишу ваш адрес. — Он тут же записал, а затем продолжал: — Как-нибудь вечером я к вам зайду, но одна просьба у меня все же имеется.

— Пожалуйста.

— Хочу, чтобы вы меня правильно поняли... Поверьте, будет лучше, если вы и Илона не станете больше встречаться...

— Я понял...

— Разумеется, я не имею в виду, так сказать, случайную товарищескую встречу... Это совсем другое...

— Да, это совсем другое.

Чернуш взял холодную как лед руку Яноша и тихо проговорил:

— Я знаю, что вы сейчас чувствуете... Я вас очень

даже понимаю... Ну, да жизнь все уладит, — и он пожал руку Яношу.

— Всего хорошего!

— Всего хорошего!

Янош вышел на улицу, ворота с грохотом захлопнулись за его спиной. Пройдя по улице Лоняи, он почувствовал, что замерз. В горле и носу першило от дыма и тумана, похоже, что где-то поблизости сжигали тряпье. По улице прогромыхал поздний трамвай и скрылся в направлении площади Борарош. На мгновение Янош остановился. Ему показалось, что он заблудился: таким чужим и незнакомым выглядело все кругом. Когда он шел по площади Кальвина, кто-то его окликнул, но Янош не остановился.

Он бродил по городу часа два. Янош словно со стороны взглянул на свою прежнюю жизнь и остался недоволен. Не так он жил.

Дома он застал Балаго и Дьюлу Мондока.

Мондок был их третьим жильцом. Лишь чуть постарше Балаго и более подвижен. Четыре-пять дней в неделю он находился в провинции, где занимался агитацией и организационной работой. Сегодня он только что вернулся из Дьера. Он с явным удовольствием рассказывал о своей работе и о том, как вместе с группой дьерских рабочих смотрел датский фильм «Красное знамя», а после этого чуть было не разнес в щепки кинотеатр.

— Вот что любопытно, — сказал Балаго, — угля, продуктов и медикаментов нам с Запада не присылают, а вот глупые контрреволюционные кинокартины везут. — Заметив настроение Яноша, он спросил: — Что с тобой случилось?

— Хорошее ли, плохое ли, в себе не держи, — посоветовал Мондок... — Радость становится большей, когда ею делишься с другими, а печаль убывает, если о ней выговориться.

Немного помедлив, Янош рассказал о своей беде. Рассказал безо всякого стеснения и нисколько не приукрашивая собственную роль. Его откровенность понравилась Мондоку.

— Да, причина веская, чтобы повесить голову, — с участием произнес он. — Ты потерял то, ценность чего только тогда, к сожалению, и замечаешь, когда его уже нет. Паршивое это дело. По себе знаю, что паршивое, так как нечто подобное приходилось переживать и мне.

В первую половину жизни человека подстерегает много разочарований, но и в плохом бывает что-нибудь хорошее. Неудачи закаляют человека и учат его ценить жизнь. Я, например, тоже не смог удержать возле себя женщину, которую любил. Эх, а ведь тогда и я был таким же молодым, как ты теперь. Я в ту пору готов был бежать за первой попавшейся юбкой, да еще считал это делом мужской чести. Сейчас у меня совершенно другое понятие о мужской чести. А ты, как я посмотрю, Яни, терпеливый. Я бы на твоем месте не стерпел таких нравоучений... — Он вдруг стал серьезным: — Ну, не буду огорчать тебя. Я как-то слышал такое выражение: «На свете против всякой беды есть лекарство». Если оно на самом деле есть, то ищи его, а если нет — то выбрось из головы.

— Мне кажется, что как только за тобой закрылась дверь квартиры на улице Капистран, ты как бы завершил определенный этап своей жизни. Думаю, что это послужит для тебя хорошим уроком. Начни новую жизнь, но только по-умному... — заметил Балаго.

Янош был человеком довольно сильным, чтобы выдержать этот удар судьбы. И хотя он спокойно выслушал все советы, в глубине души он знал, что никогда не сможет забыть Илону, а другая женщина ему просто не нужна.

Гражданка Ц. А. в декабре запишет в своем дневнике следующее:

«Мы живем в трудное, смутное время, когда человек не смеет даже думать о будущем... Красивой тысячелетней Венгрии настал конец. Вокруг нас витает смерть, гибнут миллионы людей... К какому же несчастному поколению мы принадлежим! В ближайшем будущем нас ожидает холод, тьма, голодная смерть, нищета... Мы шарахаемся из одной крайности в другую... Меня захватила меланхолия... Читаю Шопенгауэра, Руссо, Байрона...»

После рождественских праздников (было это в пятницу) коммерческий руководитель «Вереш уйшаг» Зайдлер выступил перед ответственными сотрудниками газеты и подпольной типографии с небольшим докладом.

— Беды обрушиваются на нас со всех сторон, — сказал он. — Я призываю всех вас к еще большей осторожности и бдительности и прошу быть готовыми к самому худшему. Полиция зажимает нас, ее ищейки

вынюхивают наши следы. В Северной Венгрии против нас организуют особые отряды. Бетлен и его аристократические пособники создали контрреволюционную партию. Всевозможные реакционные группировки засыпали Антанту своими меморандумами, в которых они умоляют ее поскорее задушить венгерских большевиков. По их понятию, Каройи и тот является большевиком. Более черных рождественских дней у нас, вероятно, еще никогда не было. Чешская буржуазия захватила Кашшу, румынские королевские войска под грохот оркестра вошли в Коложвар. А что же говорят об этом представители нашего древнего господствующего класса? Вот только послушайте проповеди Тихамера Тота в центральном соборе!

«Всевышний судья покарал нас за то, что мы отреклись от нашей святой короны и помазанников божьих. В наших душах расцветает не посев любви, а ужас перед красными. Мы должны внять голосу разума, положиться на милость господа...»

А в это же самое время на страницах «Уй немзедек» Имре Робоц завывает:

«В Пеште в настоящее время находится тридцать тысяч большевиков. К черту все собрания, участники которых требуют новой конституции!»

Есть, конечно, и доброжелательные голоса, но что это за голоса! В газете «Эмбер» о Каройи пишется буквально следующее:

«Ни один из государственных деятелей прошлого не находился в более трагическом положении, чем Михай Каройи. Невозможно спокойно слушать его печальные речи... Его, конечно, можно пожалеть, можно посочувствовать ему... Бедный, бедный Михай Каройи!..»

Немного помолчав, Зайдлер продолжал, повысив голос:

— У многих появляется упадническое настроение, и это в то время, когда здесь необходимо железной рукой навести порядок. Мы располагаем проверенными данными о снабжении населения продуктами питания. Нормы выдаваемых по карточкам продуктов все время уменьшаются, а порой их вообще не выдают. Хлебный паек стал меньше, сократилась норма выдачи жиров, а сахар вообще исчез из продажи. У нас, как и в соседней Германии, царит так называемая продовольственная анархия. Куда бы мы ни посмотрели, повсюду

видим суету, бездеятельность, жуткую нищету. Представители же крупного капитала сознательно стремятся к американизации. Эти господа толстосумы хотят сначала заморить народ голодом, а затем поставить его на колени, полностью подчинив своей власти. Пролетарская революция должна положить конец такому позору!

После собрания Зайдлер попросил Мароша остаться:

— Для тебя есть важное задание. Нам во что бы то ни стало нужно организовать охрану бумаги для нашей газеты. Мы уже нашли подходящее складское помещение. Я еще раз хочу тебе напомнить, что задание важное и даже опасное. Не исключено нападение. — Вынув из кармана пистолет «фроммер», Зайдлер протянул его Марошу: — Возьми на всякий случай. Он может спасти тебе жизнь. Правда, могу тебя и немного успокоить. Твоим коллегой будет Балаго.

— Этим ты меня не успокоил.

— Возможно. Теперь ближе к делу: запасы бумаги у нас хранятся в подвале дома девять, что на площади Йожефа, и в сарае дома пятнадцать на площади Кальмана Тисы. Бумагу необходимо перевезти в более безопасное место, и притом незамедлительно. Нам стало известно, что лейтенант Хиршлер, который с пятьюдесятью солдатами производил обыск в нашем центре на улице Вишегради, продолжает следить за нами, так что перевезти бумагу необходимо этой же ночью.

— Понятно.

— А раз понятно, то немедленно езжай на площадь Кальмана Тисы, пятнадцать, и разыщи там Шимона Маркуша. Там и Балаго подождешь, а уж он распорядится, что и как.

Туман еще плотнее укутал землю, когда Марош прибыл по указанному ему адресу. Типографский рабочий Шимон Маркуш уже знал о миссии Мароша. Дождавшись, когда подойдет Балаго, он повел их в сарай, где хранилась бумага.

— На скольких же повозках можно все это увезти?! — удивился Марош.

— Сюда привезли на трех грузовых повозках.

Вечером с несколькими грузчиками приехал Картал за бумагой. До рассвета удалось сделать всего-навсего две ездки. За три дня все запасы бумаги удалось благополучно перевезти на нелегальный склад со спасительной вывеской: «Фирма Бунцель и Биах. Сбор утиль-

сырья». Склад этот находился по соседству с паровой прачечной «Дунай», которая не действовала. Незадолго до этого ее разграбили, да и топлива не было, чтобы можно было снова пустить ее в ход.

Картал нанялся сторожить прачечную, чтобы любители легкой наживы случайно не утащили из нее и машины. Вместе с Яношем он обосновался в здании прачечной, откуда можно было преспокойно наблюдать и за складом бумаги.

13

В одном из помещений прачечной Картал из пустых ящиков соорудил три удобных спальных места. Днем он, по обыкновению, уходил по делам в город, и тогда с Яношем оставался Балаго, но вечером он всегда возвращался. Как-то он привез с собой еще одного сторожа, которого звали Шандор Салаи. Во время войны Салаи был пулеметчиком, а до нее работал, как и Марош, каменщиком. Пришлось Карталу и для новичка соорудить спальное место.

По ночам на склад привозили новые партии бумаги. Марош беспокоился, как бы по неосторожности не возник пожар и не уничтожил бы ценное сырье. Они ни на один час не оставляли склад без присмотра. Днем дежурили вдвоем Марош и Салаи, а вечером возвращался Картал. Он приносил с собой книги, брошюры и свежие номера «Вереш уйшаг».

Картал взял на себя обязанность повышать политический уровень обоих каменщиков, которые не переставали удивляться образованности их старшего товарища. Однажды они поинтересовались, где он мог приобрести столь обширные знания.

— В декабре четырнадцатого года я попал к русским в плен, — начал объяснять Картал. — Нас привезли в Красноуфимск, где был большой лагерь для военнопленных. Там я познакомился с прапорщиком Арпадом Толди, который до войны работал учителем. Арпад мог бы жить в офицерском бараке, однако он переселился в наш барак, где находились только рядовые. Вот он-то и занимался с нами, вбивая в наши головы самые различные знания. Замечательный был человек. Вместе с ним мы примкнули к русским революционерам. Погиб он в феврале тысяча девятьсот восем-

надцатого года, вскоре после моего возвращения на родину...

Картал много рассказывал им о себе, о товарищах по плену, о боях с белыми в России и, разумеется, больше всего об Арпаде Толди, зато он никогда ничего не говорил о причине, побудившей его вернуться на родину, и о том, как ему удалось бежать из плена. Рассказчик он был замечательный, и его молодым товарищам никогда не приходилось скучать.

Однажды Марош вспомнил свою первую встречу с ним в военной тюрьме, где он упрямо отказывался взять предложенный ему пистолет. Признался, что смалодушничал тогда...

Картал только улыбнулся и сказал:

— Трусом я тебя тогда отнюдь не посчитал, понял, что ты просто-напросто человек без твердых убеждений. Было время, когда я и сам считал, что один человек родится смелым, а другой, напротив, трусом. Однако позже я понял, что трусость, как таковая, является всего-навсего одной из форм неверия в себя. Обычно трусливыми оказываются люди, которые живут словно во тьме и являются игрушками слепого случая. Человек же с твердыми убеждениями и ясной целью в жизни не может быть трусом. — Вспомнив один случай, он продолжал: — Был в лагере пленный, мой одногодок, по фамилии Фекете. Он, как и я, работал до армии токарем, но только не состоял ни в какой организации. Так вот, этот Фекете жил бездумно, все равно как живут животные, вернее говоря, он даже не жил, а просто существовал. Долгое время я считал его трусливым парнем, который дорожит лишь собственной шкурой. И что же случилось? Постепенно с помощью Арпада Толди парень начал понимать события, происходящие в мире. Понял, чего хотят русские рабочие. Революционные идеи словно воспламенили его. И вот, представьте, человек, которого я считал трусом, в одном из боев пожертвовал собственной жизнью, чтобы спасти Арпада Толди...

Он замолчал, вспоминая прошлое, потом продолжал:

— Похоронили их рядом... Странная вещь — эта смелость. Есть, конечно, у нее и изнанка. Видел я царских белых офицеров, которые со штыками наперевес шли на нас в атаку. Мы, конечно, открыли по ним ураганный огонь из винтовок и пулеметов, а они все

іли и шли. Мы косили их, многие падали на землю, остальные, мать бы их за ногу, продолжали как ни чем не бывало идти вперед. Это были действительно тчаянные, смелые люди, только их смелость питали деи не революции, а контрреволюции. С тех пор я усоил, что смелость — это соединение цели с крепкой олей. Весь вопрос заключается только в том, какая цель стоит перед человеком. А когда я разобрался и в том, то раз и навсегда понял, что врага никогда нельзя недооценивать. И ради достижения плохой цели ложно стать храбрым, хотя это вроде бы и незакономерно. Дело в том, что вся смелость может мигом улетучиться, если в решающий момент человек не сможет побороть в себе страх перед смертью... В конце концов те царские офицеры, про которых я вам рассказывал, все же выдохлись. А как вы думаете, почему?

Ни Марош, ни Салаи не смогли ответить на этот вопрос.

— Да только потому, что их смелости противостояла другая сила — наша смелость, корни которой выросли, так сказать, на правом деле... Разумеется, все это не так просто понять. Да что говорить, друзья, на свете все не просто. Как-то один пожилой большевик сказал мне: «Нет такого человека на свете, который никогда ничего не боялся бы, ну хоть на какой-то миг. Однако это вовсе не значит, что человек трус. Если этот человек в тот самый момент, когда его охватил страх, способен взять себя в руки, осознать всю важность того дела, за которое он борется, осознать свою собственную роль в этом деле, тогда ему наверняка удастся преодолеть свой страх». Думаю, что он был прав...

Посмотрев на серьезные лица своих слушателей, он улыбнулся:

— Да, идея может быть внушительной силой. Возникает вопрос: каким образом она овладевает человеком? Я долго над этим ломал голову, благо времени в плену для раздумий хватает. Вспомнил всю свою жизнь. Я ведь, как и мой отец, был металлистом, работал на заводе Шлик-Никольсона, где, собственно, и освоил эту профессию, которой и зарабатывал себе на жизнь. Вступил в профсоюз, так как другие тоже вступали. Бастовал, когда бастовали другие. Ходил в корчму, опять-таки потому, что туда ходили все. Время от времени появлялся на танцах в клубе, так как на них ходили и

другие. Однако цели, ясной такой цели в жизни у меня еще не было. Я охотно слушал различные лекции и доклады, например о войне на Балканах, содрогаясь при одной только мысли о смерти. Вскоре меня забрали в армию. По времени это совпало с убийством в Боснии Франца-Фердинанда и его супруги. Наш унтер возьми да и спроси меня о том, какого я мнения об этом покушении. Я же ему ответил, что нечего было его высочеству ездить в Сараево, сидел бы лучше в своей Вене.

Салаи рассмеялся, а Марош спросил:

— Ну, и что же вам на это сказал унтер?

— Наказал самым строгим образом, — ответил Картал, — а затем отправил в штрафную роту, как раз в Галицию, где я чуть было не попал в число «геройски погибших на поле боя», так как в первый же день меня послали в разведку и у меня хватило ума сдаться в плен. Допрашивал меня один русский офицер, который сразу же поинтересовался, почему я добровольно сдался в плен. Я ему ответил, что сделал я это потому, что не хотел подыхать за идиота императора Франца-Иосифа.

— Вот небось офицер хохотал? — спросил Салаи.

Картал сбросил с себя френч и, задрав подол рубахи, сказал:

— Вот что он сделал со мной.

Марош и Салаи с удивлением уставились на толстые багровые рубцы на спине Картала.

— Приказал избить кнутом, — пояснил Картал. — Сказал при этом, что император с божьей милостью есть лицо святое и неприкосновенное даже тогда, когда он является противником. Я на всю жизнь запомнил этот урок.

Картал опустил рубаху и надел френч. Свернув цигарку, он закурил, угостив табачком товарищей.

— В лагере я много чему научился. Наши господа офицеры и в плену оставались господами. Рядовых солдат они презирали. Можно сказать, что они и в плену жили, как в раю, а мы, как в аду. Да чего зря слова тратить? Для меня лично плен явился политическим университетом. Там у меня, можно сказать, открылись глаза, я поумнел, да и душой воспрянул, так как только там мне сказали то, чего не говорил никто и нигде:

только пролетарская революция может поднять пролетария до уровня человека!

— Тогда почему же этого не понимает каждый пролетарий? — с недоумением спросил Марош. — И нас до сих пор так мало?

— Меня это тоже интересует, — закивал Салаи.

— Сторонников нового сначала всегда бывает мало, — ответил Картал. — Еще в детские годы я часто слышал: «Старую дорожку не меняй на непроторенную». И нужно признаться, что многие руководствовались этим советом. Очень многие боятся всего нового, от которого их отпугивают старые традиции, религия, а то и просто незнание и невежество. Это верно, что нас пока еще мало, но зато действуем мы энергично, с умом и тактом, используя для дела малейшую возможность. А самое главное это то, что мы живем среди народа, в самой его гуще, а для нас это — что вода для рыбы. Нас преследует множество врагов, но этим они вредят только себе. К сожалению, и у нас есть члены партии, которые творят странные вещи. К счастью, нам сильно помогает революционный инстинкт, хотя организационно мы пока еще находимся в меньшинстве...

— Это же очень плохо, — заметил Салаи.

— Плохо? Возможно, но партия Ленина тоже находилась в меньшинстве, когда начала борьбу за власть. Исторический опыт показывает, что большинство само по себе еще не доказывает, что оно право. Этому меня научил в плену Арпад Толди. Когда огромная толпа заставила Галилея встать на колени и признать, что Солнце вращается вокруг Земли, правда оказалась не за большинством. Гарами и Кунфи не без основания ссылаются на то, что их партия является партией большинства. Но снова возникает вопрос: а на чьей же стороне правда? На их ли? Разрешили ли они все проблемы, стоящие перед рабочим классом? Беда в том, что рабочий класс не связан единством, но и в социал-демократической партии тоже нет единства: Гарами хочет одного, Кунфи — другого, Бухингер — третьего, а Велтнер — четвертого, но в итоге все они хотят не того, чего хотим мы.

— А те, кто стоит на стороне правительства, они едины? — спросил Салаи.

— Нет. — Картал покачал головой. — Они не способны осуществить даже основные задачи буржуазно-

демократической революции. Они так долго существовали в условиях политической зависимости, что теперь не способны к самостоятельным решениям, а это уже может привести страну к катастрофе. С каждым днем в стране растет число нерешенных проблем, а общее положение все более ухудшается. Кто сейчас в кого верит? Так, например, Каройи уже не верит Антанте. Яси не верит в возможность сотрудничества различных классов, Гарами не верит в возможность образования самостоятельного социал-демократического правительства. В результате всего этого в стране царит бездеятельность, отсутствие ясной цели, борьба за власть. Ясную цель у нас в Венгрии имеют лишь две силы: наследники Тисы, стремящиеся к реставрации феодального режима, и мы, коммунисты, жаждущие свершения пролетарской революции.

14

В предновогодний вечер по распоряжению правительства подъезды всех жилых домов закрыли уже в пять часов, а общественные увеселительные заведения были открыты до десяти часов вечера. В тот день сильно похолодало, землю окутал густой туман. Уступив настоятельным просьбам артистов, Гарами разрешил до 6 января дневные и вечерние представления в театрах. Однако даже это не могло изменить мрачного облика столицы.

Однажды Марош получил записку от Илоны, в которой она просила его встретиться с ней у Ференца на улице Коппань. Сердце у Яноша часто забилось: а вдруг Ица все же передумала? Ради ребенка решила вернуться к нему? Яни тешил себя тем, что иначе она и поступить не могла.

Картал, узнав об этой записке, сказал Яни:

— Конечно, сходи, только будь осторожен...

Встреча была назначена на десять часов утра. Янош пришел ровно в десять. Его радостное настроение омрачила креповая лента, прибитая на одной двери квартиры на первом этаже. Значит, опять умер кто-то из жильцов? Но кто? Неужели испанка все еще лютует? Пока он поднимался по лестнице, ему все время казалось, что он чувствует трупный запах. Когда проходил

мимо бывшей квартиры Хефлерне, он даже вздрогнул, охваченный чувством отвращения.

Марию и Илону он нашел на кухне. Ференца дома не оказалось.

Обе женщины сидели у плиты и жарили тыквенные семечки. Мария приветливо улыбнулась Яни и, не вставая с места, позволила себя поцеловать. Илона же лишь только взглянула на него. Лицо ее было спокойно.

Мария засуетилась, стараясь разрядить обстановку.

— Ну и холод же ты принес в квартиру, — проговорила она. — Хочешь чашку горячего чая? Заварка, по-моему, неплохая.

Янош хотел было спросить, кто умер в доме, но тут же решил промолчать, ожидая, что женщины сами заговорят об этом. Он сел на табурет, но пистолет, который у него был в заднем кармане, мешал, и ему пришлось незаметно поправить его.

Мария жаловалась на холод и густой туман. Заговорила о распоряжении запирать рано подъезды, пожаловалась на такие печальные праздники.

— Спасибо, что пришел, — заговорила наконец Илона и встала. — Прошу тебя, пройдем в комнату.

Она пошла первой, Янош — за ней. Оба сели за стол, на котором лежал лист бумаги, ручка и стояла чернильница.

— Прошу тебя, прочти это заявление и подпиши, — проговорила Илона. — Это нужно для развода...

Она подвинула к нему листок и обмакнула ручку в чернильницу. Янош остолбенел: значит, она не передумала. На бумагу он даже не посмотрел, он не сводил глаз с Илоны. Он никогда не видел ее такой красивой, как сейчас.

— Ица, я этому не верю.

— Я это решила окончательно и бесповоротно.

— Все произошло как-то неожиданно.

— Я все взвесила.

— Не говори мне этого. Ты озлобилась, рассердилась на меня за мою глупость. Даже не дала мне возможности все как следует объяснить...

— Не занимайся ребячеством, Яни. Бывают поступки, которые незачем объяснять. Вспомни, ты меня два раза подло унизил, второй раз я уже не могла тебе простить.

— Ица, я, конечно, сильно виноват перед тобой. Я и сам не знаю, как все это произошло. Позволь мне все рассказать?

— К чему это? Я боюсь, что своей откровенностью ты лишний раз обидишь меня. Ты имеешь представление, что может чувствовать женщина, когда она узнает, что мужчина, которого она любит, является игрушкой в руках другой женщины? К сожалению, ты мне противен.

— Но ты же знала, что до этого...

— До этого? — вздохнула Илона. — А что до этого?.. Ты хоть и помимо своей воли, но и тогда обманывал меня. Я тебя считала хорошим парнем и очень жалела. Я поняла, что если ты останешься в сетях той женщины, то скатишься в болото... Да и Мария просила меня спасти тебя. Я охотно сделала это и даже полюбила тебя...

— Я во всем раскаиваюсь, Ица.

— Тебе только так кажется.

— Я люблю тебя.

— Прошу тебя, не говори мне об этом. — Она немного помолчала. — Скажи, думал ли ты вообще о том, что было со мной после того, как я все узнала. Вся моя любовь к тебе сгорела за несколько минут. Я чувствовала себя ужасно несчастной и какой-то опустошенной. Иштван не навязывался ко мне, но когда он узнал о том, что произошло между нами, он начал ухаживать за мной. Я видела его в очень трудной обстановке. Это сильный и смелый человек. Остальное случилось само собой...

Янош покраснел. Почувствовав себя оскорбленным, он снова овладел своими чувствами и хрипло сказал:

— Вернись ко мне!

— Ты понимаешь, что ты говоришь?

— Понимаю. Что случилось, то случилось, но ты только вернись ко мне.

— Нет, ты не соображаешь, что ты говоришь, — холодно сказала Илона. — Для того чтобы я выполнила твою просьбу, мне нужно стать такой, как Хефлерне...

— Я хочу, чтобы ты вернулась!

— Это невозможно... У нас не будет ни одного спокойного дня. У меня перед глазами постоянно будет стоять случившееся. Ты каждый день упрекал бы меня из-за Иштвана, грубил, потом охладел бы ко мне. Это

была бы не жизнь, а сплошная пытка. Теперь ничего уже не исправишь...

— Ну, а он? — не отступался Яни. — Ты уверена, что он никогда не станет упрекать тебя? А ребенок? Примет ли он его? Ты думаешь, он будет хорошим отчимом? Ради господа, подумай хорошенько, одумайся и оставь этого человека!

— Я его уже полюбила.

— Это неправда. Ты не можешь его любить. Ты здесь, со мной, и я тебя никуда не отпущу!

Он подскочил к Илоне и, охватив обеими руками ее за талию, с силой привлек к себе. Хотя Илона откинула назад голову, наклонился и припал к ее губам. Яни прямо-таки потерял власть над собой. Илона билась в его цепких объятиях. Упершись обеими руками в грудь Яни, она отталкивала его от себя, пинала ногами. Наконец ей удалось вырваться.

На шум в комнату заглянула Мария.

— Что у вас происходит? — спросила она.

На миг воцарилась полная тишина.

— Подпиши это заявление! — потребовала Илона. И еще более строгим голосом добавила: — Подпиши и немедленно уходи отсюда!

Янош полез в карман, где у него лежал пистолет. В мозгу пронеслась мысль: а сможет ли он застрелить Илону? Она смотрела ему прямо в глаза. Однако Яноша обезоружило совершенно другое. Илона инстинктивно подняла руку и, поднеся ее ко рту, тыльной стороной провела ею по губам. Этот жест, свидетельствующий о ее отвращении к нему, подействовал на Яноша так, будто его вдруг сбросили в ледяную воду. Через несколько мгновений он уже снова владел собой.

Он сел к столу и, схватив ручку, подписал заявление, даже не читая его. И, не попрощавшись, вышел из квартиры.

Он шел по направлению к газовому заводу через всю улицу Коппань. Шел и удивлялся, что громадные резервуары для газа были окутаны туманом. По мосту, перекинутому через проспект Губачи, с грохотом пронесся товарный состав. Янош еле переставлял ноги. В памяти всплыла картина только что происшедших событий. Ему стало стыдно за то, что он схватился за пистолет. Неужели он и на самом деле был способен совершить такое? Янош не узнавал самого себя.

На проспекте Губачи, где две железнодорожные ветки сливаются в одну, находилась небольшая летняя корчма, сколоченная из досок. Она оказалась закрытой. Янош огляделся: кругом не было ни души. Достав из кармана пистолет, он бросил его в кусты.

Он шел вдоль трамвайной линии, пытаясь представить, какой будет жизнь Илоны с Чернушем. Каким будет его ребенок? Яни чувствовал, что ему потребуется немало времени, пока этот день выветрится из его памяти. Холод и густой туман охладили его чувства. Более того, неожиданно, вопреки всякой логике, он вдруг вспомнил первые дни своего пребывания на фронте. Только там туман был окрашен в желтоватый цвет, холод более пронизывающим, а над головой со свистом летали пули. А он до сих пор все еще одет в ту же самую солдатскую форму. Из гражданских вещей, какие у него были, он вырос, а новую одежду купить было не на что. На миг он задумался над тем, как же ему поскорее освободиться из этого казенного рванья.

На перекрестке улиц Мештер и Халлер из тумана перед ним выросли три офицера. Они шли со стороны казармы и, видимо, хорошо выпили по случаю наступающего Нового года. Янош буквально столкнулся с ними.

— Скотина! — обругал его один из офицеров.

— Почему не отдаешь честь?! — набросился на него второй.

— Встань по стойке «смирно», животное! — заорал на Яноша третий офицер.

— Убирайся к чертовой матери!

Ругаясь, офицеры окружили его. Яни почувствовал сильный удар, от которого лицо на миг словно одеревенело. Когда он провел по носу рукой, на ней остались капли крови. Повернувшись, он быстро зашагал на проспект Губачи, к закрытой деревянной корчме, где бросил пистолет. Довольно скоро он нашел его и, вытерев рукавом шинели, сунул в карман.

До сих пор он только носил при себе оружие, теперь же он осознал, что оно у него есть.

Неожиданно в голове прояснилось. Он двинулся обратно по проспекту. Невольно вспомнил о Картале и его прачечной. Он почувствовал, что ему недостает товарищей. Одиночество превратилось в непереносимую муку. Кругом могильная тишина, сумерки сгустились в

сплошную темень. Словно одержимый, Янош зашагал по направлению к Дунаю.

А как было приятно войти в тепло натопленную прачечную.

Картал и Салаи сидели в обществе двух незнакомых мужчин. Оба в гражданском, на вид им можно было дать лет по сорок пять. Они приветливо улыбнулись Яношу. Выяснилось, что они прибыли на смену Карталу и Марошу, а Салаи останется с ними.

— Мы же с тобой вернемся на улицу Сигонь, — объяснил Картал, — где получим новое задание.

Когда они вышли на улицу, трамваи уже не ходили. Пришлось идти пешком. Яни коротко рассказал Карталу о своем визите на улицу Коппань.

— Представляю, что ты сейчас чувствуешь, — проговорил Картал, выслушав друга. — Только не подумай, что я тебя жалею. Со временем все образуется. За глупость приходится расплачиваться. Ничего не поделаешь — такова жизнь. А, как я посмотрю, твоя Илона Барта смелая женщина. Мне она нравится. Хорошо, если бы в революции участвовало побольше таких женщин.

15

Как только они вернулись домой, Яни сразу же завалился на кровать. И хотя было всего лишь три часа пополудни, он моментально заснул.

Во сне он видел Илону. Она шла, низко опустив голову, по какому-то горному хребту и плакала. Ее фигура четко вырисовывалась на фоне синего неба. Ветер разметал ее волосы, и они развевались, словно желтые листья глубокой осенью, еще не опавшие с деревьев. Неожиданно она выпрямилась и начала исчезать из вида, будто ее сдувало сильным вихрем. Она становилась все меньше и меньше, а затем совсем пропала, растворившись в каком-то странном тумане.

И вдруг он увидел серые дома на улице Коппань, которые отбрасывали причудливые разноцветные тени. Яни охватила глубокая печаль. Откуда-то доносилась странная музыка, затем в воротах показались детишки, а вслед за ними какие-то люди, которые несли гроб. Дети танцевали, но только молча и совсем безрадостно. Люди же, которые несли гроб, явно спешили,

шли, запинаясь, по направлению к улице Газдьяр. И снова поднялся вихрь. На улице появились миллионы желтых листьев. Целая туча листьев. Яни, казалось, не хватало воздуха, и он начал задыхаться...

— Подъем! Вставай! — будил его Картал.

— Зачем?

— Пойдешь со мной.

— Куда?

— К Каролин.

— А кто она такая?

— Моя хорошая знакомая. У нее и Новый год встретим.

Однако они еще не успели уйти, как пришли Балаго и Мондок. Они принесли кое-что поесть и бутылку вина. Наполнив стаканы, с удовольствием выпили.

— С радости, так и быть, нарушим сухой закон.

Балаго рассказал о событиях сегодняшнего дня:

— Вместе с Бела Куном мы ходили в казармы, что возле Народного парка. Мы, конечно, знали, что офицеры не обрадуются нашему приходу, и друзья побеспокоились об охране Бела Куна. Солдаты были страшно возмущены Фештетичем. Им стало известно, что тот хочет использовать Секейскую дивизию для подавления революционных сил. Короче говоря, обстановка сложилась прямо-таки ужасная.

Солдаты восторженно встретили Бела Куна. Он толково объяснил, что они должны делать, чтобы Фештетич не мог осуществить свои планы.

Из окон верхнего этажа кто-то начал стрелять. Наши сразу же открыли ответный огонь, многие бросились в здание, чтобы расправиться с террористами. Кун же как ни в чем не бывало после небольшой паузы продолжал свое выступление.

— В кого-нибудь попали? — поинтересовался Картал.

— Этими выстрелами был окончательно расстрелян авторитет Фештетича, — засмеялся Мондок.

— Кун же своим выступлением буквально зажег солдат, — продолжал свой рассказ Балаго. — Успех был невероятный. Всех поразила смелость Бела Куна.

Затем мы направились в казарму Марии-Терезии в тридцать второй полк. Куна провожало человек сто вооруженных солдат. Меры предосторожности были отнюдь не лишними. Как только мы миновали проходную,

офицеры королевской армии попытались арестовать Куна. Но у них ничего не вышло. На плацу собралось немало наших людей. Однако, если бы Погани не утихомирил офицерье, без серьезной перестрелки не обошлось бы.

В Буду в казармы Радецкого мы заявились во время обеда. Там нас встретили только солдаты-коммунисты. Они требовали отставки Фештетича и создания революционной армии.

— Пора, давно пора! — заметил Мондок.

Через некоторое время Картал и Янош собрались уходить. Дорогой Картал рассказал о Каролин.

— Ей всего двадцать шесть лет, — начал он. — Она вдова Арпада Толди, о котором я тебе уже говорил. В плену он часто вспоминал жену и двух дочушек: шестилетнюю Тильду и четырехлетнюю Риту. Младшая родилась уже после его отъезда, так что он ее так и не увидел. Сейчас Каролин, ее девичья фамилия Мартонфи, работает в конторе цементного завода на проспекте Ференца. Зарабатывает она мало, а жизнь трудная...

Марош ловил себя на том, что не слушает Картала. Он думал об Илоне.

— Когда мы хоронили Арпада Толди, — говорил Картал, — то у его могилы я дал себе слово заботиться о его семье, если мне удастся вернуться домой. Как видишь, я вернулся. Каролин я нашел в трудном положении. С работы ее выгнали, пособие, которое она получала за мужа, крошечное, а на руках две дочери. Каролин очень любила мужа и тяжело переживала его гибель. Я каждый божий день навещал их и помогал как только мог. И лишь через несколько месяцев понял, что она для меня значит. Мой друг Фрици Хенкиш тоже помогает им. Мы вместе были в плену. Сейчас он живет в Будаерше. Ведет небольшое хозяйство. Человек он талантливый, чтит братство по оружию.

Яноша вдруг заинтересовал вопрос: может ли вдова учителя связать свое будущее с рабочим-металлистом? Простые люди с улицы Коппань этому не очень верят. Там могут поверить в то, как цыган-примаш Янчи Риго похитил графиню, и то только потому, что это красивая сказка, но чтобы женщина из господ вышла замуж за рабочего?

«Правда, Картал человек незаурядный», — подумал Янош.

— Она тебя любит? — спросил он.

— Потом узнаешь...

«Она его любит, — решил Марош. — Сейчас все в мире перевернулось, так что все может... Хотя, возможно, Каролин всего лишь благодарна Карталу за помощь...»

— Ну, вот мы и пришли, — проговорил Картал, останавливаясь перед одним домом на улице Дрегей.

Они долго звонили, пока дверь не открыла привратница. Она кряхтела, кашляла, кутая шею в теплую шаль. Узнав Картала, она пропустила их, не отказавшись от чаевых. Вместо приветствия она разразилась долгим кашлем.

Каролин жила на втором этаже. Из коридора приятели вошли в крохотную прихожую. Свет на вошедших падал из комнаты через открытую дверь. Однако лицо молодой женщины оставалось в тени. Картал представил Мароша, и Каролин по-дружески поздоровалась с ним.

«У нее такой же голос, как у Илоны, — подумал Марош. — Или почти такой». — И сердце у него больно сжалось.

Картал снял с плеча рюкзак, повесил на вешалку шинель и фуражку. Янош тоже разделся. Взяв рюкзак, Картал прошел в комнату. Каролин протянула Яношу руку и повела его за собой.

Продолговатая комната освещалась светом газовой лампы. Сидевшие за столом две девчушки мигом соскочили со своих мест и бросились навстречу Карталу. Одну из них он взял на руки, а другую погладил по головке. Подойдя к столу, он усадил их обеих к себе на колени. Каролин, выпустив наконец руку Яноша, предложила ему сесть. У нее были мягкие, но холодные пальцы, лицо смуглое, волосы черные, а серые глаза на удивление большие.

«Какая она милая и красивая, — отметил про себя Марош, — но такая хрупкая...»

Девочки начали разбирать рюкзак Картала. На стол были извлечены красные яблоки, орехи, небольшой мешочек с мукой, булка и мед в маленькой баночке из-под горчицы. Потом был вынут из рюкзака небольшой гусь и бутылка вина.

— Картошки я тоже захватил, — сказал Картал, — но я не стану вынимать ее из рюкзака.

Девчушки были в восторге. Взяв по яблоку, они тут же впились в них зубами. Глядя на дочерей, Каролин кротко улыбалась. Наблюдая за ней, Янош вспомнил одну картину. На той картине женщина стояла перед окном в полутемной комнате, одной рукой она касалась отдернутой занавески. Она улыбалась точно так же, как Каролин. Улыбка была печальной. Снаружи в комнату вливался бледный свет.

Картал помог Каролин вынести принесенные им продукты в кухню. Девочки атаковали Мароша.

— Ты еще никогда не был у нас, — сказала старшая. — А почему?

Младшая тем временем достала кубики и предложила:

— Давай поиграем.

Янош согласился. В комнате находились только самые необходимые вещи. У окна, которое выходило во двор, стоял письменный стол, а над ним на стене в блестящих металлических рамках висели четыре фотографии: Каролин, ее мужа и обеих девочек. Марош заметил, что учитель сфотографирован в одной из любимых поз поэта Ади. Это был худощавый мужчина с темными глазами и тоненькими усиками. Вид у него был довольно печальный.

«Интересно, где его могила?» — подумал Марош и только тут заметил, что на полу нет ковра. У задней стены стояла книжная полка, на которой красовались томики в золоченых переплетах, а на самой верхней полке лежал футляр для скрипки.

— Ты не любишь играть? — спросила у Яноша старшая девочка.

— Почему ты так думаешь? — удивился Янош.

— Потому что ты не следишь за игрой.

— Хорошо, я буду следить.

Складывая кубики, Янош невольно думал: обнимает сейчас Картал сероглазую женщину на кухне или нет.

Вошел Картал и сказал, что Каролин скоро подаст ужин. И тут же занялся с девочками.

Янош подошел к книжной полке. Внизу стояли тома энциклопедического словаря, выше книги на французском и немецком языках, а на верхних полках романы из серии «Венгерские классики». Янош взял в руки одну из книг и начал ее листать.

Вскоре в комнату вошла Каролин. Она постелила

на стол белую скатерть, затем расставила бокалы, тарелки, разложила приборы.

— Вы любите читать? — спросила она, посмотрев на Яноша.

— Люблю.

— Кого из писателей вы любите больше всего?

— Петефи.

— А Ади вам нравится?

— Слышал о нем...

Каролин снова вышла на кухню и вскоре вернулась с графином с вином.

— Выпейте немного, пока я готовлю ужин, — предложила она.

Картал продолжал играть с девочками. Марош же достал какую-то книгу на французском языке. Полистав ее, он спросил, обращаясь к Каролин:

— Какое чувство испытывает человек, который знает иностранные языки?

— Хорошее.

— Вы знаете какой-нибудь иностранный язык?

— Знаю, и не один.

— Завидую вам...

В семь часов все сели ужинать.

От Яноша не ускользнуло то, как аккуратно ели дети, особенно старшая девочка. Время от времени она угощала чем-нибудь сестренку. После ужина Каролин уложила девочек спать в соседней маленькой комнатке. Убрала со стола посуду, оставив только графин и бокалы. Сама хозяйка лишь попробовала вино, Картал выпил до дна первый бокал, а затем лишь отпивал по глотку. Не стесняясь, пил лишь Янош. Он удивился, что Картал не курит, хотя все знали, что он заядлый курильщик.

«Видимо, он не хочет дымить в комнате», — подумал Марош и, следуя его примеру, тоже не стал курить.

Все трое непринужденно разговаривали.

Каролин рассказывала о событиях последних дней, о том, каким образом ей удалось достать сахар и жир, как она учит читать и писать Тильду и как та нянчится с Ритой. С радостью сообщила, что у нее, видимо, очень скоро будет двое учеников, которых она станет учить играть на скрипке.

Затем заговорили о положении в стране, гадали, каким окажется новый год.

— Будьте хоть немного повеселей, — попросила вдруг Яноша Каролин.

Яни удивила наблюдательность женщины.

— Лукачич приговорил вас к смерти, — продолжала она, — и ваша жизнь, можно сказать, висела на волоске... Такое нелегко пережить...

— Героем я себя не чувствовал, это точно.

— Не говорите так.

— Я говорю правду. С тех пор, конечно...

— С тех пор вы изменились? — улыбнулась Каролин.

Янош, прежде чем ответить на этот вопрос, посмотрел на Картала, который тоже улыбался.

— В какой-то степени изменился, — сказал Марош. — У меня появились новые друзья, благодаря которым я узнал, что на свете существует и другая жизнь. Научился уважать тех, кто не поддается ударам судьбы... — Подумав об Илоне, он продолжал: — Правда, порой приходится нелегко... Иногда мне кажется, чтобы жить в наше время, требуется много смелости...

Каролин ласково взглянула на него и заметила:

— Это вы хорошо сказали...

— Да, чтобы жить, действительно нужна смелость, — согласился с Яношем Картал. — Особенно в наших условиях... — Подойдя к книжной полке, он взял в руки какую-то книгу, раскрыл и протянул Каролин со словами: — Почитай, пожалуйста.

Каролин вслух прочла:

Сочится кровь из наших пальцев,
Когда коснемся мы тебя,
С тобой мертвы мы или живы,
О Венгрия, страна моя?

Незнакомые слова срывались с губ Каролин, и Янош вдруг почувствовал себя школьником, сидевшим за старенькой партой в школе на проспекте Шарокшары. По воскресеньям в гимнастическом зале служил заутреню старый священник. Яноша не интересовала его проповедь, в которой он почти ничего не понимал; он лишь с восторгом слушал волшебные звуки фисгармонии. Порой, встревоженный музыкой, он бежал на Дунай, где подолгу смотрел на сверкающую гладь воды и на противоположный берег, поросший развесистыми ивами.

Он пристально вглядывался в даль, которая манила его своей неизвестностью. А голос Каролин, читающей стихи, будил в нем все новые и новые чувства:

Доколь мерзавцам быть у власти,
А нам, как трусам, их терпеть?
Доколь, народ венгерский, в клетке
Тебе скворцом скакать и петь?..

Как и тогда, в далекие школьные годы, его охватило чувство чего-то таинственного, понимание которого и до сих пор не укладывалось в его голове. А Каролин продолжала читать стихи, все больше и больше лишая его спокойствия. Вот она замолчала и, встретившись взглядом с Яношем, спросила:

— Понравилось? А теперь послушайте вот это:

О Венгрия, край скорбных нищих,
Нет веры в нем, нет хлеба в нем.
Но ты, Грядущее, за нами,
Когда решимся и дерзнем!..

Стихи лились свободно и мощно, как вздувшийся от вешних вод поток. Строфа звучала за строфой, рождая новые мысли.

Картал поднял бокал и отпил один глоток. Затем медленно, словно разговаривая сам с собой, произнес:

— Вот это да!..

Каролин полностью завладела вниманием Мароша. Почувствовав его душевное состояние, она перелистала несколько страниц и продолжала:

Еще течет вечерний рокот
И свежие рассветы веют
Там, на проспектах Будапешта...
А в сельских недрах гневы зреют.
Земля осядет при ударе,
Услышим все, что не слыхали, —
Мадьяров лютое проклятье
И в летнем зное, и в пожаре!

Каждое новое стихотворение, которое Каролин читала по-артистически воодушевленно, раскрывало перед Яношем новые дали. За эти немногие минуты он, казалось, заново пережил всю свою жизнь. Ему хотелось все время оставаться под влиянием чарующих строк.

«Мне нужно будет достать себе такую книгу», — решил про себя Марош, а Картал, словно угадав его мысли, пообещал

— Я тебе куплю такой томик.

Янош был немало удивлен тем, что Картал угадал его мысли.

А Картал достал с верхней полки скрипку и, вынув ее из футляра, подошел к Каролин. Положив скрипку и смычок на стол, он попросил:

— А теперь сыграй нам что-нибудь...

Но Каролин даже не пошевелилась.

— Сыграй то, что ты обычно напеваешь себе под нос... особенно зимними вечерами... На закате, — не отступал Картал.

Каролин и на этот раз не произнесла ни слова.

«Нет», — как бы говорил ее взгляд.

«Но я прошу тебя...» — умолял одними глазами Картал.

«У меня не то настроение... Только не сейчас...»

«Но я так хочу... Да и мой товарищ хочет послушать тебя...»

«Ты думаешь, ему это нужно?»

«Да, нужно!»

В конце концов Каролин повиновалась и взяла скрипку, настроила ее. Глаза Каролин слегка затуманились. Прижав к подбородку скрипку, она тронула струны смычком, и раздалась такая мелодия, какую Янош никогда не слышал. Да и где он мог слышать «Песню Сольвейг»? По воскресеньям тишину на улице Коппань иногда нарушала только шарманка или же фисгармония, а еще реже в соседней корчме играл на скрипке старик цыган. Звуки его музыки долетали вперемежку с ударами деревянных кеглей с площадки. Игра же Каролин произвела на Яноша такое впечатление, что ему казалось, будто его влекут в неведомые дали.

Каролин играла с закрытыми глазами.

Марошу показалось, что он попал совершенно в другой мир, отличный от того, в каком живут люди на улице Коппань. Но разве могут существовать друг возле друга столь разные миры? Один — настоящий, реальный, а другой — как бы сошедший со страниц книг или возникший из звуков волшебной музыки? Так где же, спрашивается, настоящая жизнь? Где плохой сон, а где красивая реальность?

В этот момент где-то в стороне казармы Надашди громко разорвалась ручная граната. Кто-то таким образом приветствовал наступление Нового года.

Каролин положила скрипку на стол и разрыдалась. Картал подошел к ней и нежно привлек к себе. Каролин покорно положила свою голову на его плечо и беззвучно плакала.

16

После Нового года события начали развиваться с такой необычной быстротой, что Марош не сразу разобрался в их взаимосвязи. Он, как и все, был возмущен кровопролитием в Шальготарьяне, где власти приказали стрелять в безоружных шахтеров и металлистов. На мостовой осталось шестнадцать трупов. Шахтеры требовали передать шахты в их собственное управление и привлечь к ответственности должностных лиц за крупные хищения. Всех интересовал вопрос о том, кто же отдал приказ открыть огонь. Граф Фештетич или же Карой Пейер?

— А кто такой этот Пейер? — спросил Марош у Картала.

— Генеральный секретарь профсоюза шахтеров.

— И он отдал приказ стрелять в шахтеров? Немыслимо!

— Подожди, ты еще и не о таких вещах услышишь!

В тот день жительница Буды Ц. А. записала в своем дневнике следующее:

«Мне исполнилось пятнадцать лет, когда началась война... Стоит ли удивляться, что я стала пессимисткой? Каково время, таковы и люди... Вот как раз сейчас я слышу грохот стрельбы, дрожат даже стены, возможно, рвутся гранаты, а может, даже стреляют пушки? Я не знаю, из чего стреляют, но слышу глухие взрывы... Мы уже привыкли к смерти, я уже могу спокойно слушать стрельбу. Как хорошо сидеть в библиотеке и читать при свете лампы!..»

Картал, Балаго и Марош получили новое задание — охранять распространителей газеты «Вереш уйшаг». У газеты стало необычайно много врагов. Опасаться приходилось не только полицейских, но и армейских офицеров, переодетых в гражданское.

В первой половине января из барака Бунцеля и Биаха исчез остаток бумаги. Доставать ее становилось все труднее и труднее. Именно поэтому было очень важно,

чтобы каждый экземпляр газеты попал в руки читателя, особенно рабочего.

На улицах стало заметно оживленнее. Каждый день собирались большие толпы людей. Балаго, Картал и Марош, входившие в одну группу агитаторов, проводили на улицах по нескольку часов. Сменяя друг друга, они выступали перед народом. Когда один произносил речь, двое других страховали его. Довольно часто оратора приходилось защищать. Иногда они организовывали своеобразные публичные диспуты.

Картал, Балаго и Марош, или «тройка неразлучных», как их обычно называли, ежедневно получали задания в своем партийном центре на улице Вишегради. Партийный центр имел в своем распоряжении и несколько квартир или комнат в корчмах для конспиративной работы. Каждый день друзья появлялись в разных местах. Картал обучил Балаго и Мароша основам конспирации, главным образом тому, как быстро скрываться от преследования и водить за нос шпиков. Картал был доволен их работой. Он неоднократно подчеркивал огромное влияние устной пропаганды на людей.

В январе не было дня, чтобы по улицам города не проходила какая-нибудь демонстрация. Шли голодающие женщины вместе с детьми, одетыми в рваную одежду, направлявшиеся к министерству социального обеспечения, чтобы высказать там свои требования; шли инвалиды, представляя собой убогую колонну, состоявшую из безруких или безногих, некоторые ехали на инвалидных каталках и колясках. Самыми массовыми были демонстрации безработных. Они требовали работы и хлеба. Когда они проходили по улицам, то торговцы, опасаясь за стекла в своих лавочках, поспешно опускали жалюзи. Чинно, соблюдая порядок, шли солдаты. Многие из них сняли с шапок старые кокарды и прикололи красные звездочки. Время от времени они словно по команде громко выкрикивали:

— Фештетич, убирайся вон!

В демонстрациях принимали участие и студенты, и беженцы из Трансильвании и Северной Венгрии. Под национальными флагами шли женщины из имущих семей, чиновники, потерявшие работу. И каждая демонстрация ждала чуть ли не чуда от своей акции.

Однажды Балаго решил опробовать свой метод. Вклинившись в толпу демонстрантов, он начал выкри-

кивать коммунистические лозунги и раздавать листовки. «Революция не кончилась! — было напечатано в одной из листовок. — Наши проблемы остались нерешенными. Рабочие, возьмите власть в свои руки!»

Министр внутренних дел Винце Надь каждый час получал мрачные сведения о росте народного возмущения. С помощью Фештетича ему удалось усилить охрану товарных железнодорожных станций. Особенно опасным складывалось положение на станциях в Визафаго, в Андьялфельде, Ракоше и Ференцвароше. Грабителей не пугали даже выстрелы в воздух, ничего не могли сделать и группы охранников, которые патрулировали вдоль составов.

Назревал новый политический кризис.

Картал в своих уличных выступлениях характеризовал ситуацию следующим образом:

— В правительстве нет даже видимого единства. Ловаси и Баттьяни создают новую партию. Граф Бетлен сформировал свою реакционную объединенную партию. Гембеш объединяет вокруг себя монархически настроенных офицеров, прикрывая их безобидной вывеской. С ними как бы конкурирует шовинистическая организация «Пробудившиеся мадьяры», вышедшая на политическую арену. Создается так называемый Союз по защите религии, который, скорее всего, намеревается защищать крупные земельные владения, принадлежащие священникам, а не саму веру. Нам стало известно о существовании многих террористических организаций. Ну, например, о банке под названием «Двенадцать капитанов», об «Анти-Каройи клубе», об обществе женщин-патриоток и еще по меньшей мере о двадцати подобного рода организациях. Все они намереваются задушить республику. Контрреволюция стоит у порога, более того, она уже стучится в наши двери. Положение критическое, в любой момент может начаться кровопролитная гражданская война!

— Какая там еще гражданская война?! — воскликнул кто-то из толпы. — Это без оружия-то? Скажите, у кого из нас здесь есть оружие?

— Правда, что у коммунистов есть тридцать пять тысяч пушек? — выкрикнул кто-то.

— Это клевета реакции! — ответил Картал. — Реакционеры клевещут на коммунистов, распространяют слухи о том, что якобы революционно настроенные солдаты передали оружие коммунистам. Однако, к сожалению, это не так. Оружие в руках реакции. Правда, среди сотен тысяч солдат и национальных гвардейцев много сознательных. Они готовы встать на защиту конституции.

Сделав небольшую паузу, Картал снова перешел к теме своего выступления.

— Я уже сказал, что в правительстве нет единства, но это еще не все. Единства нет и в социал-демократической партии. Трудности растут, и партия требует принятия срочных мер. Создалось положение, когда миллионная социал-демократическая партия оказалась расчлененной на три группы. Сторонники Гарами хотят, чтобы партия вышла из правительства и помогла группе Винце Надя навести порядок. А уж Винце Надь покажет венграм где раки зимуют! Гарбаи и его сторонники считают, что необходимо образовать правительство из одних социал-демократов, без представителей буржуазных партий. А уж это «чистое» социал-демократическое правительство по рецепту великого немца Носке наведет порядок в стране: уничтожит венгерских спартаковцев. Представители третьей группы во главе с Кунфи желают остаться в составе правительства, но требуют для себя два портфеля: военного министра и министра внутренних дел!

— А какова, собственно, позиция коммунистов?! — выкрикнул кто-то из толпы.

Картал поспешил ответить на этот вопрос:

— Народ должен немедленно взять власть в свои руки! Вот наша точка зрения. До сих пор наше правительство не разрешило ни одной серьезной проблемы. Заводы и фабрики, по сути дела, не работают. Капиталисты занимаются саботажем. Число безработных выросло как никогда. Крестьянский вопрос все еще не решен. Правительство, опасаясь приговора народа, не осмеливается опубликовать окончательные результаты выборов. В стране не налажено снабжение населения продуктами питания. Толпы беженцев буквально наводняют столицу. И самое страшное это то, что страна не имеет настоящей армии. Дивизии буржуазных завоевателей в любой момент готовы разорвать нас на

части. Так где же, спрашивается, выход? — И тут же ответил: — Необходимо скинуть бездеятельное правительство!..

В середине января по столице поползли самые невероятные слухи. Говорили, что Каройи, пребывая в полном отчаянии, ведет переговоры со всеми, кто, как ему кажется, способен хоть в какой-то степени поддержать правительство, что Будапештский рабочий совет вот уже вторые сутки беспрерывно заседает и что он якобы не против, чтобы социал-демократы оставались в правительстве, но только при условии передачи четырех министерских портфелей рабочему совету.

По поводу этих слухов Балаго не без ехидства заметил:

— От жителей столицы ничего не скроешь: они всегда все знают. Неизвестно, каким образом, но обязательно знают. Это просто какая-то мистика!

— Столичный житель интуитивно догадывается о том, что ему неизвестно и, как правило, угадывает содержание самых секретных государственных тайн, — не оставил без внимания замечание Балаго либерал Броди. — Таким народом очень даже нелегко управлять.

Вечером 17 января Картал сообщил Балаго и Марошу следующее:

— Завтра будет образовано новое правительство, которое возглавит Денеш Беринкеи, хитрый реакционно настроенный юрист. Социал-демократы получат четыре министерских портфеля. Гарами станет министром торговли, Кунфи — министром народного образования, Пейдл — министром народного благосостояния, а Бем — военным министром. Последнее назначение уже кое-что да значит. Министром внутренних дел остается Винце Надь, Шандор Надь, Юхас — министром юстиции, а Янош Ваш получит портфель министра по религиозным культам. Пал Сенде по-прежнему остается министром финансов, Барна Буза — министром земледелия, а экономику всей страны доверили какому-то крестьянину Иштвану Сабо Надьатади.

— А Каройи? — спросил Балаго.

— Он сохранил за собой портфель министра иностранных дел и пост главы республики.

— Тогда что же это за правительство? — удивился Балаго.

— Это правительство кризиса, — ответил ему Картал, — которое проиграет все на свете. Нам нужно быть готовыми к тому, что гонения на нас еще больше усилятся. Говорят, что Винце Надь основательно изучает сейчас причины краха Керенского и разворачивает провокационный план, чтобы рассчитаться со своими противниками, в том числе и с нами.

— Так надо помешать ему сделать это! — горячо воскликнул Марош. Под воздействием Картала и Балаго Янош охотно занимался агитационной работой. Ему многое дало постоянное общение с этими людьми. Каждый вечер они подолгу спорили о происходивших событиях.

Балаго часто рассказывал о революциях девятьсот пятого, седьмого и двенадцатого годов.

— Это были удивительные времена. Конечно, очень много было трудностей и бед, но мы верили в будущее и буквально пылали боевым духом. Правда, в нас и тогда стреляли. Если бы в то время у нас была своя революционная партия, тогда революционное движение пошло бы совсем иным путем...

Картал делился воспоминаниями о русской революции; при этом ни словом никогда не обмолвился о своем личном участии в этих событиях.

— Вам там было легко, — заметил Балаго, — так как все вы были закаленными большевиками.

— Разумеется, были среди нас и такие товарищи, — засмеялся Картал, — однако основная масса бойцов закалялась в бою. Перед боем нам обычно говорили так: «Вот там буржуи, а вон там — пролетарии. Вот и стреляйте, други, в буржуев! Да как следует стреляйте...» Здесь же у нас обстановка более сложная. Сейчас для нас с вами полем боя являются городские улицы и площади. — И, повернувшись к Марошу, добавил: — И на этом трудном участке ты хорошо себя зарекомендовал.

— Я чувствую, что с рождества очень изменился.

— Человек никогда точно не может сказать, когда он стал другим. — Картал улыбнулся. — Об этом говорят его поступки.

Марош все больше и больше привязывался к Карталу. Иногда они вместе заходили к Каролин. Янош от души радовался счастью друга, хотя в такие минуты

он особенно остро переживал разлуку с Илоной. И, хотя говорят, что всесильное время лечит любовные раны, Яношу оно нисколько не помогало. Забывался он лишь целиком отдавшись работе.

Он охотно заходил в дом на улице Дандар. Обе девочки Каролин полюбили его, особенно старшая. Картал однажды купил и подарил Яношу томик Ади, стихи которого он впервые услышал от Каролин. С тех пор он частенько брал книгу в руки и скоро заметил, что некоторые стихи незаметно для самого себя выучил наизусть.

Лирическое настроение Яноша не мешало ему е готовностью бороться за вновь обретенные идеалы. Улицы, являющиеся как бы полем боя, порой окрашивались кровью. После варварского убийства в Германии Розы Люксембург и Карла Либкнехта венгерская контрреволюция подняла голову.

«Тройка неразлучных» внимательно следила за развитием событий в России и Германии.

В одну из суббот из Германии пришло печальное известие о разгроме кружка спартаковцев. Буквально на следующий день на улицах столицы появились контрреволюционные группы. Они устраивали митинги, распространяли листовки, организовывали шествия под лозунгом «Долой красных!».

В эти дни «тройка неразлучных» и другие группы агитаторов усилили свою работу в массах. Однако им пришлось бы туго, если бы не поддержка и помощь рабочих, особенно заводских. Довольно часто между рабочими и полицией возникали стычки. Коммунистические агитаторы всегда были там, где стихийно собирался народ. Без внимания коммунистов не оставалось ни одно массовое выступление. Авторитет компартии рос с каждым днем.

Однажды, когда возмущенная толпа разогнала на одной из улиц контрреволюционное шествие, Балаго с удовлетворением заметил, обращаясь к Карталу:

— Вот видишь, социал-демократы из рабочих становятся на нашу сторону. Укрепляется единство народа...

— Ну какое это единство? — не согласился с ним Картал. — Своими запутанными требованиями они только многих сбивают с толку. Хорошо еще, что на крупных заводах, таких, как оружейный, завод боеприпасов, судостроительный завод в Обуде, заводы «Ганц», Шли-

ка-Никольсона и «Липтака», рабочие прочно сохраняют свои позиции. Наконец-то рабочий класс почувствовал вкус к власти. Это можно считать предвестником пролетарской революции...

Старания агитаторов не пропали даром. Сознательность рабочих росла с каждым днем.

— Я представляю, что здесь будет твориться весной! — с радостью заметил Балаго. — Разгорятся такие страсти, каких еще у нас никогда не было.

Реакционные меры, принятые министром внутренних дел Винце Надем, вызвали еще больший гнев рабочих. На собрании коммунистов в «Вигадо» стала известна судьба восьми русских делегатов, приехавших, чтобы договориться об отправке русских военнопленных на родину. Эту восьмерку по приказу Винце Надя арестовали еще в начале января. А когда советское правительство сделало соответствующий запрос, их передали Виксу, который приказал увезти делегатов в известное лишь ему место. Этот подлый случай возмутил рабочих.

Картал, который хорошо говорил по-русски, частенько бывал у русских пленных и разъяснял им политическое положение в стране.

Друзья, особенно Картал, и бурлящие будапештские улицы довольно быстро воспитали из Мароша революционера. Почти ежедневно ему приходилось сталкиваться с полицейскими, с детективами, переодетыми в гражданское, с провокаторами. В лексиконе Яноша появились такие слова, о существовании которых он еще не так давно даже не имел представления, как, например, провокатор, шпик, милитарист, клерикал, буржуй, большевик, меньшевик, националист, интернационалист, космополит, анархист, нигилист, эволюция, и многие другие. Он познакомился с основами учения Маркса, Энгельса, Ленина. Когда Янош в первый раз услышал выражение «пролетарская диктатура», он спросил: «Что это значит?»

Картал объяснил, что это означает власть рабочего класса, а также то, что у каждого трудящегося наконец появится отечество.

Только теперь до Яноша стал доходить смысл этого слова — отечество, раньше он воспринимал его как ка-

кое-то абстрактное понятие. Вот когда он по-настоящему понял слова Балаго, который бросил в лицо попу: «У меня нет родины!» И подумал: «Теперь-то у него будет родина, нужно только, чтобы победила пролетарская революция...»

В конце января всем стало ясно, что правительство Беринкеи такое же бездеятельное, как и все предыдущие. Беринкеи не сумел дать народу ни работы, ни хлеба, зато при его попустительстве полицейские Винце Надя могли творить всяческие беззакония вплоть до грабежей. Это ободрило врагов республики. На улицах столицы все чаще и чаще стали происходить стычки между рабочими и полицией. Не сегодня-завтра могла вспыхнуть гражданская война.

Коммунисты столицы стремились нейтрализовать реакционные слухи и правильно ориентировать народ в происходящих событиях. По городу прошел слух о том, что в порт Фиуме прибыло тридцать тысяч французских, английских и американских солдат, которые-де пойдут на Будапешт, чтобы очистить его от красных. В ответ на это коммунисты стали распространять сведения, что войска советской Красной Армии победоносно продвигаются в Карпатах и принесут свободу венгерскому народу. Обе стороны надеялись на благоприятный для них ход событий.

Политическая неразбериха в стране росла с каждым днем. Ловаси выступил в Национальном совете венгерских женщин и заявил этим рьяным националисткам, что «если бы Иштван Тиса был жив, то в стране давно бы был установлен порядок». По его словам, Каройи, несмотря на свое доброе побуждение, потерял не только авторитет, но даже веру в самого себя, что Антанта раскусила Каройи и теперь все держится лишь на одном твердом национальном сознании... Эти слова Ловаси по-модному разодетые дамы встретили громом аплодисментов.

Беспомощность Беринкеи пришлась по вкусу тем, кто мечтал о возвращении старых добрых порядков, существовавших при Карле Четвертом.

На площади Алмашши Бела Кун и его сторонники организовали большой митинг. Народу собралось много, несмотря на ливень. Бела Кун говорил о реакционной сущности политики немцев, которую пытаются проводить в Венгрии некоторые политические деятели.

На этом митинге Марош впервые услышал выступления словаков, румын и сербов. Радостно было сознавать, что идеи пролетарской революции понятны людям, которые говорят на разных языках.

На следующий день, в воскресенье, Мароша сильно избили.

Студенты — члены так называемого общества «Воскрешение» — устроили сборище в здании университета на проспекте Музеум и в Гойяваре. Они на чем свет поносили республику, требовали жестокой расправы над коммунистами, проведения «национальной политики», уничтожения местных якобинцев.

Кто-то выключил свет в помещении, и в темноте началась самая настоящая потасовка. Реакционеры чуть ли не до смерти избили двух матросов. Марош, вступившийся за морячков, получил сильный удар чем-то тяжелым в нос и в челюсть. На выручку «братишкам» прибыл небольшой отряд возмущенных матросов, расположившийся на всякий случай в садике возле университета. Матросы были вооружены револьверами, ручными гранатами и железными штырями...

На следующее утро на страницах газеты «Дели хирлап» об этом инциденте было написано следующее:

«Если бы студенты не струсили, не избежать бы крупного кровопролития, но они, повесив голову, смиренно удалились, пройдя сквозь строй готовых на все матросов. Но что же нас ждет, если подобное будет продолжаться и впредь? Таким путем недолго докатиться и до гражданской войны...»

Это событие явилось для Мароша, так сказать, революционным боевым крещением.

В больнице Рокуш, куда Яноша привели, хирург тщательно обследовал челюсть и нос и переломов не обнаружил. Больше чем от физической боли Марош страдал от сознания того, что оказался побежденным. До него наконец дошло, что реакционеры являются не только его идейными противниками, но и физическими, на удары которых также нужно отвечать ударами.

Через несколько дней, которые Янош был вынужден провести дома, чтобы немного оправиться от полученных травм, он снова вышел на улицу. Совершенно случайно он встретил на улице Непсинхаз перед зданием профсоюза рабочих деревообрабатывающей промышленности своего брата.

Ференц сразу же заметил сильно припухший нос Яноша и синяк на лице. Пришлось откровенно все рассказать. Ференц слушал и не узнавал своего младшего брата, из которого еще совсем недавно каждое слово нужно было вытягивать чуть ли не силой. Теперь же перед ним стоял не простой молчаливый парень, а смелый, убежденный в силе своих идей агитатор.

Взяв Яноша за руку, Ференц отвел его в сторону и возбужденно заговорил:

— Что же ты делаешь, несчастный?! Где ты живешь? Неужели ты не замечаешь, что все ругают коммунистов? На первый раз тебе еще повезло, но во второй или же в третий раз может не повезти. Вспомни Самуэли, которому в Ньиредьхазе чуть было не выбили все зубы! Если ты и дальше так жить будешь, то мигом окажешься в пропасти!

— Ничего, Фери, время покажет, кто из нас катится в пропасть и почему!

— Ты бы так не разговаривал, если бы знал то, что известно мне.

— Ну и что же тебе известно?

— А то, что твоя жизнь находится в опасности.

— А тебе это откуда известно?

— Мне известны планы Винце Надя. Более того, я знаю, кто его поддерживает. С вами быстро расправятся.

— Когда?

— Очень скоро.

— Не пугай. Я уже ничего не боюсь.

— Напрасно ты ерепенишься. Я на самом деле очень сожалею о том, что наши пути разошлись. Откровенно говоря, я даже не понимаю тебя. Чего ради тебе взбрело в голову стать коммунистическим агитатором? Но кем бы ты ни стал, ты мой брат, и я обязан заботиться о тебе. Очень тебя прошу: оставь людей, которые забили тебе голову черт знает чем.

— А что потом? Оставить их и позволить другим вбивать в меня чужие идеи?

— С меня будет довольно, если ты отойдешь от политики.

— А на это не рассчитывай.

— Тебе что, платят за это?

— Скажи, а ты на что живешь с тех пор, как стал

руководителем своего профсоюза? Тебе разве не платят? Не падает же на тебя манна небесная, а?

Ференц возмущенно махнул рукой.

— Я хочу, — продолжал он уже более спокойным тоном, — чтобы осуществилось все то хорошее, что задумано организованными работягами. А ты чего хочешь?

— Иметь свое отечество! Родину!

Брови Ференца удивленно взлетели кверху.

— Чего ты хочешь? Отечества? Родины? Ну, смотри... — Ференц ехидно рассмеялся, так как в его политическом лексиконе слова «отечество» не было. Тем более что, будучи произнесено на улице, оно прозвучало по меньшей мере смешно.

Янош знал, что некоторые слова уместны только в определенной обстановке. Ну разве можно, например, ругаться в соборе? Или молиться в корчме? Проповедовать мораль закоренелому преступнику? Поэтому он не удивился, что Ференц не понял его.

— Да ты никак тронулся, Яни?.. Приходи сегодня вечером ко мне домой или завтра. Мне нужно о многом с тобой поговорить. Только не здесь, на улице. Приходи, поговорим, и я надеюсь, что мы поймем друг друга. Ведь мы же с тобой родные братья!

— Нет никакого смысла, Фери... До тех пор пока ты принадлежишь к одному лагерю, а я — к другому, мы друг друга не поймем, хотя мы и братья... А не поймем потому, что говорим мы на разных языках...

Распрощавшись с Ференцем, Янош направился в сторону площади Кальмана Тисы, где он должен был встретиться с Карталом и Балаго.

Ференц же долго смотрел вслед уходящему брату. Ему было жаль Яноша. Он на самом деле был уверен в том, что тот катится в пропасть...

Чуть позже Янош пожалел: не следовало ему так резко отказываться от встречи со старшим братом.

17

Недовольство народа правительством Беринкеи, показавшим полную свою несостоятельность, росло с каждым днем.

— Бакунин в одной из своих работ писал о том, что, когда в ходе политической борьбы реакция берет верх,

на первый взгляд может показаться, что революционные силы перестали существовать, — заметил Картал по поводу сложившейся обстановки. — Но спустя некоторое время совершенно неожиданно и как бы исподволь революционные идеи снова прорываются, сметя со своего пути «крепости» реакции. В массах начинается энергичное движение, и вдруг оказывается, что революционные идеи, казавшиеся мертвыми, все еще живы и даже растут и крепнут. И наконец наступает момент, когда складывается благоприятная обстановка для проведения открытой агитации и общественное направление достигает своей кульминации. На поверхности появляются тысячи новых приверженцев этого движения, о существовании которых никто и не догадывался и которые притягивают к себе огромные массы людей. Подобное положение сложилось в настоящее время и в Будапеште. На борьбу поднялись не только те, кого обычно называли фанатиками, но, можно сказать, все население столицы. В такой обстановке политическое руководство должно находиться в руках людей, которые в состоянии не только сформулировать конечную цель движения, но и указать на средства, с помощью которых можно ее достичь. Такими людьми являются коммунисты...

Марош в те дни жил интересами улицы: прислушивался, наблюдал, сопереживал; поддерживал то, что считал нужным; протестовал против того, что противоречило его цели. Если бы было возможно, он охотно принимал бы участие в каждой демонстрации, в каждом митинге. Он вдруг понял, что люди, связанные общей идеей и сплоченные в коллектив, становятся настолько сильными, что в состоянии смести со своего пути любое препятствие.

По совету Картала «неразлучная тройка» время от времени распадалась, и каждый действовал самостоятельно. Делалось это с целью «прощупать» настроение масс в различных районах столицы.

Мароша поражала нищета, которую он видел в самых различных проявлениях. Улицы города были заполнены огромным количеством нищих солдат, просящих подаяния. Голодные женщины, объединившись в небольшие группы, слонялись на вокзалах, предлагая себя за кусок хлеба.

С одной из таких несчастных судьба однажды свела

и Мароша. С улицы Кирай Янош свернул на площадь Деак, словно зажатую двумя рядами домов. Здесь, казалось, и туман был гуще и холоднее, чем в других местах. Вдруг Янош услышал за своей спиной торопливый топот: кто-то догонял его. Не оглядываясь, Янош догадался: женщина.

Он не ошибся. Это была молодая женщина в стареньком сером пальто и помятой шляпке. На ногах у нее были туфельки на высоких каблуках, тоже довольно поношенные. Указательный палец проглядывал сквозь дырку перчатки. Бледное лицо неровно припудрено.

— Зачем вы догоняли меня? — спросил Янош.

— Как это зачем? — удивилась женщина. Голос у нее был чистый, но уставший.

Марошу показалось, что женщина отнюдь не была профессиональной проституткой.

— С каких пор вы этим занимаетесь? — спросил он с любопытством.

— Что вы сказали? — испуганно переспросила женщина.

— Вы такая видная... и уже начали... Неужели?..

— Ох, знаете...

Глаза женщины наполнились слезами. Марош понимал, что так искусно притворяться женщина, конечно, не могла. Видимо, здесь кроется какая-то драма.

— А почему вы выбрали меня? — спросил Янош.

— Потому, что у вас доброе лицо.

— А когда вы его рассмотрели? Вы же шли за мной?

— Я вас заметила еще тогда, когда вы стояли у витрины магазина. Правда, вы меня не видели. Вот я и подумала...

— Почему вы пошли на это?..

— Не говорите мне так, — перебила его женщина. — У меня есть муж... Из-за него, собственно, я и решилась на такое...

«Выходит, все же профессиональная, — мелькнуло в голове у Яноша. — Хитрая бестия. Какой трюк выдумала!»

— Муж очень болен, — продолжала женщина. — А он уже несколько месяцев нигде не мог найти себе работы... Я — тоже, как я только ни старалась. Квартиру нечем топить, платить за нее тоже нечем. Хозяин

грозится выбросить нас на улицу. До сих пор мы жили в долг и продали все, что можно было продать. Что же я могла еще сделать?.. Мне во что бы то ни стало нужно достать денег... — Она взмолилась: — Отведите меня куда-нибудь. — По напудренным щекам женщины катились слезы.

«Даже если она и обманывает, — подумал Марош, — то все равно это ужасно. А если не врет и на самом деле впервые решилась на такой шаг?» — Янош зашагал дальше.

Женщина пошла за ним. Так они дошли до памятника на площади Деак, построенного на пожертвования.

— Позор! — невольно вырвалось у Яноша.

— Прошу вас, не судите так строго...

Марош обернулся к женщине и полез в карман за деньгами. Он, конечно, понимал, что этим своим благородным жестом он ничего не изменит. В руке у него оказалась красненькая бумажка в пять кронь.

— Возьмите это, — проговорил он, отдавая деньги, — и попытайтесь как-то иначе выйти из своего затруднительного положения. Хочу вас предупредить, если вы встанете на этот путь, то наверняка заболеете... — И он быстро зашагал прочь от удивленной женщины.

Около полудня Марош встретился к Каройем Фертигом. Он с трудом узнал его, когда тот вылез из пролетки, запряженной парой добрых лошадей, у здания музея «Мючарнок». Он был в шубе и меховой шапке, на ногах — теплые ботинки. Фертиг тоже узнал Мароша. Расплатившись с извозчиком, он жестом подозвал его к себе.

— Старина! — воскликнул он. — Я не раз вспоминал тебя. Когда я тебя видел последний раз, ты выглядел не ахти как хорошо. Как живешь? На какие средства? Я, конечно, чепуху спрашиваю. По твоим лохмотьям все видно. — Достав сигареты, он сунул одну из них в рот Яношу и сказал: — Покури пока и подожди меня, а я посмотрю тут картинку одного художника. Один момент — и готово, но только обязательно дождись!

И он быстро вошел в здание музея.

Марош рассмотрел сигарету: она был египетской, толстой, длинной и ароматной.

«Любопытно, что сталось с этим дядей? — задумался Марош. — Ну да он сейчас сам расскажет».

Фертиг вернулся только через четверть часа. Вид у него был очень довольный.

— Знаешь, старина, есть тут неподалеку небольшой, но уютный ресторанчик на улице Медлег, — предложил он. — Приглашаю тебя пообедать.

Взяв Яноша под руку, он повел его по улице.

— Ну и паршивые же времена настали, не так ли? — продолжал Фертиг. — Однако, скажу тебе, жить все же можно, если только голову не опускать. Жизнь-то игра, а выигрывает в ней тот, кто вовремя в нее вступил.

— А что с вашей Луизою? — спросил вдруг Янош.

Однако ответ на этот вопрос Марош получил тогда, когда они уже оказались в ресторане. Фертиг разрешил швейцару снять с себя шубу. Шапку он сунул ему в руки.

Марош был удивлен: в зале было хорошо натоплено и пахло чем-то очень вкусным. Они сели. Изучив меню, Фертиг заказал обед.

— Ты спросил, что сталось с моей Луизой? Раза два я с ней встречался в начале ноября. С тех пор она живет в своем мире, я — в своем.

— Более богатом?

— И более приятном, старина. Знаешь, когда я оказался на свободе, то еще в то смутное время решил, что будет лучше, если я пойду служить в национальную гвардию. Попал я в небольшой отряд, в котором оказались толковые люди. Прошлись мы по господским дворам. Выбрал я себе одну богатую даму с виллой. Она согласилась, так как нуждалась в моей помощи. Какой именно? Об этом долго нужно рассказывать. Короче говоря, обоим нам хуже не стало. Дама, правда, старая, но уж больно сильно любит она сладенькое. Могу только сказать тебе, что у нее на вилле устраиваются любовные встречи.

— Выходит, она содержит бордель?

— Ну, ну, не так прытко! — рассмеялся Фертиг столь наивному вопросу Яноша. — Хотя это и так можно назвать. Знаешь, дружище, не перевелись еще на свете настоящие благородные дамы, которых нужда заставляет тайно ложиться в постель с богатыми господами. Дамы эти что ни на есть благородные, свое происхождение они могут доказать документально, да

и держат они себя подобающим образом... и тела у них великолепные... Одна из них моя метресса...

— Твоя метресса?

— В простонародье таких называют богатыми любовницами, но дело тут не в названии, а в качестве товара.

— Ну, и на что же ты живешь?

Фертиг ел с аппетитом.

— Я же тебе уже говорил, что жить и в наше время можно, только уметь нужно... Короче говоря, моя богатая курица, хотя она и старая, хорошо разбирается в делах. Вот она-то и ввела меня в мир деловых людей. Из национальной гвардии я ушел, хотя связей с ней не порвал, и начал заниматься торговлей. Моя метресса помогала мне. Слышал ли ты о кафе «Кварнеро»?

— Нет.

— Там действует так называемая черная биржа. Полиция знает о ней, но не вмешивается, так как получает хорошие взятки. Тот, у кого есть золото, серебро или драгоценные камни, всегда может найти там покупателя, который потом переправляет все это за границу. Их все интересует: и дорогие картины, и персидские ковры ручной работы, и шубы, и антиквариат — словом, все. Самое же главное заключается в том, что никого не интересует, где ты достал ту или иную вещь.

— И ты тоже стал таким торговцем?

— Иногда да, но чаще всего я посредничаю. Жаль только, что я не знаю иностранных языков.

— А зачем тебе их знать?

— Дело в том, что большинство покупателей — это иностранцы: англичане, американцы, французы, реже попадаются итальянцы. Есть среди них и дипломаты, аккредитованные в нашей стране. Черт знает, кого среди них только нет!

— Они вывозят ценности?

— В основном золотишко. Все они похожи на вонючих шакалов или же на грабителей трупов. Готовы обворовать все, что только можно.

Марош не мог удержаться, чтобы не спросить:

— А знаешь ли ты, Фертиг, что в то время, как мы с тобой здесь вкусно едим и пьем дорогое вино, в Будапеште голодают тысячи людей?

Они расплачиваются за то, что в четырнадцатом году кричали за войну. Так им и надо. Глупая толпа.

— Однако у толпы есть зубы. Если бы ты видел, как она атаковала редакцию газеты «Пешти хирлап» и разгромила ее только за то, что газета выступала против требований безработных. Каждый день проходят демонстрации. Как ты думаешь, чем все это кончится?

— Чем кончится? Покричат-покричат да и разойдутся по домам, а с самыми главными из горлопанов расправится начальник столичной полиции Диц. Могу тебя успокоить, дорогой, полиция господ в обиду не даст. В той компании, где я вращаюсь, всем известно, что Гембеш формирует ударные офицерские батальоны. И если ты еще ничего не слышал о патере Бангхе, то еще услышишь. С сегодняшнего дня, несмотря на протесты журналистов, газета «Дели хирлап» в его руках. Ловаси сейчас разъезжает по провинции, где создает так называемое Общество крестьян, которое явится не чем иным, как своеобразной армией для борьбы с коммунистами.

— А что ты знаешь о коммунистах?

— У нас есть организации и посильнее их. Бела Кун ломает себе голову над тем, как бы ему протащить в полицию своего человека, а именно Самуэли.

— Самуэли освободили из тюрьмы по требованию народных масс. Как мне кажется, — продолжал Марош по возможности безразличным тоном, — протест рабочих против происков реакционных газет заметно крепнет. Так, например, железнодорожники, почтовики и газетчики заявили, что они не станут молчать.

— Пусть не молчат, — засмеялся Фертиг. — Один авторитетный господин сказал мне, что русские напрасно организуют новый интернационал, у нас в стране коммунистического режима никогда не будет. Так на этом и порешим и пошлем политику ко всем чертям. А вот тебя мне от души жаль. Разыщи меня как-нибудь. По вечерам я бываю в кафе «Аббазия»... Я тебе чем-нибудь да помогу...

Прощаясь, Фертиг положил в карман Яноша крупную купюру:

— Я привык помогать своим друзьям...

Под вечер того же дня Марош пришел в корчму,

расположенную на углу проспекта Шарокшары и улицы Кен. Там уже были Картал, Балаго и несколько рабочих с оружейного завода. Когда Марош вошел, все оживленно спорили.

— У меня нет никаких возражений против коммунистов, — говорил Петер Сакач. — Мы на заводе во многом согласны с коммунистами. Напрасно нас обвиняют в том, что мы отказались от своей старой программы. Нет, мы не отказались. Однако считаем, что время для перемен еще не наступило. Что касается единства рабочего класса, то его нарушили не мы.

Картал подождал, пока Петер Сакач закончит, и спросил:

— Вы знаете Ландлера?

— Хорошо знаю.

— Так вот он официально заявил, что в вопросе нарушения единства рабочих виноваты обе стороны. По его мнению, в революционной ситуации нельзя без ущерба для дела противоречить логике революции. Я в этом с ним полностью согласен.

— Есть вопросы, — заметил Балаго, — которые требуют серьезного обсуждения, но мы сегодня собрались не для этого. До февраля осталось всего несколько дней. Вот мы и предлагаем, чтобы жильцы не вносили плату за квартиру первого числа. Необходимо решительно протестовать против самоуправства домохозяев, постоянно поднимающих цены. По-моему, это требование затрагивает интересы всех.

— Мы просим помочь нам в проведении этой акции, — сказал Картал.

Наступила тишина. Один рабочий ответил за всех:

— Это можно.

18

В день смерти поэта Ади перед зданием парламента состоялась большая демонстрация безработных, на которой выступил Бела Кун. Собравшиеся требовали установления пролетарской диктатуры, вооружения пролетариата и предоставления работы.

Днем позже Будапештский рабочий совет исключил из своих рядов коммунистов, лишив их одновременно профсоюзного членства.

Газета «Нспсава» поместила на своей первой странице воззвание о прекращении уплаты за квартиру.

В день похорон Ади гражданка Ц. А. записала в своем дневнике:

«Сейчас вечер. До наступления темноты я читала «Вереш лобого» («Красное знамя») — великолепная газета. Правда, я раньше никогда не читала ее, а этот номер прочла от начала и до конца. В каждой строчке призыв к возмущению, к революции! Много материала в номере и об Эндре Ади, большом поэте и революционере, который покинул нас в то время, когда идеи революции расцвели в сердце каждого человека, и не только у нас, а во всем мире. Поэт ушел от нас тогда, когда его идеям, быть может, суждено осуществиться...»

Площадь перед Национальным музеем чернела от собравшегося на ней народа. Гроб с телом Ади установили в вестибюле. Пробиться туда не было возможности. Картал, Каролин и Марош стояли на последней ступеньке лестницы.

— Мы прощаемся с самым крупным венгерским поэтом двадцатого столетия! — громко говорил кто-то. — Но Ади большая величина даже среди великих людей нашего века. Мы, стоящие здесь, снаружи, не слышим, что там говорят в самом здании. Но есть ли в нашей стране человек, который смог бы достойно оценить поэта? Сейчас не мы, а сама революция прощается с Ади, со своим сыном, который писал:

Вонь Вены, снясь аристократам,
И униженья, и жандармы...
Смирить нас? Нет такого бога!
Жар в жилах превратим в пожар мы.
Кой-кто еще неузнаваем,
Друг друга мы в лицо не знаем
И путаем. Но пламень мщенья
И очищенья раздуваем!

Каролин плакала. Она пыталась взять себя в руки, но ей это не удалось, слезы градом катились по ее щекам.

— Пятнадцатого марта девятьсот тринадцатого года на нашем школьном торжестве эти стихи читал другой наш поэт — Йожеф Аттила... — Проглотив слезы, она продолжала: — У меня так тяжело сейчас на сердце... Стоит мне закрыть глаза, как мне кажется, что я вижу

Аттилу. Что бы он сейчас сказал, если бы находился здесь?

Янош незаметно наблюдал за Каролин. Он видел, как ветерок шевелит ворсинки на ее меховом воротнике. Он и сам не понимал, зачем ему понадобилось это. Он отвернулся, но вскоре опять начал смотреть на воротник женщины. Задумался. «Какое мне до всего этого дело? Какое дело собравшимся до мертвого, который лежит в гробу в вестибюле? А трамваи по проспекту несутся и несутся. Почему они не останавливаются? Почему из окон не вывешены траурные флаги?» На душе было неспокойно, но Янош не понимал причин этого беспокойства.

— Хоронить мы умеем... — заметил кто-то, стоявший от него поблизости.

Наконец из здания вынесли гроб, чтобы установить его на катафалк. С ближайших деревьев, вспугнутая чем-то, словно по команде поднялась в воздух стая воробьев и с шумом перелетела на росшее в отдалении дерево.

«Сейчас бы затрезвонить во все колокола...» — подумал Марош, ища взглядом башню собора на площади Кальвина. Башня была окутана туманом.

Когда похоронная процессия тронулась по направлению к Керепешскому кладбищу, кто-то громко заметил:

— Мы хороним Ади... А вместе с ним мы хороним Венгрию...

Каролин вдруг почувствовала себя плохо. У нее закружилась голова, и она чуть не упала в обморок.

Картал проводил Каролин до дома.

Марош пошел с похоронной процессией. Невольно вспомнились слова поэта из одного его стихотворения: «Черная река течет между черных берегов...»

Катафалк, запряженный шестеркой лошадей, с трудом двигался среди людской толпы. Вслед за ним ехали экипажи, на которых везли венки, много-много венков...

Марош думал о фразе, которую он услышал, стоя на ступеньках музея: «...Мы хороним Венгрию». Кто хоронит? Какую Венгрию оплакивают сейчас? И кто?» И тут же ответил себе: «Мою Венгрию не хоронят...» А немного поразмыслив, решил: «Венгрию Ади тоже не хоронят...»

Много лет спустя, когда Марош вспоминал о событии этого печального дня, он сказал своим молодым товарищам: «Бывают люди, смерть которых помогает живущим...»

Долгие зимние дни тянулись медленно.

Казалось, что январь 1919 года никогда не кончится. Настроение у людей было отвратительное. С государственных границ поступали плохие известия. Военный министр Бем вопреки желанию министра финансов Сенде повысил пособие по безработице на девяносто процентов. Правительство выпускало огромное количество бумажных денег. На черном рынке начали ходить швейцарские франки. Женщины понапрасну простаивали часами в длиннющих очередях в магазинах и лавках. Не хватало продуктов питания, топлива. Беринкеи обещал, что осенью, после уборки нового урожая, он одним махом разрешит все эти проблемы, а до тех пор, по его словам, «нужно набраться терпения и ждать».

Бездеятельность стала раздражать Мароша.

— До каких пор мы будем оставаться на позиции наблюдателей? — спросил он однажды у Картала. — Какова судьба новой революции? Если мы и дальше будем ждать, то нас просто-напросто задушат.

— Наша партия всегда делает то, что необходимо делать... — успокоил его Картал.

Однако подобные утешения нисколько не успокаивали ни Мароша, ни Балаго. Правда, Балаго сдерживал себя, а Янош так и кипел.

— Но сколько можно выжидать! — выпалил он.

Все распоряжения из центра он встречал с восторгом и с удвоенной энергией принимался за их выполнение. Последние два указания касались организационного построения партийных ячеек. Каждый член партии был обязан привлекать на свою сторону родственников, друзей и знакомых. Все коммунисты объединялись в партийные ячейки. Партийные ячейки, как правило, формировались из десяти членов. В случае необходимости они могли действовать самостоятельно, без указаний сверху. Такая децентрализация была вызвана необходимостью: она помогала лучше скрываться от полиции.

Кроме того, было создано двести «летучих» ячеек, каждая из которых состояла из трех—пяти коммунистов. Основной задачей таких ячеек было ведение пропаганды на улицах и агитации в домах. В результате в столице почти одновременно в различных местах проводилось такое множество собраний, митингов, демонстраций, что начальник полиции Диц был не в состоянии со своими детективами как-либо помешать этому.

Ячейка, в которую входили Картал, Балаго и Марош, действовала на улицах и принимала посильное участие в формировании «десятков». С центром ячейка поддерживала связь через Картала.

— То, что мы делали до сих пор, было не простой задачей, — сказал Картал своим друзьям, — однако в ближайшем будущем нам предстоит решать еще более сложные задачи. У нас на улице появились конкуренты, число их заметно растет. Социал-демократ Прокер создает группы уличных агитаторов. Не отказались от борьбы студенты и клерикалы, которые копируют наши методы. Все стены домов обклеены листовками и призывами националистов и ирредентистов. Кажется, и они тоже поняли, что толпа идет за тем, кому принадлежит улица.

Марош купил себе блокнот и начал регулярно записывать в него все важные, на его взгляд, события. Он заметил, что люди слушают с большим вниманием тогда, когда говорится о вещах, которые в данный конкретный период больше всего их интересуют.

Вот что он записал в своем блокноте:

«Полицейские разогнали на площади Гараи демонстрацию женщин, которые ругали правительство... Один инвалид войны, доведенный до отчаяния, убил свою жену и четверых детишек, так как не мог спасти их от голода... Машины «скорой помощи» подбирают на улицах людей, которых свалил голодный обморок. Оказалось, они ничего не ели уже несколько дней... Маленькие детишки мрут кучами от голода...

В Мако жандармы открыли огонь по толпе демонстрантов, на сторону которых встали матросы... Беринкеи распустил национальные комитеты, образовав вместо них так называемые народные советы, в которые частично входят доверенные лица...

Министр внутренних дел Винце Надь вооружил в провинции офицерские группы террористов... Граф Имре

Каройи, испугавшись возможной национализации земли, распродает свои земельные владения... Причем распродает только богатым крестьянам за наличные из расчета по 1600 крон за хольд...

Все крупные банки страны субсидируют различные отрасли военной промышленности, прикрываясь при этом тем, что они-де заботятся о вооруженной охране касс и хранилищ...

Начальник столичной полиции Диц конфисковал весь тираж газет «Вереш катона» и «Интернационал»...

До каких пор мы будем терпеть и позволять чешской, румынской и сербской буржуазии угнетать наш народ с помощью своих капиталов?..»

Марош старался читать всю партийную прессу каждый день.

«Винце Надь к чему-то готовится, — подумал он, прочитав газеты. — Он и защитники буржуазии хорошо знают, что безработица подобна динамиту, который может взорваться в любой момент, хотя бикфордов шнур и находится в наших руках. Обрушатся-то они на нас».

Опасения Мароша скоро оправдались.

На рассвете 4 февраля начальник полиции Диц выслал сильный отряд на разгром редакции «Вереш уйшаг» и двух типографий, в которых эта газета печаталась. Операция проводилась тайно и нанесла коммунистам серьезный удар.

На следующий день на место злодейского акта прибыли Картал, Балаго и Марош. Зрелище было печальным. Еще не доходя до здания редакции, друзья увидели обрывки бумаги и газет.

Любопытно, что полиция примерно в одно и то же время нанесла удар по району на улице Хайо и по партийной канцелярии на улице Силади. Детективы Дица намеревались ограбить партийную кассу и прикарманить себе солидную сумму, а вместо этого они нашли всего лишь 4 кроны и 60 филлеров.

— Я же говорил! — возмущался Марош. — Они вон что выделывают, а мы сидим сложа руки.

Балаго хотя и не столь горячо, но поддержал Яноша.

В тот же день безработные устроили на площади перед парламентом массовый митинг, на котором выступил Самуэли.

Марош, присутствовавший на митинге, внимательно слушал Самуэли. Особенно ему понравилось, когда тот сказал, что народным массам не нужно ждать ни от правительства, ни от кого-нибудь другого распоряжений для выступления против сил реакции, им самим нужно подниматься на борьбу за свержение буржуазии.

— Вот это да! Это наш человек! Он сказал то, что я сам думаю! — обрадованно выкрикнул Марош. — С этого дня я буду слушать все его выступления!

Картал хотел было сказать Яношу, что один человек никогда не сможет излржить всю революционную правду: сделать это в состоянии только партия, однако, подумав, решил, что об этом следует поговорить в более подходящей обстановке. Да и Марош сейчас находился в столь возбужденном состоянии, что он вряд ли способен правильно его понять.

Разгром редакции выбил из рук коммунистов самое острое оружие... Однако уже на следующий день, несмотря ни на что, на улицах столицы появились революционные листовки, в которых компартия заклеймила действия полиции как незаконные, назвав их грабежом и разбоем, и потребовала привлечь к ответственности виновных.

По приказу Винце Надя Диц мобилизовал весь свой аппарат на поиски новой типографии коммунистов.

Картал предполагал, что эти листовки были отпечатаны в Асоде, и не без помощи коммунистов с оружейного завода, однако точно он не знал и потому не мог ничего определенного сказать Марошу и Балаго, а те решили, что, видимо, Картал либо не хочет, либо не имеет права говорить.

А у Картала, без сомнения, был какой-то надежный источник информации. Например, ему стало известно, что некоторые богатые завсегдатаи казино помогали разрабатывать контрреволюционные планы правительству Беринкеи; граф Дюла Каройи подписал секретное соглашение с начальником генерального штаба румынской королевской армии. За это он заручился обещанием, что его имение останется в целости и сохранности. Не кто иной, как Картал, разузнал, кто именно финансирует националистическое движение. Самым важным известием было то, что Винце Надь намеревается создать и подчинить себе войска силой до сорока тысяч человек, в основном из промонархистски настро-

енных офицеров. Эти факты стали известны широкой общественности и больно ударили по авторитету Винце Надя. Как министр внутренних дел ни старался, ему так и не удалось узнать имя хитрого разведчика.

6 февраля вышел первый после разгрома номер «Вереш уйшаг». Как радовался этому событию Марош! Правда, радость эта была омрачена известием о том, что правительство Беринкеи начало поставлять оружие белополякам, которые тогда воевали против Красной Армии Советской России. Этот шаг Беринкеи Балаго расценивал как его поражение.

— Нам нужно было во что бы то ни стало помешать передаче этого оружия. Необходимо было организовать саботаж на железной дороге, сорвать погрузку оружия в вагоны. Более того, нужно было сделать так, чтобы эшелон с оружием для белополяков никогда бы не отправился из Венгрии. Беринкеи подло обманул рабочих, сказав, что за это оружие Венгрия якобы получит из Польши каменный уголь. На самом же деле мы не получили не только угля, но нам даже не вернули сами вагоны.

— Ну, а Каройи? — заволновался Марош. — Разве он не участвовал в этом? Конечно, да. А мы с ним нянчимся, как с...

Картал покачал головой:

— Во всем винить Каройи было бы глупо. Никаких иллюзий по отношению к нему мы не питаем, но не следует и зря чернить его. Представим себя в его шкуре? Ведь у него попросту времени не хватит, чтобы проследить каждый шаг Беринкеи. Каройи потому и сохранил за собой портфель министра иностранных дел, чтобы иметь возможность хоть что-то сделать ради интересов мира. Он ясно себе представлял, что для нас значит иметь таких соседей, как чехословацкое государство с населением в двенадцать миллионов человек, Румыния с ее четырнадцатью миллионами и королевство сербов, хорватов и словенцев в пятнадцать миллионов. Ему доподлинно известно, что эти государства в Париже потребовали от побежденной Германии в счет погашения причиненных им убытков тридцать миллиардов долларов. Часть этой суммы, по их мнению, необходимо выплатить нам. Что же можно сделать против такого решения? Но интересы народа требуют принятия срочных мер.

Картал постоянно воспитывал Мароша, иногда не без помощи Балаго. Но порой у него в голове рождались самые немыслимые идеи. Так, например, как только он узнал о том, что какой-то господин по фамилии Ваш претендует на квартиру Эндре Ади, он потребовал вмешательства в это дело «тройки», и если жилищное ведомство само не отвергнет притязания Ваша, то последнему нужно будет показать где раки зимуют. Не понравилось ему, что ЦК запретил коллективный прием в партию.

— Пошли они к черту! — возмущался Марош. — Нас мало, и потому нам нужно множить свои ряды.

— Пойми ты, — пытался его успокоить Картал, — мы сейчас находимся в таком положении, что в первую очередь нам нужны закаленные революционеры, которые готовы пойти на все ради интересов дела. Пусть к нам приходят люди убежденные...

Однако успокоить Мароша было не так-то легко, тем более что Балаго все чаще и чаще поддерживал его.

19

Бедственное положение народа глубоко огорчало Мароша. На окраинах Будапешта, где Янош проводил агитационную работу, он увидел такую нищету, о которой даже не подозревал. Люди, ютившиеся в жалких лачугах, голодали, болели, жили в антисанитарных условиях, а самое страшное заключалось в том, что они уже ни на что не надеялись. Особенно жаль ему было детишек.

— До каких пор мы должны ждать? — не отступал он от Картала. — В конце концов нам давно пора навести порядок, совершив всенародную революцию!

— Хотел бы я послушать, — спросил Картал, — как ты представляешь себе народную революцию? Взять в руки красное знамя, выйти с ним на улицу и, размахивая им из стороны в сторону, собрать толпу людей, которые мигом пойдут за тобой, уж не так ли?

Марош сделал вид, что не заметил насмешки в словах Картала и вполне серьезно ответил:

— Именно так и следует поступить! Именно так!

Горячность Мароша не понравилась Карталу:

— Именно так! Без народных масс? Без оружия?

Уж не думаешь ли ты, что достаточно громко подрать глотку, как за тобой пойдут толпы людей?

— А разве в октябре было не то же самое? — спросил Марош. — Ты же говорил, что достаточно было тогда нескольким решительным людям возглавить тогдашние события и революция свершилась бы. Я убежден в том, что революцию можно совершить, но только этого нужно сильно хотеть. Революция «белой астры» дала нам предметный урок.

— Какой урок дала нам революция «белой астры», — сказал Картал, — мы могли убедиться собственными глазами. Она произошла стихийно. Ни Каройи, ни Гарами в ней не участвовали. В ночь, когда свершилась революция, они спали крепким сном, а когда узнали, что случилось, внутренне содрогнулись от неизбежности тех последствий, к которым она и привела. Случилось так, что исстрадавшийся народ не пожелал продолжать войну, а господа не могли его заставить воевать. «Не хочу» народа было противопоставлено «не могу» господ, что привело к революционному взрыву.

— Сейчас сложилась точно такая же ситуация, — заметил Марош.

— Не совсем так. В октябре восемнадцатого года победу одержал, если так можно сказать, инстинкт масс, и люди удовлетворились сознанием одержанной победы. Революционный инстинкт в них был подменен чувством ожидания чуда, и все они вдруг поверили, что свершившаяся революция рано или поздно успешно разрешит все их вопросы. Они верят Беринкеи, верят Гарами и все еще не теряют надежды, что Каройи удастся договориться с Клемансо и тогда условия мира будут вполне приличными. Пойми же, что стремление народных масс к миру и их вера в новое правительство отвлекает их от борьбы, затормаживает их революционные порывы. По крайней мере, пока...

— Но ведь нищета-то царит неописуемая!..

— Что правда, то правда. Но трагедия вся в том, что народ сильно уверовал, что руководство, вставшее у власти после октября, в силах удовлетворить все их требования.

— Их нужно разубедить в этом, — не отступался от своего Марош. — И не ссылайся, пожалуйста, на то, что у нас нет оружия. Оно у нас есть. И не утверждай, что у нас нет доведенных до отчаяния людей, они есть.

Я лично считаю, что успех октябрьских событий вполне может быть повторен. Я не знал, кто были эти смелые люди и сколько их было, но факт остается фактом: народные массы присоединились к ним.

— Но я уже говорил, что эти смелые люди выражали тогда настроение народных масс. А сейчас? Вот возьми выйди на улицу и закричи: «Да здравствует революция!» Как ты думаешь, что тебе на это скажут социал-демократы? А рабочие, которые поддерживают политику, проводимую Гарами, Кунфи, Гарбаи и им подобными? Сегодня эти рабочие не пойдут за тобой. А разве можно без рабочих совершить пролетарскую революцию?

— Буржуазия утверждает, что в наших руках тридцать пять тысяч единиц вооружения, — продолжал Марош. — Даже если его наполовину меньше, то и тогда это немало. Или, быть может, у нас совсем нет никакого оружия? А сто тысяч солдат, которые в настоящее время находятся в армии? Ведь добрая половина из них поддерживает нас, не так ли?

— Надеюсь, что в решающий момент к нам примкнут все сто тысяч, — ответил Картал. — Но сейчас они еще не готовы к борьбе. Они довольны уже тем, что не являются безработными и имеют крышу над головой. Это во-первых. И во-вторых. Когда реакция говорит о тридцати пяти тысячах вооруженных коммунистах, она заблуждается. Такого количества членов в нашей партии нет. Кроме того, большинство организованных рабочих, по крайней мере в настоящее время, еще верит социал-демократам.

— Мы тут умничаем, раздумываем, а время-то идет, — сердито сказал Марош. — Этак все пропустить можно.

— Из опыта прошлого я знаю, что опаздывать нам нельзя. Однако и необдуманно спешить нам тоже нельзя. Мы должны дождаться удобного момента, когда сможем с полной уверенностью сказать, что начинать нужно сейчас и ни часом позже. А такой момент, как мне кажется, наступит тогда, когда страны Антанты решат наконец нашу судьбу и когда станет очевидным, что правительство Беринкеи не способно навести в стране порядок. Оба эти условия играют очень важную роль. И, пожалуй, самое главное условие, чтобы рабочие встали на сторону коммунистов.

Картал, как профессиональный революционер, знал, что для победы революции нужны знающие, преданные люди. Поэтому так много внимания он уделял Марошу, которого считал способным агитатором.

— Вот возьми, к примеру, своего старшего брата. Все считают его честным рабочим. Он и на самом деле всем сердцем ненавидит буржуазию, однако на нашу сторону он все же не встал. А на него оглядываются другие.

— Он один, а рабочих на свете много.

— Вот ты и встречайся с ними почаще, — посоветовал Марошу Картал, — поговори с ними, поинтересуйся, какое у них мнение о вещах, о которых ты говоришь.

— И поговорю и поинтересуюсь!

— Только смотри не испугайся того, что они тебе скажут.

— Мои принципы твердые, — с уверенностью заявил Марош, — глупостей я никогда пугаться не стану.

— Порой ты слишком много говоришь, — по-дружески заметил Балаго, — однако в тебе есть боевой задор, и это мне нравится.

Картал пообещал организовать встречу с социал-демократами в какой-нибудь корчме, где можно было бы спокойно обо всем переговорить. Он не случайно решил познакомить Мароша с рабочими-социал-демократами, и делал он это отнюдь не только ради Мароша, но и ради общего дела. Пора было укреплять связи с рабочими, активизировать среди них разъяснительную работу, привлекать к борьбе.

Марош очень часто думал об Илоне. Он пытался убедить себя в том, что желает встречи с ней лишь по политическим мотивам. И боялся признаться даже самому себе, что ужасно соскучился по ней как по женщине. Днем он был занят работой, а ночью не мог заснуть от тоски. Она часто снилась ему. Мысленно он совершал героические подвиги, ради Илоны.

Будучи застенчивым от природы, Марош ни с кем не делился своими переживаниями, а Картал, целиком занятый работой, даже не догадывался о состоянии друга.

Марошу очень хотелось услышать мнение Илоны по многим политическим вопросам: считает ли она воз-

можным проведение социалистической революции? способны ли ее возглавить несколько десятков отчаянных людей? так ли уж важно участие в ней народных масс.

Однако, думая об Илоне, Марош не мог не думать об Иштване Чернуше. Воображение рисовало ему самые различные любовные картины, и от этого желание увидеть Илону сразу пропадало.

Марош решил не искать с ней встречи. Однако где-то в глубине души он все же надеялся, что рано или поздно, но такая встреча обязательно состоится.

Картал, Балаго и Марош пришли в корчму Каройя Штегера почти в одно время с оружейниками Петером Сакачем, Йожефом Няри и Имре Петри. В помещении было нетоплено, сильно накурено. Вошедшие на пороге стряхнули с себя снег, но ни пальто, ни шапок снимать не стали. Хозяин заведения принес вина в глиняных кружках.

Марош как-то встречался с Сакачем. Было это в тот самый день, когда он увидел на улице Каройя Фертига.

Сакач, судя по виду, был одного с Марошем возраста, хотя морщины, бороздящие его лицо, придавали ему несколько мрачный вид. Глубоко посаженные глаза смотрели строго. Сакач беспрестанно курил, говорил хриплым, прокуренным голосом. При первом же знакомстве с ним складывалось впечатление, что это человек, который сначала думает, а потом говорит. Одет он был в сильно поношенный костюм, который был ему немного маловат.

Йожеф Няри был старше Сакача, а Имре Петри моложе. Лица обоих, казалось, были пропитаны пóтом, заводским маслом и дымом.

Марош без особого доверия смотрел на них.

Картал довольно искусно и быстро перешел к сути дела. Умело формулируя, он засыпал Сакача такими вопросами, отвечая на которые тот обязательно изложил бы свою точку зрения по самым важным позициям. Говорил в основном Сакач, а его товарищи лишь изредка поддакивали ему.

Некоторое время обе стороны как бы прощупывали своих собеседников, стараясь получше уяснить, какую же позицию те занимают по тому или иному вопросу.

Очень скоро стало ясно, что Сакач является рьяным защитником идей, которые излагаются на страницах газеты «Непсава».

Марош горячился, отстаивая свои взгляды. Балаго поддерживал его, но делал это тактично, стараясь вести разговор так, чтобы он не перешел из спокойного обмена мнениями в словесную драчку.

Мароша злило спокойствие Сакача, его убежденность и то, что тот во многом не соглашался с ним.

Наконец, потеряв самообладание, Марош выпалил:

— Скажите прямо, желаете вы проведения пролетарской революции или не желаете?!

— А почему, собственно, я должен желать этого? — вопросом на вопрос ответил Сакач.

— А разве вы не видите, как с каждым днем наглеют и набирают силы враги республики, и контрреволюция готова совершить свое черное дело?

— Ну и что?

— И вас это нисколько не беспокоит? — И, посмотрев на Няри и Петри, добавил: — И вас тоже?

— А зачем беспокоиться? — ответил Сакач за всех троих. — Мы очень хорошо знаем, что у нас есть контрреволюционеры, более того, знаем даже о том, какие планы они вынашивают. Однако с тех пор, как социал-демократ Бем стал военным министром, нам нечего, собственно говоря, опасаться. В настоящее время по приказу Бема проводятся обыски квартир всех подозрительных.

— Делать-то он это делает, товарищи, — заметил Балаго, — вот только неизвестно, дает ли это нужные результаты. Как мне кажется, эта акция Бема никакой пользы не дает. Не сердитесь на меня, но у меня лично сложилось такое мнение, что Бем стреляет из пушки по воробьям.

— Вы говорите о том, что требует доказательства, — перебил его Сакач, пожав плечами.

— А чего тут доказывать, — не выдержал Марош, стукнув кулаком по столу, — разве и так не ясно, что наши капиталисты встали, так сказать, на американский путь. Неужели вам неизвестно, что две трети рабочих не имеют сейчас работы, а на пособие по безработице долго не протянешь? А разве не факт, что сейчас у власти находятся такие представители буржуазии, за которыми стоит совсем небольшое число рабо-

чих? Так, спрашивается, по какому же такому праву они решаются вмешиваться в дела и жизнь народных масс?

— Ну, а у вас, коммунистов, есть поддержка народных масс? У вас даже хорошо разветвленной партийной сети по всей стране нет. Правда, ваши товарищи появляются в социал-демократических организациях, но редко. Вот я и спрашиваю, на каком основании вы отваживаетесь говорить от лица народных масс и выставлять свои требования тоже от их лица?..

— Мы являемся представителями организации, борющейся за справедливость, а поскольку это так, то иначе и быть не может: меньшинство является выразителем воли большинства.

— Не сердитесь, но мне этого уже не понять, — засмеялся Сакач. — Для меня это какая-то бессмыслица. По моему мнению, большинство — это большинство, а меньшинство — это меньшинство. По логике вещей всегда торжествует воля большинства.

— Уж не означает ли это, — задыхаясь от охватившей его злости, сказал Марош, — что если мы, коммунисты, начнем революцию, то вы выступите против нас?

— Да, — прозвучал ответ.

— И станете в нас стрелять?

— И станем.

— Точно так же, как это сделали социал-демократы Носке в Германии?

Сакач встал из-за стола и спокойным голосом произнес:

— Поймите же вы наконец, что все мы верим своей партии. Мы демократы и подчиняемся решениям, принятым на партийных собраниях. Если наша партия примет решение поддержать вас, мы выполним его.

— Никакие вы не демократы, — неистовствовал Марош, — вы марионетки, которые целиком и полностью пляшут под дудочку своих руководителей.

На это Сакач возражать не стал, а лишь спросил у Петри и Няри, согласны ли те с его мнением. Оба подтвердили свое согласие.

По дороге домой Картал сказал Марошу:

— Вот мы и получили хороший урок...

— Всю эту банду нужно уничтожить! — с гневом ругался Марош. — Я их всех ненавижу!

— Ненавидеть надо буржуев, — задумчиво произнес Картал, — а ненавидеть своих братьев по классу, таких же, как мы сами, рабочих, нам не следует. Уничтожать нужно буржуев, а таких людей, как Сакач и ему подобные, нужно завоевывать на свою сторону... Правда, должен признаться, что задача эта очень тяжелая, однако другого пути у нас нет.

20

Вечером 9 февраля 1919 года Картал получил исчерпывающую информацию о чрезвычайном съезде социал-демократической партии и решениях, которые были на нем приняты. Марош же узнал об этом лишь 11 февраля, во вторник, из газеты «Непсава». Познакомившись с решениями этого «парламента», как сами себя высокомерно называли социал-демократы, Марош понял, что когда Петер Сакач беседовал с ними в корчме, то говорил он отнюдь не от своего имени и, следовательно, против коммунистов выступал тоже не по своей инициативе.

— Велтнер одержал победу! — с горечью выкрикнул Марош. — Они проголосовали за все решения, направленные против коммунистов. Что теперь можно поделать против этого одними красивыми речами? Они уже не действуют на людей. Нам нужно взять в руки оружие и направить его в грудь каждого реакционера, как это сделали рабочие Сегеда. Медлить нельзя.

Все трое очень переживали случившееся.

— Если внимательно проанализировать то, что произошло на этом съезде, — заговорил Картал, — то нам ни в коем случае не следует вешать носа. Напротив. Иногда поражение в каком-то определенном периоде давало новый импульс революционному движению. Велтнер на съезде потребовал, чтобы из социал-демократических рядов изгнали всех коммунистов, и социал-демократические бонзы именно так и сделают.

— Так-то оно так, — вступил в разговор Марош, — но Велтнер намерен выбросить нас и из профсоюзов, а если это случится с кем, то тот уже ни в коем случае не получит даже пособия по безработице. Этого нельзя допускать.

— Разумеется, нельзя. Но то, что Велтнер может сделать внутри партии, он не может сделать в профсою-

зах, где среди руководства много коммунистов, которые не дадут Велтнеру творить пакости. Кроме того, рабочие целого ряда отраслевых профсоюзов заявили, что каждый из них вправе вступать в ту партию, какая ему нравится. Так, например, заявили металлисты, профсоюз у которых самый сильный и влиятельный.

— Выходит, нам придется смириться с тем, что съезд социал-демократов проголосовал против нас и в ущерб нам, да?

— Ты лучше еще раз прочти «Непсаву» и обрати внимание, что на этом съезде присутствовало немало делегатов, которые были не согласны с Велтнером. Так, например, Казимир, представитель из Сабольча, говорил, что в настоящее время завоевания революции находятся в опасности, так как тамошний правительственный представитель организует нечто контрреволюционное. Шандор Надь от имени железнодорожников заявил, что социалисты могут находиться в правительстве до тех пор, пока оно остается честным революционным правительством. Ландлер доказал, что контрреволюционные элементы подняли голову не только в Сабольче, но и в Фехерваре, Дьендьеше и Шомоде, а затем сказал то, что наверняка пришлось не по вкусу Велтнеру: «Если мы хотим сокрушить контрреволюцию, тогда нам необходимо действовать более энергично, и не только говорить и принимать различные решения, а действовать». Ландлер из числа думающих социал-демократов, и нам ничего не оставалось, как поддержать его предложение: «Если само наше правительство не в силах справиться с контрреволюцией, тогда всю власть должно взять в свои руки правительство, которое целиком состоит из социал-демократов». Погани, выражая мнение военного совета, заявил: «Факт остается фактом, что войска Советского правительства успешно продвигаются вперед. Нельзя идти на поводу у политики Шейдемана...»

— Ну, а чем же будет хорошо правительство, состоящее из одних социал-демократов? — поинтересовался Балаго.

Картал улыбнулся:

— Постарайся сам ответить на свой вопрос. Только сначала хорошенько подумай о том, в состоянии ли будет такое социал-демократическое правительство решить все проблемы, которые не может решить нынеш-

нее коалиционное правительство? Вряд ли. А если это не удастся, тогда будет нанесен смертельный удар по всем иллюзиям, от которых до сих пор все еще никак не может освободиться значительная часть организованного рабочего класса. Мы не должны забывать и о том, что Велтнер в основном нападает не на идеи коммунизма. Он хитро заявил, что восхищается русскими коммунистами. Следовательно, он не согласен лишь с венгерскими коммунистами, потому что осуждает их методы и считает несвоевременным взятие власти в свои руки. И Дятраи доказывал, что до тех пор, пока рабочий класс развитых промышленных стран не провозгласит у себя социализм, нам о нем и говорить-то не следует. А не будут ли маневры Велтнера способствовать тому, что в кругу членов партии станут в конце концов популярными наши лозунги, коммунистов? — Бросив взгляд на Мароша, он продолжал: — На основании всего этого мы с полным правом можем предполагать, что время работает на нас... Однако это вовсе не значит, что мы все можем возложить на время. Нам теперь совершенно ясно, как мы должны действовать. Нам необходимо нанести удар по реформаторскому руководству социал-демократической партии, однако ни в коем случае не нападать на профсоюзы. Мы ни на минуту не должны забывать о том, что сегодняшний «розовый» рабочий, если так можно выразиться, завтра может стать красным...

Марош порой считал Картала слишком суровым и скрытным человеком, который всего себя целиком подчинил интересам революции (этого он требовал и от других), и потому в сердце у него не осталось места для чувств...

Однако в середине февраля Марош получил возможность убедиться в обратном...

Внезапно умерла Рита, дочка Каролин.

Умерла она от скарлатины, а было ей всего четыре годика. Как только Рита заболела, Картал чем только мог помогал Каролин. Он лично не раз разговаривал с врачом, приглашал на дом учителя, взял на себя все расходы. А откуда у него, спрашивается, могли быть доходы и какие? Эту загадку Марош так никогда и не смог разгадать. Просто он поверил в то, что если человек чего-либо очень захочет, то обязательно добьется своего. А если это желание вызвано любовью или чув-

ством глубокого гуманизма, то тогда этот человек вообще непобедим.

Каролин ни жива ни мертва стояла возле неподвижного тельца дочки. Карталу, когда он был в России, приходилось не раз видеть скорбящих женщин, к горю которых он никогда не оставался безразличным. И хотя ему пришлось видеть немало всевозможных ужасов, страдания и горе чужих людей не оставляли его безучастным. Однажды он видел мать, которая хоронила своего десятилетнего сына. Женщина сидела на санках, держа на руках мальчика, закутанного в большой платок. Одна ее рука лежала на голове мальчика. Можно было подумать, что она гладит его. Санки везли двое детишек постарше: мальчик и девочка. Эту страшную картину Картал не раз видел во сне.

Каролин чем-то напоминала ему ту русскую женщину.

Лицо ее было бледно как полотно. Она смотрела на Риту, но у Картала было такое чувство, что она ничего не видит. Каролин не шевелилась, порой казалось, что она парализована. Она даже не плакала. На неподвижном лице не отражалось никаких чувств.

Увидев Каролин, Марош остолбенел. «Жива ли эта несчастная женщина? — подумал он. — Она выглядит нисколько не лучше, чем ее умершая дочь...»

Рита лежала в небольшом гробу, обитом голубой тканью, который стоял посреди комнаты на столе. Волосы ее были тщательно причесаны и украшены красным бантом. Разумеется, все это сделала не Каролин, а кто-то другой. На белом муслиновом платьице, в которое ее одели, ни единой морщины. В безжизненной руке девочки фотография отца. Фотографию со стены сняла Каролин и вложила ее в руку дочке.

Когда агенты похоронной фирмы заколачивали гробик, присутствовавшие в комнате старухи соседки громко запричитали. Каролин стояла напротив открытой двери и неподвижным взглядом смотрела, как навсегда уносили ее сокровище. Девочка незримо еще оставалась в этой квартире; здесь все напоминало о ней: как она смотрела в окошко, как входила или выходила из комнаты, как садилась на маленький стульчик, как спала в кроватке; вот книжки с картинками, которые она рассматривала; в маленьком шкафчике остались ее вещи, и еще что-то такое, что не имело названия... Воз-

можно, улыбка девочки, которая озаряла здесь все... Ее звонкий смех, который можно было сравнить с нежным звуком скрипки, извлекаемым умелой рукой музыканта... Нет и не может быть более печального момента, чем тот, когда кто-то навсегда покидает этот мир...

Картал сильной рукой держал Каролин за талию, не чувствуя ее веса.

Марош молча смотрел на бледное лицо Каролин и темную физиономию Картала с опущенными усами.

Возможно, в этот момент Марош по-настоящему полюбил Картала.

После похорон Картал остался у Каролин. На следующий день Марош навестил их. В комнате была Тильда, старшая дочь Каролин, которая вчера находилась у соседей.

Каролин сидела в кресле, сложив руки на коленях и опустив голову на грудь. Картал подошел к ней и остановился рядом. Бедная женщина тяжело и прерывисто дышала. Марошу казалось, что жизнь в ней еле теплилась...

В комнате воцарилась тишина.

Тильда время от времени смотрела на мать, словно хотела ее о чем-то спросить, но ничего не спросила. Затем она подошла к Марошу, который сел к столу. Взяв его за руку, девочка зашептала ему на ухо:

— Знаешь, что говорила Рита в последний раз?

— Что?

— Она говорила: «Папа... папа...». А я тогда сразу же заплакала.

— Почему?

— Не знаю...

Марош представил себе эту картину: малышка задыхается и в последний момент вспоминает о своем отце, которого она и не видела ни разу...

Народного учителя Арпада Толди забрали из этой квартиры в 1914 году и послали на бойню. Лето в том году было жарким. По улицам ходили толпы людей и что-то кричали. Многие из них были пьяны. В их нищенской жизни намечались изменения, которые обещали им что-то такое, что могло спасти их от заводской гари и копоти, от грязных стен мастерских, освободить от серых, все убивающих будней... Толпа бездумно танцевала на улицах и дико кричала: «Да здравствует война!» Затем на фронт пошли эшелоны с солда-

тами-новобранцами. Повсюду цветы, все поют, пьют вино...

Народный учитель Арпад Толди уже никогда больше не будет учить детей... Вихрь кровавой европейской бойни выдернул его из жилища на тихой красивой улочке Дандар и из желтых стен старой школы на улице Мештер... Выдернул и забросил в чужие земли, над которыми дули не только холодные осенние ветры, но и проносился скорбный людской плач...

Марош не верил в приметы и мистические истории, однако сейчас в голове у него появились странные мысли: а вдруг отец, который никогда не видел своего ребенка, вернется, а ребенка уже нет в живых...

За эти несколько часов Марош, казалось, постарел сразу на несколько лет.

Он сочувствовал горю Каролин и ненавидел все войны. Прошло четыре военных года. Сколько людей унесли они, сколько семей сделали несчастными! И, спрашивается, ради чего? Кто ответит за гибель миллионов людей, за разрушения и грабеж? Можно ли было все это предотвратить? В этот момент Марош понял, что самым безжалостным ударом из числа тех, что обрушиваются на человечество, является война.

— Когда Рита вдруг затихла, мама заплакала,— снова зашептала Тильда.— Я очень испугалась, убежала в угол и оттуда смотрела, что же будет дальше... Я правда очень испугалась...

— Ну, и что же было дальше?

— Мама долго целовала Риту, но уже не плакала, а... Знаешь, что она делала? Она подошла к стене, сняла папину фотографию и положила ее Рите на грудь... Знаешь, на самое сердце... А я...

— Ну и? Ты что-то сделала?

— Да.

— Что же?

Взяв Мароша за руку, девочка подвела его к простенку между двумя окнами, где раньше висело четыре фотографии в металлических рамках, теперь одной не было, а один снимок был повернут к стене.

— Папиной фотографии здесь нет,— по возможности спокойным тоном произнесла девочка.— А это карточка Риты, я повернула ее лицом к стене.

— А зачем ты это сделала? — удивленно спросил Марош.

— Такой обычай, — тоном взрослой пояснила Тильда. — Если кто умер, то его карточку поворачивают лицом к стене, а лицом в комнату ее можно повернуть только тогда, когда кончится срок траура... — В голосе ее послышались менторские нотки.—Знаешь, ровно через год вокруг стола соберется вся наша семья, зажжем свечи, поплачем, а самый старый из нас скажет: «Она вернулась... Теперь все мы снова вместе...»

Марош был потрясен до глубины души.

— Ох... что ты говоришь? Разве такое возможно?..

— Да.

— А ты откуда знаешь?

— Мне об этом тетушка Кесеги говорила. Она сама все так делала, когда умер дядюшка Кесеги... А еще она сказала, что по-настоящему умирают только те, кого после траура никто не вспоминает... Для кого не зажигают свечей... Чью фотографию не поворачивают от стены...

В этот момент Марош вспомнил своих стариков родителей: отца и мать. Их фотографии никто никогда не переворачивал, так как таковых просто не имелось. Никто не зажигал после их смерти свечей, никто не устраивал по ним траура. По ним просто поплакали в день похорон, жизнь со своими нелегкими заботами навалилась на оставшихся в живых членов семьи, которым было некогда предаваться траурным мыслям. Лишь иногда, можно сказать случайно, о стариках вспоминали: «Интересно, что бы на это сказала мама, будь она жива?..» или «Что бы по этому поводу сказал отец, если бы он не умер?»

— А знаешь, что мне еще сказала тетушка Кесеги? — спокойно продолжала Тильда.

— Что?

— Она сказала, что мне теперь никогда нельзя брать в руки игрушки, которыми играла Рита.

— А она объяснила почему?

— Она сказала, что если я только дотронусь до ее игрушек, то Рита сразу же заплачет...

— Где?

— Где она находится... Где-то же она есть... Может, она вместе с папой... Я не хочу, чтобы Рита плакала, а то папа опечалится... Ох... — Тильда погладила рукой то место на стене, где висела фотография учителя Ар-

пада Толди, и заплакала: — Как же нам плохо будет без них!..

И тут оказалось, что Каролин все слышала. Она вскочила со своего места и, подбежав к дочке, упала перед ней на колени, обняла за талию и горько зарыдала.

Сердце Мароша дрогнуло. Он полюбил Каролин с того момента, как впервые увидел ее. Полюбил ее так, как человек может полюбить любимую картину, мелодию или сон, которому не суждено никогда сбыться. В лице Каролин он полюбил тот другой мир, который так был не похож на мир улицы Коппань. Он полюбил в ней женщину, которая похожа на героиню из сказки, которая самим своим существованием как бы возвещает о красоте жизни...

Марош и не подозревал, что сам с помощью своего воображения поместил Каролин в мир, которого не существовало на самом деле, да и не могло существовать. С ним произошло чудо, которое происходит с каждым, кто научился мечтать о красивом...

«А как же Илона?»

Марош ловил себя на том, что временами образ Каролин как бы сливался в его воображении с образом Илоны, как будто обе они были единым существом и обе недоступны для него. Обе крепко запали в его сердце и жили в нем, чистые и возвышенные...

Он смотрел то на Каролин, то на Картала... И вдруг понял, как дороги ему эти два человека.

К Карталу он испытывал чувство необычайной нежности и преданности, ради него готов был на все.

«Какие замечательные люди живут на свете», — подумал Марош.

21

Миклош Добош назначил Карталу свидание на улице Хатар, где сходились маршруты двух трамваев: «30» и «32». Было это вечером, в начале девятого. Под ногами хрустел снег, безоблачное небо было усеяно звездами. Добош отметил про себя, что Картал пришел на встречу в точно назначенное время.

— Я люблю точных людей, — сказал Добош, поздоровавшись.

— Я тоже.

Оба огляделись: ни на улице Губачи, ни на улице Хатар не было видно ни души.

— Здесь в это время уже спят, — заметил Добош. — Полуголодные люди в холодной квартире пораньше ложатся спать.

— В Пеште можно видеть ту же самую картину...

— Знаю... пошли...

Они пошли по улице Губачи по направлению к Пешту, время от времени поглядывая по сторонам, однако ничего подозрительного не заметили. Осторожность Миклоша понравилась Карталу.

— Очень хорошо, что ты сам посмотришь местность, — сказал Добош. — Сможешь убедиться, все ли мы предусмотрели в своем плане, а если что не так, так скажешь.

Метрах в двухстах пятидесяти от того места, где трамвайная линия раздваивалась, ее пересекали железнодорожные пути. Слева возвышался холм, на котором еще в октябре вырубили все тутовые деревья. Каждый раз, когда Добош попадал сюда, он жалел вырубленные деревья: под ними всегда паслись голодные детишки.

— Этот холм удобно расположен. — Добош протянул руку в сторону домов. — Он прикрывает со стороны улицы Хатар южные ворота оружейного завода, а со стороны проспекта Шарокшары лежащую внизу местность. Если железнодорожный состав выйдет с заводской территории, то вот в этом месте преспокойно можно отцепить от него несколько вагонов, даже белым днем.

— Я все понял, — сказал Картал.

— К нашему счастью, эшелоны с завода выходят, как правило, с наступлением темноты, хотя каждому дураку и без того ясно, что именно вывозят с завода.

— Для нас это в любом случае выгодно, — согласился с ним Картал.

Добош закурил сигарету. При свете зажженной спички Картал успел заметить усталое небритое лицо.

— Ну, что скажешь относительно выбранного места? — поинтересовался Добош. — Есть возражения? Положительное в этом варианте то, что со стороны улицы Губачи к отцепленным вагонам вплотную можно подогнать грузовики, так что на перегрузку уйдет совсем мало времени. Отрицательное — могут заметить со

стороны завода, и тогда...— Немного помолчав, он продолжал: — Продумано все неплохо. Железнодорожник (это будет наш человек) встанет возле трамвайной линии и остановит железнодорожный состав, а за это время мы преспокойно успеем отцепить несколько вагонов. Подчеркиваю, что всю операцию следует лучше всего проводить вечером, а если будет туман, то лучшего и желать не следует. Лишь бы только небо не было таким ясным, как сегодня. Есть и второй вариант.

Добош повел Картала вдоль железнодорожного полотна до обитых железом ворот оружейного завода. Справа и слева от ворот чернела высокая кирпичная стена. Вдоль стены пролегла узкая тропка, соединяющая улицу Губачи с проспектом Шарокшары. Идти по этой тропке было небезопасно: оставались следы.

— А теперь пошли обратно, — предложил Добош. — Пойдем по путям, которые ведут на сортировочную станцию Ференцвароша. За трамвайными путями, по правую руку, тянется склон холма. Почва там песчаная: на грузовике никак не проехать. По левую же руку возвышается полукруглая песчаная насыпь метров в тридцать высотой, которая является своеобразным защитным валом на случай, если в погребах вдруг начнут рваться боеприпасы. Правда, в конце октября их уже подрывали какие-то люди, которых до сих пор так и не нашли. Место для перегрузки, конечно, неудобное, а вот остановить паровоз здесь, пожалуй, лучше всего.

Оба быстро шагали вдоль линии, стараясь наступать на шпалы, засыпанные снегом. Свернув налево, они обошли казарму Ландона, занимавшую большую территорию. До войны рядом с ней размещалась площадка, на которой сжигали пришедшие в полную негодность повозки. Она и сейчас так была захламлена, что подъехать к оружейному заводу с этой стороны на грузовиках было просто невозможно.

Когда они подошли к первому дому на улице Везер, Добош остановился:

— Вот там, в конце сортировочной «горки», находится очень подходящее для нас место, здесь, как мне кажется, мы можем не ждать неприятных сюрпризов ни со стороны завода, ни со стороны казармы. Правда, от улицы Хатар нашим грузовикам придется метров двести проехать по полю, но зато с этой стороны они хо-

рошо прикрыты самой сортировочной «горкой». Если операция удастся, — продолжал Добош, — и мы выедем на дорогу, тогда можно будет считать, что успех обеспечен.

Картал внимательно осмотрел местность. Если бы была возможность, он бы набросал для себя схему.

— Ну какой вариант тебя больше устраивает? — спросил у него Добош.

— Мне еще подумать нужно.

— Хорошо, думай, а теперь пойдем ко мне домой. Я живу здесь неподалеку. Там нас ждет Золтан Дьюркович. С ним тебе в любом случае нужно будет поговорить.

— Пошли, — согласился Картал, — а то и ноги у меня уже мерзнуть стали. — Улыбнувшись, он добавил: — Хотя что это за холод по сравнению с тем, какой нам пришлось пережить на берегу Днепра.

Вскоре они подошли к небольшому домику с односкатной крышей и узким садиком. В домике была одна комната да кухня. В кухне было очень тепло и парко: висело выстиранное детское белье. За столом сидели жена Добоша и Дьюркович, друг хозяина дома.

Картал поздоровался. Хозяйка ответила на его приветствие и тут же куда-то удалилась. Она уже привыкла к подобным неожиданным визитам и всегда уходила, чтобы не мешать мужчинам разговаривать о своих делах.

— Мы обошли весь район, — начал Добош, сразу же направляя разговор в деловое русло. — Однако пока что еще не решили, в каком именно месте следует отцепить вагоны и где выгрузить оружие. У тебя лично какое мнение?

— Я бы выбрал район возле сортировочной «горки», — решительно произнес Дьюркович. — Место там глухое, люди не ходят и на грузовиках нетрудно будет подъехать. — Он посмотрел на Картала и спросил. — А сколько машин вы сможете прислать?

— Четыре десятитонных грузовика... Нам их дают коммунисты с авиационного завода в Альбертфалве...

— Четыре десятитонки... — вслух повторил Дьюркович... Гм... На них самое большее можно увезти лишь содержимое двух вагонов. — Немного поразмыслив, он неожиданно спросил: — В Альбертфалву весь груз уйдет?

— Подальше.

— Понятно.

Помолчав, Дьюркович вслух начал рассуждать:

— В таком случае придется сделать две ездки, не меньше, это значит, что вагоны довольно долго будут стоять на том месте, где мы их отцепим, а это уже рискованно. Кто-нибудь из железнодорожников может заметить недостачу вагонов и поднять шум.

— Все равно... — Добош покачал головой. — Без риска вообще ничего нельзя сделать... Нужно решиться...

— Я не против остановить свой выбор на районе возле сортировочной «горки», — сказал Картал. — Но хорошо ли все подготовлено?

— Подготовлено, и, разумеется, хорошо, — ответил Дьюркович. — Как нам кажется, мы вроде бы все продумали... — И он начал перечислять: — Во-первых, операцию проводим в субботу, пятнадцатого, а до этого в нашем распоряжении два дня. Во-вторых, в этот день в заводской охране будут стоять только наши люди. Мы откроем ворота, мы же их закроем, наши же люди будут сопровождать эшелон. Один из наших людей будет находиться на паровозе возле машиниста. В-третьих правда, мы не можем быть уверены на все сто процентов, — что машинист и кочегар будут с нами заодно, но, как я уже сказал, с ними будет наш товарищ. Насколько мне известно настроение железнодорожников, с паровозным машинистом никаких недоразумений не будет. В-четвертых, никакие неожиданности нам не грозят, так как все вроде бы предусмотрено. В-пятых, белополяки, для которых предназначено оружие, получат его на два вагона меньше, а у нас его станет больше.

Дьюркович как-то по-хорошему рассмеялся, а затем, зажав пальцы правой руки в кулаке левой, стал вдруг серьезным:

— Плохо только одно...

— Что именно?

— А то, что в ближайшее время нам уже не удастся повторить этот трюк еще раз. Придется искать возможности, чтобы в пути «пощипать» эти вагоны... — Взяв Картала за руку, он крепко сжал ее и продолжал: — Видите ли, товарищ, а не приходила ли вам в голову такая мысль: эшелон с оружием прибывает на

какую-нибудь захудалую станцию, где какой-то неизвестный отцепляет от паровоза все вагоны, груженные оружием?

Отпустив руку Картала, он протянул ему старую, затертую жестяную коробочку, в которой он держал сигареты, выдаваемые оружейникам по карточкам. Оба курили сосредоточенно, часто затягиваясь.

— Вы, безусловно, правы, — сказал Картал, обращаясь к Дьюрковичу, — мы должны стремиться к проведению крупных операций.

— Но их нужно как следует организовать... А это мы умеем... — И тут же поправился: — Вернее, это мы должны уметь делать, так как, собственно говоря, успех будет зависеть исключительно от этого. — Дьюркович, считая, что они договорились о деле, перевел разговор на другое: — Знаете, как-то на днях мы задали правительственному уполномоченному вопрос о том, правда ли, что мы получим от поляков за посланное им оружие каменный уголь. Он поклялся, что якобы обязательно получим. Более того, он еще утверждал, что от украинцев якобы мы за оружие можем получить нефть. Только непонятно было, о каких таких украинцах он говорил.

— Разумеется, о тех, что настроены в контрреволюционном духе, — сказал Картал. — О каких же еще могла быть речь?

— И Беринкеи это известно?

— Все до мельчайшей подробности. Он и Гарами подняли шум из-за того, что-де контрреволюция натолкнулась на сопротивление. На самом же деле Беринкеи — самый опасный контрреволюционер. Он поддерживает польских и украинских националистов и не принимает никаких мер против происков румынской и чешской буржуазии. Его истинное политическое лицо проявилось в том, что он не принял отставки ни Винце Надя, ни Барны Буза, а ведь прекрасно понимает, что, пока эти господа сидят на своих местах, пролетариату не приходится ждать ничего хорошего. Он не только не принимает никаких мер, запрещающих контрреволюционные выступления, но и впредь не собирается этого делать. Напротив, он в самое ближайшее время намерен обесценить денежный курс, что прежде всего ударит по трудящемуся люду... В условиях строгой секретности правительство ведет переговоры с крупными банками. Бан-

ковские магнаты обещают Беринкеи большой заем, если он уничтожит коммунистов...

— И Беринкеи к этому готовится? — спросил Добош.

Картал согласно кивнул, а Дьюркович задал новый вопрос:

— А разве нельзя сделать так, чтобы эта свинья потерпела поражение, чтобы народ проголосовал против него? Как вы думаете, почему Беринкеи всячески оттягивает время проведения выборов?

— Боится, вот и оттягивает, — ответил Картал. — Он хорошо знает, что не наберет нужного количества голосов. Председатель Национального совета Хок говорил как-то, что выборы можно будет провести только тогда, когда на мирной конференции будет решен вопрос о границах Венгрии. Между тем он замечает: «Если же мы не проведем выборы на территории, которая в настоящее время оккупирована неприятелем, запретившим всякие выборы, может создаться впечатление, что мы по собственной воле отказались от этой территории». Эти господа и на самом деле боятся, что другие страны выступят против нас. То, что Беринкеи и его соратники вытворяют с нашими государственными границами, — настоящее преступление. Так, например, двенадцатого февраля, после так называемых внутренних трений, они отказались от оккупации Пожони, хотя повод для этого и был. После этого они отказались от Чаллокеза. Не удивляюсь, что Штромфельд и полковник Уйвари в знак протеста ушли со своих постов. — Голос его стал тверже: — В таком положении дело можно исправить только с помощью вооруженного восстания... и пролетарской революции...

На лицах Добоша и Дьюрковича появилось выражение удовлетворения.

— Вот почему мы и должны во что бы то ни стало достать оружие... И как можно больше... Ради этого можно идти на любой риск...

— Правильно, — согласился Добош.

— Пора приступить к конкретной подготовке, — подчеркнул Дьюркович...

Картал вечером того же дня, а вернее, ночью сообщил Балаго и Марошу о разработанном плане по захвату оружия.

— Эту операцию, — сказал он, — следует рассматривать как подготовку к вооруженному восстанию и про-

вести ее следует как можно скорее. У нашего партийного руководства сложилось мнение, что начать восстание нужно в ближайшее время. Для этого есть две причины: одна из них, так сказать, внутриполитическая, а другая внешнеполитическая. Во-первых, Беринкеи готовится рассчитаться с нами самым жестоким образом. И, во-вторых, буржуазия враждебных нам стран намерена оккупировать оставшуюся территорию нашей страны. По вполне достоверным источникам, которыми мы располагаем, Антанту сегодня уже не устраивает даже социал-демократическое венгерское правительство. Клемансо даже Гарами считает слишком левым... Представьте себе только... Да и нужно ли объяснять, что произойдет, если чешская, румынская и хорватская буржуазия добьются оккупации всей страны?

— А как можно этому помешать? — засомневался Балаго. — Настоящей армии у нас нет, об этом мы уже сотни раз говорили, а в ее жалком подобии у офицеров нет никакого авторитета. Они не в силах в рамках, так сказать, демократии навести в подразделениях и частях твердый воинский порядок. Рядовые не подчиняются своим командирам, службу несут плохо. В день получения денежного содержания они напиваются до чертиков, безобразничают. Более того, бывают случаи, когда они открывают стрельбу друг по другу. Солдаты начисто отвергают муштру, которая царила в армии до этого... Вот я и спрашиваю: что же тут можно поделать?

— Со временем мы создадим революционную армию! — с жаром выпалил Марош. — И я лично уверен, что это возможно...

— Разумеется, возможно, — перебил его Картал. — Те же самые солдаты, что настроены по-революционному, громят редакции реакционных газет, таких, как «Уй лап», «Нейе пост» и «Алкотмань», горят нетерпением поскорее установить настоящий порядок в стране...

— Значит, мы все же в конце концов начнем действовать! — воскликнул Марош.

— Спокойно, Янош, спокойно, — остановил его Балаго. — Своими топорами мы рубим очень крепкое дерево...

— Очень крепкое, друзья мои, — кивнул Картал.

В день проведения операции по захвату оружия, 15 февраля, газета «Вереш уйшаг» сообщила о страшных событиях в Тисадобе. Вся буржуазная пресса умалчивала об этом, а коалиционное правительство тщательно скрывало. И лишь одна «Вереш уйшаг» подробно рассказала о случившемся. Голодные крестьяне ворвались в графский замок, чтобы раздобыть чего-нибудь из съестного. В ответ на это правительственный уполномоченный вызвал в имение роту пехотинцев, которой командовал поручик Сентгаи.

«Началась самая жестокая расправа, — писал об этом корреспондент «Вереш уйшаг», — самая дикая охота на крестьян... Господин управляющий поименно указал всех тех, кто безо всякого разрешения осмелился охотиться на графскую домашнюю птицу. Всех их поручик Сентгаи приказал схватить и посадить в каталажку при сельской управе, а население села согнать на базарную площадь и под страхом расстрела запретил ее покидать... Перед зданием церкви, напротив дома священника, была установлена виселица и сооружена «кобыла» для порки крестьян.

По приказу поручика солдаты по одному выводили арестованных из каталажки. Четверо здоровенных верзил, схватив свою очередную жертву и бросив на «кобылу», привязывали к ней за руки и за ноги, а пятый верзила, взяв в руки плеть со свинцовой бляшкой на конце, которой обычно погоняют быков, с силой наносил по голому телу жертвы двадцать пять ударов...

Наказуемые от боли кричали не своим голосом, кожа лопалась у них от ударов, лилась кровь, а в это время господин поручик в присутствии сельского нотариуса допрашивал несчастных о том, кто еще принимал участие в «охоте» на домашнюю птицу графа...

Отвратительная сцена разыгралась, когда к виселице подвели Яноша Сенди. На шею несчастному накинули петлю, сделанную из железной цепи, и продержали в подвешенном состоянии до тех пор, пока Сенди не потерял сознание, а затем неожиданно и резко опустили цепь, так что тело свалилось на землю. Однако всего этого истязателям показалось мало. На бесчувственного Сенди выплеснули ведро воды, а когда он пришел в

сознание, солдаты начали тыкать его раскаленными штыками, чтобы заставить выдать товарищей.

При виде всего этого ужаса несколько женщин и детей упали в обморок, однако поручик Сентгаи и его пьяные подручные не удовлетворились этим...

Они поволокли на «кобылу» семидесятидвухлетнего старика поденщика Габора Жори и всыпали ему двадцать пять ударов плеткой только за то, что его сын Габор Жори-младший, принимавший тоже участие в «охоте» на графскую птицу, сбежал из села. Старика в полумертвом состоянии сняли со скамьи пыток и отправили в больницу...

Рота солдат-мучителей и по сей день все еще находится в Тисадобе, где продолжаются бесчинства...»

Марош, казалось, спокойно дочитал статью до конца. Картал смотрел на него и удивлялся его выдержке. Однако, когда Марош объяснил, что на него произвело самое большое впечатление, Картал понял причину этого видимого спокойствия друга.

— Сосуд гнева наполнился до самых краев... — проговорил Марош. — То, что случилось в Тисадобе, не сегодня-завтра может произойти по всей стране, если в это дело не вмешается пролетариат. Меня в настоящее время больше всего интересует наша операция. Она должна удаться.

Погода в тот вечер выдалась как по заказу: на город опустился густой туман, а в пригороде он был таким, что в десяти метрах ничего не было видно. Все началось хорошо. Точно в назначенное время прибыли вагоны, которые, тяжело пыхтя, тащил старенький паровозишко; двигался он чуть ли не шагом. Не успел он добраться до внутренних путей сортировочной станции, как был остановлен красным огнем семафора. В тот же миг рабочие с оружейного завода отцепили два последних вагона. Загорелся зеленый свет, и состав медленно исчез в тумане, лишь еще некоторое время было слышно его натруженное пыхтение.

Нервы у Мароша были напряжены до предела. Ему казалось, что шум моторов грузовиков слышен не на один километр. Нечто подобное переживали все участники этой операции. Сорвав с двери вагона пломбы, они начали выгрузку оружия. Работали молча и быстро,

каждый точно знал, что он должен делать. Как только нагрузили первую машину, она мигом уехала. Как приятно было слышать гул мотора отъехавшей машины, который с каждой секундой становился все тише и тише!

После того, как все четыре грузовика были нагружены доверху, во втором вагоне еще оставалось немного оружия.

Быстро посоветовавшись, решили оставшееся оружие выгрузить на землю, уложив неподалеку от путей, а вагоны откатить метров на сто — сто пятьдесят. Двери вагонов закрыли и запломбировали, надеясь этим ввести в заблуждение железнодорожников, если те быстро обнаружат пропажу.

Картал хотя и находил этот план довольно наивным, однако возражать против него не стал.

Марош вместе с тремя товарищами остался возле вагонов. Прошло немало времени, пока им удалось вынести оставшееся оружие и уложить его недалеко от путей. Затем они откатили оба вагона и уже собрались немного перевести дух, как вдруг на них наткнулся офицерский патруль.

На такую встречу не рассчитывал ни Добош, ни Дьюркович. Неожиданное появление офицерского патруля и было тем самым фактором «Х», который не может предугадать даже самый предусмотрительный человек.

Патруль, состоящий из шести человек, открыл огонь по подозрительным лицам. Марошу и его трем товарищам ничего не оставалось, как броситься бежать. Хорошо еще, что сильный туман благоприятствовал им.

Марош поскользнулся и, сильно стукнувшись о рельсы, не смог встать: ногу пронзила ужасная боль.

Его тут же схватили.

Офицеры внимательно осмотрели оба вагона и обнаружили, что они пусты, хотя и были опломбированы. Они сразу же догадались, что здесь произошло. Тщательно осмотрев местность, быстро нашли сложенное на земле оружие. Они вмиг сообразили, что на этом деле можно заработать медаль, а то и орден.

— Ну, ты, бандит! — набросился старший на Мароша. — Вставай! Пошли. Не симулируй!

Марош попробовал встать и от боли потерял сознание.

Офицеры, ругаясь почем зря, сначала сами тащили Мароша, потом остановили двух железнодорожников, приказав им нести пойманного «бандита».

Мароша доставили в один из пунктов охраны сортировочной станции, где сразу же приступили к допросу.

Во время допроса Марош все время старался думать о крестьянине из Тисадоба, который не выдал своих товарищей, несмотря на жесточайшие пытки. Про себя он решил, что не скажет ни слова.

Из рассказов Картала о революционной России Марош знал, с каким беспримерным героизмом и стойкостью держали себя красноармейцы, которые попадали в плен к белым царским офицерам. Оказавшись в подобной ситуации, Марош морально был готов к любым пыткам. У него страшно болела нога. Ему казалось, будто кость раздроблена на мелкие кусочки. Вокруг щиколотки появилась сильная опухоль. Временами Марош видел галлюцинации: ему ампутируют ногу. А офицеры, словно нарочно, били по ногам винтовочным шомполом.

— Как тебя зовут?

— Янош Марош.

— Где ты живешь?

— У меня нет квартиры.

— Нет?! Ну и ну! А где же ты ночуешь?

— Где придется. Чаще всего на вокзалах.

— На что живешь?

— На что живет большинство демобилизованных солдат...

— Врет эта свинья! — гневно воскликнул один из офицеров. — Он все врет! С ним по-другому нужно поговорить.

То, что произошло потом, Марош запомнил на всю жизнь. Офицеры испробовали на нем все пытки, какие знали или о каких слышали. В ту пору венгерская и европейская пресса много писала о всевозможных ужасах, которые якобы творили большевики. Но эти офицеры, видно, читали и австрийские газеты, особенно «Нейе фрейе прессе», на страницах которой помещалось много репортажей о зверствах, которые творили в России белые: «Верные слуги царя на куски порубали красных... Уж если кто попадал к ним в руки, тот обязательно во всем признавался... А если кто и не при-

знавался, то все равно живым белые офицеры никого не выпускали из своих рук...»

Много лет спустя, когда сам Марош занимался воспитанием молодых коммунистов, он рассказывал, ссылаясь на свой собственный опыт:

— Ничего нельзя добиться от человека пытками, если он морально и физически закален. Человек страдает физически, ему кажется, что он уже не в силах вынести страдания, которым его подвергают. И вдруг он доходит до мысли, что на свете есть живые существа, которые лишь внешне, так сказать, по виду, похожи на людей, а на самом деле — это чудовища. Этакие фантастические существа, которые пьянеют от вида крови и человеческих страданий. Большинство людей, которые морально не подготовлены к встрече с такими чудовищами, при одном их виде как бы цепенеют, и палачи могут с ними делать, что захотят. На свете, наверное, нет такого человека, который в состоянии перенести страшные пытки только благодаря одной своей физической выносливости. Я лично не верю в существование таких людей...

Так, например, когда офицеры начали пытать меня, я сначала чувствовал себя слабым. Порой мне казалось, что я должен заговорить, должен во всем признаться, что для меня нет ничего важнее собственной жизни, хотя и прекрасно понимал, что заговорить — значит совершить подлость. И вот в тот момент, когда, казалось, терпеть боль не стало сил, мне на помощь пришло чудо. До этого я и представить себе не мог, что на свете есть такое чудо. И называется оно ненавистью. Во время неимоверных страданий, когда они достигли, так сказать, своей высшей точки, во мне вдруг появилась ненависть... И начиная с этого момента со мной могли делать что угодно, но сломить меня было уже невозможно... Да, ненависть — это фантастическая сила, способная сделать с человеком чудеса... Разумеется, ненависть ненависти рознь: есть и подлая ненависть, диктуемая обычно чувством личной мелкой мести, но я не ее имею в виду... Я говорю о святой ненависти, которая возникает по отношению ко всем тем, кто намеревается уничтожить все красивое, хорошее и настоящее в человеческой жизни...

Вскоре Мароша перевезли в военную комендатуру,

находившуюся на вокзале, где его допрашивал сам комендант.

— Будешь отвечать на мои вопросы?

— Да.

— Ну, это совсем другое дело. Если будешь говорить, отделаешься легким испугом, никто тебя больше и пальцем не тронет. Назови имена всех, кто ограбил вагоны с оружием.

— Я их не знаю.

— Они были с завода?

— Я не знаю.

— Сколько человек участвовало в ограблении?

— Я не знаю.

— Ты не знаешь и того, куда увезли оружие, да?

— Не знаю.

Комендант погладил свой подбородок. Ехидно ощупал Мароша водянисто-голубыми глазами. Что-то дрогнуло в его лице, но он спокойно продолжал:

— Я не знаю, не знаю, не знаю... Глупый разговор... Ты мне, дружище, только что другое обещал, не так ли?

— Так.

— Ну, так вот, дружочек, я тебя понимаю... Не хочешь выдавать своих сообщников, хочешь разыграть из себя этакого героя, который держит слово... Не старайся, дружок, нет никакого смысла... А если ты будешь упрямиться... тогда... тебя немножко пощекочут, пока не возьмешься за ум... Ты понял, что я тебе говорю?

— Да, понял.

— Тогда начнем все сначала. Твое имя?

— Янош Марош.

— Гражданская специальность?

— Помощник каменщика.

— В каком полку служил?

— В тридцать втором.

— Был на фронте?

— Был, на реке Пьяве. Там меня ранили. В Вене лежал в госпитале. После выписки из госпиталя дали отпуск на родину. Обратно в часть я уже не вернулся.

— Браво, сынок. Я люблю откровенных людей. И тебя не поймали?

— Поймали. Приговорили к смертной казни, но тогда произошла революция...

— Великолепно. Произошла революция и спасла те-

бя от смерти. Великолепная вещь эта революция, не так ли? Ну, а что было потом? Чем жил?

— Получал пособие по безработице.

— Превосходно. Следовательно, ты являешься организованным рабочим и состоишь в профсоюзе?

— Да, состою.

— Ты коммунист?

Для Мароша этот вопрос прозвучал как гром с ясного неба. Ужасно болела нога. Он прекрасно понял вопрос и четко отдавал себе отчет в том, каковы будут для него последствия, если он даст утвердительный ответ.

«А что, если я не признаюсь?» — мелькнула у него мысль, и он тут же ответил:

— Я не занимаюсь политикой. Для меня самое важное...

— Ага... — перебил его комендант. — Ну, так что же для тебя самое важное?

— Как-нибудь просуществовать... Я попал в такое положение, что... Слонялся все время около Восточного вокзала... Там ко мне и подошел один солдат. Отозвал в сторону и спросил, не хочу ли я заработать двадцатку. Я, разумеется, сказал, что очень хочу. Спросил, что мне нужно будет сделать за это. Солдат сказал, что это будет ночная работа, хотя и нетрудная. «А какая именно?», — поинтересовался я. «Потом сам увидишь, — ответил солдат, — не опасная, только язык нужно будет держать за зубами...»

— Ага. Значит, он сказал, что язык надо держать за зубами. Очень хорошо, — проговорив это, комендант плюнул Марошу в лицо и как ни в чем не бывало продолжал: — Уж не считаешь ли ты меня, дружок, за полного идиота? А? Ты дезертир, организованный рабочий, каменщик, к тому же еще безработный. Знаешь, дружочек, быть такого не может, чтобы ты не был коммунистом... Так вот, слушай меня внимательно! Я верю, что ты хочешь жить... Это я понимаю... И я помогу тебе, если ты назовешь своих соучастников... Тебе ясно?.. Ну, так кто же организовал похищение оружия?

— Я не знаю.

— Назови хотя бы одного из них...

— Я не знаю из них ни одного, кроме солдата, который нашел меня за двадцатку...

Комендант уселся на стул, и с явным неудовольстви-

ем посмотрел на Мароша. Кроме коменданта в комнате находились еще два офицера: подпоручик и прапорщик. Оба они молча ждали решения коменданта. То подобострастие, с каким они смотрели на своего командира, свидетельствовало об их беспрекословном повиновении.

Марош инстинктивно почувствовал, что сейчас начнется самое страшное. Как же он ненавидел их!

«Ну уж нет! Вам я ничего не скажу! — решил Янош. — Ни за что на свете! Я бы возненавидел самого себя... Не смел бы взглянуть в глаза ни Карталу, ни Балаго... А Илона, а Каролин. Нет и еще раз нет!..» — мысленно убеждал он себя. И чем дальше он повторял про себя слово «нет», тем сильнее в нем крепла воля выполнить свое решение.

— Мне жаль тебя, сынок... — тихо произнес комендант. Он бросил взгляд на обоих офицеров, которые стояли возле него. — Посмотрите-ка на эту ужасную рожу. Молод еще, еле-еле жив... Весит-то поди килограммов шестьдесят пять — семьдесят. А стоит перед нами и от всего отказывается. Плетет тут какую-то ересь и думает, что сможет нас провести. Глупый петушок. Он верит, что коммуна может сделать его жизнь хорошей, а социализм он представляет себе как этакий рай. И он верит в него. И его вера настолько сильна, что он готов пойти на все. Такими я представляю древних христиан, которые в цирке Неро собственноручно раздирали себя, чтобы этим доказать свою правоту. Ну, что ж, хорошо. Посмотрим, что будет дальше. — Комендант встал. — С такими, как он, типами следует обходиться самым суровым образом, а если и тогда не заговорит... — Офицер сделал жест. — Тогда прикончить его!

В голосе коменданта появились суровые нотки.

— Через час приведите его ко мне! — приказал он.

Но Марош выдержал все пытки, которые продолжались целый час. Потом еще один час. Наконец он впал в такое состояние, когда уже не чувствовал никаких мучений. Он даже сам удивлялся этому. Вскоре он потерял сознание, а когда пришел в себя, снова ощутил ужасную физическую боль. Потом начались галлюцинации. Он видел себя в центре большой площади, на совершенно незнакомой местности. Куда он попал? Никогда прежде он здесь не был. Перед ним появились

какие-то совершенно незнакомые лица. Ужасные апоплексические лица. Они говорили грубыми незнакомыми голосами.

Время от времени появлялась мысль: «Где я нахожусь? Куда меня привезли?» Ужасно болели все позвонки, ныли почки. Он почувствовал, как, сам того не желая, намочил под себя. Нос был забит сгустками засохшей крови. «А что с головой?» Волосы слиплись в бесформенный ком.

Над Марошем кто-то наклонился. Пощупал его, осмотрел.

— Этот тип уже не выдержит еще один круг,— сказал он.

— Ну и что? — хрипло спросил другой.

— Что? Тогда произойдет то, что должно произойти в таких случаях... О чем в протоколах обычно пишут: «Подследственный не смог справиться с нервным напряжением и выбросился в припадке депрессии из окна шестого этажа».

— На это мы не получили приказа. Этот должен остаться в живых.

— Тогда отнесите его в тюремную больницу.

Мароша действительно отнесли в тюремную больницу. Там он впал в какое-то летаргическое состояние. Боль то проходила, то снова появлялась, и такая, что переносить ее было прямо-таки невозможно, и он невольно начинал стонать. После одного такого болевого приступа ему стало стыдно собственной слабости.

Через несколько часов или дней, точно Марош и сам не знал, кто-то сел на край его кровати.

— Попробуем последнее средство... — произнес он.

«Кто это сказал? Чего они хотят от меня? О каком таком средстве он говорил? — Марош слегка повернул голову на бок. — Неужели, это говорил военный судья поручик Шольц? Нет, вроде бы это не он, хотя и сильно похож на него. Да и голос у того совсем не такой. А запах... У него на погонах две золотые звездочки, это точно...»

— Вы смелый человек. Ценой собственной жизни вы защищаете своих друзей. В вашем поведении есть что-то такое, что достойно уважения... Герой и тогда остается героем, если он является сыном самого сатаны... Ну, вы слышите, что я обращаюсь к вам по-человечески. Если вы не хотите называть нам имена своих

товарищей, не надо, не называйте. Мы сохраним вам жизнь, если вы подпишете одно заявление.

Поручик (Марош наконец разглядел его) еще ниже склонился к изголовью:

— Вы понимаете, о чем я говорю?

Марош молча кивнул.

— Вы должны заявить, что оружие украли коммунисты, что коммунисты готовились в самое ближайшее время начать вооруженное восстание. Только и всего. И как только вы подпишете это заявление, вам будет обеспечена лучшая врачебная помощь, вас вылечат и вы вернетесь домой. Ну как?

Марош отрицательно покачал головой.

— Подумайте хорошенько, — продолжал поручик. — Подписав заявление, вы никому лично не нанесете никакого ущерба. Этим вы подтвердите только то, что всем и без того известно в стране. Если же вы не подпишете его, то... Тогда вы выброситесь из окна... Вы понимаете: вы выброситесь из окна в припадке депрессии...

Наступила долгая томительная пауза.

— Отвечайте: подпишете или нет? Скажите только одно слово: да или нет?

Марош собрал все свои силы. Ему хотелось закричать, но из горла его послышался лишь хрип:

— Нет! — И с трудом добавил: — Пошли вы все к черту!

Офицер встал и, захрустев пальцами, сказал:

— Ты смелый парень, но своим «нет» ты подписываешь себе смертный приговор. Так что гордиться тебе нечем, разве что глупостью.

Мароша оставили одного.

Он погрузился в тяжелый сон. Во сне он разговаривал с Карталом, который сказал ему то, что и раньше не раз говорил: «Ты смел, потому что у тебя есть убеждения, которые ты твердо отстаиваешь».

Затем Марош услышал над собой чьи-то голоса, не один голос, а несколько голосов: «Смелость — простое понятие, похожее на чистый солнечный свет. Но без чувства собственного достоинства не может быть и смелости. Как не может ее быть и без ясной цели. Смелость — это самое большое проявление личного мужества, которое олицетворяет всю человеческую жизнь».

Марош потерял чувство времени.

Он не имел ни малейшего представления о том, сколько времени прошло с того момента, когда его схватили. Он снова впал в полусознательное состояние, снова временами не чувствовал никакой боли. Иногда он ясно вспоминал последние слова военного судьи: «Если же вы не подпишете его, то...»

«Но почему они не приводят приговор в исполнение?.. Почему не спешат?..»

Марош уже нисколько не боялся смерти...

23

Главный врач тюремной больницы Етвеш был умным человеком. Он любил книги, театр, музыку и подобно одному бальзаковскому герою увлекался собиранием картин молодых художников. Дочь Етвеша, известная опереточная примадонна, была замужем за одним венским либреттистом. Зятя Етвеш не понимал, и тот платил ему тем же. Зять считал тестя, пожилого уже врача, гуманистом и никак не мог понять, почему тот остался работать в тюремной больнице. Этого не понимал и сам главный врач.

Мароша он лечил с полной ответственностью и както не без радости сказал ему:

— У вас здоровый организм, вы слышите меня? С таким организмом смело можно спорить с десятью смертями. Я диву даюсь, как быстро вы поправляетесь. Я уже и не надеялся...

Марош хотел было спросить, сколько времени он здесь находится, но так и не спросил, так как ему было лень задавать вопросы.

Етвеш сел на край кровати Мароша. Врач носил очки в золотой оправе, которые делали его лицо какимто беззащитным.

— К сожалению, когда я вас полностью поставлю на ноги, вас снова начнут пытать, — сказал он Марошу. — Насколько мне известно, соответствующий отдел министерства внутренних дел крайне заинтересован в вашем заявлении. Разрешите поинтересоваться, почему вы не подчинились им? — Врач завздыхал, недоуменно пожал плечами и с полной откровенностью продолжал: — Сынок, в этом глупом мире нет такой вещи или понятия, ради которых стоило бы умереть... Я с глу-

бокой печалью думаю о миллионах, которые с песнями промаршировали из жизни в смерть... Какой смысл?

Заметив на белоснежном халате пылинку, врач сдунул ее, проследив, как она летела на пол.

Марошу нравилась оригинальность старого врача.

— В той черной процессии на тот свет проследовал и мой сын... Он был инженером... Красивый молодой человек... Сильный, умный... Он так гордился золотыми звездочками на погонах поручика запаса... А вскоре погиб в Сербии... А ради чего, спрашивается? Если бы он мог вернуться с того света, то я глубоко уверен в том, что он сказал бы: «Не стоило стараться... Ни в коем случае не стоило воодушевляться... Нужно было жить, жить как можно дольше...»

Врач заметно опечалился. Он посмотрел на грязные стены палаты и подумал о том, что их давно пора бы побелить.

— Когда я сам был молодым, как вы, — продолжал врач, — мне казалось тогда, что впереди у меня бесконечно долгая жизнь. Теперь же, когда голова побелена сединой и я оглядываюсь на прошлое, жизнь мне кажется такой короткой, к тому же в ней было гораздо больше пасмурных дней, чем солнечных...

Он замолчал, мысленно упрекая себя в том, на кой черт ему понадобилось откровенничать у постели молодого преступника. Врач попробовал было взять себя в руки, но ему это не удалось.

— Я знаю, что все мои слова сейчас совершенно напрасны, — печально произнес он. — Есть вещи, которые не в состоянии понять даже самые интеллигентные молодые люди... И все-таки я вам советую не противоборствовать властям... Лучше подчинитесь им...

На следующий день, под вечер, к Яношу пришел Ференц.

В палату его привел часовой, который сразу же вышел, оставив дверь на всякий случай полуоткрытой.

Ференц с изумлением разглядывал брата, не веря собственным глазам. Вместо молодого здорового человека перед ним лежал человек-развалина.

«Как будто его из гроба только что вынули», — невольно подумал Ференц.

— Что с тобой сделали, несчастный! — громко воскликнул он. — Вернее, что ты с собой сделал? Зачем тебе это нужно?

Янош молчал, повернув голову в сторону.

Тогда Ференц немного изменил тон:

— Как только я узнал о случившемся с тобой, я тотчас же начал действовать. Сделал все, что было в моих силах. Учитывая мои заслуги, помогли наши товарищи. Мне известно, сколько тебе пришлось перенести. Если бы я вовремя не вмешался, тебя уже давно бы не было в живых... — Немного помолчав, он продолжал: — Я должен тебе сказать... Не столько даже должен, сколько обязан... Теперь ты на собственной шкуре можешь убедиться в том, что грязные реформисты, как вы их называли, не такие уж грязные, как вы думали, распространяя про них...

Янош ни словом, ни жестом, ни даже вздрагиванием ресниц не выдал того чувства отвращения, с которым он выслушивал увещевания старшего брата.

Он лежал на спине, голова была забинтована. На какое-то мгновение он представил себя в вагоне-телятнике, в которых обычно с фронта вывозили в тыл раненых солдат. Вспомнил первую остановку — в Клагенфурте. Вокруг него повсюду лежали раненые, в основном с забинтованной головой, как он сейчас.

— Меня настоятельно попросили побеседовать с тобой, — продолжал Ференц. — Сказали, что быть того не может, чтобы такой урок не пошел бы тебе на пользу. Я лично верю в твой разум... Очень часто ты был нагл, легкомыслен, не думал о том, что делал и что говорил, однако глупым тебя не назовешь... Нет, нет. Ум у тебя есть... И вот сейчас я обращаюсь к твоему разуму...

Ференц так и дрожал от нервного напряжения. Он коснулся горячей ладонью руки Яноша и невольно вздрогнул, почувствовав, какой влажной и холодной была его кожа.

— Подпиши ты их заявление! — умоляющим тоном произнес Ференц.

Только теперь Янош повернул голову в сторону старшего брата и произнес:

— Нет!

— Но почему нет?

— Нет.

— Разве я не ясно говорил? Почему нет? Объясни?!

— Нет!

— Брат мой, я боюсь за тебя. Поверь мне, я серьезно с тобой разговариваю, хочу тебе добра, но и у до-

брожелательства тоже есть свои границы. По крайней мере, объясни причину своего никому не нужного и бесполезного упрямства.

— Если это заявление имеет для них такое значение, то оно и для меня не менее важно, — слабым голосом, но членораздельно произнес Янош. Он повернулся на бок и попытался было приподняться на локтях. — Кто я такой? Что я собой представляю? Я никто и ничего собой не представляю. Но если они придают такое значение моему заявлению, то это значит, что я для них... все же что-то значу... Словом, я плюю на них...

— Янош, послушайся меня. Ты хочешь пожертвовать своей жизнью ради проигранного дела, глупого, пустого дела.

— Ты можешь говорить что угодно.

— Это не только я тебе говорю, — начал злиться Ференц. — То же самое заявили вчера перед зданием парламента тысячи рабочих, собравшиеся на митинг. Там собрался, можно сказать, весь цвет нашего рабочего класса. Подобных демонстраций я еще никогда не видел. Тысячи глоток кричали: «Долой Бела Куна! Долой коммунистов!» И это факт, Янош.

Это известие поразило Яноша. Забыв о боли, он приподнялся и хрипло спросил:

— Что случилось?

Ференц, желая поскорее рассказать все сразу, говорил довольно сбивчиво:

— Позавчера, после обеда, толпа возмущенных коммунистов двинулась на улицу Конти, к зданию газеты «Непсава». Эти обезумевшие люди требовали провозглашения у нас советской республики, призывая при этом вздернуть на фонарных столбах всех руководителей социал-демократической партии. Они ворвались в здание редакции, разгромили типографию, редакторские кабинеты, выбросив на улицу все бумаги. Это было что-то ужасное. Правда, довольно быстро приехала полиция. Завязался самый настоящий бой: убиты пять полицейских, один национальный гвардеец и двое гражданских. Такое безобразие настолько возмутило рабочих, что вчера они устроили демонстрацию протеста против действий коммунистов и даже объявили забастовку...

— Это организованные-то рабочие?
— Они самые.
— Это неправда.
— Это правда, как правда и то, что скрывавшийся до этого Бела Кун арестован. Вместе с ним арестовано более двухсот руководителей коммунистов, тридцать шесть из них самые известные. — Почти не скрывая своего торжества, он продолжал: — Коммунистическая партия, таким образом, обезглавлена.
— Когда все это произошло?
— Позавчера. Повторяю еще раз: на улице Конти случилось нечто ужасное. Вчера на рассвете арестовали Бела Куна и вчера же состоялся антикоммунистический митинг на площади перед парламентом.
— А сегодня какое число?
— Двадцать второе февраля. Суббота.
Марош мешком повалился на койку.
— Я не верю ни одному твоему слову.
Ференц покраснел: такое недоверие брата больно ранило его. Он не привык к тому, чтобы кто-то не верил его словам. Выхватив из кармана газету, он сунул ее под нос брату со словами:
— Вот, почитай!
Янош жадно всматривался в буквы, но они так сливались перед глазами, что прочесть он ничего не мог.
— Более подробно обо всем написано в газете «Ешт». Полицейские увезли Куна в Толонц. Смерть восьми несчастных до глубины души возмутила всех. Бела Куна обвинили в разгроме типографии, редакции и убийстве. Но и его не пощадили. В сегодняшних утренних газетах написано о том, что он якобы находится при смерти.
Янош, стиснув в руках газету, закрыл глаза. Услышанное подействовало на него как удар грома. Разгромили партию! Неужели? Арестовали все партийное руководство. Возможно ли такое? Бела Кун находится при смерти, а возможно, его уже нет в живых. Неужели все это было на самом деле? Правда, ожидать можно было всего. Об этом говорил и Картал. Уже тогда было ясно, что силы контрреволюции готовились к расправе со своими противниками. Но неужели им это удалось?
— Подумай как следует, Янош...
Слова брата доносились до Мароша откуда-то изда-

лека. Ему хотелось, чтобы Ференц поскорее ушел... В душе у него творилось что-то невообразимое... Он верил и не верил услышанному...

— Подумай хорошенько, Янош, — повторил Ференц. — Но только не очень долго. Сейчас твое заявление еще будет иметь ценность, а позже потеряет ее... И еще... Тебе нужно знать, что в понедельник тебя посетит Илона...

Эта новость изумила Яноша больше всего.

— Я выхлопотал для нее разрешение на свидание... Она знает, в чем дело... И она тоже считает, что тебе нужно подписать заявление...

— Ты обманываешь меня, Фери.

— Даю тебе честное слово, что не обманываю. В понедельник она будет здесь, и ты от нее сам услышишь, правду я сказал или нет. Илона отошла от коммунистов... — с особой интонацией произнес он последнюю фразу.

Перед уходом Ференц хотел забрать у Яноша газету, но тот попросил оставить ее.

Как только Ференц ушел, часовой, не говоря ни слова, схватил газету, которая лежала у Яноша на груди, и тут же вышел.

У Яноша поднялась температура.

— Человече, что с вами случилось? — удивленно спросил Етвеш, нащупав пульс больного. — Измерьте ему температуру! — приказал он фельдшеру и присел на край койки. — Вы, видимо, разволновались от событий, которые происходят сейчас на воле? Конечно, я вас понимаю. Я представляю, что вы чувствуете. Когда человек попадает в трудное положение, он готов пойти на все, а если нет для этого никакой возможности, тогда нервы у него сдают. Да, глупая вещь — этот азарт. Я вспомнил историю одного гусарского капитана, о котором даже в газетах писали. Так вот этот капитан проиграл в карты все свое состояние. Затем проиграл и свою жену, великолепную женщину... — Врач заметно оживился и продолжал: — А вы меня, молодой человек, очень даже заинтересовали. Я прочел почти все, что у нас писали о русских большевиках. И даже если учесть, что газетные писаки часто многое преувеличивают, большевики ужасные люди. И вот ко мне в руки попадаете вы, тоже большевик. Я внимательно присматриваюсь к вам, изучаю вас, обследую и думаю: «Выходит, вот из

таких людей и получаются большевики? Но что их делает такими? Каким образом человек может стать таким?» — Етвеш немного помолчал. — Я полагаю, что вы причисляете себя к числу гуманных людей. Вас ввели в заблуждение, обманули или, попросту говоря, надули. Я бы вам посоветовал, воспользовавшись своим умом, выкарабкаться из того ужасного положения, в котором вы очутились. И советую я вам это потому, что над вами нависла серьезная опасность. Когда я говорю «над вами», то имею в виду всех, похожих на вас. Вчера Беринкеи подписал распоряжение, согласно которому человек может быть арестован и подвергнут заключению без приговора суда. По сути дела — это не что иное, как введение у нас в стране системы интернирования. Ну, предположим, вас приговорят к трем годам заключения, после отбытия наказания интернируют ну, положим, лет на десять. Неужели всю свою молодость вы намерены провести в заключении или под полицейским надзором? — Он покачал головой. — Молодой человек, заниматься коммунистической пропагандой — плохая коммерция. Вчера всех коммунистов повсеместно выбросили с работы, где бы они ни работали.

Постепенно Марошу начал нравиться этот болтливый старик. Он даже стал ждать его визитов, так как от него он узнавал о новостях, творящихся в мире. Однако врач не всегда был таким разговорчивым. Как часто бывает у стариков, хорошее настроение у него быстро могло смениться плохим.

Посмотрев на термометр, врач тихо свистнул и сказал фельдшеру:

— Ну и ну... Дайте ему хинин... Нет, лучше несколько капель опиума.

Когда врач ушел, Марош спросил у фельдшера:

— Какая у меня температура?

— Это имеет право сказать только врач...

Оставшись один, Марош начал высчитывать, через сколько часов он увидит Илону. Известие о ее приходе взволновало его.

«Ждать осталось от вечера субботы до обеда понедельника, — думал он. — Это два раза по двадцать четыре часа, а вместе взятое — целая вечность».

Марош радовался и не радовался предстоящей встрече с Илоной. Стоило только ему подумать, что Илона изменила движению революционного пролета-

риата, как настроение у него сразу же падало. Но если она на самом деле сделала это (Янош был готов поверить), то наверняка не без веской причины.

«Конечно, если сейчас преследуют всех коммунистов, лишили их работы, да еще интернируют, что остается делать?»

Чтобы хоть как-то ускорить время, Янош старался больше спать, чему в значительной степени способствовал принимаемый им морфий. Все воскресенье он проспал. Обхода доктора Етвеша не было. Дежурил какой-то молодой врач, который не интересовался состоянием больных, особенно в воскресенье.

Илона появилась в воскресенье, вскоре после обеда.

Сердце у Яноша учащенно билось. Когда Илона присела на краешек койки, он почему-то вспомнил аромат весеннего сада, хотя Илона никогда не пользовалась духами. Ее беременность была уже довольно заметна, хотя выглядела она по-прежнему хорошо.

Янош быстро прикинул в уме: «Она должна находиться уже на шестом месяце. Боже мой, как же хороша эта женщина!..»

Илона молча пожала Яношу руку и улыбнулась.

— Предупреждаю вас: время свидания ровно пять минут, — пробормотал тюремный надзиратель и вышел в коридор, прикрыв за собой дверь. Однако столь деликатный жест с его стороны оценила только Илона. Янош даже не обратил на это внимания.

— Ференц сказал мне, что ты порвала с партией? — поспешил спросить Марош. — Ты ему об этом говорила?

— Говорила.

— Еще он пытался убедить меня в том, что ты считаешь правильным, если я подпишу заявление, которое им так нужно. Это правда?

— Да.

— Но ведь это ужасно...

Илона провела рукой по лицу Яноша.

— Разве здесь запрещено бриться? — спросила она.

— Тебя сейчас только это интересует? — обиделся Марош.

Илона бросила взгляд на дверь и, убедившись, что она плотно притворена, успокоилась. Она заговорила быстро и тихо, чтобы успеть в оставшиеся минуты свидания сказать как можно больше:

— Меня разыскал твой друг Картал...

— О, и чего же он от тебя хотел?

— Он сказал, чтобы я обязательно навестила тебя и поговорила. Он знал, что Фери выхлопотал мне разрешение на свидание. Я, конечно, согласилась. Но Фери мне пришлось пообещать. Ты меня понимаешь?

— Понимаю, понимаю.

— Картал сказал, что он гордится тобой. Балаго тоже. Им хорошо известно, что тутошним палачам не удалось вырвать из тебя ни слова признания. Они просили передать, что операция удалась и все находится в надежных руках. Картал просил тебя не беспокоиться: Бела Куна скоро освободят из тюрьмы.

— Он жив?

— Его сильно били, но он жив. Какой-то полицейский офицер, кажется Сентмихаи его фамилия, в последний момент вырвал его из лап истязателей.

— А что, собственно, произошло?

— Произошла самая настоящая провокация. Об этом сразу же после событий на улице Конти начали трубить все буржуазные газеты. Началось все с того, что на площади перед парламентом собралась толпа безработных, которые требовали от правительства работы. Было это после обеда. Тут в толпе появилась группа «крикунов». Судя по всему, они обо всем заранее договорились. Они начали призывать безработных идти на улицу Конти и там заявить о своих законных требованиях. Полиция, разумеется, обо всей этой провокации была извещена заранее. На перекрестке улицы Непсинхаз демонстрантов уже ожидал усиленный полицейский заслон. Однако полицейские пропустили демонстрантов, даже не попытавшись остановить их. Позже стало известно, что в здании, которое находится напротив редакции газеты «Непсава», в окнах верхних этажей были установлены пулеметы. Само собой разумеется, что все это было организовано с целью, чтобы обвинить коммунистов в организации кровопролития. Спланировано было и то, что группу бравых «крикунов» пропустили в здание газеты, а когда они начали там погром, пулеметчики открыли огонь. Правда, они почти сразу же были вынуждены прекратить огонь, так как полицейские смешались с толпой, а по ним стрелять было запрещено. Но пока пулеметы замолчали, уже было убито пятеро полицейских, один национальный гвардеец и двое рабочих из толпы. Так что сейчас нет никакого

сомнения в том, что эта кровавая трагедия была запланирована заранее... — Голос у Илоны перехватило, но она быстро справилась с волнением и продолжала: — Сейчас же власти из кожи лезут вон, чтобы доказать виновность коммунистов в этом кровопролитии. С этой целью фабрикуются всевозможные ложные документы. С этой же целью полицейские хотят принудить и тебя подписать заявление. Они покупают свидетелей или, вернее говоря, лжесвидетелей, не обращая внимания на то, что это за люди. — Илона помолчала и снова заговорила уже более спокойным голосом: — Ты очень хорошо сделал, что не подписал никакого заявления. Когда к тебе пошел Ференц, я очень испугалась. Я боялась, что ему удастся тебя обмануть. Если бы ты знал, как я была счастлива, когда он сказал, что ему не удалось уговорить тебя. Разумеется, я сразу же рассказала об этом Карталу. Если бы ты видел, какое у него было счастливое лицо!

— Что же он тебе сказал?

— Ничего... Но он так улыбался... Янош, я думаю, что Картал очень хорошего о тебе мнения... Потом он сказал: вот где его по-настоящему закалили как коммуниста... А потом объяснил, что для нас, коммунистов, пытки в полицейских застенках значат то же самое, что для солдата боевое крещение на поле боя...

Она склонилась над Яношем и не без труда отыскав местечко, которое не было покрыто бинтами, поцеловала его.

— Я тоже тобой горжусь...

Только тут Илона поняла, что Янош мог не так понять ее. В одно мгновение она сообразила, как ей лучше выйти из положения, чтобы Янош не питал по отношению к ней никаких иллюзий. Мило и дипломатично она объяснила:

— Знаешь, Янош, дорогой... До сих пор, когда меня обнимал Иштван, я внутренне всегда стыдилась... Я даже мысленно не могла себе представить, что с кем-то может быть так, как с тобой... Но теперь я считаю тебя порядочным человеком...

Янош кисло улыбнулся и спросил:

— А теперь не будешь стыдиться, когда он станет тебя обнимать?

— Нет... Надеюсь, ты понимаешь меня?

— Да, — односложно ответил Янош и перевел разговор на другую тему:

— А Куна и его товарищей когда арестовали?

— Вот это очень важно. Официально об их аресте было сообщено на рассвете двадцать первого. Однако у Картала другое мнение. Он считает, что аресты были проведены намного раньше, по-видимому, одновременно с провокацией на улице Конти. Без сомнения, они были заранее спланированы полицией. Ну, а уж ситуация для арестов сложилась как нельзя лучше.

— Так думает Картал?

— Точно так.

— А его самого до сих пор не схватили?

— Ни его, ни Балаго. Полной победы полиция над коммунистами не добилась: и по сей день на свободе находится много коммунистов. На место старых руководителей пришли новые. И не только пришли, но сразу же начали активно действовать. Буквально на следующий день на улицах появились революционные прокламации. В них разъяснялось, что к событиям, происшедшим на улице Конти, коммунисты не имеют никакого отношения, а зачинщиков кровопролития следует искать в другом месте. Некоторые буржуазные газеты тоже намекают на это. Жаль только, что большинство рабочих, состоявших в профсоюзах, поверили в полицейскую клевету. Раньше они прислушивались к нам, выступали на митингах с протестами, а сейчас...

— Они объявили забастовку в знак протеста?

— Объявили... Однако к вечеру того же дня настроение у них изменилось. Все большее число рабочих начало сомневаться в виновности коммунистов. В воскресенье уже очень многие рабочие из числа тех, что в пятницу осуждали нас, стали требовать привлечения к ответственности настоящих виновников кровопролития. Для нас же самое важное то, что партия живет и действует. У нас снова есть своя типография! Представь себе, сегодня утром по всему городу удалось распространить свежий номер «Вереш уйшаг». Правда, теперь газета называется несколько иначе — «Надьваради вереш уйшаг», но, разумеется, никто не верит в то, что газета выходит и отпечатана в Надьвараде.

— Это же великолепно! — повеселел Марош.

Илона снова стиснула руку Яноша и продолжала:

— Более чем великолепно. По мнению Картала, замыслы реакции провалились, и хотя их пушки были направлены на нас, но снаряды полетели в самих провокаторов. Конечно, Картал прав. В настроениях будапештцев заметны большие перемены. С каждым днем к нам присоединяется все большее и большее число рабочих. Иштван сказал, что произошел, если можно так выразиться, прорыв политической плотины.

— Какое же количество рабочих перешло на нашу сторону?

— Не будь наивным, Янош. Кто же их считал? Изменение настроений чувствуется во всем. На улице Конти сейчас царит настоящий переполох.

Илона, казалось, забыла об осторожности, она уже не обращала внимания на то, что их разговор может подслушивать надзиратель, и громко говорила:

— Мы объявили буржуазии войну.

— Как это следует понимать?

— «Вереш уйшаг» выдвинула лозунг «Пролетарии, к оружию!». Под таким же заголовком газета поместила передовую статью, где прямо обвиняет Винце Надя и Беринкеи в преследовании коммунистов, в неимоверном росте дороговизны, спекуляции и беспрецедентном разгуле контрреволюционеров. Само собой разумеется, что наши принципы им не по вкусу, а лозунг «Кто не работает, тот не ест!» вызывает прямо-таки ярость.

— И об этом говорится в статье?

— Да, конечно. Там написано так: «Пролетарии, вооружайтесь! Пора покончить с бездействием! Мы объявим буржуазии беспощадную борьбу! Выступайте вместе с нами! Да здравствует пролетарская революция!»

Последние слова Илоны еще больше взбодрили Яноша.

— Все-таки я оказался прав, а не Картал! — возбужденно выпалил он. — Я давно говорил, что нам необходимо активизировать нашу работу и приблизить революцию! — Переведя дух, он спросил: — А как реагируют на это сами рабочие? Что они говорят?

— Они полностью согласны с газетой. Карталу, например, известно, что на Чепеле и на оружейном заводе (да и в других местах тоже) коммунисты поклялись в том, что они в самое ближайшее время добьются освобождения Бела Куна. Я лично уверена в том, что так оно и будет!

В этот момент дверь отворилась и появился надзиратель. Он был спокоен, уж больно спокоен.

— Прошу вас, время свидания истекло, — вежливым тоном проговорил он.

24

Янош Марош выздоравливал.

Победила воля врача и жажда к жизни у молодого узника. Главный врач Етвеш смотрел на него как на своего подопытного кролика и потому даже после выздоровления не перевел Мароша в общий барак.

По сути дела, никто не считался с распоряжениями правительства Беринкеи. Всех арестованных держали в заключении безо всякого суда и следствия. О многих из них, казалось, вовсе забыли. Марош принадлежал к их числу. Ему даже не выдали арестантской одежды. Главврач Етвеш использовал Мароша в качестве помощника фельдшера и брата милосердия. В дни, когда у него бывало хорошее настроение, попрежнему вел с ним беседы. Фельдшер по фамилии Вайда тоже подружился с Марошем и обращался с ним так, как обычно унтер обращается со своим любимчиком. Дело в том, что у Вайды был такой характер, что он любил тех, кто нравился его хозяину. От этих двух доброжелателей Марош обычно и узнавал о событиях, которые происходили в мире.

В общении с Марошем у врача была некоторая заинтересованность. Уже давно он начал работать над исследованием под названием: «Как арестованный реагирует на события, которые происходят за стенами тюрьмы». А в подзаголовке стояло: «Что именно его интересует, а что нет».

Вайда иногда оставлял на столе газеты, которые Марош жадно прочитывал. Он все больше и больше тяготился своей оторванностью от внешнего мира. Каждый день казался ему бесконечно длинным, ночью он страдал бессонницей, ворочаясь с боку на бок. Он заболел болезнью, которая одолевает каждого человека, лишенного на более или менее длительный срок свободы: его охватывает такое чувство, когда ему начинает казаться, что стены с каждым днем все больше и больше сдвигаются, а в помещении становится все меньше и меньше воздуха. Он испытывал почти физическую боль от того,

что был приговорен к бездействию. На дню по сотни раз он думал о том, чем сейчас занимаются Картал и Балаго.

Каждое хорошее известие с воли действовало на Мароша как удар электрического тока.

— Ну, молодой большевик, — со смехом сказал ему как-то Етвеш, — как видно, ваша теория «все принадлежит нам» очень заразительна. Запомните день двадцать третьего февраля тысяча девятьсот девятнадцатого года! В этот день полубезумный Михай Каройи производил раздел земли в Хевеше. Лил проливной дождь, дул сильный ветер, все промокли до костей, однако в крестьян словно черт вселился: они как ни в чем не бывало забивали колышки, размечая полученные участки земли. А знаете ли вы, что в этом самое любопытное? Ну, как вы думаете?

Марош молчал, и тогда врач продолжал:

— Вот и получается, дружище, что в то время как вы со свойственной вам страстью выступаете против частной собственности, заявляя, что ее уничтожение является не чем иным, как обретением свободы, крестьянин стремится получить в личное пользование клочок земли и плюет на вашу свободу. Ну, да их еще хоть как-то можно понять, но Каройи! Он как будто с ума спятил... По-настоящему сошел с ума... Этим самым он обозлил против себя аристократов... После этого они начали нашептывать на ухо Виксу: «Имре, красный граф... С ним невозможно вести никакие переговоры...»

Фельдшер Вайда, ехидно ухмыляясь, рассказывал Марошу:

— Паршивое дело — эта политика, дружище. Вчера пять тысяч рабочих-металлистов собрались на ипподроме, на чем свет крыли руководителей социал-демократов и самым категоричным образом требовали освобождения Бела Куна из тюрьмы. Ну и сброд же этот народ! Сегодня они недовольны коммунистами, а завтра готовы разбить ради них голову... В стране полная разруха... Во всех газетах только и пишут о том, как Каройи по нескольку часов подряд ведет переговоры с каждым министром. А Погани, говорят, заявил якобы в военном совете, что мол коммунисты правы... Вот она политика! Сегодня эти политики грызутся друг с другом, а завтра лижут друг другу зад...

25 февраля всю центральную тюрьму охватило небывалое волнение: пронесся слух, что Бела Куна и его соратников перевели именно сюда. Жандармского советника Якоба и всех полицейских, которые издевались над Куном и его товарищами, привлекают к ответственности.

Марош воспрял духом. Известие о том, что Бела Кун находится в центральной тюрьме, обрадовало его: быть может, ему удастся встретиться с ним или хотя бы посмотреть на него. В представлении Мароша Бела Кун был олицетворением самой пролетарской революции, и поэтому он думал о нем с благоговением.

Затем поползли слухи о том, что Винце Надь не без причины стал таким покладистым. Будто бы русские пригрозили ему: «Мы с тобой тоже не станем церемониться...» И все удивлялись, что русские заимели такой авторитет...

Фельдшер Вайда с сожалением вздыхал по поводу того, что налоги на недвижимое все время растут.

— Черт бы их побрал! — ругался он. — Я надеялся на лучшее, а тут на тебе!..

Он рассказал, что в Дебрецене, Сегеде и Шальготарьяне бастует народ.

— В Париже народ чуть было не расстрелял проклятого Клемансо, — расхохотавшись, продолжал фельдшер. — Опомнившись от испуга, тот распорядился, чтобы население Венгрии не превышало семи миллионов человек, к тому же мы еще должны выплатить пять миллиардов долларов в счет погашения ущерба, нанесенного в ходе войны... И как только эта французская свинья не сдохла...

А врач Етвеш как-то спросил у Мароша:

— Скажите, дружище, вы любите родину?

— Буду любить, — ответил Марош несколько вызывающим тоном.

— Вот как? А сейчас, значит, не любите? А когда же вы ее начнете любить?

— Когда она будет моей... Вернее, когда и у меня будет родина...

Главный врач задумался, удивленный таким ответом. Немного помолчав, он продолжал:

— Вот видите, какие вы люди, коммунисты! Вы хотите любить только такую родину, в которой вы сами будете господами... В этом вы совсем не похожи на

социалистов. У них требования скромнее. Они говорят: «Мы выступаем за неприкосновенность нашей территории. Мы хотим мира безо всяких аннексий. И не намерены выплачивать никаких контрибуций».

— Если они уже так говорят, то скоро заговорят, как русские коммунисты...

На этом их разговор неожиданно закончился: Етвеш не пожелал его продолжать.

В одной из газет Марош с радостным удивлением прочел, что рабочие деревообрабатывающей промышленности осудили демонстрацию, которая проводилась против коммунистов.

Прочитав эту заметку, Марош невольно вспомнил о своем старшем брате. «Ну, братишка, — думал он, — что ты теперь на это скажешь? Ты ведь тоже состоишь в профсоюзе рабочих деревообрабатывающей промышленности. Выходит, теперь и ты будешь протестовать!» — Он с сомнением покачал головой, так как слишком хорошо знал Ференца.

В один из последних дней месяца фельдшер Вайда сообщил Марошу следующую новость:

— Послушай-ка, дружище. Красным все-таки повезло. Каройи отдал распоряжение Беринкеи, чтобы тот прекратил преследовать кого бы то ни было за политические принципы. Так что теперь вы опять можете будоражить народ...

Марош поинтересовался у врача относительно того, насколько это известие достоверно.

— Все правда, — ответил Етвеш. — Но только ты не очень-то радуйся. Хотя официально и объявлено, что никто теперь не будет преследовать по политическим мотивам, но опубликован и другой закон, в котором говорится о защите республики... Понимаешь ли ты, молодой большевик, против кого направлен новый закон?.. Кого у нас считают врагами республики? Тех, кто пытается снова усадить на трон Карла Четвертого. И тех, кто выступает за провозглашение республики Советов... А это не кто иной, как ты и все ваши коммунисты...

Главврач Етвеш обращался к Марошу то на «ты», то на «вы», что зависело главным образом от того, в каком он находился настроении.

— Я сторонник королевской власти, — произнес он, ни к кому не обращаясь. — Вот почему меня возмущает, что власти собираются интернировать барона Сур-

маи, барона Стерени, графа Микеша, Векерле, маркграфа Паллавицини... — Заметив, что это не интересует ни фельдшера, ни Мароша, он как-то сник, а затем продолжал: — Одного за другим власти хватают и коммунистов, которые находятся на свободе, и расправляются с ними...

Однако он ни словом не обмолвился о подготовке покушения на Каройи и о том, что венгерские аристократы ежедневно поносят Каройи.

В тот день, когда главный врач Етвеш решил перевести Мароша из лазарета в тюремную камеру (а было это в последний день февраля), тот узнал две неожиданные и взволновавшие его новости. Не без помощи фельдшера Вайды в руки Мароша попал свежий номер газеты «Вилаг». В глаза сразу же бросился заголовок: «Падение гражданского мира». С волнением он бегло прочел всю статью, а затем начал внимательно перечитывать. Его поразила следующая фраза: «...весь мир сейчас раскололся на маленькие осколки подобно тому, как колется богемское стекло...»

Вскочив на ноги, Марош, словно загнанный в клетку лев, заходил взад и вперед по комнате. Его охватило страстное желание поскорее оказаться на свободе, встретиться со своими друзьями и действовать, действовать...

«Уж если такое пишет буржуазная газета, тогда...» — подумал он.

Под вечер, когда главный врач ушел домой, фельдшер Вайда сказал Марошу, что его хотел бы видеть один человек.

— Посетителя я провел в фельдшерскую, — сообщил Вайда, заговорщически подмигивая. — Там вам никто не помешает. Разрешение на свидание выписано по всем правилам. Только я никогда бы не подумал, что у мужика с такой рожей, как у тебя, может быть такая красивая знакомая.

В фельдшерской Мароша ожидала Каролин.

Увидев ее, Марош так и застыл на пороге. Ему показалось, что все это снится. Он настолько оторопел, что даже потерял дар речи. Каролин прекрасно поняла Мароша. Она подошла к нему, взяла за руку и повела в комнату, будто все это происходило у нее дома.

— Меня прислал Картал, — сказала она, — но я и сама охотно навестила бы вас.

Они подошли к окну. Свет сгущавшихся сумерек бросал тени на их лица.

Каролин говорила спокойным, уравновешенным тоном.

— Меня к вам допустили потому, что дела арестованных коммунистов подлежат пересмотру, — объяснила она. — Беринкеи получил из Москвы серьезную ноту, в которой русские предупредили его, что, если содержавшиеся под арестом коммунисты не будут пользоваться привилегиями политических заключенных, тогда им придется прибегнуть к реторсии. Беринкеи, естественно, с согласия Каройи, разрешил...

Поскольку Марош молчал, Каролин продолжала:

— Картал передал, чтобы вы набрались терпения. Ждать осталось недолго. Партия существует, хотя и на полулегальном положении, но существует и действует, а это самое главное. Картал и Балаго решили скрыться подальше от полицейских глаз и потому переехали с улицы Сигонь. Куда именно, этого и я не знаю, да так оно и лучше... — Каролин понизила голос: — Картал просил меня сказать вам о том, что через несколько недель, как он думает, обязательно начнется вооруженное восстание, а вернее говоря, в тот самый день, когда Каройи получит из Парижа окончательное решение, определяющее будущее Венгрии.

— А почему именно в тот самый день? — спросил Марош.

— Потому, что Антанта намерена сделать с нашей несчастной страной нечто ужасное, — начала объяснять Каролин. — Условия мира лягут на наши плечи непосильным грузом, и это не может не возмутить каждого порядочного венгра. С обнародованием этих условий людям станет все ясно, и они сразу же примкнут к тем, кто в состоянии указать им путь, по которому они смогут выйти из национальной катастрофы.

— А откуда Карталу знать, что эти условия будут такими тяжелыми?

— Не знаю... Об этом он мне ничего не говорил... Да я и не спрашивала... Я уже привыкла к тому, что Картал много чего знает, что другим и знать-то не следует... Он человек удивительный... Иногда прямо-таки удивляет... К этому нужно привыкнуть... Я уже привыкла...

— И вы не боялись прийти сюда?

— Я?.. Нет... А почему, собственно, я должна была бояться? Я получила официальное разрешение на свидание и потом... К тому же, если Картал захочет, я могу выполнить и не такое задание... Вы понимаете?..

— Думаю, что понимаю, и очень рад, что он такой. — Не справившись с нахлынувшими на него чувствами, Янош выпалил: — Какая вы красивая, Каролин!

Каролин давно догадывалась, какие чувства питает к ней Марош, и жалела его за это. Ей нравилось, что он деликатен. Держалась она с ним ровно, по-дружески.

— Когда я сказала Тильде, что иду к вам, она очень обрадовалась. И просила меня сказать вам несколько слов, и знаете каких? Что она любит вас точно так же, как любит... дядюшку Пишту... — Улыбнувшись, она пояснила: — Она зовет так Картала и действительно любит его. Когда он навещает нас, она сразу же забирается к нему на колени... Меня же, напротив, грусть берет...

— Почему?

Немного помолчав, Каролин сказала:

— Потому что Картал связал свою судьбу с такой невеселой женщиной, как я...

Заметно стемнело. В комнату вошел фельдшер Вайда и зажег свет.

— Ну, прощайте, — проговорила Каролин.

— До свидания, — ответил ей Марош, — до встречи там...

В тот же вечер фельдшер Вайда рассказал Марошу о том, что в Кечкемете женщины провели демонстрацию в знак протеста: правительство отменило им выплату пособий за мужей, погибших на фронте.

— Недовольство народа растет с каждым днем. — Фельдшер покачал головой. — Ты же друг, с завтрашнего дня начнешь новую жизнь — будешь жить как настоящий арестант. Но только не вешай головы: тебя переведут в камеру, где сидят политические заключенные, а тем здесь не жизнь, а малина.

На следующий день Мароша действительно выписали из тюремной больницы. Его переодели в арестантскую одежду. Однако посадили не в камеру к политическим заключенным, а к уголовникам. В камере царила совсем другая атмосфера, чем в «империи» главного врача Етвеша. С арестованными здесь обращались

грубо, всячески унижали их, питание было из рук вон плохое. В довершение ко всему известия с воли сюда не поступали. Уголовники были отрезаны от внешнего мира. Свиданий с ними тоже, как правило, не разрешали, а если кому и удавалось его добиться, то не чаще одного раза в месяц.

Камера была грязной и вонючей, а сами арестованные давно немытые.

Марош быстро разобрался в обстановке. Вся власть в камере находилась в руках огромного верзилы, которого все без исключения арестованные ласково называли Медвежонком. На самом же деле это был не медвежонок, а самый настоящий громадный медведь, правда добрый и веселый. Но если кто-нибудь выводил его из себя, то он мигом превращался в дикого зверя и начинал колотить всех, кто попадался ему под руку. В отличие от других арестованных он пользовался некоторыми льготами. Его подкармливали извне. Это, разумеется, было противозаконным, но все закрывали на это глаза, и не без основания: кое-что и им перепадало.

Марош подробно рассказал обитателям камеры свою историю, за что он попал в тюрьму, и этим завоевал всеобщую симпатию, в особенности Медвежонка.

— Послушай меня, друг, — сказал он, — ты мне решительно нравишься. Тебя чуть было не вздернули, а ты, оказавшись на свободе, уже участвуешь в ограблении эшелона с оружием, тебя чуть было снова не отправили на тот свет, но ты не сдрейфил. Ты толковый малый, друг... С сей минуты ты мой дружок, и это мое твердое слово... — Медвежонок окинул взглядом арестантов: — Вы это поняли? Поняли, паршивые бандиты, да?

Арестованные дружно, хором ответили:

— Да!

Больше всего Мароша угнетало то, что он перестал получать новости с воли. Остальных узников камеры вопросы политики нисколько не интересовали. Днями напролет они могли спорить о премудростях своего ремесла. Каждый из них самым подробным образом рассказывал, как и при каких обстоятельствах он «погорел». Одной из любимых тем были рассказы о любовных похождениях. Того, кто преподносил самую сальную историю, просили повторить ее еще и еще.

Марош только тогда узнавал что-то о событиях на воле, когда кого-нибудь из арестованных освобождали или же куда-нибудь переводили, а на его место в камеру сажали новичка. Марош сразу же «набрасывался» на него с массой вопросов. А если вопросы пытались задавать и другие, то Медвежонок угрожающим окриком заставлял их замолчать:

— Заткните глотки. Пусть удовлетворит свое любопытство мой дружок! Не забывайте этого!

То, что удавалось узнать подобным образом, было чересчур мизерно. Вот когда он по достоинству оценил болтливость старого доктора Етвеша и его помощника фельдшера Вайды.

Из небольших обрывков ему не без труда удалось установить, что коммунисты по-прежнему расклеивают плакаты на улицах и площадях и что Бем собирает вокруг себя военных. Неужели он хочет создать наемную армию? С помощью массы наводящих вопросов Марош убедился, что именно о такой армии и мечтает Бем. Из всех скупо просочившихся в камеру новостей внимание Мароша привлекло заявление Каройи, с которым он выступил в Сатмаре. Премьер сказал, что он целиком и полностью уповает на решения Парижской мирной конференции, на американского президента Вильсона, который не намерен допустить, чтобы Венгрии ампутировали руки-ноги и тем самым сделали бы ее нежизнеспособной. Каройи заявил также, что «мы возьмемся за оружие лишь в самом крайнем случае и не поддадимся ни на какое науськивание или провокацию...»

Каким будет мир? Какой останется Венгрия? Эти вопросы волновали всех обитателей камеры. Ничто другое, касающееся политических событий, их нисколько не трогало. Они знали характер Тигра (так они называли Клемансо) и жалели Каройи. Медвежонок, Карманник, Негодяй довольно единодушно высказывали свое мнение.

— Этот Клеманко (он так и сказал — Клеманко), — решительно начал Медвежонок, — играет подло. Подлый игрок! По сравнению с ним наш Каройи — настоящий граф, он считает честным пройдоху француза. За это он останется без рубахи и без порток!

— Скотина тот, кто играет с блатным, но уж если он все же сел с ним за игру, тогда играй под себя... А если он подличает, то и тебе не грех...

— Я, прежде чем сесть играть, — высказал свое мнение Негодяй, — сначала вынюхаю, кто чем дышит...

— Ну, хватит трепаться! — утихомирил всех Медвежонок. — Как я вижу, наш Каройи вряд ли на что способен...

— Скажи, а что бы ты сделал на месте Каройи? — спросил Марош Медвежонка.

— Что бы сделал? — удивился тот. — Глупости спрашиваешь. Что может сделать здравомыслящий человек, когда его собирается обобрать жулик? Смажет его по роже, ткнет ногой в пузо, плюнет в глаза, вывернет ему руки, будет зубами и ногтями защищаться.

— А если тот окажется сильнее?

— О, ты неугомонный! И сильный не все может... А если человек даже не попытается защищать себя, тогда так ему и надо. Черт с ним!.. — Свистнув, он продолжал: — На месте Каройи я уже давно бы рассчитался со всеми, кто хочет всадить в меня кухонный нож. Каждый болван знает, что если у него нет оружия, то он слабак, а раз слабак, то его и вздуют.

Марош решил, что Медвежонок по-своему прав, и невольно вспомнил слова, которые просил передать ему Картал: «Готовится позорный мир, который толкает нашу страну в национальную катастрофу. То, что еще можно спасти, могут спасти только рабочие».

Все новички, прибывающие с воли, говорили о росте цен и о том, что пролетарии требуют повышения заработной платы, крестьяне требуют себе землю. И только у судей работы полным-полно, так как кругом воруют, грабят, тащат. Теперь тех, кто хочет войны, стращают тем, что их завернут в мокрые простыни и отправят в дом сумасшедших, но это все сказки, так как ворон ворону глаз не выклюет.

Однажды в руки Мароша попал обрывок газеты, в котором рассказывалось о настроениях в деревне:

«Кончились холодные и дождливые февральские дни. Подул теплый южный ветер, который подсушил землю, выпив на ней лужи и лужицы. Все чаще и чаще возвращаются домой из далеких стран перелетные птицы. В деревне неспокойно, очень даже неспокойно. Дымят ночные трубы, пахнет терпкой виноградной лозой. А возмущенных крестьян интересует лишь одно: что же будет с землей? Весна на носу. С поля доносятся весенние запахи: пора выходить на пахоту. А дадут ли

пахать? А может, не дадут? Но чего же ждать еще? Жалобно чирикают воробьи, словно предчувствуют что-то недоброе...»

Прочитав этот красочный отрывок, Марош понял, что в деревне тоже растет недовольство. А если там начнутся возмущения? Что на это скажут рабочие? Как никогда раньше, Янош ощутил, как ему не хватает Картала и Балаго. С ними он мог бы обо всем поговорить, а теперь ему приходится одному ломать голову.

На следующий день от арестованного, которого посылали на работу на кухню, Марош услышал поразительную новость.

— Теперь тюрьма уже не тюрьма, а настоящий санаторий, — сказал он. — Коммунистические руководители живут в ней как в самом настоящем санатории или как у Христа за пазухой. Двери их камер не запираются с восьми утра до восьми вечера. Если кому из них захотелось сходить в гости в соседнюю камеру — пожалуйста иди! Им разрешается писать и три раза в неделю получать свидание с родными и близкими. Их письма никто не проверяет, они получают в камеры газеты и журналы, более того, в одной из самых больших камер у них нечто вроде клуба, а в другой — канцелярия. Они выходят на прогулку во двор, когда пожелают, и питаются за свой счет. Правда, им положено отдельное здание и отдельный двор. Подхалимы так пресмыкаются перед ними, как будто они полицейские офицеры...

— Вот это да! — удивился Медвежонок.

Все уголовники считали, что коммунисты сейчас находятся в седле... За ними пошли работяги, и скоро им будет принадлежать весь мир...

Сначала Марош сомневался, что воры и жулики правы, но вскоре то же самое он услышал и от других. Сомнения его развеялись. Судя по всему, дела Коммунистической партии шли не так уж плохо.

Спустя несколько дней он совершенно неожиданно от одного из своих старых знакомых узнал много важного.

19 марта в их камеру поместили новичка, который оказался не кем иным, как Кароем Фертигом.

Марош смотрел на него и не верил своим глазам. Одежда была ему мала, и потому он чувствовал себя в ней неудобно. Пуговицы на животе с трудом застегива-

лись. Вид у него был такой, что Марош невольно расхохотался.

— Фертиг! — воскликнул он. — Что с тобой?

Фертиг же прежде всего самым достойным образом представился всем арестантам в камере. Затем в выгодном для себя свете рассказал о себе, однако сделал он это настолько искусно, что сразу же завоевал симпатии узников. Не забыл он упомянуть и о том, откуда он знает Мароша. А когда сказал, что в октябре и его приговорили к виселице, то авторитет Фертига сразу же подскочил вверх. И лишь после этого пролога он удовлетворил любопытство Мароша.

— Дружище, — начал он, — как ты знаешь, начиная с нового года я вращался в высших сферах. Перезнакомился с баронами и графами, более того, однажды беседовал даже с каким-то герцогом. Представители этих высших кругов половину своего времени занимаются политикой, а другую половину — торговыми спекуляциями. Паршивка графиня, особняк которой красуется на Фашоре, отдалась мне со всеми своими потрохами, а я взялся вести ее паршивые дела. Однако недавно я погорел, за что и получил год тюрьмы. — Фертиг засмеялся: — Черт бы его побрал! Мне все равно она до чертиков надоела. — Повернувшись к арестантам, добавил: — Хотите верьте, хотите нет, но эти важные дамы, как акулы, как я их называю, все до одной похожи на большого жирного червяка. Стоит только до такой дотронуться, как сразу же чувствуешь, какая она жирная, мягкотелая, а если вдобавок она еще старая, то и дряхлая к тому же...

Обитатели камеры разразились диким хохотом.

— Ну и опротивели же они мне... Когда я отсюда выйду, вернусь к своей простолюдинке Луизе и начну жить сначала. Ха-ха! У Луизы крепкое, словно сбитое, тело, кожа гладкая, как атлас, и пахнет от нее здоровой самкой. О, а как хороша она в постели!.. Она уж не станет стонать, как какая-нибудь надушенная барыня: «Ах, что ты делаешь? Ох, не так грубо!»

За удивительно короткое время Фертиг стал любимцем всей камеры. Благодарные слушатели хотели знать все подробности его богатой событиями жизни. Вообще-то он не жаловался на свою судьбу, только очень уж сожалел, что при аресте у него конфисковали двенадцать великолепных пепита-панталон, то есть панталон в

черно-белую клеточку. При первом уже упоминании слова «пепита» арестанты бурно захлопали и почти хором закричали:

— Браво, Пепита, браво! С тобой не соскучишься!

Так кличка Пепита крепко прилипла к Фертигу.

И Фертиг не был бы настоящим лигетским жителем, если бы он не играл той роли, которую ему отвели. Вечерами он красочно рассказывал различные сальные истории. Авторитет его рос с каждым днем.

Однажды Марош попросил Фертига рассказать о жизни в Пеште, о том, как выглядит сейчас город и о чем говорят в «высших сферах». Фертиг охотно рассказал, и тут Марош понял, что у его коллеги имеется и собственное мнение о происходящих событиях.

— Знаешь, дружок, в Пеште с начала года не произошло никаких изменений. По Бульварному кольцу, как и прежде, шатаются солдаты, выпрашивающие подаяния, проститутки же настолько опустились, что за одну бумажку в шесть крон готовы лечь с первым встречным. Каждый день происходят какие-то демонстрации. Развелось неимоверное количество всевозможных кружков, обществ и лиг. Имеются «Лига защиты территории», «Лига жителей Северной Венгрии», «Трансильванская лига» и бог весть какие еще. Голодные женщины ругаются и дерутся перед лавками и магазинами. Работают лишь некоторые заводы. Неизвестно, на какие средства живут люди. Повторяю еще раз, что положение в столице с января нисколько не улучшилось. Все это похоже на запор, когда ни поесть не можешь, ни опростаться — то и другое причиняет неимоверную боль. Чувствуется, что готовится какой-то огромный женский переворот.

— А еще что говорят?

— Говорят много чего. Каройи, Беринкеи, Гарами посылают в ад. Вспоминают какой-то Коминтерн, который намерен перевернуть весь мир. Об этом можно прочесть на страницах «Вереш уйшаг», которую продают на каждом углу. Беринкеи ратует за всеобщие выборы. Каждая партия, разумеется, гнет свою линию. Какой-то известный английский ученый, или бог его знает кто, сказал, что Европа сейчас похожа на медленно погружающийся в океан «Титаник».

— А коммунисты? О них тебе что известно?

— Преследуют их. Особенно хотят поскорее схватить Самуэли. Какой-то коммунист, кажется Черни, заявил, что он занимается формированием красных отрядов. Моей старой графине не нравится, что правительство выпускает сегодня слишком много бумажных денег, которые нельзя использовать даже в качестве клозетной бумаги. «Непсава» ругает коммунистов и их руководителей, а моя графиня говорит, что умная тактика коммунистов сведет на нет авторитет социалистов. Вот теперь и кумекай, кто из них прав. От одного банкира я слышал, что самое большое зло в настоящий момент заключается в массовой безработице, повсюду много голодающих, катастрофически не хватает топлива, в селах дела идут из рук вон плохо, а коммунисты тем временем вооружаются.

Все это он проговорил с легкостью, словно рассказывал о каких-то незначительных делах. Фертиг был настоящим гражданином Лигета и глубоко не задумывался о происходящих событиях.

Один молодой журналист написал о весне 15 марта 1919 года следующее:

«В этом году мы не отмечали юбилея событий 1848 года... Однако весна все же наступает. По небу все чаще проплывают кучевые облака, на город обрушиваются весенние ливни. Да и сам воздух пропитан весенними ароматами. Зимы 1918 и 1919 годов в общем были жестокими и голодными для бедных тружеников. Разумеется, не каждую неделю шел снег и завывал холодный ветер. Часто, очень даже часто погода была туманной, а затем шел дождь, небо беспросветно затягивалось тучами.

Сейчас же все с нетерпением ожидают прихода весны. С каким нетерпением и нервным напряжением! Ожидают прихода исторического момента! Этой весной должно окончательно решиться, что же именно останется от тысячелетней Венгрии. Да и вообще, будет ли существовать Венгрия? Есть ли на свете такая сила, которая в состоянии сделать невозможное? Сейчас идет речь о национальной чести! Одно ясно, что все на что-то надеются, чего-то хотят, ждут, что здесь, у нас, должны произойти события мирового значения. О, ты, святая, бурная, многообещающая Весна! Ответь нам, что же нас ожидает: жизнь или смерть!..»

Мароша угнетало сознание того, что в тюрьме, рядом с ним, сидят руководители Коммунистической партии, а он не может увидеться с ними, поговорить, узнать, о чем они думают. Однако он каждой клеточкой своего тела чувствовал волшебство приближающейся «святой весны», как ее назвал в своей статье журналист.

25

20 марта 1919 года жительница Буды, некто Ц. А., сделала в своем дневнике следующую запись:

«Каково мое душевное состояние? Оно неизменно: происходящее вокруг я воспринимаю как большую трагедию... Помимо этого ничего особенного, собственно, не произошло, если не считать, что повсюду проходят какие-то демонстрации, какие-то митинги...»

А спустя два дня, то есть 22 марта, она запишет:

«Советская республика, коммунизм, революция! Во всем мире бушует революция. На улицах нет никакого кровопролития. Город кажется спокойным и мирным, но она сама, мировая революция, ее идеи, ее дух живут и побеждают...

Когда я вчера утром вышла на улицу, я еще ничего не знала о случившемся. И хотя вокруг было тихо и спокойно, однако можно было видеть и чувствовать, что произошло что-то значительное, великое...

Трамваи не ходят, и мне пришлось пешком через мост перейти в Буду... Погода стояла великолепная, светило солнце, дул свежий мартовский ветерок...»

Следующая запись в дневнике была датирована 25 марта 1919 года:

«Беспокойные, тревожные дни. Идет коммунизация всей страны. Я сердцем чувствую себя коммунисткой. Повсюду царит порядок, лишь лавки и магазины закрыты. Правда, сегодня я видела на улице большую лужу крови, но разве это что-то значит? Революция-то уже совершилась!.. Я никогда так много не курила, как теперь...»

Следующая запись датирована 29 марта 1919 года:

«Мы живем в знаменательные дни. Каждый день происходят события, имеющие всемирно-историческое значение, которые являются значительными событиями и в нашей личной жизни... Свое состояние я, видимо, потеряла... Об этом я пишу совершенно спокойно, как

будто меня это нисколько не касается. Видя, как другие впадают в отчаяние, я чувствую, что деньги меня не интересуют...»

А как расценивал эти события Марош?

Много лет спустя в кружке молодых коммунистов он пытался воспроизвести события того бурного периода.

— Я думаю, — говорил он, — что историки знают гораздо больше о том времени, чем современники, которые жили той жизнью и были участниками этих событий... Я не смогу точно передать, какое чувство охватило меня в тот момент, когда Картал навестил меня в тюрьме. Вместе с ним пришли Каролин и Балаго. Мы обнялись, крепко стиснули друг другу руки и расцеловались. Однако эти серые мои слова, конечно, никак не могут передать моих чувств... Картал всегда умел сказать самое главное коротко и ясно... Всего лишь несколькими словами...

Правительство Беринкеи пало, превратилось в ничто, стоило только Виксу вручить ему ноту, которая являлась своеобразным смертным приговором тысячелетней Венгрии. Оно не смогло ни отклонить ее, ни принять... Оно просто-напросто размякло и выпустило власть из своих рук. Спасти честь венгерского народа и создать для народа родину свободного труда — эту задачу предстояло выполнить венгерскому рабочему классу. И мы выполнили ее. О том, что мы тогда думали, что делали, в свое время напишут ученые и историки... Я же знаю только то, что всех нас захватил красный водоворот. Что я делал? Думаю, что вы это знаете. Все мы, коммунисты, делали то, чего от нас требовало время.

Картал неожиданно исчез с моих глаз. Он попросил, чтобы я не искал его. К тому времени Каролин уже стала его женой. Эта великолепная женщина теперь работала в народном комиссариате народного образования.

Балаго было поручено заниматься вопросами производства... Илона и ее супруг работали в канцелярии народного комиссариата по военным делам...

У меня произошла очень интересная встреча с братом Ференцем. Вел он себя тихо, никакого воодушевления в нем не чувствовалось. Он коротко объяснил: «Моя партия приняла решение, и я, как ее член, подчинился ему». На сей раз он и словом не обмолвился о том, что

все, что он делает, он делает исключительно из чувства долга...

Меня назначили командиром роты, которая только что сформировалась. Несколько позднее это подразделение было переформировано в отряд так называемой «Красной охраны», командиром которого оставили меня... Известно, что сутки состоят из двадцати четырех часов, а я ежедневно не менее двадцати часов находился на ногах, как и все солдаты и командиры нашего отряда. Что мы делали? Трудно даже сказать. Не успевали мы выполнить одно задание, как нам давали новое. Спали мы очень мало, ели, можно сказать, на ходу или же в спешке. Не было времени даже для того, чтобы прочитать газету...

Все, что мы тогда делали, хорошо выразил плакат, который в те дни можно было видеть на каждой плакатной тумбе: «Ты, скрывающийся в темноте, распространяющий клеветнические слухи контрреволюционер, трепещи!» Мы обороняли железнодорожные вокзалы, телефонные станции, дома, в которых находились народные комиссариаты. Искали спрятанное контрреволюционерами оружие, реквизировали имевшиеся у буржуев автомобили, разыскивали потайные товарные склады. Переселяли многодетные пролетарские семьи в квартиры буржуев, которых Карой Фертиг называл «высшим обществом». Когда я увидел, в какой обстановке жили и живут наши господа, и сравнил их фешенебельные дворцы с бедными, жалкими домишками и комнатами на улице Коппань, у меня до боли сжалось сердце, а затем я разозлился. Все во мне так и кричало от возмущения: «И ради этого на фронте погибают миллионы людей?!»

Я уже говорил, что нас подхватил красный водоворот и повлек за собой. Какой порыв! Какой жизнью мы жили!.. Нами руководило и двигало нетерпение: хотелось как можно больше сделать! Сейчас может показаться, что вопросы, которыми я занимался, были мелкими и не столь важными, но тогда любое задание было важным. А чем занималась партия? Что я тогда мог знать о том, чем занималась партия? Налаживала нарушенное производство, приступила к созданию революционной армии, пыталась как-то нормализовать снабжение населения продуктами питания. Нужно было сосредоточить всю власть в руках пролетариата. Нужно

было завоевать каждого честного гражданина, убедить его в необходимости строить новую родину.

А в это же самое время чешская, румынская и хорватская буржуазия отрывала своими хищными зубами все большие и большие куски от территории страны...

Мои друзья и я жили в состоянии особого возбуждения, которое требовало от нас большого напряжения сил... Да разве можно словами описать ту обстановку, в которой рождалось новое пролетарское государство...

16 апреля 1919 года, когда войска румынской королевской армии в 3 часа 15 минут начали общее наступление на территорию Венгерской советской республики, Марош, будучи командиром красного отряда, получил приказ провести обыск на одной вилле в Буде.

Ее владелица, некто Валерия Едельсхейм, супруга известного зарубежного банкира фон Сашница, только что вернулась из-за границы, чтобы забрать свои драгоценности (золото и бриллианты).

Узнав о том, что у нее на вилле будет обыск, Валерия Едельсхейм была очень удивлена, еще больше она изумилась тому, что Марошу известно, где она хранит свои драгоценности. Увидев, как уплывают ее богатства, аристократка возмутилась. Молодая, спортивного типа дама, забыв обо всем на свете, ударила Мароша по лицу.

— Ах ты, грязная красная крыса! — заорала она. — Через несколько дней румыны вышвырнут вас отсюда, как мусор!

Марош схватился за пистолет, однако не успел он что-либо предпринять, как один из солдат так ударил ее, что она едва устояла на ногах. Марош остановил солдата. Даму доставили под охраной в комендатуру «Красной охраны». Через несколько месяцев она была уже в Австрии, где всячески поносила в газетах «зверства большевиков».

Успешное наступление румынских королевских войск вдохновило врагов революции. Марош в те дни, да и не только он, жил сводками, поступающими с фронта.

Бокани на совещании Совета так оценил обстановку: «Мы сожгли за собой все мосты, дороги назад нам нет, остается только путь вперед!».

Марош внимательно следил за соотношением сил воюющих сторон, знал имена всех генералов, командовавших румынскими, чешскими, французскими и итальянскими войсками. Судьба республики решалась на фронтах. Вопрос о создании армии являлся самым важным и неотложным.

Марош подал рапорт с просьбой направить его на фронт. Вскоре он получил ответ: до праздника 1 Мая ему надлежит оставаться на месте.

С фронтов поступали плохие вести: пал Надьварад, взят Надькарой, захвачен Сатмарнемет, пал Дебрецен; командование Трансильванской дивизии капитулировало перед румынами. Румынские войска вышли на линию реки Тисы, а французские войска, захватив Сегед, заняли Ходмезевашархей и Мако.

Единственным утешением было провозглашение Баварии советской республикой да успехи Советской России.

Секретные документы, поступавшие в «Красную охрану», несли тревожную информацию о положении в стране.

Начальник генерального штаба румынской королевской армии предложил Клемансо полностью оккупировать территорию Венгрии и тем самым сделать невозможным создание венгерской армии, которая могла бы стать в будущем союзником германской армии. Под воздействием таких и подобных слухов — а положение на восточном фронте подтверждало возможность такого варианта — в Пеште стали сильны идеи пораженчества. К счастью, в ограниченном виде.

Один английский репортер писал в своих записках: «В огне революции будут сожжены все клетки огромного организма, а сколько в нем противоречий и полярностей. Домашние хозяйки, придя на рынок, походят-походят да так с пустыми сумками и возвращаются домой. Им приходится подолгу выстаивать в очередях у пунктов выдачи продуктов. Но на заводах рабочие получают, хоть и небольшой, паек. Контрабандный ввоз продуктов питания стал довольно опасным предприятием. Однако цены на продукты на черном рынке такие высокие, что спекулянты, несмотря ни на что, идут на риск.

Однако компартия пользуется большим влиянием в народе. Не сдают своих позиций и враги нового режи-

ма. На все лады они кричат об экономической блокаде страны и потихоньку нашептывают, что «если этих красных разоружить, то в страну сразу же хлынет мощный поток продуктов и товаров...»

В Вене создаются различные контрреволюционные венгерские комитеты самого различного толка, которые тайными путями переправляют через границу подрывные материалы. В первую очередь они стараются подорвать доверие к новому режиму у молодежи. Некоторые социалисты старого покроя (правда, их довольно немного) провозглашают так называемый революционный пацифизм — борьбу без оружия.

Коммунисты же единодушно утверждают, что румынская, чешская и хорватская буржуазия вместе с Антантой стараются надеть наручники на руки венгерских рабочих. Контрреволюционные элементы выбросили лозунг: «Хотим создания профсоюзного правительства!» Этим самым они хотят вбить клин между коммунистами и социалистами. Каково же мнение народных масс? Приближается известный рабочий праздник, и по тому, в какой атмосфере он пройдет, можно будет судить, на чью сторону встанет народ...»

29 апреля Марош получил задание сформировать красный батальон из числа рабочих-строителей, членов профсоюза. 1 Мая он весь день находился в наряде, а вечером встретился с Каролин и Балаго. Тильда, как и раньше, завидев его, бросилась к нему на шею и, усевшись на колени, начала подробно рассказывать о том, что случилось на острове Маргит в так называемой Детской республике.

Каролин, Балаго и Марош были в восторге от праздника. Каролин рассказывала:

— Весь день я провела на улице среди людей. В Пеште еще никогда такого не было. С кем бы я ни разговаривала: с мужчинами, с женщинами, с молодежью — все были настроены по-революционному... Сегодня наша столица своей многолюдной демонстрацией, которой не видно было ни конца ни края, завершила выбор в пользу нового строя... Все пели, танцевали. Не знаю, как французы отмечают День взятия Бастилии, но я не помню праздника более торжественного, чем этот. Какой великолепный ответ был дан всем тем, кто

хотел похоронить новый мир! Так уверенно праздновать Первомай, когда румынские войска уже форсировали Тису и вышли к Абони! Это больше чем чудо! Такого я и представить себе не могла!.. — Неожиданно помрачнев, она погладила Тильду по голове и продолжала: — Невеселая у меня судьба... Волею обстоятельств я не могу разделить свою радость с человеком, которого люблю. Тогда, в октябре восемнадцатого года, и вот теперь, в нынешний Первомай...

Каролин имела в виду Арпада Толди, а затем — Картала, которого сейчас не было с ними.

На следующее утро Марош направился в профсоюз рабочих-строителей. Группу строителей возглавлял плотник Иштван Ваги. Со всех концов города к зданию профсоюза стекались молодые рабочие. В десять часов утра Ваги зачитал присутствующим Воззвание Революционного правительственного совета:

— «Рабочие, товарищи! К нам приближается революция, победоносная революция рабочих, крестьян и солдат. Вооружайтесь! Готовьтесь к защите пролетарской революции, расширяйте ее, укрепляйте, отдавайте ей все свои силы, что безусловно приведет к победе власти рабочих и крестьян...»

Затем слово взял Бокани — каменщик и известный оратор, признанный руководитель строительных рабочих. Голос у него был сильный и зычный, как колокол.

— К оружию! — призывал Бокани. — Революция в опасности! В опасности отечество рабочих! Мы можем потерять все, что мы имеем. Братья мои, до сих пор нам говорили, что у пролетариата нет отечества. Но наша революция смела прошлое. Так запишем же огненными буквами в своих сердцах и в своей памяти то, что сказал Бела Кун: «У венгерских пролетариев уже есть отечество! И, следовательно, его нужно защищать! К оружию! Родина зовет нас!»

— Мы готовы! Хоть сейчас готовы!

— Почему мы об этом говорим только теперь? Быть может, мы что-то просмотрели в вопросе защиты наших границ?

— Ничего мы не просмотрели! Как только мы взяли власть в свои руки, Революционный правительственный совет сразу же отдал распоряжение о защите своих государственных границ. Воинские части и подразделения, находящиеся под ружьем, получили приказ на обо-

рону. Правда, с самой первой минуты было ясно, что оборонительные действия мало что дадут. Необходимо переходить к наступлению, но для этого прежде всего нужно было создать благоприятные условия. И в первую очередь укрепить власть на местах, а сделать это в условиях теперешней раздробленности не так-то легко. Собственно говоря, почти во всех отраслях нужно было все начинать с начала. Необходимо довести до каждого человека цели и задачи революции, с тем чтобы они стали понятными и близкими. В народные массы нужно вдохнуть новые идеи. Первостепенной задачей следует считать пуск производственных предприятий, которые должны снабдить новую формирующуюся революционную армию всем необходимым. А на все это требуется время. Следует вести большую и кропотливую воспитательную работу, с тем чтобы каждый гражданин понял, что он не имеет права бездействовать ни одного часа, когда мы ведем беспрестанную войну с контрреволюцией. Что же произошло с армией?

— Предательство! Измена! — послышались громкие выкрики.

— Да, произошла самая настоящая измена, самое подлое предательство! — снова заговорил Бокани. — Реакционно настроенные офицеры Трансильванской дивизии самым подлым образом обманули своих солдат. Они убедили их в том, что если они немедленно не сложат оружия, то румыны уничтожат их семьи и всех близких, которые живут в Трансильвании. Солдаты, естественно, испугались, и, хотя в дивизии были подразделения, которые не поверили подлой клевете, большинство личного состава побросало оружие и покинуло боевые позиции. Это оказало деморализующее влияние на другие воинские части. Мы же вместо решительных мер начали затыкать дырки и щели, посылая туда солдат, хотя это и не дает желаемых результатов.

— Необходима мобилизация! — послышались крики из толпы.

— Да, нам сейчас необходимо собрать все свои силы, — продолжал Бокани, — враг озверел и активизировал свои действия. Он считает, что мы слабы и ему удастся сравнительно легко одолеть нас. Французские и итальянские генералы сколачивают для борьбы против нас чешские отряды. Для подавления революционных выступлений венгерского и словацкого пролетариа-

та буржуазия использует наемные легионы, состоящие из французских и итальянских солдат. Они хотят сокрушить Венгерскую советскую республику. Они думают, что им рано или поздно удастся разбить нас, как это им удалось сделать с мюнхенскими рабочими. Но с нами у них этот номер не пройдет! Они явно просчитались! Революционный вихрь пройдет по всей планете и сметет все города. Сейчас мы не одиноки. Наглядный пример того, как нам нужно действовать, показывают нам рабочие и крестьяне Советской России. Мы прогоним из нашей страны захватнические войска чешской, румынской и хорватской буржуазии. С помощью трудящихся словаков, румын, сербов и хорватов мы отстоим свою свободу.

К нам уже начали прибывать добровольцы из Австрии (это смелые солдаты), к нам примкнули находящиеся в Венгрии русские военнопленные.

Повсеместно один за другим формируются красные рабочие полки. В авангарде борьбы идут рабочие-металлисты. Так последуйте же их примеру! К оружию! К оружию!

Пламенная речь Бокани зажгла рабочих, воодушевила их.

— Мы не одиноки! — продолжал Бокани. — Мы ни на миг не собираемся отрываться от мира и происходящих в нем событий. Мы не тешим себя иллюзиями. Мы прекрасно понимаем, что настал решающий исторический момент. И мы не имеем права упускать его. Было бы бесчестно бездействовать именно сейчас. — Бокани был в ударе, и голос его звучал торжественно. — Братья, все, в ком сохранилась хоть искра человечности, любви к родине и пролетарское самосознание, немедленно возьмут в руки оружие. Имейте в виду, что в этот момент один железнодорожный эшелон с красноармейцами вслед за другим направляются к Тисе. И наше с вами место тоже там!

Слова Бокани подействовали на Мароша, как звон колокола во время пожара. И вместе со всеми он крикнул:

— Наше место там!

26

В бывших казармах Франца-Иосифа весь день царило настоящее столпотворение. К вечеру был сформирован батальон из строителей, состоявший из четырех стрелковых рот и пулеметного взвода, на вооружении которого находились четыре почти новеньких пулемета системы Шварцлозе.

Основная заслуга в формировании батальона принадлежала подполковнику Колбаху. Офицер старой армии, получив задание, он с жаром принялся его выполнять. По характеру это был спокойный человек. Казалось, ничто не может вывести его из себя, и в то же время действовал он проворно и довольно быстро все поставил на место.

Правда, батальон, выстроенный для ознакомления с первым приказом, выглядел довольно странно. Во-первых, оружие имела лишь половина личного состава. Люди были одеты кто в гражданскую одежду, кто в порванное старое обмундирование. Новую форму получила лишь треть личного состава.

Ровно в восемь часов вечера подполковник Колбах зачитал первый приказ, согласно которому командиром батальона назначался поручик бывшей королевской армии Иштван Бешнеи, а начальником штаба — Карой Мадараш. Командирами рот назначались: Арпад Сарка, Бела Пирош, Вилмош Хегедюш и Карой Темпе. Шандору Салаи доверили командовать пулеметным взводом. Все они прошли войну, были опытными солдатами. Политкомиссаром батальона стал Иштван Ваги. Мароша назначили комиссаром 2-й роты и одновременно пулеметного взвода.

Подполковник Колбах произнес прощальную речь:

— Красноармейцы! Сынки мои, красные строители! Сейчас вы прямо отсюда, из казармы, направитесь на железнодорожный вокзал. Там вы сядете в эшелон и уже утром будете в Дьендьеше. Там вас полностью обмундируют, вооружат. Там же вы пройдете необходимую подготовку. С этого момента вы стали солдатами, верными сынами нашей славной революционной армии. Мы всех вас предупреждаем: каждое нарушение воинской дисциплины будет наказываться по всей строгости революционного закона. Я твердо уверен в том, что все вы прекрасно понимаете меня. Особенно я прошу вас

доверять вашим командирам, которые еще совсем недавно служили в старой армии, но сегодня они находятся вместе с вами и готовы пожертвовать всем, вплоть до своей жизни, ради интересов отечества. Так идите же и с победой возвращайтесь домой.

На плацу, окруженном казарменными зданиями, прогремело громогласное «ура!». Из окон казарм уходившим солдатам махали руками и шапками.

С громкой песней батальон строителей направился на железнодорожную станцию...

В этот же день, 2 мая 1919 года, уже известная нам жительница Буды записала в своем дневнике:

«Прохладно, как будто май вовсе и не наступал. Вчера был большой праздник. Я только что слышала, что сегодня между пятью и шестью часами здесь, в Пеште, будут войска Антанты. Неужели это правда? Сейчас часы показывают ровно три часа, значит, осталось всего-навсего несколько часов, и они будут здесь. Говорят, что правительство ушло в отставку... Я в ужасном настроении... Иногда мне кажется, что во мне живут два противоречивых человека, которые не только спорят, но даже борются друг с другом...»

Когда колонна миновала Ракош и огни его остались позади, Марош почему-то вспомнил о Каролин. Он вдруг представил ее в тот момент, когда она говорила о своей невеселой судьбе.

Подумал об Илоне: «В конце мая она должна родить... Интересно кого: мальчика или девочку?»

Затем его мысли перескочили на учителя Арпада Толди...

Железнодорожная линия Будапешт—Мишкольц—Кашша была сильно перегружена. Прибывший на станцию батальон сразу же был погружен в эшелон.

В пути они часто и подолгу останавливались. Несколько часов проторчали в Асоде, потом в Хатване. В Дьендьеш приехали утром. Население небольшого города встретило красноармейцев тепло. Даже те из солдат, кто не имел военной выправки, подтянулись, зашагали тверже, пытаясь произвести на жителей благоприятное впечатление. Задорная солдатская песня выманила на улицы старых и малых, со всех сторон раздавались дружеские возгласы.

Солдат разместили в здании школы, в бывшей кавалерийской казарме, в здании комендатуры и муници-

палитета. После обеда солдатам выдали обмундирование и снаряжение. Френчи, белье и обувь были совершенно новенькими. Вместо старых головных уборов были выданы фуражки с козырьком. Оружие получил каждый.

Иштван Бешнеи (до войны инженер-строитель) всю войну пробыл на фронте, где дослужился до поручика. Он всегда старался быть поближе к солдатам. И хотя он не был коммунистом, но полностью разделял их взгляды на вооруженную защиту отечества. Это был довольно молчаливый человек, который никогда не кричал, никто не видел его злым или же взвинченным, а тем более растерянным или нерешительным. Все солдаты батальона питали к своему командиру полное доверие.

В Дьендьеше батальон приступил к учебе. Более половины солдат не проходили военной подготовки и не были на фронте.

Они не умели владеть оружием, не имели представления о строевой подготовке, не знали знаков различия.

Сначала приступили к изучению знаков различия. Занятие вел Ваги.

— Командир отделения имеет одну красную нашивку шириной в сантиметр, которая прикрепляется на нижнюю часть правого рукава френча или же шинели, — объяснял он. — Командир взвода имеет две такие нашивки. Командир роты имеет такую же нашивку, но только шириной в три сантиметра. Командир батальона и начальник штаба бригады носят трехсантиметровую нашивку красного цвета, а под ней на расстоянии один сантиметр еще одну нашивку, но только шириной в один сантиметр. Командир полка и начальник штаба дивизии носят трехсантиметровую нашивку и три нашивки по одному сантиметру шириной. Командир дивизии и начальник штаба армии имеют красную нашивку шириной в один сантиметр, а под ней три сантиметровых нашивки желтого цвета. Отличительным знаком для всех политкомиссаров является красная нарукавная повязка шириной в двенадцать сантиметров, которая носится на левой руке. Точно такие же знаки различия помещаются на головном уборе, украшенном кокардой в форме красного кружка.

Надев на левый рукав повязку комиссара, Марош

невольно вспомнил Картала. «Какой проницательный человек! — подумал Янош. — Он знал все наперед».

Марош улыбнулся и вспомнил, что говорил Картал о задачах политкомиссара. И как пригодилось теперь это ему! Он старался во всем следовать указаниям друга. «Где-то он сейчас?» — думал он.

Многому научился Марош и от Ваги, который очень часто беседовал с политкомиссарами и с рядовыми солдатами: сегодня — в одной роте, завтра — в другой. В одной из таких бесед с комиссарами он рассказал о революционных традициях новой армии.

— Сформировать армию за такой короткий срок не удавалось еще никому в истории. Этого не смог сделать сам Кошут, этого не могло сделать и буржуазное правительство в период революции астры. Мы сформировали армию после Первомая за несколько дней. Кадровый солдат хорошо знает, как это нелегко. На такое способны лишь сильные нации, да и то в период больших событий.

Мы с гордостью взялись за выполнение великой задачи, мы продолжаем дело, за которое боролись в свое время сторонники Дьердя Дожи, купцы Ракоци, венгерские якобинцы и гонведы Кошута. Они хотели земли, свободы, республики, сильной независимой Венгрии. Но достижению этой замечательной цели помешали внутренние и внешние враги. Теперь настала наша очередь действовать и добиться того, за что проливали кровь и отдавали свою жизнь наши предки, добиться создания нового отечества, где труд будет свободен от эксплуатации.

Друзья мои, время не щадит никого, нас тоже когда-то не станет, однако то, ради чего мы боремся, останется навеки. Наша армия является революционной, она сражается за создание нового, бесклассового общества. Товарищи, пусть сильнее бьются наши сердца, мы первые на свете последовали примеру русского пролетариата! Именно за это нас и проклинают наши враги, а трусы, маловеры и лживые пророки насмехаются над нами. Они говорят, что мы представили себя этакими носителями мессии. Что мы можем им на это ответить? То, что история предоставляет нам огромные возможности для освобождения от оков. Мы были бы ужасно глупыми, если бы не использовали этой возможности. Что

же касается меня, могу сказать только одно: у трусливого народа нет родины!

Солдаты расположились вокруг Ваги под тенистыми деревьями: одни сидели на траве, другие — лежали.

— Скажите, как вы думаете, ради чего за четыре года войны на фронтах погибло так много венгерских солдат? За интересы Венгрии? Или за ту проклятую жизнь, которую дали им богачи? Есть ли мне смысл отвечать на все эти вопросы, когда вы сами можете прекрасно ответить на них. Лучше мы поговорим о цели, ради которой готовы идти в бой. Если мы на самом деле не желаем быть порабощенными, то должны смело смотреть в глаза действительности. Со всех сторон нас теснит враг. Народ наш голодает, дальше терпеть он уже не может и не хочет. А буржуазные пропагандисты хотят лишить нас веры в победу нашего дела. Можем ли мы победить, спросите вы меня? Да, можем, если организуем активное наступление и прорвем северные ворота!

Он говорил ровным спокойным голосом. Солдаты слушали его внимательно.

— Что мы называем северными воротами? — спросил он. — Буржуазные армии взяли нас в кольцо и всеми силами стараются помешать нам соединиться на севере с войсками русской Красной Армии. С этой целью они бросили в Северную Венгрию французских и итальянских легионеров. Именно поэтому французские и итальянские генералы взяли на себя командование буржуазной интервенцией. Именно с этой целью войска чешской и румынской буржуазии перекрыли нам путь к северным воротам. Но мы должны пробить эти ворота и выйти навстречу частям советской Красной Армии. Вот когда наконец-то и наша военная форма станет красной!..

Ваги помолчал, ожидая, когда немного уляжется волнение солдат.

— Я уже говорил, что наша армия — это революционная армия, а это значит, что, когда мы пробьем северные ворота и выйдем в районы, где большую часть населения составляют словаки, русские национальности и другие, мы придем туда не как завоеватели, а как освободители. Мы принесем им свободу. Тот, кто хочет создания словацкой республики, пусть создает ее,

кто мечтает о создании русской республики, пусть её провозглашает. Таким принципом руководствуются настоящие интернационалисты...

Следовательно, наша главная задача состоит в открытии северных ворот!.. Подумайте, товарищи, весь урожай с земли, которую мы захватили у буржуев, будет принадлежать нам! Вы понимаете меня? Нам будет принадлежать зерно, картофель, овощи и фрукты... А если население в Пеште и в других городах и населенных пунктах перестанет голодать, тогда наши силы будут расти с каждым днем. Кровопролитие прекратится! — Последнюю фразу Ваги произнес с силой и на миг замолчал. — Да, кровопролитие прекратится, — повторил он еще раз. — Разве это не самое лучшее доказательство нашей правоты? Это значит, что, кроме нас, в стране нет такой силы, которая была бы способна создать порядок жизни...

Свое выступление Ваги, подобно каждому народному трибуну, закончил с пафосом.

— Красноармейцы! — громко произнес он. — Война есть война, тот, кто появляется на ее поле, должен убивать, но и его самого тоже могут убить. Я обращаюсь к закаленным бойцам, которые не раз были на фронте, обращаюсь с просьбой, чтобы они помогали своим товарищам, приободряли новичков, которым впервые предстоит идти в бой. «Один за всех и все за одного!» — вот наш лозунг.

После выступления Ваги бывалые солдаты рассказали о своих фронтовых впечатлениях.

Командир пулеметного взвода Салаи, которому было немногим более тридцати, но на передовой он провел четыре года, вспоминал:

— В конце семнадцатого — начале восемнадцатого года к нам в часть начали прибывать восемнадцатилетние новички. В первом же бою, когда артиллерия противника перешла к ведению сосредоточенного огня, кое-кто из них наделал в штаны, а были и такие, что прямо-таки потеряли голову. Мы, старики, уже настолько привыкли к таким обстрелам, что даже не испытывали особенного страха. Было одно желание — отомстить тем, из-за кого льется столько крови. Мы не боялись смерти. Правда, это не совсем так. Каждый здравомыслящий человек, естественно, боится смерти. Мы же просто научились обуздывать собственный страх.

Теперь, когда мы сражаемся за правое дело, не должно быть трусов среди нас...

На следующий день в батальоне прочитали приказ о всеобщей мобилизации, которую объявил Революционный правительственный совет:

«Каждый пролетарий должен взять в руки оружие... Мы должны спасти революцию, если мы не хотим жить жизнью, которая страшнее самой смерти... Сейчас у нас нет ни времени, ни возможности на раскачку и колебания... Революция в опасности... Каждый пролетарий обязан взять в руки оружие...»

Марош лично знакомился с каждым бойцом 2-й роты и пулеметного взвода. Подолгу беседовал с ними, стараясь вдохнуть в каждого революционный энтузиазм. Командир роты и пулеметного взвода как могли помогали ему.

— Смелость — это умение справиться со страхом, — объяснял солдатам Пирош. — Рождается это умение под влиянием той великой цели и тех идей, которые движут всеми нашими поступками.

Среди вас много таких, кому всего за несколько дней предстоит овладеть мастерством воина. Дело это нелегкое. В старой армии на это уходило целых три года, в военное время — три месяца или же самое меньшее шесть недель. Но мы солдаты революционной армии, поэтому нам по плечу и невозможное. Постарайтесь как можно скорее научиться владеть оружием, овладеть тактикой боя, так как без этого невозможно одержать победу и остаться в живых...

Учиться будем по десяти часов в день. После стрельб, занятий по тактике и строевой подготовке — политзанятия. Каждый день будем заниматься на новой местности: на равнинной, на песчаной и в горных условиях. Придется как следует попотеть в горах и не раз вымокнуть в холодной реке. Побываете вы и на виноградниках, где, вероятно, вас угостят винцом. Красивые там места, замечательные. Многие из вас впервые в жизни увидят сельскохозяйственные работы. Все это поможет вам еще больше полюбить нашу родину, поможет научиться смотреть на нее глазами настоящего хозяина.

Однажды к Бешнеи и Ваги пришел парень и рассказал, что в Дьендьеше появился молодой священник, которого до этого никто не видел. Он бродит по городу и

предупреждает молодых людей о том, чтобы они остерегались Красной армии.

Ваги распорядился выслать патруль за священником.

Молодой поп при разговоре не стал отпираться, заявив, что он-де выполняет волю божью, наставляя молодежь на путь истинный. Беседа эта продолжалась довольно долго.

— Вы венгр? — спросил священника Ваги.

— Да. Истинный венгр.

— Но если вы на самом деле истинный венгр, тогда почему же вы не оказываете помощи армии, которая хочет выгнать из истинно венгерских городов, таких, как Мишкольц, Дебрецен и Сегед, иностранных завоевателей? А вы не думаете о том, что, ведя агитацию против нас, тем самым помогаете оккупантам?

— Я слуга господа, и для меня свята его воля.

— А разве господь не желает, чтобы истинно венгерское и в будущем оставалось венгерским?

Священник молчал.

— Уж не хотите ли вы, чтобы все погибло, полетело в тартарары, но только не досталось бы красным.

Священник и на это ничего не ответил.

— Я венгр, — заговорил он после долгого молчания, — верующий и слуга господа бога...

— Я тоже венгр, только атеист, — оборвал его Ваги, — но я люблю свою родину, а вы ее не любите.

— Не говорите этого!

— Не говорить? Тогда почему же вы не идете вместе с теми, кто взял в руки оружие, чтобы защищать свою родину?

— Тот, кто идет вместе с красными, не может быть хорошим венгром.

— Видите ли, — вступил в спор Бешнеи, — я лично не являюсь ни атеистом, ни коммунистом, но я только потому и вступил в Красную армию, что я венгр. Вам это понятно?

— Для меня это пустые и лукавые фразы, — признался поп.

— Вот как? Не так давно ваша церковь именем бога освящала оружие солдат Франца-Иосифа и благословляла их отправку на фронт. Это же самое делала и итальянская, и английская, и русская церковь. А сыны господа бога различных наций его же именем уби-

вали друг друга. А в этом вы не усматриваете ничего от лукавого?

Священник снова замолчал.

— Говорят, что ваш бог, — сказал Ваги, — провозгласил идею братства народов. Уж не хотите ли вы сказать, что Франц-Иосиф, император Вильгельм, царь Николай, английский и итальянский короли тоже хотят братства народов? Нет? Вот видите! Они последовательно выступают против воли божьей. Но тогда почему же слуги господни все-таки освещают оружие? Выходит, что и они идут вопреки божьей воле? Или, быть может, они пекутся о благе своей родины?.. На все это вы могли бы сказать, что коммунисты не являются приверженцами идеи братства народов, поскольку они преследуют богатых. Но мы преследуем не богатых, а эксплуататоров... Что вы на это скажете?

Священник и на этот раз молчал.

— Подумайте как следует над этим, — посоветовал ему Ваги. — И не забывайте того, что написано в священном писании: легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому попасть в рай...

И снова священник не нашелся, что ответить Ваги.

— Теперь вы можете идти.

— Меня не накажут?

— Накажут, а заключаться ваше наказание будет в том, что об этом нашем с вами разговоре станет известно молодежи, которая состоит в вашей католической общине... и, разумеется, нашим солдатам...

27

19 мая на рассвете красный батальон строителей был поднят по тревоге.

Командир батальона Бешнеи ознакомил личный состав с предстоящей задачей:

— Третий корпус, куда входит и наш батальон, получил приказ взять Мишкольц. Бой будет решающим. Наступая на Мишкольц, мы одновременно оказываем неоценимую помощь окруженным защитникам Шальготарьяна. В то же время мы как бы сбиваем с северных ворот один из серьезных замков и получаем возможность выйти навстречу войскам советской Красной Армии, которые развивают наступление в направлении Галиции и Буковины. Выполнить эту задачу — это все

равно что умножить наши силы в несколько раз и в конечном результате одержать победу над врагом. Реальная ли эта задача? Реальная. Не следует забывать, что в настоящее время мы располагаем силами в сто пятнадцать батальонов, восемьдесят четыре пулеметных роты, восемь кавалерийских эскадронов, четырнадцать артиллерийских батарей, двадцать гаубиц, восемь авиаэскадрилий и шестнадцать инженерных рот. Продолжается дальнейшее формирование воинских частей и подразделений и производство боеприпасов и всего прочего, необходимого для боевой деятельности войск.

Недалек день, когда наша Красная армия будет насчитывать двести тысяч человек. Повторяю еще раз, что со взятием Мишкольца мы сделаем огромный шаг вперед для соединения с русской революционной армией...

Перед посадкой в вагоны Ваги произнес короткую речь:

— Товарищи! Мы выполняем великую миссию — миссию освобождения людей. Мы несем свободу туда, где ее пока еще нет. Для нас каждый человек, который не является буржуем и эксплуататором — родной брат и друг. Однако мы далеко не уверены в том, что все те, кого мы освободим, поймут нас. Именно поэтому каждый красноармеец является не только бойцом, но и агитатором. В настоящее время на каждого из нас возложено выполнение обеих этих задач. Этим мы коренным образом отличаемся от солдат любой буржуазной армии, которые воюют ради интересов эксплуататоров. Мы патриоты и интернационалисты. В своих сердцах мы несем любовь к своей родине, а красный цвет нашего знамени является олицетворением наших интернационалистских задач... Товарищи, так постараемся же быть хорошими солдатами, и пусть перед нами трепещут враги!..

Слушая речь Ваги, рядовой Зимани подумал: «Если мы являемся патриотами и интернационалистами, то почему же тогда мы не написали это на своих знаменах?»

Зимани был честным рабочим и преданным красноармейцем. К сожалению, в силу своей природной скромности он никому не рассказал об этих мыслях. И только позже, спустя несколько недель, об этом заговорили другие.

Эшелон, в который погрузился батальон, тащили два стареньких паровозика. Многие жители Дьендьеша пришли проводить красноармейцев. Паровозики бодро посвистывали. Бойцы в вагонах затянули песню.

Командир взвода пулеметчиков Салаи тронул за рукав Мароша:

— Ты слышишь? Такие проводы я видел только в самом начале войны, только тогда солдаты, отправляющиеся на фронт, были все поголовно пьяны. Но они не пели. Эти же хотя ничего не пили, но пьяны от охватившего их возбуждения. Разве это не чудо, браток!

Марош молчал.

— Ты чего молчишь? Тебя что-нибудь тревожит?

Марош улыбнулся:

— Я думаю о том, что скоро стану отцом... Хотелось бы, чтобы судьба была ко мне благосклонна и я, вернувшись с фронта, увидел сына...

— Наверняка увидишь...

— Да... но все же... Я знаю одну семью, где глава, учитель по профессии, погиб на фронте, так и не увидев своей маленькой дочки, которая родилась в его отсутствие... Вот с ним судьба обошлась очень сурово...

Салаи молча смотрел на длинный шлейф черного дыма от паровоза.

В Некладхазе красноармейцы выгрузились из вагонов. Эшелон сразу же отправили обратно. На станции собралось много войск. Отсюда под Мишкольц выступала 1-я дивизия 3-го корпуса, состоявшая из двух бригад и четырех полков: 7, 8, 9 и 32-го Будапештского смешанного полка, укомплектованного почтовыми работниками, железнодорожниками и бывшими полицейскими, составлявшими почти половину всего личного состава. В состав полков входило много рабочих с таких крупных будапештских заводов, как «МАВАГ», «ГАНЦ», «ЕМАГ», судостроительного завода в Обуде и центральных мастерских. Раньше в военных действиях они не участвовали.

Батальон красных строителей был переименован в 1-й батальон и вошел в состав 7-го полка.

В ходе боев за овладение Мишкольцем 1-я дивизия получила для усиления еще четыре батальона и шесть артиллерийских батарей, общее количество которых достигло одиннадцати батарей.

Последним Некладхазу оставил 7-й полк дивизии. Бешнеи отметил порядок и дисциплину, царившие в подразделениях.

— Наши солдаты произвели на меня хорошее впечатление, — заметил Бешнеи стоящему рядом с ним Ваги. — Что-то покажет первый бой?

Колонна двигалась по шоссе, справа и слева были высланы пехотные заставы. В населенных пунктах солдат встречали местные жители.

— Теперь мы вас уже не боимся! — кричали солдатам женщины. — Теперь мы уверены в том, что противник сюда уже никогда не придет! Всего вам хорошего, красноармейцы!

Уже за селом батальон догнал какой-то пожилой мужчина и попросил провести его к командиру. Его привели к Бешнеи. Незнакомец сказал, что он сапожник и хотел бы добровольцем вступить в батальон.

— Пусть мне дадут винтовку! — умолял он. — В Мишкольце у меня остались сноха, сын и трое внуков. Вчера оттуда пришел сапожник по фамилии Пал Веконь. От него я узнал, что итальянский командующий, кажется Зинконе, приказал пытать арестованных коммунистов. Мой сын тоже коммунист, быть может, и его поймали и тоже пытали. Вот я и хочу отомстить за него.

— А что вы еще можете сообщить нам о противнике в Мишкольце?

— Могу сообщить, что все три самые крупные в городе казармы забиты итальянскими и чешскими солдатами. Солдаты живут и в школах. А в гусарских казармах стоит подразделение бронемашин. Оккупанты говорят, что они скорее сожгут весь город дотла, но красных в него не пустят. Я собственными глазами видел множество орудий, которые установлены на склонах Аваштете, откуда они могут вести огонь в любом направлении. — Сапожник громко вздохнул и, вытерев платком потный лоб, продолжал: — Выбить их из города будет очень трудно. Уж больно их там много.

Отпустив старика, Бешнеи сказал Ваги:

— В любом таком показании хоть капля правды да есть.

Солнце уже склонилось к горизонту, когда батальон вышел к окраине Хейочабы. Неожиданно со стороны горы Аваш показались три французских самолета. Об-

стреляв батальон, они скоро скрылись из виду. Был убит командир 2-й роты Янош Ковач. Он был первой жертвой в батальоне.

Похоронили Яноша Ковача со всеми подобающими почестями.

По прибытии в Хейочабу командир батальона получил боевое задание, которое тут же довел до командиров рот.

— С наступлением темноты подразделениям занять позиции слева от шоссе: от населенного пункта Дудайка до виноградников. Выходить в указанный район вдоль ручья. Порядок расположения подразделений: на правом фланге — 1-я рота (командир Сарка), в центре — 2-я рота (командир Пирош), на левом фланге — 3-я рота (командир Хедегюш). Во втором эшелоне будет располагаться 4-я рота (командир Темпе). Пулеметный взвод Салаи оставляю в своем распоряжении...

Развертывание батальона в боевой порядок прошло организованно. Ваги обошел роты и лично убедился в том, что красноармейцы настроены по-боевому. Только один Дюри Яскока ругал темноту. Он был словаком с берега Нитры, но по-венгерски говорил не хуже любого венгра. Дюри был всеобщим любимцем взвода. Когда он копировал одного венгерского опереточного певца, то все надрывали от хохота животы. Однажды кто-то спросил его на занятии:

— Ну, Дюри, что ты будешь делать, если вдруг встретишься с человеком, который готов палить в тебя за то, что ты воюешь на другой стороне?

— Если он в меня палить станет, так и я в него тоже пальну. Война есть война.

Сейчас, обращаясь к Марошу, он проговорил:

— Терпеть не могу всякие передвижения в полной темноте. Один раз я в горах на такое напоролся...

— А ты посмотри-ка получше, — шепнул ему Марош. — Вон наши друзья фейерверк тебе устроили...

И действительно, легионеры, засевшие на склонах горы Аваш, вдруг ни с того ни с сего начали освещать местность ракетами. Если бы не это, то можно было считать, что ночь прошла спокойно. Темное небо было усыпано мириадами звезд. Нигде не стреляли.

Марош невольно вспомнил первую ночь, которую он провел в окопах на итальянском фронте. Тогда было холодно. Итальянцы почти беспрерывно запускали в

небо осветительные ракеты и время от времени производили по нескольку артиллерийских залпов.

«Как же я тогда нервничал! — подумал Марош. — А сейчас? Чувствую лишь нетерпение и любопытство... Уж стреляли бы что ли, свиньи! Любопытно, буду ли я теперь испытывать чувство страха? А, черт с ним!..» — И спросил у Яскоки:

— Ты был когда-нибудь в Мишкольце?

— Никогда.

— Не забудь, Дюри, что за северные ворота...

— Скоро рассветать начнет... Хочу увидеть вражеские рожи, а уж потом палить по ним буду...

В этот момент с вершины горы раздался артиллерийский выстрел. Марош почти обрадовался этому. В душе у него появилось необузданное желание вскочить и броситься в атаку. «За северные ворота... За северные ворота...»

А в это же время в Буде гражданка Ц. А. писала в своем дневнике:

«Читая Ади, я наткнулась на одно стихотворение, которое особенно потрясло меня.

Вот отрывок из него:

...Куда ни взглянешь — видишь взрывы,
Божественное состояние.
Кто жив, тот мечется в тревоге,
А умирает — в ликованье.
Горим мы грешным древним жаром;
И всюду над порядком старым
Мы видим: новое восстало,
И ореол его — пожары.

И сидя в просторной, хорошо обставленной квартире за столом, освещенным спокойным светом настольной лампы, она писала неровным нервным почерком: *«И мне суждено все это пережить...»*

Возможно, что в этот момент она вспомнила о своих древних предках, один из которых был придворным танцовщиком и из рук короля Франца Первого получил грамоту на дворянство, после чего его потомки уже могли занимать важные государственные должности...

«Я чувствую себя бесконечно разбитой...» — писала она далее в своем дневнике.

Марош той ночью, глубоко вдыхая пряный воздух росшего неподалеку леса, снова и снова повторял про себя: «Северные ворота... Северные ворота...» Он с не-

терпением ждал приказа на атаку. Ему казалось, что эта ночь будет для него самой удивительной в его жизни...

На рассвете 20 мая 1919 года птицы, как всегда, начали свой утренний концерт. Легкий предрассветный туман окутывал землю нежной дымкой. На траве блестели капли росы. Солдаты, несмотря на запрет, курили, пряча сигарету в руках. Было тихо и совсем безветренно. На склонах холма проступали ровные прямоугольники виноградников, а над самой вершиной кружил стервятник.

В этот час Илона родила сына.

А со склонов Аваша в этот момент заговорили пушки красной артиллерии. Марош посмотрел на часы, стрелки показывали четверть четвертого...

Марош лежал рядом с командиром роты и наблюдал в бинокль за противником.

— Наши бьют точно, — заметил Пирош.

— Да, пулеметные гнезда противника замолкают одно за другим, — согласился с ним Марош.

Пирош развернул топографическую карту.

— Вот здесь, — показал он пальцем, — на участке между горой Надь и Багой, сосредоточены главные силы противника. Судя по всему, он прикрывает Диошдьер огнем своей артиллерии.

Наконец-то раздался приказ на атаку!

— В атаку! — громко крикнул Пирош. — Применяться к местности и — вперед!

В эти минуты все мысли Мароша были сосредоточены на том, чтобы выполнить приказ. Он бежал в числе первых, прекрасно понимая, что собственным примером увлекает за собой других. Он не чувствовал страха. Он весь сосредоточился на том, чтобы как можно дальше продвинуться вперед. Бывает ли солдатское счастье? Да, бывает. Солдат, независимо от воинского звания и должности, испытывает его тогда, когда знает, видит или просто чувствует, что он не один, что рядом с ним плечом к плечу находятся его товарищи. Чувство это часто инстинктивное, подсознательное, однако именно оно придает солдату, идущему в атаку, силы и уверенность.

Неожиданно продвижение 2-й роты застопорилось. Противник держался крепко. Он накрыл роту таким плотным пулеметным огнем, что ей пришлось залечь.

Марош, бросившись на землю, быстро окопался, вырыв себе небольшую ячейку. Грунт оказался каменистым, и Янош весь взмок от пота.

Яскока, залегший рядом с Марошем, быстро работал лопатой. Чувство юмора не покинуло его и в этой обстановке.

— Мать их перемать! — беззлобно выругался он. — Этак всю форму перепачкаешь землей...

Противник вел плотный огонь по площади, часто не видя конкретных целей.

Марош решил немного отдышаться. Все тело ломило от сильного физического напряжения. Он поудобнее расположился в ячейке и внимательно осмотрелся. Скоро он заметил, что один из взводов роты сильно отстал. В бинокль он рассмотрел даже Ваги и не поверил собственным глазам. Комиссар батальона сломя голову бежал на участок, где расположился пулеметный взвод. Не было никакого сомнения в том, что сейчас он прикажет Салаи поддержать огнем пулеметов продвижение 2-й роты.

«Интересно, где сейчас Бешнеи?» — подумал Марош, но об этом он узнал только много позже, когда комбат проводил короткое совещание с командирами рот.

— Наш правый сосед, 8-й рабочий полк, успешно теснил противника. Слева готовился к наступлению 9-й полк, получивший приказ двигаться в направлении Диошдьера. 32-й полк успешно продвинулся в северном направлении и, выйдя на рубеж Перецеша, начал наступление на Диошдьер с севера, хотя ранее предусматривалось, что полк будет двигаться на Шайосентпетер... В городе были сосредоточены отборные части, и противник не допускал мысли, что красные осмелятся атаковать его. Каково же было удивление легионеров, когда они вдруг увидели наступающие цепи. Вражеские солдаты дрогнули и начали оставлять свои позиции. Ожесточенный бой продолжался весь день, а в восемь часов вечера красные части предприняли концентрированный удар по вражескому гарнизону.

Части Красной армии одержали блистательную победу. Нам на руку сыграли два обстоятельства: во-первых, вооруженное восстание диошдьерских рабочих, которые нанесли удар противнику в спину. Во-вторых, поддержка красного бронепоезда № 12, который на большой скорости ворвался в Мишкольц и, остановив-

шись прямо на станции, открыл огонь из своих пушек по позициям противника на склонах горы Аваш.

Приблизительно в полночь наши разведчики донесли, что противник, испугавшись полного окружения, начал отходить...

Что же касается действий наших полков, 8-го и 9-го, — продолжал Бешней, — то они тоже действовали неплохо, оказав 32-му полку поддержку и дав возможность продолжать наступление в направлении на Шайосентпетер. Наш полк, к сожалению, был остановлен сильным сопротивлением превосходящих сил противника. Думаю, что у нас еще будут горячие денечки. Сейчас самое важное заключается в том, чтобы прорвать оборону противника на севере.

В Мишкольц красный батальон строителей вошел с песнями.

28

В каждом занятом Красной армией городе жители встречали красноармейцев по-разному. Если город был настроен враждебно, то, как правило, улицы его были пустынны и лишь дымящиеся развалины свидетельствовали о том, что пришлось пережить населению во время осады. Однако в Мишкольце все население от мала до велика вышло на улицы и с радостью встречало красноармейцев, освободивших их город от интервентов.

Батальон красных строителей получил приказ расквартироваться в бывших казармах Рудольфа. Вид казарменных зданий свидетельствовал о том, что оккупанты бежали отсюда в панике. Они побросали огромное количество боеприпасов, оружия французского, итальянского, немецкого и венгерского производства, много снаряжения. В плен было взято 295 интервентов, захвачено 35 пулеметов.

В приказе по дивизии личному составу 8-го и 9-го полков объявлялась благодарность.

— Полки металлистов раскусили этот орешек, — заметил по этому поводу Ваги, — а теперь наша очередь наступает.

Батальону Бешнеи было поставлено несколько задач. 1-я рота должна была прочесать город и выловить скрывающихся легионеров, 2-й роте было приказано собрать

трофейное оружие и боеприпасы, 3-я рота получила задание нести в городе караульную службу. Рота Кароя Темпе сформировала из диошдьерских рабочих-добровольцев отряд и раздала им трофейное оружие: в основном французские винтовки, так как к ним оказалось больше всего патронов.

Обмундирования пока никто не получил.

Марош впервые оказался в Мишкольце. Он расхаживал по улицам, заговаривал с местными жителями, которые на чем свет стоит, особенно женщины, ругали бывшего военного коменданта города итальянского генерала Зинконе. Местные власти устраивали самые настоящие облавы на коммунистов и тех, кто, по их мнению, имел к ним хоть какое-то отношение. Рабочие-металлисты ругали администрацию, и особенно господина Бохуса Кришко, который создал им неимоверно тяжелые условия труда. Много далеко не лестного рассказывали о дамах из богатых семей, которые не только кормили и поили оккупантов, но и продавали им свое тело.

Запасы оружия и боеприпасов, завезенные в арсенал, свидетельствовали о том, что интервенты намеревались надолго и всерьез обосноваться в городе.

Отступая, они забрали с собой весь подвижной состав железнодорожного узла, оставив возле депо лишь два старых-престарых паровоза.

— На ходу они или нет? — усомнился Марош.

— Конечно, — ответил ему один из железнодорожников.

— А когда можно попробовать их? — не отступался Марош.

— Когда угодно. А что вы, собственно, намерены делать с этой рухлядью?

— А нельзя ли из этих двух паровозиков сделать нечто похожее на бронепоезд? Если не найдем железных листов, используем вместо них мешки с песком.

Вечером того же дня Ваги проводил совещание с политкомиссарами батальона.

— Вы должны добиваться того, — начал Ваги, — чтобы каждый солдат стремился точно выполнить тот приказ, который поставлен перед подразделением. Мы — солдаты революционной армии, где дисциплина и порядок должны быть главной заповедью каждого.

Командир батальона Бешнеи приказал солдатам от-

дыхать. За последние сутки они буквально не сомкнули глаз. Правда, решили не раздеваться, чтобы в любой момент батальон можно было поднять по тревоге. Как опытный командир, Бешнеи понимал, что разбитый, но не уничтоженный противник в любую минуту может попытаться контратаковать.

И он не ошибся.

Марош видел во сне Илону с маленьким ребенком на руках. На рассвете всех разбудил грохот артиллерийской канонады. Полк подняли по тревоге.

Бешнеи по телефону получил приказ занять позицию перед мостом вдоль шоссе, соединяющим Мишкольц с Сиксо. Мост было приказано оборонять до последнего патрона.

— Если мне не изменяет интуиция, — сказал Ваги, обращаясь к политкомиссарам, — сегодня мы получим боевое крещение. Все должны приготовиться к этому!

Бешнеи, как всегда, действовал решительно и спокойно. Он приказал батальону окопаться на указанной позиции. Почва в этом месте была такой водянистой, что в окопах скоро появилась темная вода.

Утром интервенты начали артиллерийскую подготовку. Пушки били со стороны Фельшежольца. После прекращения огня противник перешел в наступление, довольно легко подмяв под себя передовые подразделения. Однако он не рассчитывал встретить серьезное сопротивление со стороны рабочих полков. Он был остановлен и отброшен назад. Получив подкрепление, французские, итальянские и чешские батальоны интервентов снова контратаковали, имея на сей раз некоторый успех.

Батальон Бешнеи вошел в непосредственное соприкосновение с противником. К полудню интервенты усилили ружейно-пулеметный огонь по позиции батальона. На левом фланге батальона местность была настолько заболочена, что противник вряд ли мог туда сунуться, зато правый фланг оказался более уязвимым. Придя к этому заключению, Бешнеи решил усилить правый фланг, направив туда 2-ю и 4-ю роты, пулеметный взвод и половину диошдьерского рабочего отряда.

Ваги, не обращая внимания на сильный огонь противника, обошел позиции рот и еще раз предупредил командиров:

— Товарищи, имейте в виду, что, собственно говоря, нам с вами доверили оборонять вход в город. Если

противнику удастся прорваться на нашем участке, то он зайдет в тыл нашим частям.

Вешнеи доложил в штаб, что батальон прочно увяз в окопной грязи и находится под постоянным огнем противника, который превосходит в силах и средствах, и попросил поддержать его артиллерией. Начальник штаба корпуса Жулье без обиняков ответил, чтобы на это не надеялись.

На других участках фронта положение сложилось еще более критическое.

К вечеру обстановка у моста усложнилась, Марош предложил ввести в бой два «бронепоезда» и открыть с них огонь из пулеметов.

Мадараш, начальник штаба батальона, сокрушенно покачал головой, не веря в успех этого плана.

— Риск очень большой, — заметил он. — Можем потерять пулеметы и вряд ли исправим положение.

— Если удастся приблизиться к их позициям и обстрелять, то там наверняка возникнет паника, а ради этого стоит рисковать, — упрямо стоял на своем Марош.

Бешнеи горько улыбнулся:

— Послушайте меня, Марош. Солдат, как правило, страдает от двух вещей: от недооценки или от переоценки собственных сил. Последнее порой приводит к самой настоящей катастрофе.

Ваги поддержал Мароша и предложил дать ему несколько добровольцев и четыре пулемета: пусть действует.

После недолгого колебания Бешнеи согласился.

Не прошло и часа, как импровизированный бронепоезд выехал к месту проведения операции. Стоявшие на открытых платформах пулеметы были прикрыты мешками с песком, а будка машиниста искусно обложена стальными листами. Один паровозик тащил платформы, а второй — подталкивал их сзади.

Марош устроился за одним из пулеметов, установленным на платформе, прицепленной к головному паровозу. При виде поезда с пулеметами в рядах противника началась такая паника, которой даже Марош не ожидал. Солдаты цепенели от страха при одном только появлении «бронепоезда» и даже не пытались открыть огонь.

У Сиксо доморощенный бронепоезд встретился с двигавшимся ему навстречу бронепоездом № 12.

При виде бронепоезда Марош почувствовал досаду. Преимущества настоящего бронепоезда перед старыми паровозами были налицо. Однако вскоре эту мысль захлестнула радость общей победы. Оба поезда остановились, командиры познакомились, и Марош узнал, что двигаться дальше по своей колее он не сможет, так как впереди есть участок, на котором противник разобрал рельсы. Да, собственно говоря, и острой необходимости в этом не было, так как оба бронепоезда уже выполнили поставленную задачу: они пробили довольно широкую полосу в боевых порядках противника, расчленив его силы на две части. К вечеру того же дня стало известно, что положение красных частей значительно улучшилось.

Не дожидаясь наступления темноты, противник отошел, оставив впереди лишь одиночные дозоры. Отряд рабочих-металлистов тщательно прочесал местность, собрав большое количество оружия и боеприпасов, медикаментов и перевязочного материала.

Как только стемнело, приступили к захоронению убитых солдат противника.

— Боже мой, ну и тяжелый же выдался нынче денек, — заметил Дюри Яскока. — Я даже видел, как убило какого-то негра. Честное слово, у меня так сердце и сжалось: каким образом этот несчастный попал сюда, на берега Шайо? И зачем, спрашивается? Чтобы умереть здесь?

Поздно вечером Бешнеи позвонили из штаба корпуса и сообщили, что Мишкольцу уже не грозит никакая опасность и потому часть сил, приданных для усиления 1-й дивизии, будет передана в распоряжение 5-й дивизии плюс еще две артиллерийские батареи из состава полков. Передислокация этих сил была произведена ночью и прошла вполне успешно.

Оставшись вдвоем с Ваги, Бешнеи с явным неудовольствием заметил:

— Я, правда, не привык критиковать высшее начальство, но сейчас не могу удержаться от этого... Я думаю... Ах, черт бы его побрал! Как хочешь, а я никак не могу поверить в то, что противник так просто отказался от мысли снова овладеть Мишкольцем. В конце концов Мишкольц не только для нас имеет важное значение, но и для противника тоже. — Расстелив на столе топографическую карту, он продолжал: — Вот посмотри.

Жулье прекрасно известно, что населенный пункт Гестей, находящийся в двенадцати километрах восточнее Мишкольца, в руках противника. Там сосредоточены значительные силы. Жулье мог бы относительно легко убедиться в этом, выслав туда разведывательный дозор. Наш 32-й полк, находящийся под Шайосентпетером, измотан, целые сутки сдерживал усиленный натиск противника, неся при этом значительные потери. Поступают тревожные донесения дозорных и о том, что в районе Шайоказинц, Ерделень, Сиксо, Тисалуц замечены подозрительные передвижения войск противника.

— Какой вывод можно из этого сделать? — спросил настороженно Ваги.

— А очень простой. — Бешнеи оперся ладонью на карту. — Если бы я находился на месте генералов-интервентов, то я на рассвете атаковал бы населенный пункт Шайосентпетер. Я нисколько не сомневаюсь в том, что разведка противника давно выяснила, какие потери понес наш 32-й полк. Он сформирован из почтовых служащих, железнодорожников и из бывших полицейских, а их боевые качества оставляют желать лучшего... Если французское и итальянское командование состоит не из одних глупцов, успех им обеспечен. А если их войска выйдут на линию Шайо, то буквально через несколько часов достигнут высоты с отметкой 258, а уж оттуда до Переца рукой подать. И Мишкольц снова окажется в кольце.

Ваги задумался. «Любопытно, что Жулье, — думал он, — кадровый военный, не считается с этим».

Бешнеи умел мыслить большими категориями и инстинктивно понимал, что новое контрнаступление противника должно произойти у Шайосентпетера. Однако он не знал, да и не мог знать, о том, что французские, чешские и итальянские войска получают ощутимую помощь от королевской Румынии и что они готовятся к контрнаступлению не только под Шайосентпетером, но и под Мишкольцем.

Батальон Бешнеи по-прежнему удерживал свои позиции у моста через Шайо. Роты несколько выдвинулись вперед и окопались. Ночи стали тихими. Марош переходил из одной роты в другую, объясняя солдатам обстановку.

Сведения, которыми располагал Жулье относительно сил противника, оказались неточными. Захваченные

позже пленные показали, что противник имел на этом участке фронта численное превосходство в несколько раз. Хорошо отдохнувшие батальоны румынского генерала Мардареску были включены в состав общей группировки интервентов, которая готовилась к решающему бою за Мишкольц. Командование интервенционных войск рассчитывало на то, что, если им удастся одержать на этом направлении блистательную победу и полностью разгромить части венгерской Красной армии, перед ними откроется свободный путь на Будапешт. С этой целью оно сосредоточило в районе Мишкольца крупные силы, которым предстояло в ближайшем будущем нанести сокрушительный удар по красным войскам.

А пока здесь царила относительная тишина. Используя временное затишье, командование Красной армии дало возможность своим частям немного отдохнуть перед будущими боями. Спокойно отдыхал и батальон Бешнеи.

29

На рассвете следующего дня противник начал общее наступление на Мишкольц одновременно с четырех направлений. 81-й полк румынской королевской армии прорвался со стороны Тисалуца в Шайолад. Из Онги в направлении Фельшежольца наступал усиленный 2-й батальон 21-го полка, а также французско-чешский смешанный 23-й легион и 1-й итальянский легион. Для усиления этих двух «огненных стрел» из Сиксо двигался 31-й чешский полк. Обойдя населенный пункт Онга, он как бы намеревался соединить эти «стрелы», поставив таким образом части красных под угрозу окружения.

Противнику было известно, что 32-й полк сильно измотан в боях, и потому он решил осуществить прорыв именно на этом участке.

До последнего момента Жулье не верил в возможность нового контрнаступления противника. Он был уверен, что войска интервентов, потерпевшие под Мишкольцем такое поражение, нескоро смогут оправиться. Свою ошибку он понял только тогда, когда у него в руках оказалось донесение красного летчика.

В штаб привели пленного словака. Допрашивал его Бокани.

— Ваше имя и фамилия?

— Грончар... Штефан Грончар...

— Где вас взяли в плен?

— Я сам сдался.

— Кто вы по профессии?

— Я работал в Кашше слесарем на ткацкой фабрике. Я рабочий, и мое место на фабрике.

— Вы член профсоюза?

— Да.

— В какой части вы служили?

— В первом батальоне первого словацкого полка.

— Какое настроение у солдат в полку?

— Всякое. Есть там и националисты, есть рабочие, а есть и ни то ни се... Большинство из них взяли в руки оружие по принуждению. А я не хотел...

— Какие части сосредоточены в районе Шайосентпетера?

— Прежде всего два батальона тридцать пятого полка белочехов, который вернулся из России, где он участвовал в боях против красных в Сибири.

— А артиллерия есть?

— Каждой части придано по две-три артиллерийских батареи...

— Конные части имеются?

— Почти нет, зато есть броневики с французскими экипажами.

— Что говорят солдаты об этих офицерах?

— Ничего нового, о французах и итальянцах стараются не говорить. Черт их поймет, зачем их к нам занесло! А вот чехи... Те, знаете ли, поджигают нижние чины. Особенно нас, словаков. «Ну и достанется же нам, когда венгры победят! Ну и ну!»

— И вы верите этому?

— Верим, а как же... Особенно верующие. Они боятся за веру: богатые боятся за свое богатство, женщин пугают тем, что у красных все будет общее... и жены тоже...

— А вы сами как думаете?

— Я здесь — вот и все мои думы.

— Хороший ответ, товарищ. А как вы себе представляете свою будущую жизнь?

— Придет время, и у нас, словаков, будет своя советская республика.

— Это верно.

— Словаки народ умный. И если с ними откровенно поговорить, они все поймут и слушать будут вас, а не буржуев... Знаете, к нам пришло несколько ваших агитаторов. Где бы они ни выступали, рабочие и шахтеры прислушиваются к их совету.

— Ну, что нам с вами делать, товарищ Грончар?

— Если у вас есть сомнение насчет словаков, то направьте туда, а если нет, мне и в другом подразделении хорошо будет. Я хочу воевать.

— Хорошо, мы выполним вашу просьбу.

Потом перебежчика допрашивал Жулье, которого интересовали мельчайшие детали, в особенности о деятельности революционных агитаторов по ту сторону фронта.

— И много их у вас? — спросил он.

— Я их не считал, но они всегда там, где рабочие, шахтеры и крестьяне прячутся от французов и итальянцев. — Перебежчик улыбнулся и добавил: — Смелые они люди!

Оценив обстановку, Жулье понял, что имеющимися силами Мишкольц не удержать и предложил командиру корпуса Ландлеру временно сдать город. Ландлер воспротивился и сообщил о предложении начальника штаба командующему армией Бему и начальнику генерального штаба Штромфельду.

Очень быстро пришел недвусмысленный ответ: «Мишкольц необходимо удержать, к Шайосентпетеру направлена помощь!»

Группе Дедези из 5-й дивизии был дан приказ на форсирование водной преграды у Беренте и последующий прорыв линии фронта у Шайосентпетера с заходом во фланг и тыл войск противника. Значительная часть сил 5-й дивизии направлялась на другие опасные участки фронта. Из секретного донесения, полученного от Иштвана Картала, стало известно, что в районе Озда, Путнока, Перекупы, Торнаальи и Сендре словацкие и венгерские рабочие, шахтеры и крестьяне готовы в любой момент к восстанию против оккупантов.

Штромфельд распорядился направить в центры восстания несколько самолетов, с тем чтобы с них подать красными ракетами сигнал о начале восстания.

Восстание началось утром 23 мая.

Но к этому времени части генералов Енока и Росси уже прорвали оборону на участке 32-го полка у Шайосентпетера. Ослабленный в боях полк не мог оказать стойкого сопротивления свежим силам врага. Более того, растерянность его подразделений в значительной степени отразилась на действиях батальонов, посланных на помощь. Енок же выслал для поддержки своих сил с дюжину броневиков, с помощью которых им удалось по правому берегу Шайо значительно продвинуться по направлению к Мишкольцу. Однако в двух километрах от города враг был остановлен.

Один из отрядов словацких и венгерских рабочих взорвал мост у Перекупы, временно воспрепятствовав переброске войск противника к Мишкольцу.

Енок не смог правильно оценить размеров восстания. Правда, уже первые донесения насторожили его и принудили перебросить часть войск на его подавление.

Само собой разумеется, что ни Бешнеи, ни Ваги всего этого знать не могли. Ваги, как всегда, пропадал в ротах.

— Мишкольц мы должны удержать, так как это имеет большое военное и политическое значение, — разъяснял он солдатам.

Войска Енока и Росси были усилены пятью батальонами и пятью артиллерийскими дивизионами румын. Росси был поражен стойким сопротивлением красных частей. Полковник Раду снова и снова бросал в атаку свои батальоны, но красные успешно отбивали их.

Во время боя Марош находился на позиции 2-й роты.

Рота расположилась на склоне небольшого холма. Рядом с Марошем залег Яскока. Янош стрелял из трофейного французского автоматического ружья, и Яскока каждый раз поражался точности попадания. «Капец этому!.. — радостно восклицал он, заметив, что Янош попал в очередного солдата противника. — И этому капец!.. И еще одного скосил... Вот это стрельба!..»

День выдался душный. Нещадно палило солнце. Воздух раскалился, а тут, как назло, ни малейшего ветерка.

«В конце дня наверняка пойдет дождь», — подумал Марош.

Примерно в полдень была отбита третья по счету атака интервентов. Потом наступила временная тишина.

Вдруг Марош услышал детский голосок. Оглядевшись, он заметил неподалеку от себя лежавшего на земле мальчика лет десяти — двенадцати.

— Ты кто такой? — спросил он у паренька.

— Пишта Татар.

— А чего тебе здесь надо?

— Меня дедушка послал.

— Зачем?

— Сказал, чтобы я посмотрел, чем здесь занимаются наши. Сколько будут палить эти диго?

— Это кто такие?

— А что говорят по-итальянски. Мой дедушка очень злится на них: они забрали у него гармонику, на которой он так любил играть.

— Ага, твой дедушка, значит, попрошайничал.

— Он только на гармонике играл, а я его поводырь.

— Он что, слепой?

— Слепой. Теперь понимаете?.. В Мишкольце сейчас такая суета, беготня. Окна дрожат от взрывов, а один снаряд разорвался прямо на площади Буза. Вот страху-то было! Толпа старух сразу же в собор побежала. Все с узлами бегут, сами не знают куда: одни — в горы, другие — только покружат-покружат, да и опять до дому. Один священник кричал: «Погибли мы! Погибли!» Старухи говорят, что вот возьмет Зинконе обратно город и всех повесит, кто с красными дружил. Вот положение. Вы меня поняли?

— Я тебя понял, сынок. Как не понять! Словом, мишкольцы паникуют.

—Не все только. Я ведь тоже городской, и дед мой тоже, но мы не паникуем.

— Ты храбрый парень! — Марош достал из кармана блокнот, что-то записал на листке, вырвал его и протянул мальчугану: — Держи, Пишта, беги с этой запиской в город... Если тебя кто остановит, покажешь тому ее... И только не бойся! Красноармейцы защитят Мишкольц! Ну, беги...

Яскока посмотрел вслед убегающему мальчику и заметил:

— Хорош хлопец, ничего не скажешь...

Марош несколько минут молча глядел на все удаляющегося паренька и молчал. Сейчас его больше всего

беспокоила наступившая тишина. Он боялся, что со стороны противника может раздаться выстрел и храбрый маленький Татар не донесет радостной вести до своего слепого дедушки.

Янош облегченно вздохнул, когда мальчик скрылся за деревьями, росшими вдоль дороги, что вела в город.

Салаи, устанавливающий на огневой позиции пулемет, который он неизвестно где раздобыл, спросил:

— Чего хотел этот пацан?

— В городе паника.

— Этому я верю. Бой всегда страшнее для тех, кто только слышит его звуки, а сам не участвует в нем.

До двух часов пополудни противник не беспокоил батальон, а в третьему часу снова неожиданно перешел в наступление.

Марош инстинктивно почувствовал, что этот бой будет самым тяжелым: противник во что бы то ни стало постарается осуществить прорыв.

Натиск врага был сильным. Марош почти беспрерывно посылал из пулемета одну очередь за другой, а сам с тревогой думал: только бы не раскалился ствол, а потом и об этом забыл, слыша только, как рядом с ним причитал Дюри Яскока:

— Боже мой! Боже мой! — Но этот голос казался ему далеким и малознакомым.

Через некоторое время Марош уже не прислушивался к шуму боя, не чувствовал своего тела и вообще ничего не видел, кроме прорези прицела и цели, которую он должен во что бы то ни стало поразить.

В мозгу билась одна мысль: «За северные ворота! За северные ворота!» Пот заливал лицо, мешал смотреть, пороховой дым щипал нос и глотку, а от осевшей на лицо копоти и грязи саднило кожу. Марош так был поглощен стрельбой, что не мог улучить момент, чтобы вытереть пот со лба.

Неожиданно пулемет замолк. Марош не был знаком с этой системой и, дергая затворную раму, громко ругался:

— Стреляй же, черт бы тебя побрал! Стреляй же!

И вдруг пулемет снова заработал: видимо, помогла встряска, которую ему задал Марош.

Пехота противника наступала волнами. Пробежав добрую половину ничейной полосы, она выдыхалась и откатывалась назад.

Марош вдруг вспомнил о мальчугане. Ему показалось, что он снова видит босые ноги паренька в грязных пыльных брючонках и не по росту большой пиджак, из рукавов которого виднелась исхудалая рука с зажатой в ней запиской. Через секунду Марош ни о чем уже не думал, а только стрелял и стрелял по вражеским солдатам. «Что делает Салаи?» — промелькнула мысль, и он повернулся на бок.

Салаи, сдвинув шапку на лоб, курил, сосредоточенно вглядываясь в даль, а затем, словно отыскав новую цель, лег за пулемет и открыл огонь. Марош хотел улыбнуться, но одеревеневшие губы не слушались его.

Во время боя солдат начисто теряет представление о времени, которое для него словно застывает на месте, и он о нем не думает, как не думает о том, что у него есть ноги и руки, даже о жизни... Все его существо направлено на то, чтобы уничтожить противника, а самым сильным его желанием является желание победить.

Бешнеи и Ваги, находясь на наблюдательном пункте, следили за ходом боя. Выражение лица у Бешнеи было спокойным. Ваги курил одну сигарету за другой, время от времени поглядывая то на часы, то на небо.

— Грозовые тучи собираются, — проговорил он.

Бешнеи, не отрываясь, смотрел туда, где продолжался бой.

— Сейчас все станет ясно... — задумчиво проговорил Ваги, когда стрельба несколько поутихла.

— Что станет ясно?

— То, что тебя еще недавно так интересовало.

— А именно?

— Здесь сейчас сражаются друг против друга солдаты двух различных армий, — начал пояснять Ваги. — Для пущей ясности назовем одних красными, других — белыми. Вопрос в том: кто кого одолеет? А одолеет тот, кто окажется сильнее духом.

— Видишь ли, не сердись на меня, но ты не прав... — сказал Бешнеи. — Как мне кажется, вопрос о том, кто сильнее, решается далеко не в одном бою. Это покажет время... Не сердись, но я стою на такой точке зрения...

— Ты, конечно, прав, — согласился с ним Ваги, немного подумав.

Через каких-нибудь полчаса поднялся сильный ветер, небо затянули черные тучи. Разразилась буря. То

и дело сверкали молнии и гремел гром. Температура воздуха упала сразу градусов на десять. И в этот момент противник предпринял последнюю атаку.

— О, ты, великолепная Словакия! — патетически воскликнул Яскока.

«Честный ты человек, Дюри», — подумал о нем Марош.

Пошел ливень. Порывом ветра с головы Мароша сорвало шапку. Приятно было чувствовать, как с головы на шею текла вода, которая затекала под рубашку и медленно струилась по позвоночнику, освежая все тело. И только сейчас Марош почувствовал специфический запах пороховой гари. Он все стрелял и стрелял. Затем пулемет неожиданно замолк: кончились патроны.

Марош с удивлением посмотрел на свои руки: пальцы все еще сжимали гашетку пулемета. «Руки-то словно приросли к металлу, — удивленно подумал он, глядя то на руки, то на смолкнувший пулемет. — Как странно...»

Гроза была в самом разгаре. От огромного количества воды, обрушившегося на землю за столь короткое время, воды Шайо вышли из берегов, затопив низкие места. Но уже где-то далеко на горизонте появилась узкая полоска светлеющего неба.

В этот момент Марош почувствовал, как кто-то трясет его за плечо.

— Ты что, заснул?

Перед ним стоял Салаи с мокрой потухшей сигаретой в зубах.

— Все, на сегодня закончили, — промолвил Марош и тут же воскликнул: — Что это?!

На лбу Дюри Яскоки чернела широкая безобразная дырка, а крови почти не было...

30

Бой закончился перед закатом.

Марош устал. Лицо испещрили глубокие морщины. Труп Яскоки солдаты уже унесли в тыл.

«Машина действует», — мелькнула в голове Мароша мысль. Нервы у него постепенно расслабились. Он уже был в состоянии замечать, что небо стало опаловым. Поднялся сильный ветер, который пригибал траву к самой земле.

Марош уже ощущал, что он живет. Появилась жалость к убитому Яскоке.

«Вот он и погиб за свободную Словакию...».

К Марошу подошел командир роты Пирош.

— Ну и здорово же ты держался, — сказал он. — Должен признаться, что моя рота тебе очень многим обязана. Доложу об этом комбату. — Пожав Марошу руку, он продолжал: — Горячий денек был сегодня. Противник, видимо, теперь узнал, что такое революционная армия. Наверняка он не представлял нас такими...

— Преподали мы им урок, — заметил Марош.

— Знаешь, когда я увидел, что они побежали, то подумал, что вот это и есть тот самый решительный день, которого мы так ждали. Теперь уж им вряд ли удастся сдержать нас... Не остановимся, пока не дойдем до Карпат...

— Вот тогда-то мы и откроем северные ворота, — согласился с ним Марош.

Потом началось такое, что за четыре года войны Марош видел впервые. Как только бой прекратился и в городе стало известно о победе красных, женщины и девушки высыпали на улицы, чтобы приветствовать победителей. Напрасно красноармейцы пытались успокоить женщин, говоря, что им сейчас не до отдыха, так как противник еще может предпринять новое наступление. Женщины принесли солдатам хлеба, сала, копченого мяса, фруктов, а некоторые — даже вина.

К Марошу подошла молодая женщина и протянула ему сверток, сбивчиво проговорила:

— Возьмите... От всего сердца... И большое вам спасибо...

— А что это?

— Вы нас спасли... Если бы вы знали, как над нами тут издевались... Мы должны как-то отблагодарить вас...

— Должны?.. Вам что, приказали сделать это?

— Разве такое можно приказывать? — женщина улыбнулась. — Хотя можно сказать, что мы это делаем и по приказу, по приказу сердца.

Марош с любопытством рассматривал усталое лицо молодой женщины, под глазами темные тени. И хотя она старалась казаться веселой, все-таки чувствовалось, что она еще не забыла того ужаса, который ей недавно пришлось пережить. Тихо, но торопливо она объяснила:

— Попробуйте себе представить, что мы пережили, перечувствовали, когда вы вели бой. От ружейной пальбы и уханья пушек нас бросало в дрожь. Многие ушли в Эгер или в горы Бюкк, а те, что остались в городе, забились в подвалы. Знаете, перепуганные насмерть жители рассказывали всевозможные ужасы об увиденном и услышанном. Короче говоря, всех охватила паника.

— Вы тоже боялись?

— Конечно.

— Вы не верили в нас, не надеялись?

— Зачем вы спрашиваете об этом? Разве вы не знаете, что бывает с человеком, если он сильно перепуган? Он, конечно, думает о самом плохом. К тому же мы видели, сколько раненых привозили в город, а около полудня кто-то сказал, что вы намереваетесь оставить город...

— Это вы серьезно?..

— Конечно, серьезно... Более того, прошел слух, что вы потерпели поражение под Шайосентпетером и что множество вражеских бронемашин следует по шоссе к Мишкольцу... Потом мы услышали крики: «К каменоломням! К каменоломням!» Я собственными глазами видела, как вооруженные рабочие с металлического бежали к каменоломням... Я так перепугалась. Ну, думаю, наших окружили... и...

— Продолжайте.

— И тогда мы увидели настоящее лицо двухцветных...

— Как вы сказали?

— Знаете, когда вы вошли в Мишкольц, а случилось это неожиданно и очень быстро, господа богатеи даже убежать не успели... Эти господа нам не раз говорили: «Дорого придется расплачиваться вам за лозунг «Все принадлежит народу!» Противно было смотреть на этих людей. Я готова была всех их поубивать.

— Вы? — улыбнулся Марош. — Это вашими-то ручками?

Учительница улыбнулась:

— А что вы думаете. Бояться я, правда, очень боялась.

Марош поинтересовался, кто распустил слух, что Красная армия сдает город.

— Бургомистр откуда-то узнал об этом. Ему сказали, что тот, кто хочет, пусть уезжает из города. Разу-

меется, что многие сразу же начали покидать Мишкольц. Вы знаете, в критические моменты жизни раскрывается вся суть людей. Я была вхожа в семьи, которые до этого считала реакционными. Так вот, в самый ответственный момент эти люди вдруг предложили всем жителям объединиться и выступить на защиту города. Они считали, что лучше пусть в их родном городе хозяйничают рабочие, чем оккупанты...

— Они так и говорили?

— Да, так и говорили. И не только мужчины, но и молодые женщины. Они требовали от бургомистра выдать им оружие.

— И вы тоже?

— Да, и я... Боюсь, что вы станете смеяться...

— Этого вы можете не бояться.

— Знаете, я преподавала ученикам венгерскую историю... Любила на уроках рассказывать о подвиге эгерских женщин, которые во время турецкого нашествия встали на защиту родного города... Вы меня понимаете?

— Разумеется.

— Так вот, в жизни почти каждого человека бывают такие моменты, когда он способен на очень многое.

— На многое?

— Да, в такие минуты он уже ничего не боится и готов совершить такое, на что не всегда способен в обычной обстановке... Так вот, в моей жизни тоже наступил такой момент, и я подумала тогда: а почему я не могу поступить так, как поступили храбрые и самоотверженные женщины и девушки города Эгера? Почему бы и мне не стать солдатом? Ведь я так часто и много рассказывала своим ученикам о любви к родине, хотя делать это было совсем не так легко...

— Это почему же?

— Да потому, что я рассказывала это ребятишкам из бедных семей: полуголодным и оборванным мальчишкам и девчонкам, для которых родина была не родной матерью, а злой мачехой... Я даже не знаю, как бы вам это объяснить... Знаете ли, говорить о любви к родине людям, которые само слово-то «родина» никогда не произносят, так как не чувствуют, что она у них есть, дело довольно странное...

— Вот как?!

— Да, они его старались не произносить, а если когда на праздниках и слышали, то считали, что это всего-

навсего пустые фразы... Однако стоило вам освободить наш город от интервентов, как даже для меня слово «родина» приобрело новый смысл.

— Новый смысл?

— Да, новый, совсем не тот, который я вкладывала в него до этого... Для меня родина — это страна, в которой никогда не будет голодающих мальчишек и девчонок... — Учительница нервно рассмеялась и продолжала: — Вы, наверное, считаете меня слишком восторженной, да?

— Мне лично очень нравится ваша восторженность, и я рад, что все это вы мне рассказали...

Учительница покраснела, а про себя подумала: «Этот молодой военный — очень симпатичный человек. Возможно, он не так меня понял... Да я, собственно, и сама не знаю, почему я выбрала именно его, почему подошла к нему со словами благодарности и подарком, когда кругом столько других солдат...»

— Прошу вас, — проговорил Марош, — рассказывать и другим почаще то, что вы мне только что говорили о родине и о любви к ней. — Марош достал блокнот и, сунув его в руки растерявшейся учительнице, попросил: — Запишите мне свою фамилию и адрес... Я вам как-нибудь напишу...

— Вы очень добры... — учительница улыбнулась. — Сама я не осмелилась попросить вас об этом. Я буду ждать вашего письма или хотя бы открытки...

Эта встреча с молодой учительницей растревожила Мароша, всколыхнула в нем воспоминания: временами учительница напоминала ему то Илону, то Каролин.

«Ну и глупый же я... — подумал о себе Марош. — Идиот какой-то или же бабник неисправимый...» — Он улыбнулся, так как, сам того не желая, невольно употребил слова, которые любил произносить Фертиг. Он подумал, что, наверное, следовало бы поцеловать учительницу. «Быть может, она даже ждала этого... Как красиво и восторженно она говорила!..»

Марош вспомнил Яскоку, который так же восторженно любил восклицать: «О, великолепная Словакия!» Он тоже был восторженным. Конечно, был. Марош подумал, что, видимо, у каждого человека в жизни бывают такие вот моменты, когда чувства переполняют его и ему хочется поделиться ими с другими...

Всю ночь батальон отдыхал, а рано утром со стороны Шайошене, Болдвы, Шайосентпетера послышалась стрельба. С юга стрельба доносилась не так сильно.

Поздно вечером Бешнеи вызвал командиров рот и политкомиссаров в штаб батальона.

Были заслушаны сообщения о результатах боев за два последних дня по всему фронту, затем комбат всех поздравил с одержанной победой.

— Возможно, прошедший день был самым решающим днем за все время нашего северного похода, — сказал он. — Франко-итальянское военное командование считало Мишкольц ключевым пунктом, от удержания которого, по их мнению, зависел исход всей кампании. Оно не сомневалось в успехе. Нам противостояли войска таких прославленных французских генералов, как Пель, Мительхаузер и Енок, итальянских генералов Росси и Пиччионе, которые хотели сорвать здесь, на венгерской земле, лавры победителей, чего им никак не удалось добиться в сражениях у Ишонзо, Добердо и Монте-Граппой. Немалые усилия приложил и румынский генерал Мардареску. Он, правда, поступил очень хитро: вместо того, чтобы явиться к ним самому, послал им навстречу один полк. Полковник Раду, безусловно, имел возможность убедиться, что венгерская Красная армия отнюдь не является сбродом, как об этом усиленно распространялись наши враги.

Радость нашей победы омрачается катастрофическим поражением под Шайосентпетером. Но развитие этой катастрофы вовремя предотвратил начальник генштаба Штромфельд, которому удалось «заткнуть» прорыв у Шайосентпетера. Что же касается помощи диошдьерских и мишкольских рабочих и местных жителей, то тот вклад, который они внесли в достижение победы, трудно переоценить...

Ваги перебил комбата:

— Наконец-то рабочие обрели родину! И с какой самоотверженностью они защищали ее от врагов!..

— У каждого честного венгра есть родина, — опять заговорил Бешнеи. На лице комбата появилась горькая усмешка. — Сколько времени мы потеряли впустую, — тихо произнес он и, повысив голос, почти крикнул: — Какой могла быть Венгрия, если бы у нас была революционная армия еще в начале ноября!

Сделав небольшую паузу, он продолжал:

— Наша заслуга еще и в том, что нам удалось здесь, в этом районе, разобщить войска чешских националистов и румынских империалистов. Это подтверждают наши летчики, совершающие полеты над сосредоточением войск противника. Правда, на севере у них еще имеются точки соприкосновения, но это ненадолго...

Комбат повернулся к командирам 1-й и 3-й рот:

— Я все время наблюдал в бинокль за ходом боя. Против участков первой и третьей рот противник сосредоточил крупные силы, стараясь прорвать нашу оборону на флангах. А когда вражеские солдаты вплотную приблизились к нашим позициям, солдаты обеих этих рот выскочили из окопов и бросились в рукопашную. Противник был отбит. Не успел я ввести в бой свои резервы, как положение на флангах стабилизировалось. Благодарю вас, товарищи, за ваши усилия. В приказе по батальону об этом будет написано довольно подробно.

Затем командир батальона зачитал донесение, поступившее из штаба армии:

— «...Наступление войск противника на Мишкольц с целью овладения им можно считать отбитым. Под прикрытием темноты противник начал отвод частей с высот южнее Бабони, из населенных пунктов Шайосчег и Шайосентпетер, которые он полностью разграбил. К востоку и северо-востоку от Мишкольца части и подразделения врага отходят за реку Хернад и Сиксо.

Части 1-й дивизии после тяжелых боев с противником, которые они вели в течение двадцать третьего и двадцать четвертого, оказались вымотанными. Однако двадцать четвертого утром они предприняли наступление севернее Мишкольца. В боях за двадцать третье наши потери исчисляются 30 убитыми и 200—250 ранеными, число больных приближается к 300...»

После этого Ваги зачитал телеграмму, которая была отправлена еще в первый день боя за Мишкольц, а получена в батальоне красных строителей только сегодня:

«От имени рабочих-строителей, оставшихся в столице для выполнения военных заданий, и от имени Рабочего совета шлем вам, дорогие товарищи, свой пламенный привет и сердечную благодарность за тот героизм, который вы, бойцы батальона строителей, про-

явили в боях против врагов. Сообщаем вам, что мы помним и думаем не только о вас самих, но и о ваших семьях, оставшихся дома, заботу о которых мы считаем своей первейшей обязанностью.

Председатель заводского Рабочего совета
Янош Халас».

— Завтра, двадцать пятого, — снова взял слово Бешнеи, — мы с вами выступим по направлению к Онге. Нужно иметь в виду, что левый берег реки Хернад и населенный пункт Гестей все еще находятся в руках румын. Их усиленные дозорные отряды сосредоточены в районе слияния рек Хернад и Шайо. Наш батальон получил задачу вместе с другими подразделениями отбросить войска полковника Раду за Тису и освободить Тисалуц. В течение ночи мы получим необходимое пополнение. Особенно хочу предупредить вас, товарищи, о необходимости беречь посевы от потравы. Из Будапешта прибыла какая-то комиссия, члены которой, можно сказать, идут по нашим следам, внимательно наблюдая за тем, не допускаем ли мы потравы посевов. Дополнительные указания будут сообщены мною позднее.

Мароша в тот день ожидал приятный сюрприз: он получил письмо от Илоны, которое она написала еще двадцать первого.

«Яни, сегодня на рассвете у нас родился сын, — писала Илона. — Все, кто его видел, говорят, что мальчик очень хорошенький. Сын. Весит он без малого четыре кило. Великолепно развит. Очень похож на тебя. Ференц и Мария говорят то же самое, а им можно поверить. Назову его либо Янош, либо Иштван; если назову Яношем, то в честь тебя, его отца, если же Иштваном, то в честь его приемного отца, который так заботится о нем, словно это его родной сын. Не сердись, пожалуйста, за мою откровенность. Ты, конечно, понимаешь, что малыш останется со мной.

Илона».

Вот и все письмо Илоны. В душе у Мароша появились какие-то противоречивые чувства: и радостные, и печальные. Сейчас ему, как никогда, было больно ощущать потерю Илоны. Неприятно было сознавать, что ему ничего не оставалось, как смириться с решением

Илоны. Хотелось возмутиться, но что он мог изменить? Он прекрасно понимал, что несет наказание за то преступление, за которое уже давно ненавидел самого себя. Он, как мог, старался успокоить себя, внушая мысль, что теперь всем тяжело, не ему одному. Вот, например, Каролин потеряла мужа и дочку, которых она очень любила.

Перенесет ли он это?

Все должен перенести.

31

Командир 1-й дивизии 3-го корпуса товарищ Керекеш лично посетил 7, 8 и 9-й рабочие и 32-й смешанный полки, которые находились в его подчинении. Он провел смотр полкам. От имени командира корпуса товарища Ене Ландлера объявил всему личному составу благодарность.

После смотра состоялось совещание с командирами полков, на котором Керекеш ознакомил всех с общим положением на фронте.

— Молодая Красная армия, — сказал он, — нанесла частям интервентов в районе Мишкольца и Шальготарьяна серьезный урон в живой силе и технике. Так, например, французские и итальянские войска оказались настолько деморализованными, что были не в состоянии продолжать наступление.

В Правительственном совете было принято решение начать наступление в направлении на Кашшу, Эперьеш, Бартфу и далее — на Зборо. В ходе этого наступления преследовались две цели: во-первых, окончательно расчленить части чехословацкой буржуазии и румынских бояр. Во-вторых, с выходом войск венгерской Красной армии в район Карпат мы открываем так называемые северные ворота для встречи с войсками советской Красной Армии. Для подготовки дано только пять суток. Наступление намечено на раннее утро тридцатого мая.

Слова командира дивизии воодушевили всех командиров и политкомиссаров полков. Всем было приятно, что молодая венгерская Красная армия зарекомендовала себя как наступательная армия. Это она великолепно продемонстрировала в боях под Мишкольцем и Шальготарьяном.

Обстановка для наступления сложилась очень благоприятная. На юге основные силы королевства сербов, хорватов и словенцев из-за конфликта в Триесте были привязаны к итальянской армии. Большую часть румынской королевской армии приковал к себе фронт в Бессарабии. А население Словацкого промышленного и горнорудного районов было настроено по-революционному и желало победы пролетарской революции.

1-й батальон 7-го рабочего полка под командованием Бешнеи получил приказ наступать в направлении на Фельшежольц и Онгу. В случае необходимости он должен будет форсировать Хернад и овладеть Гестейем, а затем, двигаясь по левому берегу реки, захватить населенные пункты Хернадкак и Хернаднемети. В последующем, продвигаясь на юго-восток, выйти на шоссе, ведущее к Тисалуцу, где примерно на середине пути до города установить взаимодействие с частями 4-й дивизии, которые тоже направляются в сторону Тисалуца, но только по правому берегу.

Бешнеи подробно довел до командиров батальонов и политкомиссаров пункты приказа, которые касались только их.

— Слева от нашей первой дивизии действует шестая дивизия, а справа — четвертая дивизия. Наш батальон будет наступать на правом фланге дивизии. Населенный пункт Тисалуц освобождают части четвертой дивизии, с которой мы взаимодействуем, оказывая ей помощь на фланге. Для вашего сведения сообщаю, что части четвертой дивизии будут двигаться на Тисалуц из населенных пунктов Кором, Кишчеч и Кеснетен. В последующем наш батальон, изменив направление, пойдет на северо-восток к Серенчу, после овладения которым будет наступать в полосе местности между рекой Хернат и горами Земплени в направлении на Кашшу. Двадцать пятого мая все части и подразделения дивизии будут доукомплектованы живой силой и пополнены запасами боеприпасов. Наш пулеметный взвод получит четырех пулеметчиков.

Один из них — Карой Палотаи оказался красивым парнем лет семнадцати.

Перед началом марша Марош беседовал с ним.

— Сколько тебе лет, браток? — спросил у парня Янош.

— Восемнадцать.

— Выглядишь ты моложе. Тебя что, по призыву в армию взяли?

— Нет, я доброволец. Я сам попросился к пулеметчикам: в «Красной охране» я научился стрелять из пулемета.

— Ты был в «Красной охране»? А почему ушел оттуда?

— Мне не нравилась милицейская служба. Участвовать в проведении обысков или успокаивать женщин, которые стоят в очереди за хлебом... Нет, такая служба явно не для меня. Потом мне не нравится жизнь в Пеште, воздух там нечистый...

— А ты, как я посмотрю, разборчивый...

— Я терпеть не могу лодырей, которых в столице до чертиков, а сколько там черных ворон, которые только тем и занимаются, что распространяют всякие слухи... Чего там только не болтали... Трепались, что со стороны Уйпешта чехи, а со стороны Кишпешта румыны вот-вот войдут в Пешт... Надоело мне все это, я хочу сражаться против врагов с оружием в руках!

Паренек достал портсигар и протянул его Марошу.

— Война — это тебе не празднество, организованное по случаю сбора урожая, Карой, — заметил Марош, беря сигарету из портсигара. — На войне не только ты стреляешь, но в тебя тоже стреляют.

— Я знаю это, — с серьезным видом произнес Палотаи, — но не боюсь. Да и отец мне сказал, когда я уходил в армию: «Иди, Карой, и возвращайся с победой или вообще не возвращайся домой! И запомни: лучше погибнуть, чем жить в нищете!»

— Гм... Суровый человек твой отец!

— Это верно. Он каменщик.

— И что же ты ему ответил?

— А ничего. Он ведь прав.

— Прав, конечно, — согласился Марош. — Думаю, что прав. — Он улыбнулся. — Отчаянный ты паренек, Карой! Забот с тобой будет.

25 мая на заходе солнца рота под командованием Пироша вместе с пулеметным взводом прибыла в Онгу. По донесениям разведки, обстановка была благоприятной, и она сразу же могла двигаться на Гестей, но Пирош решил переночевать в селе.

На следующее утро в село прикатил на автомобиле

Балаго, который возглавлял комиссию, определявшую состояние посевов и виды на урожай.

— В этих краях я отнюдь не случайно, — признался Балаго после того, как они обнялись с Марошем. — Очень уж мне хотелось повидать тебя. — Балаго заулыбался. — Могу вас порадовать, товарищи, урожай в этом году ожидается высокий. Если хорошо организовать уборку, будем с хлебом.

— Верно ли, что в Пеште ходят разные слухи?

— А тебе об этом откуда известно?

— От одного паренька-солдата, который недавно прибыл к нам.

— Не соврал тебе твой паренек, — подтвердил Балаго. — Из-за нехватки продуктов среди местного населения растет недовольство, а враги еще нагнетают обстановку.

— Контрреволюционеры? Да?

— А кто же еще?

— Они все еще занимаются подобными вещами?

— К сожалению, да, хотя наша победа под Мишкольцем и Шальготарьяном и оказалась для них холодным душем. Зато для народа каждая новая победа Красной армии подобна жизненному элексиру! Маловеры и те поднимают голову и оживают. Сейчас важно прожить еще несколько недель, а там уже пойдет хлеб нового урожая.

Балаго радостно засмеялся и, похлопав Мароша по плечу, воскликнул:

— Вот так-то, Яни! Понял?

— Как не понять, — улыбнулся Марош. — Скажи, а что тебе известно о Картале?

— В тот самый день, когда вы вымели интервентский сброд из Мишкольца, я виделся с ним и Каролин. Он всего на один день приехал в Пешт из Северной Венгрии.

— И что же он рассказывал?

— По его мнению, дела там постепенно идут на лад. Словацкие пролетарии наконец-то начали понимать, что чешские и словацкие буржуи нисколько не лучше венгерских. Крестьяне стоят за справедливый раздел земли. Они говорят, что пусть венгерское останется венграм, словацкое — словакам, но любой дележ должен быть совершен по-братски. Картал считает, что если бы мы были более организованными, то после победы под

Мишкольцем и Таряном смело могли бы идти на Кашшу и Рожено.

— Сделать это и сейчас еще не поздно.

— Знаю, но это знает и Клемансо, который отнюдь не случайно наслал сюда столько своих генералов и старших офицеров, не считая французских и итальянских наемников. Численное превосходство за ними, что верно, то верно, но я не боюсь за наших. — Балаго достал из кармана какой-то маленький сверток и подал его Марошу: — Вот тебе маленький томик Ади старого издания. «Кровь и золото» называется. Его тебе просила передать Каролин. Она желает тебе всего хорошего, а Тильда даже сама написала тебе небольшое письмецо. Я его в книжку вложил.

На прощание Балаго снова обнял Мароша.

— Берегите освобожденные земли. И не забывай, что нам нужна не столько слава, сколько...

Как только Балаго ушел, Янош развернул сверток. Полистал книжку и остановился на одном из стихотворений: «Венгерский Мессия». Прочел следующие строки:

Здесь и слезы солонее,
И страдания сильнее,
Венгерский Мессия...

Невольно Марош вспомнил Кароя Палотаи, который добровольно пришел в Красную армию и готов был скорее умереть, чем жить при старом режиме в нищете и темноте...

Потом Марош развернул письмо от Тильды: небольшой листок из ученической тетрадки, на котором крупными буквами была написана, вернее, нарисована одна-единственная строчка: «Возвращайся домой героем...»

Янош несколько раз прочитал эту строчку.

«Неужели эти слова написала Тильда? — задумался он. — Способна ли такое придумать и написать шестилетняя девочка?.. А может, ей это продиктовала Каролин?.. Сейчас дети развиваются очень быстро, а у этой крошки заметны следы взрослой мудрости...»

Вложив письмо в книжку, Марош захлопнул ее и положил в карман френча.

32

29 мая 1919 года батальон красных строителей подошел к населенному пункту Хернаднемети. По пути к нему произошло четыре или пять стычек с противником. В одной из них отличился Карой Палотаи. На окраине Хернадкаки он захватил румынского разведчика.

В качестве трофея Палотаи забрал у него маленький бельгийский браунинг.

— С этим пистолетом я никогда не расстанусь. Он всегда будет напоминать мне о том, что тот, кто не боится, всегда побеждает, — хвастался Карой перед Марошем.

— Выходит, ты все же боялся?

— Боялся до того момента, пока не выстрелил командиру разведчиков прямо в лицо, а потом я уже совсем не боялся... Страх словно пропал у меня...

Товарищи полюбили Каройя за отчаянность.

Вечером того же дня командир роты Пирош вместе с Марошем допрашивали пленного.

— В Тисалуце полным-полно румынских солдат, — рассказывал пленный. — Много там и артиллерии: все пушки направлены в сторону Такты. Думаю, что они готовятся к обстрелу Кеснетена, Корома и Шайохидвега, но с тех же огневых позиций они могут вести обстрел и Берзека, Бочо и Хернаднемети.

— Вы так хорошо там местность знаете?

— Знаю каждый уголок: я ведь пастух.

— Как ведут себя румыны в селе?

— Все забирают... Всю скотину и птицу забрали... Житья от них никакого нет..

Приказав увести пленного в штаб батальона, Пирош начал внимательно изучать местность по карте.

— На рассвете выступаем, — коротко сказал он.

На рассвете, ровно в 4 часа 30 минут, части венгерской Красной армии начали наступление на широком фронте: от Араношмарота до Тисалуца, что составляло ни много ни мало — 210 километров. Для артиллерийской поддержки Ландлер придал 1-й и 4-й дивизиям тридцать пушечных батарей и тяжелые гаубицы.

Когда началась артиллерийская подготовка, небо, казалось, вот-вот расколется от грохота.

Палотаи лежал рядом с Марошем. Пареньку нравилась эта канонада.

— Интересно, как себя чувствует сейчас противник? — сказал он. — Вряд ли хорошо...

Как только пушки смолкли, войска пришли в движение. Батальон красных строителей двигался на Тисалуц. В ходе наступления батальон вошел в соприкосновение с подразделениями 4-й дивизии, находящимися на левом фланге соединения.

После упорных двухдневных боев частям дивизии удалось овладеть Тисалуцем, принудив румын отойти на левый берег Тисы. Перед дивизией открылся свободный путь на Токай, Доброгкерестур, Шарошпаток и Шаторальяуйхей. 31 мая батальон красных строителей уже входил в Серенч.

Во время боев Марош имел возможность лично убедиться в смелости Каройя Палотаи. Он все время бежал со своим пулеметом в первых рядах наступающих, беспощадно разя врага, Марош старался не отставать от смелого парня, но это ему не всегда удавалось.

В Серенче во время короткого отдыха Янош сказал Палотаи:

— Вот ты и выдержал боевое крещение.

— Да.

— И что же ты чувствовал?

— Что чувствовал? Я и сам не знаю, хотя что-нибудь да чувствовал. — Немного помолчав, он продолжал: — Была минута, когда я ужасно хотел есть... И даже начал беспокоиться, найдет ли нас вечером полевая кухня...

— Ну ты и обжора! — пошутил Марош, похлопав паренька по спине.

В ходе наступления рота понесла незначительные потери, а пулеметный взвод убитых не имел. Легкораненых перевязали на месте. Однако части 1-й и 4-й дивизий потеряли значительное число своих бойцов. Они были похоронены в харангодском черноземе и тактакезских песках.

Ночью Ваги обошел расположения рот и, чтобы приободрить красноармейцев, сообщил, что части 6-й дивизии, действующей левее, имели большой успех. Они овладели населенными пунктами Сиксо и Ерделень, а к утру, по-видимому, возьмут и Сендре.

— Так что не удивляйтесь, — продолжал Ваги, — что у нас здесь, на правом фланге, относительно спокойно.

На следующий день, 1 июня, батальон красных строителей должен был выйти к Абауйсанте, до которого оставалось 16 километров. 1-я рота шла по долине Хидегвельд, имея справа 3-ю роту, а слева — 4-ю. 2-я рота двигалась на Голоп по склонам гор Араньќатете, Фекетехедь, Кашшахедь и Шамашхедь.

В Голоп рота вошла в полдень.

Взводу пулеметчиков было приказано тщательно прочесать местность вокруг замка барона Миклоша Ваи. Как только пулеметчики появились во дворе замка, раздалось два выстрела.

Салаи сломя голову бросился к парадному входу в замок. Дверь оказалась запертой.

В этот момент Палотаи заметил вспышку выстрела, раздавшегося из окна, и дал по нему пулеметную очередь.

В замке оказалась одна прислуга: старший ключник, повариха и сторож. Те из слуг, кто был помоложе, сбежали, испугавшись прихода красных. Упав перед Бешнеи на колени, все трое молили пощадить их.

— Кто это? — спросил Ваги, показывая на труп мужчины, что стрелял из окна.

— Господин Чисер, управляющий, — ответил ключник. — Он обожал всю семью барона. Он поспорил, что собственными руками убьет первого красного негодяя, который попадется ему на глаза... — И, словно оправдываясь, пояснил: — Это слова барона «красный негодяй»... Они иначе вас и не называли... Особенно молодая графиня... Все они сбежали...

— Вместе с чехами?

— Да... Нагрузили две повозки добра и сбежали... В сундуках...

— А что это было за добро в их сундуках?

— А кто их знает? Они сами все и укладывали, нас никого тогда и близко к себе не подпускали. Наверное, драгоценности увезли...

— А что теперь с нами будет?! — снова запричитала повариха и повалилась на колени.

Ваги смерил толстую женщину недовольным взглядом и спросил:

— А вы сами как думаете?

— Боже мой... — заголосила повариха. — Неужели поубиваете?

— Помилуйте нас, ведь мы всего лишь слуги... — дрожащим голосом попросил ключник.

— Убирайтесь-ка вы все к чертовой матери! — не выдержал Ваги. — С вами нам нечего счеты сводить...

Как только рота миновала железнодорожную станцию, со стороны холма послышалась пулеметная стрельба. Завязался бой, продолжавшийся около двух часов. Все пулеметные гнезда были уничтожены красноармейцами.

К вечеру рота вышла к окраинам Абауйсанты, где завязался бой с арьергардом отступавших частей интервентов. Повсюду, куда ни посмотришь, остались следы хозяйничанья оккупантов: на железнодорожной станции они сожгли все склады, уничтожили оборудование, телеграф и увезли с собой все что можно. Единственное, что они оставили, были трупы собственных солдат, которые валялись на полу в зале ожидания вокзала. Очевидно, здесь был перевязочный пункт.

На следующий день рота по сильно пересеченной местности двинулась по маршруту Цекехаза, Араньош, Абауйалнар, а затем получила приказ взять населенный пункт Вильмани.

Вечером, на привале, Марош разыскал Палотаи.

— Смелый ты парень, Карой, — сказал он ему. — Но мне бы хотелось, чтобы ты не путал смелость с безрассудством.

— Вот, заслужил...

— Не обижайся и поверь, что мне нравится, когда ты берешься за выполнение самых опасных поручений и совсем не нравится, когда ты действуешь безрассудно.

— Безрассудно? Быть может, я меньше дрожу за свою шкуру, чем следует! Но иначе я не могу! Или подыхать будут буржуи или мы. И в этой кровавой драке победителем окажется тот, кто больше рискует.

— Дело не только в степени риска, Карой. Для достижения победы необходима и смелость, и ум...

— Сразу видно, что ты политкомиссар, — засмеялся Карой, но тут же его лицо приняло серьезное выражение, и он уже с рассудочностью взрослого человека продолжал: — Дело в том, что мне жаль тратить время даже на еду, питье и сон. Лишь бы только вперед и вперед! И потом, мне хочется, чтобы как можно больше венгров, словаков, чехов, поляков и немцев стано-

вилось на нашу сторону... Ты понял? А потом мы вместе с русскими...

— Я тебя прекрасно понимаю, Карой, и все же прошу: действуй по-умному, осмотрительно. Не забывай о том, что и наши бойцы гибнут...

— Я как-то читал одну книгу о французской революции,—перебил Мароша Палотаи.—Так там действовали по лозунгу: «Свобода или смерть!»...

1 июня 1919 года жительница Буды Ц. А., сидя за столом, освещенным лампой под зеленым абажуром, сделала в своем дневнике запись:

«Я смотрю на чистый лист бумаги, лежащий передо мной, и никак не могу сообразить, о чем же мне писать... Вот уже и июнь наступил. Великолепный месяц, но я еще раньше заметила, что в этом месяце мне становится особенно скучно... Как хорошо было прежде, можно было сесть в лодку и плыть по Дунаю! Причалить к какому-нибудь островку, высадиться на него и провести весь день в полном одиночестве под огромными развесистыми ивами! А под вечер долго любоваться закатом, водой и облаками на небе...»

33

Населенный пункт Абауисанто рота покидала на рассвете. С голубого безоблачного неба ярко сияло солнце. Шли по дороге к Абауйкерту, которая тянулась параллельно железнодорожному полотну. Если верить донесениям разведчиков, интервенты уже покинули село. В селе отдыхали недолго, пока пулеметчики не закончили установку пулемета на дрезину, которую нашли брошенной на станции. Затем двинулись дальше. Кругом было тихо и спокойно. Дозорные, высланные вперед и в обе стороны, показали, что путь свободен.

Пулеметный взвод Салаи шел по шоссе. Чуть впереди него по рельсам катила дрезина с установленным на ней пулеметом. Справа и слева от железной дороги, насколько мог видеть глаз, алели маки. Кое-кто из солдат приколол себе цветы на грудь.

Дальше от железнодорожного полотна на лугах пестрели полевые цветы, то желтые, то голубые, то лиловые. Веяло легкой прохладой.

Марош то и дело доставал карту и внимательно сверял ее с местностью. С тревогой он посматривал на-

право, где на горизонте чернела гребенка леса. Отыскав на карте долину Текерйеш, он попытался представить себе, что происходит сейчас в селе Башко, спрятавшемся за холмами, которые как бы прижали его к подножию гор. Деревушки, разбросанные тут, носили такие странные названия: Дисноверем, что в переводе означало «Свиная кровь», Киштопойаш, или, иначе говоря, «Маленький тополек», Акастодомб — «Холм с виселицей».

Марош не хотел верить собственным глазам, когда увидел на карте, что вершина горы Керешхедь имеет отметку 365 метров над уровнем моря... Куда ни посмотри, пейзаж был таким удивительным, что глаз не оторвешь. Воздух пронизан благоуханием цветов. При виде такого великолепия душа невольно настраивалась на лирический лад...

Марошу никогда в жизни не доводилось видеть такой красоты.

В трех с половиной километрах к северу от Абауйкерта, когда рота подходила к хутору Пукканца, на дороге неожиданно разорвался снаряд. Солдаты залегли и стали наблюдать.

К Марошу подполз Салаи. Посоветовавшись, они пришли к выводу, что стреляли с горы Абахедь. Раздавшийся артиллерийский залп лишь подтвердил их предположение.

— Хорошо там теперь, — заметил Салаи.

— Да, пожалуй, — согласился с ним Марош.

Рота двинулась дальше и вскоре вышла к железнодорожной станции Болдогкеваралья, где был объявлен большой привал. Нужно было дождаться донесений дозорных, высланных по обе стороны от пути следования.

Затем двинулись дальше по направлению к Вижою. Возле хутора Уйтаня дорога раздваивалась: одна из них вела на Вижой, другая — на Корлат. Столкновений с противником на пути следования не было, лишь дозоры иногда вступали в перестрелку с дозорами врага.

В Вижой вошли после обеда, и, как только расположились на отдых, в небе показались три французских самолета, летевшие клином. Из-за Хернада, со стороны железной дороги, ведущей на Кашшу, по самолетам открыла огонь артиллерия. Было хорошо видно, как снаряды рвались неподалеку от самолетов.

Бешнеи повернулся к Ваги:

— Интуиция мне подсказывает, что вот-вот начнутся бои за Кашшу.

Ваги склонился над картой. Немного подумав, он сказал:

— Если французское командование не слишком глупо, то оно попытается остановить нас на рубеже Торна, Янок, Бузита, Перень, Абаусин. Местность в этих краях очень благоприятная для наступления. Она является как бы естественным защитным валом.

Бешнеи долго изучал карту, видимо, что-то прикидывал в уме.

— Да... — пробормотал он после долгой паузы, — очень многое подтверждает твое предположение... Вполне возможно, что там сосредоточены главные силы противника; этим, собственно, и можно объяснить, почему противник до сих пор не предпринял никаких мер, чтобы уничтожить нас.

2-я рота вместе с пулеметным взводом 2 июня вечером достигла Вильмани, а вечером 4-го — Абауйвара.

Когда рота проходила мимо населенного пункта Генцруска, над головами солдат снова появились французские самолеты-разведчики. То же самое повторилось в Генце и Жуйте. На основе этого Бешнеи еще больше утвердился в своей догадке, что, по-видимому, бои за Кашшу будут упорными и жестокими. От Генцруски до Генца рота шла по железнодорожному полотну.

Все население Генца вышло на главную улицу, чтобы торжественно встретить своих освободителей. Они угощали красноармейцев домашним печеньем, фруктами, свежим табаком. Шествие через село превратилось в настоящий триумфальный марш. На центральной площади перед зданием сберкассы роту уже ожидало местное начальство, которое заранее составило списки добровольцев, желающих служить в Красной армии, и попросило тут же выдать им оружие.

Торжественную встречу красноармейцев с местными жителями не омрачил даже прилет вражеских самолетов-разведчиков. Жители прямо на улице варили своим освободителям гуляш в больших чанах. Завязывались знакомства. Жители рассказывали о своем житье-бытье, жаловались на оккупантов, особенно на итальянских легионеров, которые прославились грабежами.

Неожиданно в село прибыл конный посыльный. Он привез приказ, согласно которому все подразделения

батальона должны незамедлительно двигаться в направлении на Жуйт, с тем чтобы воспрепятствовать интервентам укрепить свои позиции в районе Хармаш-домба.

Во время марша рота не встречалась даже с дозорами противника. Зато в районе Жуйта она попала под артиллерийский огонь. Расчленившись на отделения, рота благополучно достигла северного склона горы Хармаш и вышла на дорогу, ведущую к Телькебанье.

Лишь позднее стало известно, что со стороны Торнешнемеди по правому берегу Хернада продвигаются части Красной армии, принуждая оккупантов сдавать им все новые и новые населенные пункты.

К вечеру того же дня 2-я рота вместе с пулеметным взводом вышла на дорогу, соединяющую Абауйкерт с Паньоком. Заночевать пришлось прямо у дороги.

К этому времени 1-я рота уже вошла в Абауйкерт.

На следующий день, 5 июня, 2-я рота и пульвзвод, двигавшиеся по шоссе в направлении на Абауйнадашда, были остановлены ружейно-пулеметным огнем и огнем артиллерии. Справа, из-за Хернада, доносилось грозное уханье тяжелой артиллерии. В небе с востока на запад пролетали на большой высоте то французские, то венгерские самолеты.

Бешнеи высказал предположение, что, видимо, они вышли на передовые позиции.

От рассвета и до полудня вела огонь вражеская артиллерия, не смолкал ружейно-пулеметный огонь. Чешская часть, противостоявшая батальону красных строителей, в боевые действия пока не ввязывалась, но зато усиленно укрепляла свои оборонительные позиции. От зоркого глаза опытного Бешнеи не ускользнуло ничего. Он сразу же догадался, с какой целью противник так упорно закапывается в землю.

— Мне почти все ясно, — сказал он Ваги. — Встреча главных сил, видимо, состоится в районе Абауйсина, Перень, Бузита. Противник во что бы то ни стало попытается задержать нас здесь, с тем чтобы лишить нас возможности нанести ему удар с фланга. — Посмотрев на карту, Бешнеи продолжал: — Хотя не исключено и то, что части нашей 4-й дивизии уже вышли в район Шаторальяуйхея и там теперь образовалась, так сказать, вторая горячая точка... Однако, как бы там ни складывалась обстановка, наша задача ясна: если мы не зайдем в тыл противнику со стороны Абауйнадашда,

то он зайдет нам в тыл со стороны Абауйкерта. Следовательно, нам нужно принять все необходимые меры. Возможно, скоро мы получим приказ атаковать противостоящего противника и, прорвав его оборону, занять Абауйнадашд.

Однако такого приказа батальон не получил.

И все-таки предположения Бешнеи полностью оправдались.

На рассвете 5 июня начались боевые действия, которые позже стали известны как битва за Кашшу, которая имела огромное значение. В ней решалась судьба не только города. Она продемонстрировала, что наступательный дух венгерской Красной армии и ее ударная сила выше, чем у противника, хотя он и обладает численным преимуществом в людях, бронеавтомобилях, самолетах и в военном снаряжении.

Высокие национальные и интернациональные цели воодушевили весь личный состав рабочих полков. Освободить свою родину и принести свободу словацкому народу — что может быть благороднее этой задачи! Войска венгерской Красной армии смело противостояли и военным знаниям французских и итальянских генералов, и объединенным силам чехословацких, французских и итальянских войск.

5 июня французский генерал Пель отдал приказ Еноку во что бы то ни стало удержать в своих руках Кашшу и Шаторальяуйхей. Однако, несмотря на это, части Красной армии все же прорвали линию обороны противника под Бузитой, а в боях у Миглецнемети и Перени наголову разгромили отборные части французских генералов Енока и Шабо.

46-я бригада в этот же день в полдень овладела населенным пунктом Комороцем, а под вечер освободила Надьиду. В районе Бузиты, на месте прорыва войск красных, образовалась такая щель, заткнуть которую противнику уже больше не удалось.

Большую помощь наступающей Красной армии оказывали действовавшие в тылу врага повстанцы: венгры, словаки, русские, немцы. Они проявляли чудеса храбрости: взрывали мосты, нарушали коммуникации, срывали планы противника по обеспечению войск, наносили неожиданные удары по его мелким подразделениям.

Стало очевидным, что большая часть венгерского и словацкого населения поддерживает Красную армию.

Французское военное командование объявило на всей территории Словакии чрезвычайное положение. В городах и селах оно забрало огромное количество заложников. Однако многочисленные акты саботажа и вооруженные акции ему так и не удалось пресечь.

6 июня на рассвете начальник генерального штаба французский генерал Пель приказал начать контрнаступление в районе Надьиды. Однако это контрнаступление, еще не начавшись, уже потерпело поражение. Моральный дух войск противника был подавлен, в частях началась паника. Войска венгерской Красной армии вплотную подошли к стенам Шаторальяуйхей.

Тем временем генерал Шабо с такой поспешностью оставлял Кашшу, что даже не успел забрать с собой заложников.

Всю ночь в районе Алшо и Фельше-Кекед ни на час не стихал накал боя.

Здесь красноармейцы из батальона Бешнеи впервые познакомились с французскими осветительными ракетами.

— Черт бы их побрал! — выругался Палотаи. — Пока эта штука горит, освещая все вокруг как днем, я чувствую себя чуть ли не нагишом перед пулеметами противника.

— Но зато и тебе все цели были видны как на ладони, — со смехом заметил Марош.

На рассвете батальон красных строителей получил приказ прорваться к Абауйнадашду. Части буржуазной Чехословакии предприняли последнюю попытку удержать Кашшу и, сконцентрировав все свои силы, нанесли удар по 46-й бригаде красных.

Однако к шести часам утра в ходе боя наметился перелом в пользу красных, в силу чего последним подразделениям французского генерала Шабо пришлось покинуть Кашшу, что в значительной степени облегчило положение батальона красных строителей, который в первой же атаке прорвал оборону противника у Фельше-Кекеда и с ходу направился к Абауйнадашду.

На краю села красноармейцы наткнулись на девять трупов: двух пожилых мужчин, четырех женщин и трех детей. Все они были зверски расстреляны интервентами.

Марош был поражен увиденным. Одна из девочек держала в руках куклу. Палотаи наклонился, чтобы получше рассмотреть личико убитого парнишки.

— Что с ними случилось? — хрипло спросил он.

— Кто знает? Возможно, они хотели перебежать к нам, — ответил Салаи.

Палотаи посмотрел на вещи, которые были разбросаны возле убитых: детская одежда, кусок хлеба и сала, словацкий молитвенник, два перочинных ножичка, платок, туфли и сапожки. Никаких документов у несчастных не оказалось.

— А почему эти несчастные хотели перебежать к нам? — задумался Марош, кусая губы.

— Этого я и сам не пойму, — сокрушенно покачал головой Салаи. — Сельский житель не так-то легко покидает свои родные места.

— Пойдемте скорее отсюда... — попросил бледный как полотно Карой Палотаи. — Я не могу смотреть на них...

В Абауйнадашде интервенты подожгли гумно. Вокруг него бегали перепуганные словаки, пытаясь потушить. Повсюду расползался густой ядовитый дым. Один полуобезумевший старик словак, путая венгерские и словацкие слова, на чем свет ругал пьяных свиней-интервентов. На вопрос красноармейцев, а много ли было интервентов и в какую сторону они ушли, старик лишь махнул рукой в северном направлении.

Село Хернаджадань легионеры оставили незадолго до прихода подразделений Красной армии. Здесь они начисто ограбили корчму и дома сельских жителей.

Бешнеи выделил для преследования грабителей специальную группу. В селе Красна она чуть было не догнала в беспорядке отступавшие войска интервентов, которые двигались не на Кашшу, а свернули направо и шли по долине Тарцы. От дальнейшего преследования пришлось отказаться, так как батальону было приказано двигаться на Кашшу. Сделав небольшой крюк, батальон вышел на дорогу, соединявшую Мишкольц с Кашшой.

Поздно вечером батальон достиг населенного пункта Барца, где приказано было переждать до утра. Словаки на улице не показывались.

Бешнеи отдал приказ расположиться в хорошо известном замке семейства Барцаи. Здесь их и нашел посыльный командира бригады, который передал Бешнеи приказ — на следующий день войти в Кашшу, где уже расквартируются части Красной армии.

Как только наступил рассвет, красноармейцы начали приводить себя в порядок. Каждый хотел выглядеть как можно лучше. После завтрака Ваги провел короткое совещание с командирами рот и политкомиссарами.

— Товарищи, мы находимся с вами на пороге бывшего куруцского города, который прославился еще в тысяча восемьсот сорок восьмом году. Большую часть города Кашши составляет венгерское население, но в селах вокруг города живут словаки. Нужно будет разъяснить нашим бойцам, чтобы они независимо от национальности обращались бы по-братски с каждым жителем Кашши. Пусть они ни на минуту не забывают, что мы освободители, а не оккупанты и захватчики.

Город Кашша ликовал.

С самого утра жители его были уже на ногах. Все спешили на центральную улицу. Повсюду развевались красные знамена и национальные флаги. Мужчины и женщины с радостью обнимали красноармейцев, угощали их сигаретами. Из окон домов им приветливо махали цветными платками; детишки, забравшиеся на деревья, чтобы лучше все видеть, радостно перекликались между собой.

Батальон красных строителей вошел в город по Пештскому проспекту. Пройдя мимо гусарских казарм, у знаменитого дома Шалька свернули на главную магистраль и вышли на Домскую площадь. Со всех сторон слышались приветственные возгласы по-венгерски, по-словацки и по-немецки. Тут же в бочках стояло пиво, а корзины, принесенные благодарными жителями, ломились от холодных закусок.

Среди толпы ликующих жителей Бешнеи вдруг заметил хорошо одетого пожилого мужчину с копной седых волос, который грустно наблюдал за происходящим вокруг.

Бешнеи вместе с Ваги подошли к нему и, представившись, спросили, почему тот такой невеселый.

— Вот смотрю на ликующий народ и думаю — только вы, пожалуйста, не сердитесь на меня, — более того, удивляюсь: совсем недавно эти люди так же радостно встречали чешских, словацких, итальянских и французских солдат, когда те входили в город.

— Точно так же?

— Да, а ведь у нас далеко не все коммунисты. Я, например, не коммунист, но... — Мужчина чуть заметно

улыбнулся: — Но история ни у кого не спрашивает, чего хочет тот или иной человек. Все следует воспринимать так, как оно есть... — Седоволосый мужчина замолчал, потом продолжал: — Если вы на самом деле интересуетесь тем, что я чувствую в эту минуту, я могу вам сказать... Я действительно настроен очень печально, более того, меня мучает совесть. Я прекрасно понимаю, что миру, в котором я родился и вырос, раз и навсегда пришел конец... А ведь это был и мой мир... Что же касается совести и самообвинений, то нечто подобное должны сейчас чувствовать многие жители города... Что-то мы сделали не так... плохо... — Мужчина окинул беглым взглядом площадь. — Вот в этих господских и мещанских домах мы жили какой-то особой жизнью. В домах царила тишина и порядок. Наше настоящее сливалось с прошлым, но мы никогда не задумывались над тем, что же нас ждет в будущем. Наши жены и дочери играли на фортепьяно Шопена и Моцарта, а на наших книжных полках стояли тома немецких, французских и английских писателей и поэтов, мы совершали удивительные поездки за границу, а в часы отдыха говорили о том, что так же жили и наши далекие предки...

— А на какие средства жили? — тихо спросил Ваги. — На что?

— Они торговали, учились сами и учили других. Становились солдатами и священниками, чиновниками, юристами, художниками... Бог знает, кем еще... Однако они были едины в том, что все плохое и некрасивое они не пустят на порог своего дома. На улицах жизнь била ключом, а в их домах царила тишина. Если я не ошибаюсь, Ади писал...

Седоволосый замолчал.

— Прошу вас, продолжайте, — попросил Ваги. — Мне нравится ваша откровенность.

— В основном я уже все вам сказал. Я готов отвечать за свои слова. Вы ведь коммунисты, а я таковым не являюсь.

— Я тоже не коммунист, — заметил Бешнен, — хотя полагаю, что рано или поздно стану им. А каким вы мыслите свое будущее?

— А никаким. Возможны всего два варианта: если победу одержат русские, то это будет равнозначно концу гражданского порядка, если же победят страны

Антанты, то Кашша уже не будет венгерским городом и тогда словацкие националисты все здесь перевернут... — На мгновение он замолчал, а затем начал развивать свою мысль дальше: — Словацкий национализм, как таковой, существует. Вокруг Кашши расположены сплошь словацкие села, и я видел этих людей в националистском угаре.

— В том, что существует словацкий национализм, вы, конечно, правы, — кивнул Ваги. — Но есть и венгерские националисты, и их немало. Но я бы хотел, чтобы вы поняли, что на свете еще имеются и интернационалисты, и здесь, и в других местах... В рядах нашей Красной армии служат тысячи словаков и русинов из рабочих, крестьян и даже из числа интеллигентов. Все они сражаются против французских и итальянских интервентов. Да и среди нас немало представителей других народов: есть и румыны, и сербы, и хорваты, немцы, чехи, поляки, болгары, итальянцы, и все они вместе с нами сражаются за создание справедливого общества, основанного на принципе братства...

Уголки губ седоволосого мужчины слегка дрогнули. Ваги заметил это.

— Вам кажется невероятным то, о чем я сейчас говорю, да? — спокойным тоном произнес он. — Тогда вы тем более будете считать невероятным, что среди офицерского корпуса нашей пролетарской армии очень много офицеров, которые отнюдь не являются коммунистами. Да и сам начальник генерального штаба Штромфельд тоже не коммунист.

— А если... ваши офицеры-некоммунисты, которые сейчас служат на вас, по секрету, так сказать, за вашей спиной, преследуют националистические цели. Этого вы не допускаете?

— Нет! — решительно ответил Ваги. — Не допускаю. Разве Кошута можно было назвать националистом, когда он провозгласил свой план создания Дунайской конфедерации? Он считал, что жизнь народов, живущих в бассейне реки Дуная, станет лучше, если у них будет единая и общая родина. Признайтесь, что такого рода патриотизм не имеет ничего общего с национализмом. Так почему же офицерам, которые сейчас командуют частями и подразделениями нашей армии под красными знаменами, вы отказываете в патриотизме?

На прощание Ваги сказал:

— Еще раз спасибо вам за откровенность. Она нам очень понравилась. Вам же мне хочется напомнить, что мы не против людей, даже если эти люди — наши противники; мы уничтожим бесчеловечный режим, и только. Подумайте об этом на досуге и тогда, быть может, и вы найдете себе место в новом, только что рождающемся мире.

Батальон направился в кавалерийский барачный лагерь для расквартирования.

Выстроив весь личный состав на плацу, Бешнеи зачитал приказ по батальону:

— «Красноармейцы! Бой за овладение городом Кашша навсегда останется в памяти бойцов и командиров нашей Красной армии. Мы одержали здесь победу и тем самым широко распахнули северные ворота. Отныне чешские войска потеряли связь с румынскими буржуазными частями, а мы с вами создали предпосылку для будущей встречи с войсками русской Красной Армии! Наше командование выносит сердечную благодарность за это каждому красноармейцу, каждому командиру, а также тем партизанам — венграм, словакам, немцам и русинам, — которые своими героическими действиями помогали нам. В ходе проделанного похода мы боролись не против словаков, чехов, французов и итальянцев, а против буржуев. Вместе с нашими русскими братьями мы продолжим справедливую войну в Европе. В этом наша сила. Мы будем вечно помнить имена всех погибших боевых товарищей. Мы отдадим им последние почести и снова пойдем вперед, будем сражаться за освобождение Бартеры и Зборо, а освободив их, водрузим красные знамена революции на вершинах Карпат!..»

Ваги обошел роты, побеседовал с бойцами. Поинтересовался у командира 2-й роты Пироша, доволен ли он своими солдатами.

— Очень доволен, — ответил Пирош. — Хотя они и не совершили ничего героического, но зарекомендовали себя хорошо.

— А разве это само по себе не геройство? — улыбнулся Ваги.

34

7 июня 1919 года батальон красных строителей был выведен из состава 3-го корпуса и подчинен непосредственно штабу армии.

Во время короткой передышки Марош как-то вспомнил милую учительницу из Мишкольца. Он хотел было написать ей письмо, но оказалось, что блокнот с ее адресом был потерян. Янош разозлился на себя за это, но делать было нечего. Вскоре события закрутили его, и он забыл об учительнице.

До населенного пункта Абош батальон двигался по долине реки Хернад. Противник отступал, и лишь головные отряды красных иногда наталкивались на его арьергарды. Начиналась небольшая перестрелка.

Однако это нисколько не портило настроения красноармейцам. Они любовались великолепными видами, которые открывались перед ними, восхищались извилистой лентой реки, по берегам которой росли то веселые березовые рощи, то солидные хвойные боры.

Неподалеку от населенного пункта Тарольчани, на берегу реки, красноармейцы наткнулись на трупы трех французских легионеров. Все трое были убиты выстрелом в лоб, а это означало, что их расстреляли за отказ выполнить приказ.

Под вечер батальон красных строителей прибыл в Абош. 2-я рота расположилась на отдых на железнодорожной станции, а пулеметный взвод Салаи в нескольких сотнях метров от станции, возле сторожки стрелочника.

Батальону Бешнеи было приказано из долины Хернада перейти в долину реки Тарца и по ней двигаться по направлению к Эперьешу.

На станции красноармейцы нашли старый маневровый паровоз и несколько товарных вагонов. Марош вспомнил свой «бронепоезд» в Мишкольце и предложил повторить старый вариант. Бешнеи не возражал. И на этот раз самодеятельный бронепоезд вполне оправдал себя. Эперьеш был взят 9 июня.

Об успешно проведенной акции Бешнеи послал донесение в штаб.

«9 июня утром мы согласно приказу должны были развивать наступление в направлении на Эперьеш. Из донесений дозорных выяснилось, что войска интервентов

отступают, увозя с собой все, что можно. Вместе с политкомиссаром Ваги мы приняли решение помешать отступлению вражеских войск. Мы прибегли к варианту, который уже оправдал себя в Мишкольце: оборудовали «бронепоезд». Пулеметчики прочесали огнем прилегающий к вокзалу район, а затем с подходом пехоты заняли весь город, захватив большое количество оружия и боеприпасов».

В своем донесении комбат не упомянул ни Салаи, ни Мароша, ни Палотаи, а ведь это они вместе с бойцами 2-й роты и частично пулеметного взвода, расположившись на паровозе и в товарных вагонах, обстреливали местность из пулеметов и винтовок.

Многим интервентам удалось бежать. Бешнеи это очень огорчило, но он утешал себя тем, что в Орло, где железнодорожная ветка кончалась, красноармейцы все равно догонят их, а если не там, то уж в Карпатах обязательно.

Всех охватило нетерпение. Хотелось скорее очистить землю от интервентов и врагов революции.

— Красивый город, — сказал Карой Палотаи, — но мы должны как можно скорее двигаться дальше: сначала на Бартафу, а затем — на Зборо. А когда мы заберемся на самую высокую гору Карпат, то наверняка увидим оттуда, как нам навстречу идут русские рабочие...

— Наберись терпения, Карой, придет время, и ты увидишь Карпаты, — пытался утихомирить Палотаи Марош.

Но не суждено было Каройю Палотаи увидеть Карпаты ни тогда, ни позже.

Его послали в патрульный дозор, старшим которого назначили Мароша. На патрулирование был выслан целый взвод, в задание которого входило обеспечить порядок в городе, охрану складов и проведение обысков в домах и квартирах, где скрывались подозрительные люди или же пряталось оружие.

Очень скоро стало известно, что в городе осталось много трофеев, больше, чем предполагалось. В двух казармах, на складах жандармской казармы и в подвалах крупных общественных зданий хранилось много продовольствия, обмундирования, обуви. В казармах пожарников было обнаружено много боеприпасов, стрелкового оружия и даже пулеметов. В городском же гос-

питале и в здании института благородных девиц, переоборудованном под временный госпиталь, нашли большие запасы медикаментов.

— В штабе бригады мне не раз приходилось слышать, что мы слишком далеко оторвались от наших тылов, а коммуникации, по которым осуществляется подвоз, слишком растянуты. Однако наши сегодняшние трофеи, — весело говорил Бешнеи, — свидетельствуют о том, что, удаляясь от своих тылов, мы приближаемся к тылам противника. Думаю, что нашему командованию нужно будет иметь это в виду, как и то, что часть населения желает присоединиться к нам.

Марошу доложили, что на улице Фе в здании страхового общества, расположенном напротив гостиницы «Черный орел», у банковского служащего скрывается французский офицер.

Когда Марош с несколькими бойцами предстал перед банковским служащим, тот страшно перепугался. Чиновник, как выяснилось, знал французский язык, и с его помощью Марошу удалось допросить французского лейтенанта. Янош записал его имя, фамилию, звание и должность. Француз рассказал, что по требованию чешского военного министра итальянских генералов откомандировали обратно в Рим.

— Почему вы, французы, воюете против венгров? — спросил его Марош. — Что плохого сделал венгерский народ французскому?

— Все французы люто ненавидят бошей, — ответил офицер, — и всех тех, кто их поддерживает в этой большой войне. Вы, венгерские солдаты, к сожалению, помогали надменному кайзеру.

— Но ведь чехи делали то же самое.

— Заблуждение. На итальянском фронте чехи перешли на сторону Антанты и сдались русским. Вот тогда-то Клемансо и решил как следует проучить венгров. И правильно решил! — В глазах француза появились злые искорки. — Вы стали большевиками и теперь с чисто азиатской жестокостью угрожаете культуре западных стран. Мы, французы, потому здесь и находимся, чтобы освободить народы, которые до этого находились в рабстве.

Марош остолбенел. Он с трудом взял себя в руки.

— Скажите ему, — обратился Янош к банковскому служащему, — что буржуазия не может дать народу ни-

какой свободы, она несет угнетение. А еще объясните ему, что и сам французский народ может стать свободным только тогда, когда он совершил у себя пролетарскую революцию...

Французский офицер разразился ругательствами. Он так разволновался, что у него даже кровь пошла горлом.

Марош окинул его мрачным взглядом. Немного помолчав, он резко бросил чиновнику:

— Скажите этому «культурному» французу, что я, венгерский варвар и азиатский большевик, приказываю отвести его в больницу, где его вылечат. Если каждый француз обладает точно такой же культурой, как он, то я ни за что на свете не хотел бы быть французом.

В эти дни в Эперьеше была создана революционная директория. Она предшествовала провозглашению Словацкой советской республики. Директория приступила к созданию словацкой Красной армии. Первыми ее бойцами стали молодые словаки, которые бежали чуть ли не толпами в горы от французов, а теперь вернулись к себе домой.

Карой Палотаи был так захвачен событиями, что радостно воскликнул:

— Революция идет дальше! Теперь можно быть уверенным в том, что мы победим!

— А если уже победили? — с улыбкой спросил Марош. — Тогда что нам делать?

— Тогда я немедленно женюсь, так как уверен в том, что у меня будет работа, квартира и... Ты, наверное, знаешь, что я не был непорочным ангелом...

— А невеста у тебя уже есть?

— Нет, но будет!

— Тогда нам нужно идти дальше! И немедленно! Нам нужно закончить то, что мы начали!

После полудня из Будапешта на специальном поезде приехали женщины, чтобы проведать своих мужей-фронтовиков. Сколько было радости!.. Однако не обошлось и без инцидентов...

К Марошу подошел пулеметчик Зимани и представил свою жену:

— Познакомьтесь, моя жена. Она что-то хочет вам сказать.

Марош с любопытством посмотрел на женщину. На

вид ей можно было дать лет тридцать. Она выглядела очень уставшей.

— Вы политкомиссар? — вызывающим тоном спросила женщина.

— Да.

— Тогда выслушайте меня! Известно ли вам, как мы сейчас живем в столице? Питаемся черт знает чем, подчас квашеной капустой и картошкой, да и те полусгнившие. О муке и жире мы только мечтаем. О сахаре — тоже. А хлеб? Он черный и твердый, как кирпич. Положишь в рот, а он прилипает к небу, не сразу оторвешь. Да и за всем этим еще не один час нужно простоять в очереди. Когда мой муж уходил в Красную армию, мне обещали, что семья каждого красноармейца получит все необходимое. Ну, и что мы получили? Ничего! В то же время профсоюзные шишки толстеют! Они получают сверх того, что им положено. А ведь кому, как не им, нужно заботиться о семьях, мобилизованных в армию. Чтобы кое-как прожить, нам приходится идти в село и менять вещи на продукты. А наживающиеся на этом крестьяне-богатеи смеются нам прямо в лицо. «Ну что, в Пеште уже не осталось скота? Весь отправили на фронт?» Вот так мы живем, товарищ политкомиссар!

Переведя дух, она продолжала:

— В то время, когда мой муж тут рискует своей жизнью, мы влачим жалкое существование на пособие для безработных, а каждый профсоюзный босс получает паек и будет получать до тех пор, пока его не заберут в армию. Это вы понимаете? А нас всем обделили: и продуктами, и топливом, и мылом. А если у кого мужа убьют, так с его семьей вообще никто не считается. Жалоб и тех не хотят выслушать.

Неожиданно Зиманине замолчала. От ее горячности не осталось и следа. На глазах показались слезы. Сдерживая душившие ее рыдания, она продолжала:

— Все женщины-домохозяйки очень возмущены. Мы ругаемся друг с другом, детишки наши шатаются, как беспризорные, по улицам. Растет проституция, люди обманывают друг друга, крадут. А разве это хорошо? Вот скажите мне: что в этом хорошего?

Марош был ошарашен тем, что услышал. Он повел жену Зимани к Ваги. Тот внимательно выслушал Мароша, помрачнел. Записав жалобу женщины, он пообе-

щал, что незамедлительно сообщит об этом кому следует.

Когда волнения немного улеглись и все успокоились, женщин пригласили пообедать.

Вскоре они уехали домой.

Ваги вызвал к себе всех солдат, к которым приезжали жены, побеседовал с ними, поинтересовался, кому чем можно помочь.

— Даже если ваши жены кое-что и преувеличивают, — сказал он, — чему я мало верю, всем известно, какие лишения приносит острая классовая борьба. Эта борьба требует от каждого человека твердой позиции, в том числе и от тех, кто остался дома. Фронт и тыл, если побеждают, то побеждают вместе, а если терпят поражение, то тоже вместе. Целых четыре года, с четырнадцатого года до восемнадцатого, мы проливали кровь на фронте ради интересов буржуазии. Теперь же мы защищаем свои собственные интересы, и ради этого мы должны выстоять, продержаться еще несколько месяцев. Не забывайте о том, что через несколько недель начнется жатва, пойдет хлеб нового урожая, и тогда у нас не будет трудностей с продовольствием. Смело можно сказать, что время является нашим союзником! — Ваги смотрел на нахмуренные лица бойцов, на их крепко сжатые губы. — Тот, кто потерял веру в наше дело или кого оставила смелость, выйти из строя! Он будет немедленно демобилизован и отправлен домой!

Ни один человек даже не пошевелился. Наступившая тишина стала гнетущей.

— Нет таких?!

Ваги поднял вверх сжатую в кулак левую руку и крикнул:

— Спасибо, товарищи! Разойдись!

Бойцы разошлись. Бешнеи пожал Ваги руку и тихо заметил:

— Люди, которые прислали сюда этих несчастных женщин, знали, что они делают.

Ваги молча кивнул. Чуть позднее он созвал совещание командиров рот и политкомиссаров.

— Пусть никто из вас не думает, — сказал он, — что этим инцидент полностью исчерпан и все у нас теперь в порядке. По себе знаю, что такие вещи выводят из себя, лишают человека душевного равновесия.

Вечером был получен приказ из штаба бригады, которым батальону предписывалось двигаться в направлении населенного пункта Орло. В приказе особо подчеркивалось, что Орло находится в Карпатах и что овладение им отсекает населенные пункты Шарош, Земилени, Унг и Берг от западных районов Северной Венгрии.

— Ну видишь, — Марош посмотрел на Палотаи, — вот ты и увидишь Карпаты!

— Если это случится, — обрадовался парень, — то я подарю тебе свой бельгийский браунинг.

В путь батальон двинулся на рассвете.

Перед выходом Бешнеи по карте поставил задачи командирам рот и политкомиссарам:

— До Тарцы будем двигаться вдоль железнодорожного полотна. Мы должны занять населенные пункты Надьшарош, Сентмихай и Оркута. По нашим предположениям, серьезного сопротивления там не встретим. Орешком покрепче будет, видимо, Киссебен, небольшой городок, населенный наполовину словаками, наполовину венграми.

Действительно, село Надьшарош красноармейцы захватили без особого труда. Разведку местности проводила рота Пироша. Когда рота подходила к околице, из села донесся колокольный звон. Навстречу бойцам вышел священник.

— Вас встречают колокольным звоном, — начал священник. — Вы, видимо, знаете, что большинство жителей нашего села словаки. У меня к вам одна просьба: не обижайте людей.

— Господин священник, успокойте всех, — попросил его Марош. — Мы пришли сюда не как захватчики, а как братья. Вы, возможно, еще не знаете: в Эперьеше вот-вот будет провозглашена Словацкая советская республика.

Священник смотрел на Мароша, широко раскрыв глаза, а местный судья протянул Яношу списки добровольцев, которые изъявили желание служить в Красной армии.

Несколько другое настроение царило в селе Сентмихай. Многие дома в селе сгорели. Повсюду в глаза бросались следы бедности. И здесь навстречу солдатам вышел священник.

— Беднота, болезни, заботы одолели нас, — пожа-

ловался он. — Многие жители сбежали из села. Вот что принес нам венгерский режим.

Ваги сокрушенно покачал головой:

— Если вы читали венгерские газеты, святой отец, то знаете, что подобная участь выпала на долю сотен тысяч бедных венгров, не только ваших прихожан.

Бешнеи поинтересовался, куда делись из села молодые парни.

— Подались в горы, — ответил священник.

— Уж не боятся ли они нас? Но ведь и по ту сторону гор тоже находятся наши части, которые продвигаются к Ньяршардо.

На это священник ничего не сказал. У Ваги родилось подозрение, что не кто иной, как он сам, и уговорил молодежь скрыться в горах.

По дороге к селу Оркута к Бешнеи подошел какой-то лесоруб и сообщил:

— Будьте осторожны, неподалеку от села вас поджидает сильный отряд.

Лесоруб оказался прав: под Оркутой батальон действительно натолкнулся на довольно сильное сопротивление противника. Предприняв три безуспешных атаки, Бешнеи понял, что без помощи извне этот орешек не раскусить. Завязался огневой бой, который продолжался двенадцать часов. Помощь пришла довольно быстро. Батальону были приданы 6-я штурмовая рота металлистов и несколько пулеметов.

Палотаи сразу же подружился с одним молодым пулеметчиком.

— Откуда вас прислали? — поинтересовался Палотаи.

— Из Зборо, наш отряд специального назначения водрузил там красное знамя.

— Ну, и как же вы там себя чувствовали?

— Великолепно! Перед нами открылись северные ворота. Мы кричали от охватившей нас радости. Бросали вверх шапки, стреляли в воздух. Мы ликовали.

— Ну, и что же вы увидели?

— Что?.. Дали...

— Дали?..

— Да... Но очень скоро мы подойдем к первому Ужоки... С каким удовольствием мы перевалим через него... Как-никак Карпаты!..

— Очень скоро вы увидите Орло...

Батальон предпринял новую атаку и наконец-то заставил интервентов обратиться в бегство. И в этом бою снова отличился Палотаи. На железнодорожной станции Оркута он нашел дрезину. С грехом пополам на ней установили пулемет и покатили по рельсам, ведя огонь по противнику.

На станции Киссебен с Палотаи произошел забавный случай. В одном из пристанционных складов красноармейцы обнаружили заложников. Их заперли здесь двое суток назад. В складском помещении не было даже окон. Отступая, французы забыли о них. Все они оказались рабочими. Один из них, Ярослав Паточка, лично знал Бешнеи, вместе с которым он в свое время воевал на итальянском фронте. Паточка командовал тогда пулеметным взводом. Это был словацкий патриот. Увидев Бешнеи, он поздоровался с ним как со старым знакомым. Оба были очень рады этой встрече.

Палотаи познакомился с девушкой по имени Мариетта, которая вместе со своим отцом оказалась в числе заложников.

Когда красноармейцы растворили тяжелые окованные железом двери склада, первым человеком, который вошел туда, был Карой Палотаи. Перед заложниками предстал молодой, здоровый и красивый парень. Увидев его, Мариетта сделала то, что на ее месте сделала бы любая молодая и красивая женщина. Обрадованная, что ее освободили, она бросилась первому попавшемуся ей на глаза спасителю на шею и несколько раз поцеловала его в губы, а когда солдат, обхватив ее за талию, приподнял в воздух, она по-детски заболтала ногами.

— Спасибо вам, — произнесла она сквозь слезы и, недолго думая, подставила свои губы для поцелуя.

Произошла старая банальная история, которая повторяется с незапамятных времен и называется любовью с первого взгляда. Солдат-фронтовик хорошо знает, что такое вполне возможно. Более того, с ним, как правило, только такое и случается.

Мариетта вместе со своим отцом работала на картонной фабрике. Вдвоем они с трудом зарабатывали на жизнь, мать как могла на эти деньги кормила семью, еле-еле сводя концы с концами. Мариетте недавно исполнилось восемнадцать лет. В их небольшом захудалом городишке можно было лишь мечтать о красивой жизни. Отец ее — словак, рабочий, а мать — венгерка.

Сидя в запертом сарае, Мариетта и там продолжала мечтать о знойном юге, о Будапеште, в котором она никогда не была, но не раз видела во сне. А фантазия у нее была довольно богатая. Увидев Каройя Палотаи, такого молодого и красивого, который явился в образе благородного рыцаря-освободителя, девушка сразу же влюбилась в него без памяти.

То же самое произошло и с Палотаи, которого первый раз в жизни поцеловала такая молодая и красивая девушка.

— Меня зовут Мариетта...

— А меня Карой... Можно просто Карчи...

35

В Киссебене батальон от имени рабочих и всех жителей приветствовал Ярослав Паточка.

— Все мы с нетерпением ожидали вашего прихода: и словаки, и венгры, и русины! — заявил он. — До нас дошли слухи, что в Эперьеше скоро будет провозглашена Словацкая советская республика. Мы уже давно поняли, что история является хорошим учителем. Так оно и оказалось. Когда нашу землю оккупировали чешские наемники и французские легионеры, нам все время говорили о словацком братстве и о словацкой свободе. Интервенты разжигали в нас чувство национализма. Однако вскоре мы поняли, какую цель они преследуют. Они снова хотят превратить нас в рабов, только под другим флагом, и командовать нами на другом языке. Мы поняли, что говорить о свободной Словакии мы можем только тогда, когда выгоним со своей земли всех интервентов, когда земля, фабрики и заводы станут нашими.

Затем выступил недавно избранный председатель директории. Он сказал, что идеи интернационализма нашли благодатную почву и на земле Словакии, и в Моравии, и в Чехии.

— Мы ждали вас, чтобы вместе с вами создавать новую родину, — закончил он.

Выступления обоих словаков дышали пафосом. Важность исторического момента была настолько велика, что людям невольно хотелось облечь свои мысли в красивые слова и выражения.

И, хотя Карой Палотаи ни слова не знал по-словацки, он понял буквально все, что говорили ораторы, быть

может, потому что рядом с ним была Мариетта, которая, забыв о военных порядках и правилах, взяла его под руку и что-то шептала ему на ухо.

Эта торжественная встреча происходила 12 июня 1919 года ярким летним утром, которое само по себе все делает красивым. Хлебосольные жители радушно угостили бойцов батальона. А отец и мать Мариетты приняли Каройя Палотаи как своего.

Марош радовался тому, что его любимец нашел такую хорошую девушку.

Бешнеи с часу на час ждал приказа на дальнейшее наступление. Впереди был Хетхарш, затем Орло, а уж потом хребты лесистых Карпат.

Однако все случилось иначе.

И хотя высланные вперед разведчики донесли, что вплоть до окраин Хетхарша они не встретили ни одного вражеского солдата, из населенного пункта Няршардо прибыл посыльный, который передал:

— Вам приказано занять оборону здесь, в Киссебене.

Бешнеи и Ваги с тревожными предчувствиями срочно отправились к командиру дивизии Керекешу.

Керекеш сообщил всем командирам частей о том, что накануне Клемансо послал Правительственному совету очередную ноту, в которой он требовал немедленного прекращения военных действий, пообещав в свою очередь, что, если части Красной армии, действующие на севере, отойдут за демаркационную линию (южнее Кашши), тогда румынские королевские войска уйдут из-за Тисы на ранее установленную демаркационную линию.

Командиры частей были крайне изумлены сообщением комдива.

А Бешнеи не выдержал и спросил:

— Об этом будет отдан приказ?

— Да. Командующий армией Бем распорядился, чтобы это было доведено до каждого солдата.

— Бойцы устали, — заметил Ваги, — а это сообщение совсем испортит им настроение. Вот и спрашивай после того твердую воинскую дисциплину.

— Приказ Бема должен быть выполнен.

Батальон Бешнеи был оставлен на расквартирование в Киссебене. Личному составу был объявлен приказ командира дивизии, который, как и предполагал Ваги, подействовал на бойцов не лучшим образом.

Несколько пожилых красноармейцев высказали мысль о том, что сражаться дальше нет никакого смысла, если границы и без того давным-давно установлены. Ваги начал энергично объяснять, что приказа ни на временное прекращение огня, ни тем более о заключении мирного договора никто не отдавал, а следовательно, стране и впредь будет нужна своя армия.

В тот же день Ваги был направлен в командировку в Будапешт, а его обязанности пока приказали исполнять Марошу.

Батальон красных строителей остался в Киссебене, ожидая дальнейшего развития событий. Вскоре пришло известие, что французский генерал Пель начал наступление в Западной Словакии, однако 16 июня части Красной армии успешно отразили его, но им пришлось сдать Рожно, а в районе Кашши и Левы обстановка сложилась отнюдь не благоприятно для красных.

В тот же день стало известно, что 16 июня 1919 года в Эперьеше была образована Словацкая советская республика. Это событие вызвало огромную радость у населения Киссебена и у бойцов батальона.

Марош все время находился среди бойцов. Каждый день читали «Вереш уйшаг», которая информировала о событиях в мире и особенно в Пеште. Из газеты стало известно о попытках сил контрреволюции устроить мятеж в провинции, о заговоре в столице, который был разоблачен и уничтожен в день своего начала, то есть 24 июня.

В этот день знакомая нашим читателям мадам Ц. А. из Буды записала в своем дневнике:

«Пешт обстреливают из пушек, пулеметов, винтовок, из орудий мониторов тоже. Весь город, можно сказать, находится в огне. На проспекте Хунгариа следы от разрывов бомб. Контрреволюция бушует вовсю. Нервы напряжены до предела, но, как ни странно, даже под огнем пушек можно гулять по улицам. А вот писать в дневник я никак не могу, не хватает терпения, его не хватает не только для писанины.

Сейчас тихо. Но кто знает, что будет ночью? Быть может, снова будут стрелять пушки? На днях я была на сеансе гадания, где узнала, как будут развиваться события дальше. Поживем — увидим... У меня мороз дерет по коже от этой революции, однако я не намерена отказываться от своих принципов. Возможно, что я

сломлена, но я не могу сказать, красная я или белая. О, если бы я только могла быть той или другой, тогда бы... В такие дни бездеятельность тяжелее всего. Как хорошо было бы сражаться за лучшее!..»

Каждый прошедший день все больше и больше закалял Мароша.

Всевозможные слухи, которые распространялись врагами революции, только укрепляли в нем желание бороться за победу справедливого строя. Постепенно он становился настоящим бойцом-революционером. Он энергично спорил о новой ноте Клемансо. Как опытный политик, мысленно прикидывал, что может дать отход красным. Временную передышку, во время которой можно рассчитаться с силами внутренней контрреволюции? Или, быть может, поправить хоть как-то экономическое положение в стране? Переформировать части Красной армии? Провести организованно уборку урожая за Тисой? Все это очень хорошо. Даже великолепно.

Марош верил в революцию, верил в ее победу, хотя вести приходили малоутешительные. 8-й рабочий полк 1-й дивизии бе́зо всякого приказа отступил, отказавшись от дальнейшей борьбы. Марош ни на шаг не сдавал своих идейных позиций.

Он беспрестанно задавал себе вопрос: «А как бы поступил в такой обстановке Картал?» Тот наверняка не повесил бы носа, не отказался от борьбы, вселял бы в солдат веру в победу. И он постоянно вел разъяснительную работу. Уверенность Мароша, сила его убеждений поднимали дух бойцов батальона, его боеспособность.

Мароша очень беспокоило настроение Палотаи. Отход войск подверг его в уныние. Парень хотел увидеть Карпаты, он клялся Мариетте в том, что вернется победителем. Ради победы он не жалел даже своей жизни. Он крепко помнил наказ своего отца: «Иди, Карчи, и возвращайся победителем или совсем не возвращайся...» Он, наверное, и сейчас сказал бы ему то же самое.

26 июня в Киссебене неожиданно появился Картал.

Еще 14 июня его отозвали с нелегальной работы из Северной Венгрии и дали новое задание: в качестве специального представителя штаба армии он должен был объехать все воинские части и собрать подробную информацию о настроениях бойцов.

С Марошем Картал встретился в штабе батальона.

— Яни! — радостно воскликнул он. Они по-дружески обнялись.

Марош заметил, что Картал за то время, пока они не виделись, сильно изменился: он постарел, морщины на лице стали глубже.

Он производил впечатление очень умного и сведущего человека.

Картал молча выслушал доклад Бешнеи о настроении личного состава батальона, затем задал несколько вопросов Марошу.

— Каковы наши перспективы? — поинтересовался Бешнеи. — Неужели на самом деле нам придется уходить из освобожденных районов?

— Когда об этом заходит речь, солдаты на глазах мрачнеют, — заметил Марош. — У всех возникает вопрос: «А зачем же мы тогда воевали и попусту проливали свою кровь? Ради чего погибли наши товарищи?» По их мнению, приказ об отступлении следует расценивать как предательство. Настроение у солдат из рук вон плохое, но это вовсе не значит, что в батальоне не соблюдается дисциплина.

— Ну, так чего же нам все-таки ожидать? — переиначил свой вопрос Бешнеи.

— Я надеюсь, — по-военному, чеканя слова, заговорил Картал, — что окончательное решение будет положительным, иначе говоря, таким, каким предлагают его Штромфельд и Ландлер, то есть продолжать освободительную войну. В этом они, безусловно, правы. И я с ними согласен. Так, в Пожони находится пятнадцать тысяч вооруженных венгров, словаков и немцев, и все они рабочие. Военный комендант Пожони Мителхаузер уже предпринимает кое-какие меры для эвакуации войск. Интервенты знают, что трудящиеся Брюнна и Праги обязательно станут на нашу сторону, если мы продолжим наступление. Факт остается фактом, что повсюду, где появляются войска Красной армии, вспыхивает революционный огонь. Нас не смогут сдержать буржуазные наемники, так как народ стоит за нас, а не за них. Это очень важный фактор. Не менее важно и то, что скоро год, как мы ни в чем не испытываем нужды. В занятых городах и селах мы в качестве трофеев захватываем столько оружия и боеприпасов, сколько требуется нам для обеспечения боеспособности. Поэто-

му можем смело продолжать наступление. Я твердо убежден в том, что, освободив Северную Венгрию, мы тем самым создаем такой бастион, откуда нас уже никакими средствами невозможно будет «выкинуть». Там мы можем продержаться хоть целых два года, а этого вполне достаточно, чтобы сюда дошли войска русской Красной Армии. Нам обязательно нужно продержаться до того времени. Я уверен, что своими новыми победами мы лишь ускорим развитие революции в Моравии и Чехии. Я отнюдь не исключаю и того, что рабочий класс Австрии тоже может восстать, если на границе с его страной загорится пламя революции... Нам во что бы то ни стало нужно выдержать... Но я еще раз повторяю, что это мое личное мнение...

После отъезда Картала Бешнеи и Марош всеми средствами старались поддержать боевой дух бойцов батальона и строгую воинскую дисциплину. Оптимизм Мароша подействовал и на Палотаи, веру которого укрепляла своими горячими поцелуями Мариетта.

19 июня 1919 года вечером прибыл приказ из Ньяршардо: «30 июня в 7 утра батальону начать отход из Киссебена, по прибытии в Эперьеш ждать дальнейших указаний...»

— Это катастрофа! — воскликнул Бешнеи.

— Этого приказа наши бойцы не одобрят, — мрачно буркнул Марош.

Услышав приказ, солдаты подняли бунт. Они отказывались его выполнять. Со злостью побросали винтовки, начали требовать, чтобы их немедленно отправили в Будапешт, чтобы рассчитаться с предателями.

По поручению группы бойцов к Бешнеи подошел пулеметчик Зимани.

— Мы не станем отступать! — заявил Зимани. — Пусть правительство объявит о введении всеобщей воинской повинности. Пусть каждый мужчина возьмет в руки оружие, а на красное революционное знамя мы прикрепим национальную ленту. А тот, кто не поймет, что пролетарская революция — национальное дело, тот пусть убирается! Наше требование вполне законно, так как до сих пор мы шли от победы к победе и несли с собой свободу людям. Противник нас не разбил! И потому мы не желаем, как побитые собаки, уползать назад. Мы отказываемся выполнить этот приказ. То же

самое сделали бы и наши погибшие товарищи. Так думает каждый красноармеец!.. Только так!

— Так, только так! — послышались голоса бойцов.

Бешнеи стоял словно парализованный и молчал. Сердце у него сжалось от боли, но ему не хватило смелости сказать бойцам, что приказ обсуждению не подлежит. Умолчал он и о том, что за отказ выполнить этот приказ 8-й рабочий полк был разоружен и расформирован. Не сказал Бешнеи и того, что начальник генерального штаба Аурел Штромфельд заявил о своем уходе в отставку, так как тоже не согласен с решением Правительственного совета.

В глубине души Бешнеи поддерживал требования бойцов, считая, что они совершенно правы, но знал, что армии, в которой нет твердой воинской дисциплины, пришел конец.

Вслух он громко крикнул:

— Бойцы, вы правы! Нас не победили! Но если у нас не будет воинской дисциплины, могут победить! — Передохнув, он продолжал уже более спокойным тоном: — Поймите, что ваша боль — это и моя боль. Я точно так же думаю, как и вы. И все же я обязан вам сказать: мы должны повиноваться приказу. Должны сохранить твердую воинскую дисциплину: она у нас была, когда мы шли вперед, она у нас должна быть и во время отхода. Это необходимо для окончательной победы. Разрешите мне сказать попроще: отказ выполнить приказ равносилен складыванию оружия, а это даже хуже измены! — Вспомнив о методе, к которому не раз успешно прибегал Ваги, он добавил: — Тот, кто все же осмелится не повиноваться, — голос его дошел до крика, — тот пусть немедленно сложит оружие и идет на все четыре стороны.

— Если среди вас окажется хоть один предатель, один-единственный, я немедленно пускаю себе пулю в лоб! — выкрикнул Марош. — Позора я не перенесу!

Позднее, когда Марош вспоминал об этом, то заливался краской стыда. Он считал свое выступление каким-то детским, почти театральным. Никогда в жизни он не сделал бы больше ничего подобного. Однако тогда он достиг цели.

В рядах красноармейцев наступила тишина, тягостная тишина, тяжелая. Первой ее нарушил Зимани. Выйдя из строя, он сказал:

— Хорошо! Мы повинуемся! — Он обернулся, окинул взглядом товарищей и добавил: — Мы повинуемся! Мы останемся все вместе! Так?

Из строя послышались нестройные поддакивания.

Даже Бешнеи с его железным характером был поражен и тронут.

— Друзья мои! — раздался его сильный голос. — Этот момент сделал меня коммунистом!

Настроение бойцов изменилось.

Почему? Уж не потому ли, что несколько сознательных бойцов смогли повлиять на своих товарищей? Возможно. Более того, наверняка поведение Бешнеи, Мароша и Зимани сыграло свою роль. Все это помогло каждому красноармейцу одержать победу над самим собой. Верх взяло чувство самосознания. Целеустремленный боец — настоящий боец, и самое главное его качество — это самообладание, когда чувства подчиняются разуму. Об этом великий венгерский поэт Верешмарти сказал другими словами: «Не пропадет под любыми ударами судьбы тот, кто не упал духом...»

Начался отход войск.

Известие об отходе войск Красной армии отозвалось болью в сердцах рабочих Киссебена, хотя они не теряли надежды, что Словацкая советская республика будет жить...

Когда батальон красных строителей выходил из города, были еще не разобраны импровизированные «триумфальные ворота», построенные к приходу Красной армии благодарными жителями из бревен и украшенные еловыми ветками. Только флаги на воротах были приспущены, да вот-вот собирался пойти дождь. Кто-то из солдат запел песню:

Эй, вернемся мы когда-нибудь,
Когда-нибудь
Или вовсе никогда...

Мариетта шла в строю с низко опущенной головой, крепко вцепившись в руку Палотаи.

Мерно стучали солдатские ботинки по мостовой, гремела песня, а горное эхо вторило им.

— Возьми меня с собой! — умоляла Каройя Мариетта. — Возьми!

Палотаи молчал (да и что он мог ей сказать), уста-

вившись ничего не видящим взглядом в темную спину впереди идущего солдата.

— Не бросай меня здесь, — просила девушка. — Что со мной будет без тебя в этом мрачном городе?..

Карой, казалось, перестал ощущать все, что происходило вокруг. Он шел и шел, переставляя ноги, как заведенная машина.

— Боже мой, — заплакала Мариетта. — Скажи хоть что-нибудь!

Марош шел во главе пулеметного взвода рядом с Салаи. Вдруг он услышал звук выстрела и крики в хвосте колонны. Марош бросился туда...

На земле лежал Карой Палотаи, зажав в руке бельгийский браунинг. Мариетта склонилась над ним. Она уже не плакала, а только вскрикивала, не спуская безумного взгляда с лица молодого солдата...

Могилу для Палотаи вырыли в том самом месте, где шоссе и железнодорожное полотно ближе всего подходят к берегу Тарцы, в нескольких километрах от города.

— Боец Карой Палотаи прожил на свете всего-навсего восемнадцать лет, — сказал на его могиле Марош. — Если среди нас есть человек, который не знает, почему он умер, то я объясню. Объясню и всем тем, кто виноват в его смерти. Он погиб за свободу Венгрии. Палотаи всей своей жизнью доказал, что нас нельзя победить! — Из глаз Яноша потекли слезы, он не стал их вытирать, приглушенным голосом продолжал: — Нас не победили... — Овладев собой, уверенно и твердо повторил: — Нас не победили!

ЭПИЛОГ

Будапешт,
историку Золтану Капитани

По Вашей просьбе пересылаю Вам автобиографические записки моего отца каменщика Яноша Мароша, в которых рассказывается о событиях 1918 и 1919 годов. Я собственноручно записывал только то, что он мне сам рассказывал. Хочу подчеркнуть, что все даты даны мною с его слов и, возможно, требуют некоторого уточнения. Что же касается самой атмосферы той эпохи, то я старался по мере моих сил сохранить ее, так как считаю это очень важным. Я стремился показать, как простой рабочий паренек, которого сначала мало что интересовало, становится коммунистом.

Прежде всего мне хотелось бы объяснить, почему эта история заканчивается описанием событий, имевших место 30 июня 1919 года. В этот день был отдан приказ на отвод венгерской Красной армии с Северного фронта. По мнению моего отца, это был шаг, который нанес удар по нашей революционной армии. Так ли это? Или не так?

Мой отец считал, что об этом периоде нашей истории можно спорить бесконечно. 1 августа 1919 года ушло в отставку правительство Венгерской советской республики. Думаю, что личная точка зрения моего отца все же достойна Вашего внимания. Он не переставал повторять, что, если революционную армию в период ее успехов вдруг принуждают сложить оружие, это равносильно тому, что ее уничтожают. Но можно ли считать распоряжение об отводе войск складыванием оружия? По мнению отца, да, хотя он никогда и никому не навязывал своего мнения. Однако факт остается фактом. Штромфельд придерживался точно такого же мнения; именно поэтому он заявил о своей отставке с должности начальника генерального штаба. Имеем ли мы право осуждать его за это? Возможно.

Отец, безусловно, судил сугубо субъективно, а причиной его субъективизма было то, что он сам находился в гуще тех событий. Объективную оценку многим фактам можно дать некоторое время спустя, когда имеешь возможность взглянуть на них со стороны, проанализировать все ошибки и заблуждения.

Что касается моего отца, то ему, например, можно бросить упрек в том, почему он не уберег Каройа Палотаи, почему не следил за ним получше. Следовало бы предвидеть, что этот очень чувствительный парень не сможет стойко перенести такой удар и попытается разрешить конфликт путем, отнюдь не свойственным революционерам.

Да, отец признавал, что он в какой-то степени виноват в смерти Палотаи. И он никогда не пытался оправдывать себя, хотя это было и не трудно сделать.

Пословица гласит, что никто не сможет наступить на собственную тень. Применительно к отцу это означает, что он смотрел на события собственными глазами и видел их со своей точки зрения. Только исходя из такой предпосылки можно понять его упрямую и твердую уверенность в том, что в 1919 году венгерскую Красную армию не разбили.

Отец всегда говорил, что армия, которая в 1919 году истекала кровью на берегах Тисы, уже не была той легендарной армией, которая родилась в мае месяце за очень короткое время.

На берегах Тисы победу одержал не противник, а проклятая измена и все те ошибки и подлые преступления, которые совершались в тылу.

Отец любил часто повторять: «Революционная армия до тех пор остается непобедимой, пока верна своим идеям и не сдерживает наступательный порыв...»

Батальон, в котором состоял мой отец, не был расформирован и после 30 июня 1919 года.

Вот что писал о его дальнейшем пути командир батальона Бешнеи:

«В Кашше мы не задержались, и вообще отход отнюдь не был простым и гладким. Несколько раз бывали стычки с противником. Прибыв в Тактакенез, личный состав батальона узнал о том, что начальником генерального штаба является не Штромфельд, а Жулье. Начиная с этого времени в Красной армии был изжит демократический дух. Многих хороших командиров сняли с должностей, в штабах воцарилась военная бюрократия, чуть ли не все только тем и занимались, что писали разного рода донесения.

Наконец 20 июля 1919 года мы получили приказ на освобождение восточных районов. Батальон был направлен к Токайскому мосту с задачей обеспечить перепра-

ву наших войск через Тису. Там мы натолкнулись на сильное сопротивление противника и понесли большие потери. В довершение ко всему мы не располагали необходимым количеством боеприпасов, а артиллерийской поддержки вообще не имели никакой. К тому же мы получили множество самых противоречивых приказов из вышестоящего штаба, содержание которых свидетельствовало о том, что там отнюдь не знают действительного положения на местах. В конце концов и они перестали поступать. Мы были брошены на произвол судьбы. Возникла опасность окружения. Волей-неволей мы были вынуждены отходить.

25 июля 1919 года на берегу Тисы мы встретились с нашей артиллерией, которая тоже отходила. Артиллеристы попросили нас помочь им переправить орудия через реку. Мы им помогли. Главная заслуга в этом принадлежит командиру батареи, строителю по профессии, Шандору Месарошу.

Мы последними перешли по мосту на другой берег Тисы, благо что противник не осмелился приблизиться к нам. До населенного пункта Гестхей отход проходил в полном порядке, организованно. А потом мы получили новый приказ: следовать в Мишкольц и там сложить оружие.

Что, спрашивается, нам оставалось делать? От вышестоящего штаба не было ни слуха, ни духа.

В Мишкольц мы не пошли, так как решили между собой, что с оружием в руках вернемся в родной Будапешт. Для этого нам пришлось совершить большой и трудный переход: перевалили через горы Бюкк, прошли через Эгербатку, Бюкксек, Петервашар, а затем — через Киштерене, Сечени, Балашшадьярмат и через Вац попали в Уйпешт.

Было это 5 августа 1919 года.

Попытались связаться с начальством.

В Уйпеште товарищи сообщили нам о том, что столица занята войсками империалистических армий.

Мы сдали все снаряжение и вооружение. Местные жители помогли нам переодеться в гражданское. С помощью уйпештских рабочих обходным путем, минуя заставы оккупантов, нам наконец-то удалось добраться до дома.

На этом закончилась история нашего батальона. Но стыдиться нам, собственно, нечего...»

Вы можете сказать, товарищ Капитани, что по сравнению с признанием Бешнеи, действительностью, которую он нарисовал, сказанное моим отцом скорее походит на поэзию.

Прошу Вас не забывать о том, что бывают времена, когда действительность и, так сказать, поэзия одинаково правдивы, даже в том случае, когда могут появиться мнения, что, мол, это было не совсем так, а это — не совсем этак.

В воспоминаниях моего отца (я в этом твердо убежден) нет места фальши. Найдутся люди, которые могут сказать: а зачем, собственно, понадобилось одевать действующих в его рассказе лиц в какие-то героические одежды?

Я отвечаю на это следующим образом: если скульптор вылепит фигуру рабочего-строителя, а потом выставит ее для всеобщего обозрения на площади, никому и в голову не взбредет требовать от него: мол, поставьте рядом с памятником и человека, который служил ему моделью, так как скульптура-де не похожа на него.

И еще несколько строчек.

А что случилось в дальнейшем с действующими лицами этой истории? Коротко я охотно расскажу Вам об этом.

Моего отца схватили жандармы во время белого террора у нас в стране. Его пытали и интернировали в Залаэгерсег.

Огромные сюрпризы ожидали и его брата, Ференца Мароша, а ведь он не был красноармейцем и в дни Венгерской советской республики оставался, так сказать, нейтральным.

Позже, когда отец прошел через все пытки Залаэгерсегского лагеря для интернированных, он пришел к выводу, что летом 1919 года следовало бы иначе относиться к событиям и иначе действовать.

В декабре 1921 года брат отца Ференц умер в этом лагере от множества болезней, которые он там приобрел. А год спустя вслед за ним сошла в могилу и его жена Мария.

Мою мать Илону и ее мужа Иштвана Чернуша в казарме Хадика убили белые офицеры.

Картал женился на Каролин, вдове Арпада Толди. Забрав жену и ее дочь Тильду, он эмигрировал в Советский Союз, где руководил одним предприятием. Тиль-

да окончила Московский университет, вышла замуж за советского офицера-летчика, родила двух мальчиков. Каролин, хотя и любила Картала, и стала ему верной подругой жизни, никак не могла справиться с тоской по родине и спустя некоторое время умерла.

Мартон Балаго эмигрировал в Аргентину, где продолжал заниматься революционной деятельностью. Несколько лет он давал о себе знать, а потом замолчал.

Меня же воспитывала добрая Жужа Чернуш. В 1920 году она вышла замуж за одного портного, тоже очень хорошего человека.

Когда отца освободили из Залаэгерсегского лагеря, он взял меня к себе. Больше он так и не женился. В сердце его постоянно жили две женщины: Илона и Каролин. Он работал по своей специальности и принимал активное участие в рабочем движении.

Когда мне исполнилось семнадцать лет, я снова попал к Жуже Чернуш, так как в 1936 году отец уехал в Испанию, где в рядах Интернациональной бригады сражался против франкистских фашистов. Погиб он на окраине Мадрида. Он до конца остался верен самому себе, тому самому Яношу Марошу, который, пройдя через огонь двух революций, стал коммунистом. До конца своих дней он оставался агитатором, считая эту должность одной из самых высоких на земле. И в этом я с ним полностью согласен.

До отъезда в Испанию отец нелегально побывал в Чехословакии, так как не мог воспротивиться зову собственного сердца. В Киссебене он хотел разыскать Мариетту, которая в то время носила фамилию Сабинова, и вместе с ней отыскать могилу Каройя. Однако ему не удалось выполнить ни того, ни другого. Сабиновых никто не знал, а родители Мариетты в 1919 году вообще исчезли неизвестно куда. Кто знает, что сталось с ними? И с ней?

Не удалось найти и могилу Палотаи, хотя отец, казалось, хорошо запомнил место.

«Небо в этот день было голубым, — рассказывал мне отец, — по нему плыли легкие облачка, ярко светило солнце, веял напоенный летними ароматами ветерок. Однако на месте, где должна была находиться могила Палотаи, никаких ее следов не было и в помине. Ковер из зеленой травы, несколько красных маков и васильков, и только...»

А вчера я прошелся по улице Коппань.

Вторая мировая война оставила на ней заметный след. После страшных американских бомбардировок, во время которых был сметен с лица земли чуть ли не целый район, от знакомой мне улицы осталось всего-навсего несколько старых домов. Зато сохранился старый большой некрасивый дом, в котором в свое время жили Ференц Марош с женой и мой отец с мамой. Я был очень удивлен тем, каким маленьким оказался дворик в том доме.

Когда я вошел во двор, то чуть было не заплакал. Поднял вверх глаза и увидел кусок неба величиной с ладонь. Куда девались старые обитатели дома? Бучекне, Хефлерне, дядюшка Чока, Фриммерне, их дети и прочие жители? Что сталось с Виктором, с Ирмой, с Каройем Фертигом? Как безжалостно время в своем неукротимом беге...

С того удивительного лета прошло шестьдесят лет. Мне самому уже исполнилось столько же. Однако в памяти моей до сих пор жива история моего отца, и я счастлив, когда мои дети — сыновья и дочери — вспоминают о нем. Человек, которого помнят, не умирает. Насколько правдива история моего отца, которую я описал, не знаю. Зато я твердо уверен в том, что история его жизни как бы является тихим отзвуком событий шестидесятилетней давности. Те из нас, кто научился мыслить самостоятельно, могут многое из нее почерпнуть. А как сказал один поэт, человек, который не может мыслить самостоятельно, вообще не способен думать...

С уважением к Вам
инженер-строитель
ИШТВАН ЯНОШ МАРОШ

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

В свои молодые годы я довольно часто, закинув за плечо холщовую котомку и взяв в руки увесистую палку, чтобы отгонять от себя назойливых собак, отправлялся пешком в путь. Выходил из города и шел, ориентируясь в основном по церковным колокольням. Так я исходил всю Венгрию вдоль и поперек, посещая в основном места, в которых в свое время происходили какие-либо важные исторические события. Кое-кто из моих друзей считал меня странным человеком. Быть может, они и не очень ошибались, так как мной на самом деле владела неуемная страсть к посещению мест кровавых битв с татарами, турками, немецкими рыцарями и прочими захватчиками и контрреволюционерами, покушавшимися на свободу и независимость нашей родины в самые разные времена.

Больше всего меня, разумеется, интересовали события 1919 года, когда Венгрия вписала немало славных страниц в свою историю и в историю международного рабочего движения, встав на путь Великого Октября и провозгласив в центре Европы Венгерскую советскую республику.

Каково же было положение в стране накануне столь важных событий?

Четвертый год бушевала первая мировая война. Усилилось дезертирство. С фронта бежали голодные, оборванные солдаты. Повсеместно сокращалось производство, что вело к росту и без того огромной армии безработных. Толпы голодных людей, не имея средств к существованию, грабили склады, мельницы, бойни, железнодорожные составы, растаскивая все, что попадалось им под руку. В столицу почти ежедневно прибывали эшелоны раненых и искалеченных солдат. Все они требовали мира, хлеба и провозглашения республики.

Однако так называемое буржуазно-радикальное правительство не хотело, да и не могло, удовлетворить требования народных масс. Правительство хорошо знало о революции в России и потому очень боялось народных выступлений. Военный министр Бела Лин-

дер заявил, что он «не желает видеть в столице солдат». Однако народный гнев не позволил ему усидеть в бархатном министерском кресле. Его преемник Альберт Барта, стремясь сохранить власть имущих, искал поддержки у французских империалистов, предлагая им оккупировать страну. Очередная волна народного гнева смела и этого горе-патриота. Занявший его место граф Шандор Фештетич, в будущем один из фашистских руководителей, пытался сформировать из офицеров бывшей императорской и королевской армии 40-тысячную армию террора, однако ему это не удалось.

Осенью 1918 и в начале 1919 года «порядок» в стране пытались навести два министра внутренних дел: граф Тивадар Баттяни и Винце Надь. Как они ни старались, им все же не удалось задержать ход событий и 24 ноября 1918 года была создана Коммунистическая партия Венгрии. В стране начались массовые аресты и преследования коммунистов. Были арестованы руководящие деятели партии. В тюрьмах они подвергались нечеловеческим пыткам и издевательствам. Коммунистов и им сочувствующих не брали на работу, заносили в так называемые черные списки. Практически находившаяся на полулегальном положении Коммунистическая партия вынуждена была уйти в глубокое подполье.

А когда правительство, уповая на ноту Вильсона и обещания Антанты, практически отказалось от обороны страны, Венгрия подверглась нападению войск чешской буржуазии с севера и дивизий королевской Румынии с востока. Вместе с чешскими частями на венгерскую землю вступили французские и итальянские легионеры.

Условия, в которых пришлось начинать свою деятельность Коммунистической партии Венгрии, оказались неимоверно тяжелыми. С большим трудом коммунисты достают бумагу и начинают издавать свой партийный орган — газету «Вереш уйшаг» («Красная газета») и многочисленные пропагандистские листовки. Коммунистические агитаторы, в основном из числа вернувшихся на родину военнопленных, побывавшие в революционной России и усвоившие методы агитации и пропаганды русских большевиков, ежедневно вели неустанную работу на улицах и площадях столицы, собирая вокруг себя множество народа. Их страстные призывы находили живой отклик в сердцах людей и даже оказали положительное влияние на левое крыло венгерской социал-демократии.

21 марта 1919 года революционный пролетариат взял власть в свои руки и провозгласил Венгерскую советскую республику.

Однако не прошло и трех недель, как чешские, румынские, французские и итальянские войска с новой силой обрушили свои удары на молодое советское венгерское государство, стараясь задушить его. За исключительно короткий срок была сформирована венгерская Красная армия, в которую охотно шли не только рабо-

чие и крестьяне, но и представители интеллигенции, сочувствующие коммунистам и республике. Одной из целей этой революционной армии являлось открытие так называемых северных ворот или, точнее говоря, осуществление прорыва через Карпаты с целью соединения с частями Красной Армии Советской России и оказания тем самым помощи Венгерской советской республике. Задача эта была чрезвычайно трудной, так как венгерским красноармейцам приходилось вести борьбу против численно превосходящих сил интервентов.

О так называемом Северном походе венгерской Красной армии написано немало, в том числе и автором этих строк: роман «Приказ», изданный в русском переводе в 1980 году Военным издательством, и «Северные ворота», который представлен на суд советского читателя в 1981 году.

Однако сейчас мне бы хотелось рассказать о том, как я, работая над названными выше произведениями, натолкнулся на богатый материал о революционной деятельности русских военнопленных, которых в те трудные годы военная судьба закинула в далекую для них Венгрию. Материала набралось много, и очень интересного. Он ляжет в основу моего нового романа, задумку которого я давно вынашиваю.

В боях за Венгерскую советскую республику принимали участие и русские военнопленные, в том числе добровольный интернациональный батальон, состоявший исключительно из русских рабочих и крестьян, которых царское правительство, переодев в солдатские шинели, бросило в окопы первой мировой войны, заставив воевать за совершенно чуждые им интересы. Оказавшись в венгерском плену, многие русские встали на защиту Венгерской советской республики с оружием в руках.

Русские военнопленные были рассредоточены по различным городам, где их использовали в качестве чернорабочих на различных промышленных предприятиях. Особенно много их находилось в Будапеште. Часть военнопленных была направлена в села на сельскохозяйственные работы.

Известие о февральской буржуазно-демократической революции в России 1917 года, а затем и о Великой Октябрьской социалистической революции преимущественное большинство русских военнопленных восприняло с воодушевлением, если не принимать во внимание часть русских пленных офицеров, разделявших царскую реакционную политику. Эти офицеры еще в 1916 году добились от венгерского правительства права на издание в Будапеште еженедельной газеты «Неделя» на русском языке. Редактировали ее сами офицеры, стараясь ничем не огорчать своего «покровителя» графа Иштвана Тису. Офицеры эти пользовались правом свободного пере-

движения, более того, они даже могли получать и получали банковские ссуды и почти ни в чем не испытывали никакой нужды. Они пьянствовали, развратничали, всячески притесняя своих соотечественников из низших чинов, чем вызывали их законное возмущение.

Основную массу русских военнопленных белоофицерская «Неделя» нисколько не устраивала. Они хотели иметь печатный орган, который отвечал бы на все те вопросы, какие их тогда интересовали. Однако тогдашнее венгерское правительство, хорошо зная о том, чем именно интересовались пленные, отвечало им неизменным отказом.

Многие военнопленные, узнав об Октябрьской революции в России, бежали на родину, чтобы включиться там в борьбу, однако некоторые сознательно остались в Венгрии, чтобы оказать посильную помощь венгерскому пролетариату в революционных событиях. Вряд ли нужно говорить о том, что само их присутствие свидетельствовало об огромной силе пролетарского интернационализма.

Буржуазно-демократическое правительство Венгрии в 1918 году объявило в принципе об освобождении русских военнопленных, однако продолжало содержать их в так называемых политических карантинах. Официально в Россию отправляли только тех, кто давал присягу русским контрреволюционно настроенным офицерам. Само собой разумеется, что большевики не могли встать на такой путь и уезжали в Россию нелегальным путем.

Оставшиеся в Венгрии военнопленные с восторгом встретили известие о провозглашении Венгрии советской республикой.

Два замечательных русских большевика военнопленные Владимир Юстус и Владимир Урасов создали еще в 1916 году в Будапеште нелегальную группу РКП(б), сплотив вокруг нее сторонников В. И. Ленина. После провозглашения Венгрии советской республикой в конце марта 1919 года будапештская группа Российской Коммунистической партии (большевиков) переходит на легальное положение и сразу же приступает к изданию своего печатного органа. 6 апреля 1919 года вышел первый номер будапештской «Правды».

Газета распространялась по всей стране и регулярно доставлялась во все лагеря для русских военнопленных, а также части Красной армии, в рядах которой сражалось много русских интернационалистов.

Редактором «Правды» стал Василий Тимофеев. В работе редакционной коллегии принимали активное участие В. Юстус, В. Юрасов, а также Яков Берман, возглавлявший будапештскую миссию Красного Креста. «Правда» выходила два раза в неделю, а за время существования Советской власти в Венгрии вышло 34 номера.

В первом номере будапештской «Правды» была опубликована программная статья, в которой редакция сформулировала политические задачи и цели газеты. В духе пролетарского интернационализма в ней были заложены основные уроки международного революционного процесса, начавшегося с победы революции в России.

В этом же номере газеты был помещен и полный текст воззвания, с которым 24 марта 1919 года обратился к русским военнопленным в Венгрии Народный комиссар иностранных дел Советской России Г. В. Чичерин. Появление на страницах «Правды» призыва Чичерина сыграло большую роль: десятки и сотни бывших русских военнопленных, находившихся на территории Венгрии, добровольно стали вступать в интернациональные части венгерской Красной армии. С тех пор газета постоянно уделяла большое внимание делу пополнения рядов бойцов-интернационалистов, призывала своих читателей вступать в венгерскую Красную армию.

«Каждый обученный и сознательный солдат обязан записаться в венгерскую Красную армию, так как она защищает интересы рабочих и крестьян от всевозможной эксплуатации. Запись производится в Будапеште, по улице Дамьянич, в доме № 50» — такие объявления «Правда» печатала в нескольких своих номерах.

Русские военнопленные в Венгрии условно делились на три группы: первая из них, пожалуй самая большая, включала в себя всех тех, кто, мучимый тоской по родине, рвался в Россию, чтобы после долгого изнурительного плена увидеть своих родных и близких и встать на защиту молодой Советской Республики. Советская власть в Венгрии хорошо понимала их и делала все возможное, чтобы они поскорее попали домой. Во вторую группу входили в основном те (это тоже была довольно большая группа), кто хотел остаться в Венгрии. Из их числа по первому же призыву КПВ был образован пехотный интернациональный батальон. Помимо этого много интернационалистов вошли в состав венгерских частей и подразделений. Квалифицированные специалисты получили работу по специальности. Большую помощь оказали венгерской Красной армии русские рабочие из числа пленных, которые вели разведывательную и пропагандистско-агитационную работу среди словацкого населения и среди жителей Закарпатской Украины. Это благодаря их заслугам большая часть словацкой молодежи охотно вступала в ряды венгерской Красной армии.

Однако откровенности ради следует сказать, что среди русских пленных была и такая группа (к счастью, очень малочисленная), представители которой ни при каких условиях не желали поддерживать венгерский революционный пролетариат. Эта часть пленных находилась под влиянием белых царских офицеров и унтер-офи-

церов. Они считали, что Советская власть в России доживает последние дни, а на смену ей снова придет самодержавие.

Однако, как уже говорилось выше, большинство русских пленных выступали в поддержку венгерской революции. Красноречивым примером тому может служить случай с так называемыми тремя «красными сотнями». Так венгерские рабочие называли 300 русских солдат, бежавших из немецкого плена. Через Чехословакию и Австрию они не без труда пробились в Венгрию и прибыли в Будапешт, где и были временно размещены до отправки на родину.

Будапештская «Правда» в номере от 12 апреля 1919 года писала об этом факте следующее:

«В настоящее время в бараках района Августа находится более трехсот русских военнопленных, бежавших из Германии. Устроены они удобно, спят на железных кроватях с проволочной сеткой и матрацами, у всех есть одеяла; получают удовлетворительное питание — на день по полкилограмма хлеба, и утром и вечером — черный кофе, а на обед — борщ с кашей или горячие лепешки».

Так голодающий пештский пролетариат оценил поступок трехсот русских солдат, которым командование Антанты предлагало довольно высокое жалованье, если они согласятся выступить против «венгерского коммунистического сброда», и которые отвергли все уговоры и не пошли на предательство братьев по классу.

Будапештская «Правда» 16 апреля 1919 года сообщала о собрании русских пленных в Будапеште, на котором выступил с пламенной речью Эрне Пор, занимавшийся международными делами в секретариате КПВ.

«Мы, венгры, — заявил Пор, — когда-то тоже находились в России, как вы находитесь сейчас у нас, и пережили черные дни царизма и периода правительства Керенского. Мы научились не только говорить по-русски, но и по-русски действовать. Мы знаем, что освобождение рабочих — дело самих рабочих... Только Советская власть дает нам мир, хлеб и возможность мирного труда. До тех пор нас угнетали, преследовали и глумились над нами, пока не пришла революция и не дала нам все. Я приветствую не только присутствующих здесь, но и пролетариат всей России...»

Сотрудники и корреспонденты будапештской «Правды» все время находились в рядах интернациональных частей. Они были верными летописцами их героических действий. Особенно прославился в боях русский батальон под командованием Кирилла Каблукова, комиссаром у которого был Ефим Вейсброда, погибший от руки врага на венгерской земле в возрасте 36 лет. Месяц спустя, 11 июля 1919 года, смертью героев пали в боях за Венгерскую

советскую республику 12 бойцов-интернационалистов из 26-го интернационального красного полка.

Будапештская «Правда» выполнила свой долг. Одной из самых важных задач газеты было поддержание связи между Советской властью и русскими интернационалистами. На страницах этой газеты интернационалисты всегда находили исчерпывающую информацию о событиях как в центре, так и на местах, о положении частей на фронте. Газета много сделала для укрепления Красной армии. Своими статьями она призывала русских военнопленных к самоотверженной борьбе и духовной стойкости. На страницах газеты справедливо указывалось, что борьба по защите Венгерской советской республики есть одновременно и борьба по защите Советской России. Читателей газеты систематически информировали о событиях в России, что укрепляло боевой дух бывших русских военнопленных.

Обо всем этом я не успел, вернее говоря, не смог рассказать в «Северных воротах». Об интернациональной солидарности русских пленных, их помощи венгерскому пролетариату, героизме и мужестве в период борьбы с врагами революции на фронте я подробно расскажу в своей новой книге, которая, по существу, явится продолжением того, что держит сейчас в руках мой уважаемый советский читатель. Русские интернационалисты, боровшиеся в 1919 году за свободу моего народа на венгерской земле, вполне заслуживают этого.

Михай Фёльдеш

г. Будапешт
май 1981 г.

Михай Фёльдеш

СЕВЕРНЫЕ ВОРОТА

Авторизованный перевод с венгерского *С. Фадеева*

Редактор *Г. Г. Афанасьев*
Литературный редактор *Т. П. Трухина*
Художник *И. С. Филиппов*
Художественный редактор *Е. В. Поляков*
Технический редактор *Ю. Н. Чистякова*
Корректор *Г. С. Бедненко*

ИБ № 1571

Сдано в набор 30.12.81. Подписано в печать 06.05.81. Формат 84×108/32. Бумага тип. № 2. Гарн. обыкн. нов. Печать высокая. Печ. л. 10½. Усл. печ. л. 17,64. Усл. кр. отт. 18,38. Уч.-изд. л. 18,6. Тираж 65000 экз. Изд. № 10/6292. Зак. 739. Цена 2 р.

Воениздат
103160, Москва К-160

4-я военная типография

ВЫЙДУТ В СВЕТ В 1982 ГОДУ

ДОБОЗИ И. **БЕЗ ВЛАСТИ:** Роман. Авторизованный пер. с венг. — М.: Воениздат. — 17 л. — В пер.: 1 р. 90 к. 65 000 экз.

В новом романе крупного венгерского прозаика, председателя Союза писателей Венгрии И. Добози рассказывается о последних днях минувшей войны и о первых послевоенных годах. Главный герой книги коммунист, офицер старой хортистской армии, добровольно перешедший на сторону Советской Армии. В мирной обстановке он становится секретарем райкома партии и вместе со своими товарищами и с помощью советских друзей в период так называемого безвластия борется за создание новой, народной Венгрии.

Книга рассчитана на широкий круг читателей.

ЗАЛКА М. **ОСАДА:** Роман. Пер с венг. М.: Воениздат. — 22 л. — В пер.: 2 р. 60 к. 65 000 экз.

В романе известного венгерского военного писателя рассказывается об освобождении Будапешта войсками Красной Армии, о деятельности венгерского коммунистического подполья и той симпатии, с какой жители столицы встречали своих освободителей, помогая им вести борьбу с недобитыми хортистами и нилашистами.

Книга предназначена для массового читателя.

КРУШЕЛЬ Г. **ДЕВУШКА АНН И СОЛДАТ:** Повести. Пер. с нем. — М.: Воениздат. — 24 л. — В пер. 2 р. 60 к. 65 000 экз.

В книге известного военного писателя из ГДР помещены две повести «Девушка Анн и солдат» и «Красный Антарес», в которых рассказывается о жизни воинского коллектива Национальной народной армии, о взаимоотношениях солдат и офицеров, о связи армии с народом. Большое место в книге отводится показу становления и воспитания воинов братской армии.

Автору удалось показать, как в условиях первого на немецкой земле рабоче-крестьянского государства формируется молодой человек с новым мировоззрением и новой моралью.

Книга привлечет внимание массового читателя.